

Г.А.ТЕРАСИМЕНКО, Д.С.ТОЧЕНЬИ

СОВЕТЫ ПОВОЛЖЬЯ

В
1917
ГОДУ

СОВЕТЫ

Г. А. ГЕРАСИМЕНКО

Д. С. ТОЧЕНЬИ

ПОВОЛЖЬЯ

В 1917 году

БОРЬБА ПАРТИЙ,
БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ СОВЕТОВ,
ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ

Издательство Саратовского университета, 1977

Книга Г. А. Герасименко и Д. С. Точеного «Советы Поволжья в 1917 году» воссоздает картины острых классовых сражений, проходивших в поволжских губерниях в период с марта по октябрь 1917 года. Книга посвящена подвигу большевиков Поволжья от Астрахани до Ярославля, которые в напряженной борьбе победили сильного и опасного противника — эсеров и меньшевиков — и превратили Советы в органы пролетарской диктатуры.

Книга интересна и полезна ученым-историкам, учителям и краеведам (они почерпнут в ней большой фактический материал), студентам вузов и техникумов, партийным, профсоюзным и комсомольским работникам, депутатам Советов, агитаторам, пропагандистам и всем, кто интересуется историческими событиями 1917 года.

1-6-6

27-77

ВВЕДЕНИЕ

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде 25—26 октября 1917 года открыла новую эру в истории человечества, положила начало строительству первого в мире социалистического государства, политической основой которого стали Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Возникновение Советов — факт всемирно-исторического значения. «Если бы народное творчество революционных классов, — писал В. И. Ленин, — не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»¹.

Процесс создания, развития и превращения Советов в органы диктатуры пролетариата протекал в огне невиданных по остроте и размаху классовых битв. Политическая борьба большевиков и мелкобуржуазных партий за руководство Советами — одна из самых сложных и важных страниц истории Великого Октября, и без изучения всех ее аспектов невозможно представить объективной картины становления и укрепления Советской республики.

Только при тщательном анализе всех проблем, связанных с политической борьбой внутри и вокруг Советов, можно в полном объеме представить глубину стратегии и гибкость тактики партии большевиков во главе с В. И. Лениным в период подготовки и проведения Октябрьской революции.

История межпартийной борьбы в Советах, закончившаяся крахом контрреволюционной позиции и тактики соглашательских фракций, — это вместе с тем история заблуждений, ошибок, поисков и постепенного освобождения от пут мелкобур-

жуазных иллюзий миллионов рабочих, крестьян и представителей интеллигенции России. И всю тяжесть борьбы за освобождение значительной части населения страны от цепей мелкобуржуазной идеологии вынесла на себе партия большевиков.

В истории формирования и развития Советов, политической борьбы внутри и вокруг Советов, как в фокусе, скрещиваются все важнейшие проблемы Октябрьской революции.

Опыт успешных политических битв большевиков против эсеров и меньшевиков в Советах является исключительно поучительным и актуальным в наше время: он содержит в себе не только общие принципы стратегии и тактики рабочего класса по отношению к мелкобуржуазным партиям, но и вооружает коммунистов различных стран арсеналом разнообразных средств и приемов борьбы за непролетарские слои населения, дает различные формы сотрудничества и соглашения с ними.

Понятно, что общие закономерности борьбы большевиков с соглашательскими фракциями в Советах прослеживаются наиболее ярко и выпукло в районах с преимущественно мелкобуржуазным составом населения, каким, например, являлось Поволжье — «один из крупных центров крестьянского движения»².

Вот почему авторы данной книги решили обратиться к такому малоизвестному для читателя вопросу, как борьба политических партий в Советах Поволжья в 1917 году. Мы стремились показать, что большевики этого района одержали победу над серьезным и опасным политическим противником, каким был блок мелкобуржуазных партий, в честной борьбе. Как известно, буржуазные историки распространяют домыслы о «тоталитаризме» советской системы и при этом ссылаются на то, что якобы еще в дни утверждения власти Советов в России сложилась практика репрессий по отношению к мелкобуржуазной демократии. История политической борьбы в Советах Поволжья доказывает наглядно ложность подобных утверждений.

Большевистские фракции в Советах Поволжья прошли сложный путь: он не был прямолинейным шествием от победы к победе. Но в дни успеха и временных неудач члены РСДРП(б) все время боролись за массы, убеждали их, добились с ними успехов в борьбе с эсерами, меньшевиками, анархистами, народными социалистами и другими представителями мелкобуржуазных партий. Неразрывная связь с народом — вот главное оружие большевиков Поволжья.

При написании книги авторы использовали последние достижения советской исторической литературы, посвященной Советам и краху враждебных партий в Советской России³, а также работы, в которых нашли отражение революционные события 1917 года в поволжских губерниях⁴.

Источниковедческой основой данной книги послужили сведения, извлеченные из фондов архивов и библиотек Москвы, Ленинграда, Астрахани, Волгограда, Саратова, Куйбышева, Ульяновска, Пензы, Казани, Горького, Костромы и других городов Поволжья.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ СОВЕТОВ В ПОВОЛЖЬЕ

ОРГАНИЗАТОРЫ ПЕРВЫХ СОВЕТОВ

Весть о свержении самодержавия распространилась по городам и селам Поволжья в первых числах марта: повсюду она вызвала необыкновенный подъем у широких масс. Февральская буржуазно-демократическая революция раскрыла перед рабочими, солдатами и крестьянами невиданный простор для общественной деятельности, подняла на арену политической борьбы тех людей, всякая живая мысль которых свирепо подавлялась на протяжении десятилетий.

Победа Февраля привела в движение все классы русского общества, каждый из них для защиты своих интересов создавал собственные политические организации. В огне революционных преобразований трудящимися массами были сформированы Советы. С первых дней своего существования, а иногда и в процессе своего становления они являлись ареной ожесточенных битв ведущих политических партий России.

Огромное значение Советам придавали большевики. «На мой взгляд, — писал еще в 1905 году В. И. Ленин, — Совет рабочих депутатов в качестве политически-руководящего революционного центра является не слишком широкой, а, наоборот, слишком узкой организацией. Совет должен провозгласить себя временным революционным правительством, или составить таковое...»¹ Понятно, что в соответствии с этой концепцией большевистские организации прилагали все силы к упорочению положения и авторитета Советов.

Лидеры мелкобуржуазных партий, в частности меньшевистской, также «...признавали значение Советов, стояли за «содействие образованию» их и т. д., но не считали их зачатками революционной власти, не говорили вообще о «новой революционной власти» такого или подобного типа, отвергали прямо лозунг диктатуры»². Лидер партии социалистов-революционеров В. М. Чернов доказывал в 1905—1907 гг., что Советы могут играть лишь роль «боевой классовой организации критического, переходного времени»³. Для В. Чернова, М. Гендельмана и других руководителей ПСР Советы, по их собственному признанию, были дороги как временная форма социалистической партии, как временный эрзац профессиональной и политической организации рабочего класса.

Подчеркивая временный характер существования Советов эсеры и меньшевики тем самым принижали значение Советов, умаляли их роль. Дискуссии о роли Советов, происходившие в 1905—1907 годах, явились как бы прологом к будущим политическим сражениям, которые развернулись между большевиками и соглашателями внутри и вокруг Советов после Февральской буржуазно-демократической революции.

Острота борьбы в каждом из Советов, покрывших широкой сетью огромные пространства России уже в марте 1917 года, зависела прежде всего от соотношения классовых и партийных сил. Партийный же состав возникавших Советов предопределялся в значительной степени фактом существования или отсутствия в том или ином районе большевистских нелегальных организаций к февралю 1917 года. Данную закономерность в истории Советов отметил Я. М. Свердлов в одном из своих выступлений на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). «Чрезвычайно характерно, — указывал он, — что в местах, где велась нелегальная работа до революции, положительный ее характер сказался в том, что в этих пунктах партийные организации образовались раньше, нежели Советы рабочих и солдатских депутатов, и влияние партии в этих Советах сильнее, там они захватили Советы в свои руки. В остальных пунктах Советы образованы раньше, и это сказывается в их неопределенности»⁴. Вывод Я. М. Свердлова базировался на опыте Советов Урала. Это же явление можно было наблюдать по всей России, в том числе и в Поволжье. Несомненно, что наличие нелегальных мелкобуржуазных организаций в том или ином районе также накладывало отпечаток на расстановку политических сил в возникавших там Советах.

Деятельность почти всех политических партий, за исключе-

нием монархических, протекала в стране до Февральской революции в обстановке преследований со стороны царизма. Но наиболее жестоким репрессиям подвергались большевики. В годы первой мировой войны охранка разгромила организации РСДРП(б) в Астрахани, Царицыне, Балашове, Симбирске, Пензе, Казани и других городах. Сохранились они лишь в наиболее развитых промышленных центрах Поволжья: Саратове, Самаре, Сызрани и некоторых других.

Благоприятной средой эффективной деятельности большевиков Саратова служила довольно сильная прослойка индустриального пролетариата. В течение многих лет среди саратовских рабочих вели агитацию и пропаганду видные деятели РСДРП(б): М. С. Ольминский, М. И. Ульянова, Г. И. Ломов-Оппоков, М. И. Васильев-Южин, В. П. Антонов-Саратовский, П. А. Лебедев, С. И. Мицкевич и другие. Саратовский пролетариат прошел большую школу классовой борьбы, имел славные революционные традиции и в трудные годы реакции сумел уберечь большевистскую организацию от разгрома.

Опорой самарских большевиков являлся трубочный завод, насчитывавший в 1917 году около 23 000 рабочих. Руководителями их были В. В. Куйбышев, А. С. Бубнов, Н. М. Шверник. Они прошли тяжкие испытания. В конце 1916 года полиция арестовала В. В. Куйбышева, А. С. Бубнова и других самарских большевиков. В январе 1917 года они были сосланы в Сибирь. Однако оставшиеся на свободе продолжали вести неутомимые борцы за народное счастье продолжали вести революционную агитацию среди трудящихся. К моменту Февральской революции большевистская организация Самары достигла численности в 150 членов. Не склонила головы и мужественно действовала небольшая группа пропагандистов ленинских идей в Сызрани. Отдельные большевики, опираясь на рабочие массы, работали в Казани, Пензе, Симбирске, Астрахани и в некоторых уездных центрах и селах.

В Поволжье, в главных центрах, имелись социал-демократические организации. Они были построены следующим образом: заводские кружки-ячейки являлись основой; число членов кружков колебалось от 8 до 10 человек; в кружках велись занятия, они же являлись организационными центрами во время выступления рабочих.

А что представляли собой социалисты-революционеры и меньшевики в Поволжье? Были ли они, будущие противники большевиков в борьбе за влияние в Советах, организационным целым в канун Февральской революции?

Один из видных деятелей эсеровской партии В. Зензинов утверждал, что в годы первой мировой войны в России почти нигде не существовало партийных организаций социалистов-революционеров⁵. О состоянии партии меньшевиков в Российской империи в тоды первой мировой войны дает ясное представление И. Г. Церетели, который пишет в своих мемуарах, что меньшевики в это время не имели «сколько-нибудь регулярно действующих организаций»⁶.

В Поволжье большинство меньшевистских и эсеровских организаций в годы войны заняли оборонческие позиции и свернули нелегальную работу. В жандармской политической сводке за 1916 год о мелкобуржуазных организациях в Симбирске сообщалось, что бывший революционный элемент прекратил свою деятельность и объединился в общем порыве оказания помощи Родине. По той же причине в годы первой мировой войны закончили свое существование эсеровские и меньшевистские группы в Пензенской, Астраханской, Саратовской и Казанской губерниях. Лишь в Самаре действовали нелегальные организации этих партий. Последние нашли благоприятную социальную среду в лице кулаков, лавочников, домовладельцев, которые хлынули на военный трубочный завод, спасаясь от мобилизации. В. В. Куйбышев в своих воспоминаниях о революционной деятельности в Поволжье рассказывает, что в 1914—1916 гг. большевики вели упорную борьбу с меньшевиками и эсерами на Самарском трубочном заводе⁷.

От состояния большевистских и мелкобуржуазных организаций, их численности, умения в кратчайший срок развернуть свои боевые ряды во многом зависели темпы образования Советов и расстановка политических сил в них.

В Самаре и Саратове образование городских Советов рабочих депутатов протекало почти одновременно с организационным оформлением большевистских легальных комитетов. Член Самарского губкома РСДРП(б) А. Х. Митрофанов отметил в одном из своих выступлений в апреле 1917 года, что местная организация большевиков «поднялась во весь рост чуть ли не на второй день революции»⁸. Организационное собрание меньшевиков Самары состоялось 30 марта 1917 года, в конце марта вокруг своего печатного органа «Народная воля» объединились народные социалисты, а максималисты и социалисты-революционеры избрали общий губернский комитет 7 апреля 1917 года.

Сильная и сплоченная Самарская большевистская организация, выросшая со 150 человек к моменту выхода из подполья

до 2800 к середине апреля 1917 года, приняла самое активное участие в создании городского Совета рабочих депутатов. 1 марта 1917 года в Самаре по инициативе большевиков было созвано совещание представителей партий, связанных с рабочим движением. При обсуждении вопроса об отношении к свершившимся событиям возникли разногласия. Члены РСДРП(б) считали необходимым немедленно оповестить пролетарские слои о революционном перевороте в Петрограде, разъяснить смысл его и возглавить движение масс в городе, предотвратив тем самым неорганизованные выступления. По их предложению было решено выпустить листовку, которая бы объяснила трудящимся сущность коренных изменений, происшедших в результате восстания рабочих и солдат в Петрограде. Большевики Рамишвили и Успенская предлагали не создавать «лишнего шума» и ждать указаний из центра. Участники совещания, отвергнув это оппортунистическое соображение, избрали Временный рабочий комитет, которому поручалось провести собрания с целью выборов в Совет рабочих депутатов. В комитет вошли большевики А. Я. Бакаев, М. Н. Яшанов, А. Л. Клейман, меньшевики А. И. Логинов, Л. И. Гинзбург. 2 марта комитет провел выборы: ключевые руководящие позиции в Самарском Совете рабочих депутатов заняли большевики. К 20 марта 1917 года в состав исполкома Совета, состоявшего из 15 человек, входило 10 большевиков и 5 меньшевиков. Председателем Совета 21 марта был избран В. В. Куйбышев.

Столь явное преобладание большевиков в руководящем органе Совета рабочих депутатов не было случайностью. Организация РСДРП(б) в Самаре вообще доминировала в марте 1917 года в политической жизни города. Их противники — эсеры и меньшевики — очень медленно собирали свои силы, долго не могли приспособиться к новым условиям. К концу марта — началу апреля было налицо численное превосходство большевиков Самары над представителями мелкобуржуазных партий. Если большевистская организация этого города насчитывала к середине апреля 2800 членов, то меньшевистская к 30 марта — 300 человек, эсеров-максималистская к 7 апреля — 500⁹.

Таким образом, возникновение Совета рабочих депутатов в Самаре было связано прежде всего с деятельностью большевистской организации, которая проявила наибольшую способность к быстрому переходу от подпольных форм работы к легальным, возглавила процесс создания Совета и завоевала в

нем ключевые руководящие позиции. Формирование организаций советских партий в Самаре и их удельный вес в Совете рабочих депутатов характеризуется данными, приведенными в табл. 1.

Таблица 1

Партийные организации	Время создания легального комитета	Время выпуска первого номера партийных газет	Численный состав партийных организаций на первую половину апреля 1917 г.	Партийный состав исполкома Самарского Совета рабочих депутатов на 20 марта 1917 г.
Большевистская	4 марта	17 марта	2800 человек	66,6%
Эсеровская	7 апреля	25 марта	500 человек	не представлена
Меньшевистская	30 марта	9 апреля	300 человек	33,4%

В Саратове, самом значительном экономическом центре Нижнего Поволжья, Совет рабочих депутатов был создан сразу же, как только стало известно о победе рабочих Петрограда. Уже 1 марта 1917 года в обстановке мощного революционного взрыва — многолюдных собраний, митингов, демонстраций — саратовские большевики созвали совещание партийного и профсоюзного актива и решили приступить к выборам в Совет. Здесь же избрали рабочий комитет, закрепили за его членами наиболее важные предприятия и учреждения, где предполагалось в первую очередь провести собрания рабочих и служащих и избрать представителей в Совет рабочих депутатов. Такие собрания на фабриках и заводах прошли с огромным подъемом. Рабочие приветствовали свержение самодержавия, избирали в Совет своих депутатов, создавали вооруженные отряды для ликвидации старых органов власти.

В обстановке коренных революционных преобразований 2 марта 1917 года состоялось первое собрание Совета рабочих депутатов. В его работе приняли участие представители самых крупных, промышленных предприятий Саратова: заводов «Жесть», «Меркурий», «Сотрудник», «Титаник», лесопильных заводов Бушковых. Именно здесь влияние большевиков было наиболее сильным. К концу марта, когда кампания выборов в Совет в основном закончилась, в рабочей секции Совета насчитывалось 28 большевиков, 16 меньшевиков, 6 эсеров и 5 народных социалистов¹⁰.

На первом заседании Совета большевики провели в исполнительный комитет четырех своих представителей, меньшевики — трех, эсеры — одного. Председателем исполнительного комитета Совета рабочих депутатов был избран большевик В. П. Милютин, товарищем председателя — большевик М. И. Васильев-Южин. Большевистская группа депутатов в Совете оказалась самой значительной. Это стало возможным благодаря тому, что саратовские большевики встретили Февральскую революцию сплоченной и организационно самостоятельной силой, тогда как их политические противники, как это наблюдалось и в Самаре, не проявили способностей к быстрой консолидации людских и материальных ресурсов.

Организационное оформление саратовские меньшевики получили лишь 10 апреля 1917 года, тогда как большевики — 4 марта. Последователи И. Г. Церетели в Саратове сначала прилагали энергичные усилия, направленные на слияние с большевиками, и только после провала своих объединительных планов меньшевики образовали комитет во главе с Д. Топуридзе, Д. Чертковым, Л. Майзелем и прочими деятелями мещанских кругов Саратова. Не лучшим образом складывались дела саратовских эсеров, которых Февральская революция, по признанию их лидера Н. Ракитникова, застала врасплох. «Наши товарищи, — говорил он 13 апреля 1917 года, — занимали сильное и влиятельное положение лишь в кооперации. В первые дни революции нас почти не было видно на общественной арене. Мы были очень слабо представлены в Совете рабочих депутатов»¹¹.

Единственным уездным центром Нижнего и Среднего Поволжья, где в годы первой мировой войны существовала подпольная организация РСДРП(б), являлась Сызрань Симбирской губернии. Здесь большевики уже к 19 марта избрали легальный партийный комитет и выпустили первый номер своей газеты «Пролетарий», тогда как меньшевистская и эсеровская организации возникли лишь в апреле 1917 года. Все трудности создания местного Совета рабочих и солдатских депутатов, образованного в конце марта 1917 года, вынесли на себе представители ленинской партии.

Мы не располагаем документальными данными о партийном составе Сызранского Совета периода марта — мая 1917 года, тем не менее можно с полной уверенностью утверждать, что, по крайней мере, в его рабочей секции большевики сразу заняли ведущие позиции. Об этом свидетельствует тот факт, что в мае 1917 года на заседании рабочей секции Сыз-

ранского Совета делегатом на I Всероссийский съезд Советов был избран большевик¹².

Итак, в Самарском, Саратовском и Сызранском Советах рабочих депутатов члены РСДРП(б) заняли руководящее положение. Это обстоятельство объясняется прежде всего тем, что в роли инициаторов и организаторов Советов выступили представители ленинской партии. Авангардная роль большевиков для самарских, саратовских и сызранских рабочих была очевидной, и они вручили судьбу своего политического органа в их руки. При выборах Советов известную роль сыграл тот факт, что к моменту их возникновения между меньшевиками и эсерами еще не закончился процесс оформления блока, всецело противопоставленного большевикам. К тому же организованность соглашательских партий, в силу их мелкобуржуазного состава, не могла сравниться с монолитностью РСДРП(б). Наконец, на результатах выборов сказалось также единодушие, сплоченность и энергия большевиков, которая убедила рядовых депутатов в необходимости избрания на руководящие посты Советов их представителей.

Иначе протекал процесс образования Советов в тех городах, где к моменту Февральской революции не имелось нелегальных большевистских организаций. Отдельные члены РСДРП(б) не сумели должным образом объединить усилия рабочих в области революционного правотворчества. Это сказывалось, как правило, на темпах организационного строительства Советов и предопределяло слабость в них большевистских групп.

2 марта 1917 года рабочая группа Казанского военно-промышленного комитета, в которой преобладали меньшевики, обратилась с призывом о создании Совета. Самостоятельная большевистская организация в этом городе начала действовать лишь в конце марта. В свете этих фактов становится понятным, почему меньшевики заняли руководящее положение в Казанском Совете рабочих депутатов. К тому же и эсеры здесь закончили организационное оформление раньше, чем члены РСДРП(б): городской комитет ПСР Казани был избран 7 марта 1917 года. К чести казанских большевиков, представлявших сначала группу в количестве 60 человек, следует сказать о факте, который придавал им дополнительные силы в борьбе с соглашателями в Совете рабочих депутатов. Они дали решительный отпор оппортунистическим объединительным тенденциям. Вот как об этом 18 апреля 1917 года писала местная меньшевистская «Казанская рабочая газета»: «Огромное

большинство социал-демократов стоит за объединение¹³. К сожалению, есть и непримиримые, которые не хотят объединения партий. Именно у нас в Казани громко раздаются (в газете «Рабочий») голоса против объединения. Там говорят об «объединительном угаре». Там печатаются статьи Н. Ленина, призывающего не объединяться, а «размежеваться», решительно и бесповоротно порвать с такими товарищами, которые играют большую, руководящую роль в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов».

В еще более трудном положении оказались большевистские группы в Советах тех городов, где они находились в единых организациях с меньшевиками. Такая ситуация сложилась в Пензе, Симбирске, Астрахани, Царицыне. Руководящая роль большевиков в процессе возникновения Советов рабочих депутатов этих городов прослеживается менее четко. Тем не менее и здесь развитие революционных событий шло по пути создания Советов. Выступая подчас в роли организаторов Советов, меньшевики вынуждены были провозглашать большевистский лозунг о Советах, стремясь приспособиться к построению революционных масс с тем, чтобы захватить руководство Советами в свои руки, использовать их затем в своих целях.

Объединение в общие с меньшевиками социал-демократические организации сузило возможности большевиков в активной политической борьбе за массы. Так, в Царицыне они не сумели полностью использовать благоприятную революционную обстановку. Самостоятельного комитета РСДРП(б) здесь не существовало, а поэтому меньшевики и эсеры подавили численным превосходством слабую и разобщенную большевистскую группу. 2 марта меньшевики опубликовали в печати свой проект создания Советов. В нем определялись цели Совета и норма представительства от различных предприятий и учреждений. Тем самым меньшевики выдвинули себя на положение организаторов Совета. Это обстоятельство явилось решающим фактором, определившим состав его руководящих органов. На первом собрании Царицынского Совета, состоявшемся 3 марта 1917 года, председателем исполнительного бюро был избран меньшевик С. Е. Шевченко, товарищами председателя — меньшевик Д. В. Полуян и эсер К. Федотов. Предложение большевиков об избрании в президиум их представителей было отклонено меньшевистско-эсеровским большинством. Лишь в ходе дальнейшего развития революции большевистская фракция значительно усилилась — первоначально в Царицынском

Совете насчитывалось 20 членов РСДРП(б) — и провела в исполнительное бюро С. К. Минина, Я. З. Ерманна, В. Сергеева и других большевиков.

В условиях, во многом сходных с царичынскими, к 4 марта 1917 года был организован Астраханский Совет рабочих депутатов. Малочисленная большевистская группа Астрахани, к тому же входившая в одну организацию с меньшевиками, не могла успешно бороться за руководство Советом. Используя свое подавляющее большинство, меньшевики и эсеры захватили в Совете все руководящие органы. Председателем Совета стал меньшевик Ф. И. Кругликов.

Под контролем меньшевиков и эсеров оказались и Советы рабочих депутатов в Пензе и Симбирске. Мелкобуржуазная стихия в этих городах временно захватила сознательные пролетарские слои. Большевики Пензы и Симбирска не смогли оказать реального сопротивления соглашателям в первые месяцы после Февральской революции, они не разобрались в сложной обстановке и образовали общие с меньшевиками организации во второй половине марта — начале апреля 1917 года. Прочные позиции в данных губернских центрах имели эсеры. Комитет ПСР в Пензе возник 15 марта, а в Симбирске — 3 апреля. Большевики же в Пензе и Симбирске разорвали объединенческие пути только незадолго до решающих боев за власть Советов. Естественно, что положение большевиков в Симбирском Совете рабочих депутатов, образованном 10 марта, и Пензенском Совете рабочих депутатов, возникшем 13 марта, было явно слабым.

Процесс складывания Советов рабочих депутатов в небольших городах Поволжья имел некоторые особенности. Как правило, они возникали позднее, нежели Советы в крупных промышленных центрах. Политически индифферентное население мелких городов, не обладавшее опытом создания Советов в 1905 году, медленно усваивало идею необходимости их образования. К тому же в большинстве уездных центров до Февральской революции не было не только большевистских, но и мелкобуржуазных организаций. Политические партии в них в меньшей степени влияли на выборную кампанию. Поэтому лишь в отдельных случаях можно проследить и выявить партийную принадлежность организаторов уездных Советов.

В качестве инициаторов и руководителей процесса образования Балашовского Совета рабочих депутатов выступили члены РСДРП(б). Предложение о создании Совета внес на

многолюдном митинге большевик А. Л. Банквицер. При непосредственном влиянии большевиков прошли собрания рабочих и служащих заводов, мельниц, железнодорожного депо, хладобойни и других предприятий города, избравшие представителей в Совет рабочих депутатов¹⁴. На первом собрании Совета, состоявшемся 3 марта, председателем правления единогласно был избран А. Л. Банквицер. Большевики в первом составе Совета в численном отношении уступали соглашателям, однако авторитет их среди рабочих был настолько велик, что даже такой, в сущности меньшевистско-эсеровский, Совет единогласно избрал на руководящий пост представителя большевистской партии. Образование Балашовского Совета рабочих депутатов наглядно показывает, что исход выборов в руководящие органы Советов в огромной степени зависел от того, какая партия проявила инициативу по их организации.

В Ставрополе Совет рабочих депутатов создали специально посланные туда представители Самарского СРД — большевик Петровский и эсер-максималист Шейнман. В Бугуруслане в роли организатора Совета рабочих депутатов выступил большевик С. М. Белов. В Мелекесе с призывом создать Совет рабочих депутатов обратились большевики. Руководство революционной партии пролетариата процессом образования Советов предопределяло боевую, активную деятельность последних. Однако в большинстве уездных городов Поволжья комитеты РСДРП(б) возникли позднее, чем Советы рабочих депутатов, и руководство самых массовых революционных органов трудящихся оказалось в руках соглашателей. В ряде случаев Советы создавались беспартийными рабочими. В целом можно отметить, что в процессе возникновения Советов элементы партийных разногласий с особой силой не проявлялись. Абсолютное большинство рабочих, движимое мощным классовым инстинктом, проявляло отчетливое стремление создать органы, которые будут защищать их интересы.

Гораздо меньший политический опыт имела солдатская масса, что, безусловно, сказалось на формировании ее Советов. Надо также учесть, что армия не представляла однородной политической массы: рядом с трудовым крестьянством здесь соседствовала офицерская дворянско-интеллигентская каста, привыкшая повелевать и требовавшая от солдат слепого подчинения. Это обстоятельство не могло не наложить отпечатка на процесс образования Советов солдатских депутатов. При возникновении Советов в гарнизонах Поволжья чувство-

вались симптомы будущих бескомпромиссных политических битв.

Инициаторами создания Совета солдатских депутатов в Самаре были большевик И. А. Петровский и меньшевик-интернационалист М. П. Герасимов. По предложению Петровского группа солдатских делегатов, избранных в самарский Комитет народной власти¹⁵, 4 марта объявила себя Советом солдатских депутатов. Председателем Совета солдаты избрали большевика И. А. Петровского. Однако такой Совет, в котором были только нижние чины (солдаты и унтер-офицеры), к тому же возглавляемые большевиком, не устраивал кадетов, эсеров и меньшевиков. Реакционно настроенная офицерская верхушка Самарского гарнизона при поддержке комитета народной власти начала агитировать за создание Совета военных депутатов, в который должны войти и офицеры. Командованию гарнизона удалось добиться своей цели: Совет военных депутатов был избран 8 марта. Это Совет состоял из 48 солдат и 20 офицеров. Таким образом, в Самарском гарнизоне образовалось два Совета. Первый — Совет солдатских депутатов (председатель Совета большевик Петровский), второй — Совет военных депутатов. В последнем господствовали эсеры: председателем Совета военных депутатов был избран Филиппов (прапорщик-эсер), товарищами председателя и секретарями также члены ПСР.

Совет военных депутатов Самары потребовал от Петровского и Герасимова роспуска Совета солдатских депутатов. Буржуазная газета «Народная речь» настаивала на немедленном разгоне Совета солдатских депутатов, потому что-де «все его депутаты являются случайными и уродливыми выкидышами неорганизованных солдатских масс и не могут считаться действительными депутатами солдат, избравших их в первые дни революции второпях, спешно и неорганизованно»¹⁶. Но Петровский и Герасимов в обстановке клеветы и непрерывных нападок продолжали укреплять Совет солдатских депутатов.

Возникновение двух Советов в гарнизоне Самары, один из которых был под сильным влиянием большевиков, а другой — под руководством соглашателей, вбило первый клин в отношения между солдатами и консервативно настроенными офицерами. Как свидетельствовал член Совета военных депутатов народный социалист Г. Хрунин, сам факт существования столь политически разнородных Советов вел к усилению классовой вражды в Самарском гарнизоне¹⁷.

В острой борьбе завоевал право на существование Камышинский Совет солдатских депутатов. В противовес ему гарнизонное командование создало Совет офицерских депутатов, но через неделю офицерский Совет был разогнан.

В трудных условиях упрочил свое положение Петровский Совет солдатских депутатов. Против него открыто выступил гарнизонный офицерский комитет и местный орган буржуазной власти. Офицеры угрожали арестовать тех солдат, которые принимали активное участие в организации Совета. На политику угроз и шантажа со стороны реакции Совет ответил укреплением связей с солдатскими и рабочими массами. Спустя некоторое время представитель Совета писал в одну из саратовских газет, что среди населения Совет пользуется исключительным вниманием и доверием.

В большинстве остальных гарнизонов Поволжья, и в особенности тех, где армейская рядовая масса была охвачена влиянием революционных рабочих, создание Советов солдатских депутатов протекало без проявления острых политических конфликтов. К 6 марта были закончены выборы от воинских частей Саратовского гарнизона. Они происходили по инициативе большевиков и по их предложению делегаты гарнизона сразу же влились в Саратовский Совет рабочих депутатов. На основе ленинского учения о союзе пролетариата и крестьянства члены РСДРП(б) стремились закрепить и упрочить этот союз таким образом, чтобы руководящая роль сохранялась за рабочим классом. Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов стал одним из звеньев организационного оформления данного союза.

В организации Совета гарнизона Пензы активное участие приняли большевики: солдаты В. Кураев, Г. Макеев и прапорщик С. Савицкий. Все они 6 марта на общегарнизонном митинге были избраны в Совет солдатских депутатов. В исполнительное бюро Совета солдатских депутатов Пензы, состоявшее из 10 человек, вошли большевики Макеев. Хрянин и Кураев.

В середине марта возник Совет солдатских депутатов в Симбирске, созыв которого явился результатом агитационной деятельности большевиков этого города. 7 марта начал функционировать Совет солдатских депутатов в Казани. Влияние большевиков в нем было сначала весьма ограниченным: председателем его стал первый эсер К. Поплавский.

Итак, Советы солдатских депутатов в Поволжье возникли в целом несколько позднее, чем Советы рабочих депутатов.

Еще более длительным оказался процесс образования Советов крестьянских депутатов.

После Февральской революции в водоворот политических событий сначала включилась самая сознательная часть пролетариата, среди которой большим авторитетом пользовались большевики. По мере того, как демократические свободы пробуждали к политической деятельности более отсталые слои трудящихся (рабочих мелких кустарных мастерских, ремесленников и т. д.), свои позиции укрепляют меньшевики. Затем в общественную жизнь страны вовлекается крестьянство, ставшее мощной опорой эсеров.

Большевики Поволжья в марте — сентябре 1917 года партийных ячеек в деревне не имели. Это был период, о котором Я. М. Свердлов говорил: «В течение долгого времени нам совершенно не удавалось заложить какой-нибудь прочной основы для нашей работы в организациях крестьянства»¹⁸. Поволжская деревня в марте — июне 1917 года отстаивала в основном лозунг «Земля и воля». Газеты с девизом «В борьбе обрешь ты право свое» шли в села поволжских губерний десятками тысяч. В такой обстановке возникновение любой общественной организации в поволжской деревне находилось в известной зависимости от того, окажут ли ей поддержку социалисты-революционеры. Наглядное подтверждение тому — процесс образования Советов крестьянских депутатов.

Политика по отношению к Советам, как и по другим основным вопросам революции, отличалась у эсеров противоречивостью, колебаниями. «Меньшевики и эсеры, — говорил В. И. Ленин, 27 ноября 1918 года в «Докладе об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии» на собрании партийных работников Москвы, — все время колебались. И если их называли их же собственные друзья весной и летом 1917 года «полубольшевиками», то это была не только острота, но и верная характеристика. Ни по одному вопросу (возьмите вопрос о Советах, о революционном движении в деревнях, о непосредственном захвате земли, о братании на фронте, о поддержке или неподдержке империализма), во всех этих коренных вопросах меньшевики и эсеры говорили сегодня — «да», а завтра — «нет». С одной стороны, помогали, а с другой стороны — нет, и представляли собой образец бесхарактерности и беспомощности»¹⁹.

Лозунга создания Советов крестьянских депутатов руководство ПСР не выдвинуло в первые дни после Февральской революции, и ее местные партийные организации осуществляли

сначала курс, направленный на насаждение крестьянских союзов. 19 марта 1917 года по инициативе социалистов-революционеров был образован крестьянский союз в Пензенском уезде. В марте — апреле 1917 года члены ПСР создали крестьянские союзы во всех волостях Бузулукского уезда Самарской губернии. «Бузулукская группа партии, — читаем мы воспоминания о Февральской революции одного из руководителей этой уездной эсеровской организации, — вначале стояла за организацию по волостям партийных крестьянских союзов, а не беспартийных Советов крестьянских депутатов»²⁰.

В марте — апреле 1917 года эсеры в Поволжье, увлеченные идеей сколачивания крестьянских союзов, весьма неохотно шли на создание Советов крестьянских депутатов. Если к этому времени возникли десятки, даже сотни волостных и сельских ячеек крестьянского союза в Поволжье, то Советы крестьянских депутатов можно было сосчитать по пальцам. Представляет интерес исследование мотивов, которыми руководствовались те или иные организации ПСР, принимая участие в этот период в строительстве Советов крестьянских депутатов.

Лидеры эсеровской организации Самары, например, рассчитывали при помощи Совета крестьянских депутатов завоевать более прочные позиции в Комитете народной власти.

Комитет народной власти в Самарской губернии в первые дни после Февральской революции опирался в значительной мере на входившую в него группу представителей Советов рабочих, солдатских и военных депутатов. В Совете рабочих депутатов, как уже говорилось, преобладали большевики и меньшевики. В Советы солдатских и военных депутатов Самарского гарнизона многие руководящие деятели местной организации ПСР не могли быть избраны, так как в большинстве своем они являлись людьми штатскими²¹. Довольно большая часть лидеров самарских социалистов-революционеров оказалась в известной мере не у дел. Каким образом они могли проникнуть и упрочить свои позиции в Комитете народной власти?

Эсеры обратились за помощью в Комитет народной власти, чтобы последний помог созвать им съезд крестьян Самарской губернии. На этом съезде члены ПСР решили избрать Совет крестьянских депутатов и делегировать представителей его в Комитет народной власти. Эсеровская верхушка в Самаре еще до созыва съезда крестьян договорилась с руководителями Комитета народной власти о том, что представители будущего Совета крестьянских депутатов получают столько же мест в Комитете, сколько имели в нем Советы рабочих, солдатских

и военных депутатов. I съезд крестьян Самарской губернии, созванный группой эсеров и Комитетом народной власти, открылся 25 марта 1917 года. Делегатами его являлись члены уездных комитетов народной власти, деятели земств и сельские интеллигенты, среди которых преобладали социалисты-революционеры²².

По предложению эсера А. С. Волкова съезд конституировал себя как губернский Совет крестьянских депутатов. Единственной целью образования Совета, как объяснил в своей речи этот оратор, являлась необходимость иметь «своих людей» в Комитете народной власти. «Своими людьми» оказалась группа лидеров Самарской организации ПСР во главе с А. С. Волковым. О каких-либо других задачах Совета крестьянских депутатов, кроме посылки его представителей в Комитет народной власти, ни один из выступавших на съезде не сказал ни слова. Затем делегаты-эсеры уделили особое внимание организации крестьянских союзов. Одна из резолюций съезда так и гласила: «Необходимо объединение сел, волостей, уездов и губерний во всероссийский крестьянский союз»²³. Не приходится удивляться тому, что Совет крестьянских депутатов после выборов представителей в Комитет народной власти вливал жалкое существование: вниманием организации социалистов-революционеров он не пользовался. Как признавал член Самарского губкома ПСР И. М. Брушвит, Совет крестьянских депутатов до мая 1917 года играл весьма незначительную роль в политической жизни крестьянства.

В Симбирской губернии Советов крестьянских депутатов в марте — апреле 1917 года вообще не существовало. Симбирский губком партии социалистов-революционеров настойчиво пропагандировал лозунг создания крестьянских союзов, считая дело организации Советов крестьянских депутатов пустой затеей, отнимающей полезное время²⁴.

Отношение к Советам крестьянских депутатов со стороны эсеров Поволжья начало несколько меняться со второй половины апреля 1917 года. Это было связано прежде всего с тем, что именно в данное время местные большевистские организации стали все более настойчиво убеждать сельское население создавать Советы крестьянских депутатов.

В. И. Ленин писал в апреле 1917 года: «Нет сомнения, все члены нашей партии, все сознательные рабочие всеми силами поддержат организацию Советов крестьянских депутатов, позаботятся об увеличении их числа, об укреплении их силы, на-

прягут со своей стороны усилия, чтобы внутри этих Советов вести работу в последовательно и строго-пролетарском классовом направлении»²⁵. После появления ленинских статей по крестьянскому вопросу в газете «Правда» большевики Поволжья усилили пропаганду лозунга немедленного образования Советов в деревнях и селах.

Большевик В. В. Кураев выступил 7 апреля 1917 года на I съезде крестьян Пензенской губернии с предложением создать Совет крестьянских депутатов. Делегаты съезда горячо откликнулись на эту инициативу. Совет крестьянских депутатов был образован в этот же день: депутаты его избирались прямо на съезде.

Для социалистов-революционеров возникла угрожающая перспектива перехвата большевиками дела организации Советов крестьянских депутатов. Возможность утраты контроля над столь популярными в массах политическими органами пугала эсеров. Из сельской местности к тому же в губкомы ПСР стали поступать тревожные сообщения о том, что крестьянские союзы авторитетом не пользуются.

Пензенский губком партии эсеров резко изменил свою тактику: 1 мая 1917 года он отдал распоряжение, которое требовало прекращения организации крестьянских союзов. Лидеры социалистов-революционеров в Пензенской губернии советовали главное внимание обратить на создание Советов крестьянских депутатов²⁶.

Изменили свой негативный курс по отношению к Советам крестьянских депутатов и эсеры в Самарской губернии. Так, в начале мая 1917 года съезд социалистов-революционеров Бузулукского уезда принял решение о роспуске крестьянских союзов. Это же постановление нацеливало членов ПСР на работу по созданию Советов крестьянских депутатов. Бузулукские эсеры пришли к выводу, что Советы крестьянских депутатов являются более надежным средством распространения влияния партии, чем крестьянские союзы.

Постепенно отказались от политики насаждения непопулярных крестьянских союзов социалисты-революционеры Симбирской губернии. Члены Симбирского губкома ПСР были весьма обеспокоены, узнав в начале июня 1917 года, что 17 мая группа беспартийных крестьян при помощи рабочих создала Симбирский уездный Совет крестьянских депутатов. Лидеры социалистов-революционеров вынуждены были взять курс на образование Советов крестьянских депутатов: Симбирский губком ПСР созвал 15 июля 1917 года съезд крестьянских депутатов.

ян губернии, который конституировал себя как Совет крестьянских депутатов²⁷.

В мае 1917 года на путь создания Советов крестьянских депутатов встали и казанские эсеры, тем более, что к организации их призвали большевики, работавшие в уездах. Перспективы для казанских специалистов-революционеров вырисовывались отнюдь не радостные, и в мае на первом губернском съезде тружеников земли был сконструирован (при активном участии большевиков Г. Гордеева, Н. Гордеева, А. Северова) Совет крестьянских депутатов. Председателем его стал А. Л. Колегаев, левый эсер²⁸.

Во всех поволжских губернских Советах крестьянских депутатов лидирующее положение заняли правые эсеры (за исключением Казанского). Поэтому большевикам предстояла большая работа по завоеванию сельского населения на свою сторону. Важным моментом этой деятельности явилась борьба за сплочение союза рабочего класса и крестьянства, за объединение Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

ДИСКУССИИ О СТРУКТУРЕ СОВЕТОВ

Процесс образования Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов нельзя было считать законченным без их объединения. Нередко обсуждение вопроса о том, какими должны быть Советы — объединенными или раздельными — получало форму острой полемики, а иногда перерастало в настоящие политические сражения между партийными организациями большевиков, меньшевиков и эсеров.

На все местные Советы сильнейшее воздействие оказывал пример объединения Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде. В тех редких случаях, когда Советы возникали в результате усилий беспартийных масс, депутаты просто не задумывались над тем, объединять или не объединять их: они копировали структуру столичного Совета. Если в Совете рабочих депутатов и Совете солдатских депутатов господствовали представители мелкобуржуазных партий, или, наоборот, в обоих Советах преобладали большевики, то вопрос об объединении Советов решался положительным образом без особых споров. Сложнее обстояло дело, когда в одном из Советов было засилие соглашателей, а другой находился под сильным влиянием большевиков. Богатая история Советов Поволжья дает образцы различных вариантов.

Безболезненно произошло объединение Советов рабочих и солдатских депутатов в Саратове, ибо и первый и второй возникли по инициативе и при самом активном участии большевиков. И хотя в Совете солдатских депутатов саратовского гарнизона члены РСДРП(б) не имели большинства, их организующая роль, революционный напор, огромный авторитет среди рядовой армейской массы сыграли решающую роль. 6 марта стало днем рождения Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Легко и без особых трений протекал процесс объединения Советов рабочих и солдатских депутатов города Самары, поскольку и в первом и во втором большевики занимали ключевые руководящие посты. Однако очень серьезные трудности встретили большевики Самары, добиваясь объединения Совета рабочих и солдатских депутатов с эсеро-меньшевистским Советом военных депутатов, в котором к началу апреля из 275 человек только 5—7 являлись членами РСДРП(б).

1 апреля 1917 года на заседании Совета военных депутатов выступил В. В. Куйбышев, председатель Совета рабочих депутатов Самары. Он предложил построить работу обоих Советов таким образом, чтобы их планы координировались «в интересах более планомерного направления организованных сил армии и пролетариата»²⁹. Председательствующий на заседании беспартийный депутат Нерсесов поддержал В. В. Куйбышева и призвал последовать примеру Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. «Там, — говорил Нерсесов, — установилась тесная связь между рабочими и солдатами. Нам здесь необходимо также установить крепкую связь, которую ничто не должно разрушить». Однако это было мнение беспартийных, соглашательское руководство Совета рассуждало иначе. Оно отказалось вести переговоры об объединении с Советом рабочих депутатов. Самарские большевики не смогли добиться поставленной цели и потому, что часть солдат, членов Совета военных депутатов, под влиянием демагогических выступлений соглашателей заняла колеблющуюся позицию.

Членам РСДРП(б) в Самаре стало ясно, что в необходимости объединения Советов надо прежде всего убедить солдатские массы гарнизона, чтобы те в свою очередь оказали давление на президиум Совета военных депутатов. В начале апреля к армейской массе обратилась большевистская «Приволжская правда»: газета призывала приложить все усилия к тому, чтобы способствовать объединению Советов.

За объединение Советов выступили левые элементы в ря-

дах Самарской организации меньшевиков. В казармах гарнизона вместе с большевиками И. Петровским и И. Лебедевым развернули энергичную деятельность меньшевики-интернационалисты М. Герасимов³⁰ и И. Васянин³¹. Напряженная работа среди солдат увенчалась успехом. 6 апреля 1917 года двухтысячное собрание военнослужащих 130-го полка Самарского гарнизона единодушно вынесло решение о необходимости совместной работы солдатских депутатов полка с Советом рабочих депутатов. 16 апреля на трех солдатских митингах 102-го и 143-го полков были приняты идентичные резолюции, в которых указывалось, что единственной опорой в борьбе с контрреволюцией является союз рабочего класса, армии и крестьянства. Третий пункт всех резолюций гласил: «Совет военных депутатов города Самары должен слиться с Советом рабочих депутатов в единый Совет рабочих и военных депутатов»³².

Солдатские массы выразили свои требования совершенно недвусмысленно, но все-таки президиум Совета военных депутатов не торопился выполнять их. Социалисты-революционеры, как писал в своих воспоминаниях участник борьбы за власть Советов в Самаре И. Петровский, всячески сопротивлялись объединению Советов³³.

Но противостоять напору солдатских масс было невозможно: 26 апреля общегарнизонный митинг в Самаре принимает по докладу М. Герасимова резолюцию, в которой прямо говорилось о неотложной необходимости объединения Советов рабочих, солдатских и военных депутатов. В конце апреля начались переговоры об образовании единого Совета. Комиссия по выработке условий объединения работала около полутора месяцев. Первое заседание общего Совета рабочих, солдатских и военных депутатов открылось 12 июня 1917 года. В этот же день было достигнуто соглашение о слиянии Совета военных депутатов и Совета солдатских депутатов в единую солдатскую секцию объединенного Совета.

Большевистская фракция Самарского Совета рабочих депутатов выступила также с призывом к объединению с Советом крестьянских депутатов. Однако социалисты-революционеры, полностью контролировавшие губернский Совет крестьянских депутатов, отказались от слияния с Советом рабочих депутатов, в котором в марте — апреле 1917 года очень сильные позиции занимали большевики. Зато лидеры самарских эсеров с начала апреля и до июня 1917 года с целью концентрации своих сил весьма настойчиво пытались объединить Совет крестьянских депутатов с эсеров-меньшевистским Советом военных де-

путатов. В то же время эсеровские лидеры Совета крестьянских депутатов отвергли все предложения о слиянии с Советом рабочих депутатов. Аналогичную позицию заняли и саратовские эсеры, руководившие Советом крестьянских депутатов: стремясь изолировать крестьянство от влияния авангарда пролетарской партии, они решительно возражали против контактов с Советом рабочих и солдатских депутатов.

В сложной атмосфере прошло объединение Советов рабочих и солдатских депутатов в Астрахани. Офицеры встретили в штыки идею о союзе рабочих и солдатских масс в революционной борьбе. Среди солдат, в полковых и ротных комитетах офицеры развернули клеветническую кампанию против Совета рабочих депутатов. В ответ депутаты-большевики обоих Советов повели активную работу за солдатские массы. После соответствующей подготовительной работы они созвали совместное заседание Совета солдатских депутатов с полковыми и ротными комитетами, которое взяло решительный курс на укрепление связей с Астраханским Советом рабочих депутатов. Объединение Советов состоялось 22 апреля 1917 года. «Нет больше Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов, — писала 27 апреля астраханская газета «Луч». — Есть один Совет рабочих и солдатских депутатов».

Свои оттенки имел процесс объединения Советов в Царицыне. Здесь соглашатели попытались придать Совету солдатских депутатов функции руководящего органа и поставить его над Советом рабочих депутатов. Однако большевики сорвали это намерение. По их предложению было решено: назвать Совет солдатских депутатов военной секцией и подчинить ее исполнительному бюро Совета рабочих и солдатских депутатов.

Таким образом, в Самаре, Астрахани и отчасти Царицыне обсуждение вопроса об объединении Советов привело к обострению отношений между большевиками и соглашателями. Эта борьба по вопросам структуры и организации Советов имела принципиальное значение. За ней скрывались коренные разногласия по проблемам о перспективах революционного процесса, о ведущей роли рабочего класса в союзе с крестьянскими массами, о задачах и целях самих Советов, об отношении партий к Советам.

А вот в Симбирске и Пензе вопрос об объединении Советов не вызвал каких-либо конфликтов между членами РСДРП(б) и эсеро-меньшевистским блоком.

Объединить пензенские Советы рабочих, солдатских и кре-

стьянских депутатов предложил большевик В. В. Кураев. Он считал, что необходимо это сделать как можно быстрее, ибо при раздельном существовании Советов депутатов «солдаты и крестьяне много потеряют в смысле политического и революционного воспитания»³⁴. Пензенские меньшевики и эсеры согласились с проектом объединения Советов, который выдвинул В. В. Кураев, ибо в каждом из Советов они располагали абсолютным большинством мандатов.

Не возражали против предложения большевиков об объединении Советов соглашатели в Симбирске (в едином Совете рабочих и солдатских депутатов этого города расстановка партийных сил выглядела в конце марта 1917 года следующим образом: большевики имели лишь 5 депутатских мест, меньшевики — 24, эсеры — 18, а 43 беспартийных примыкали к соглашателям). Подобной же тактики в партийной борьбе по проблемам объединения Советов придерживались эсеры и меньшевики в Казани. Доминируя во всех трех Советах, они не возражали против их слияния. 14 марта на объединенном заседании Советов рабочих и солдатских депутатов было принято решение о создании единого Совета. Тогда же депутаты избрали президиум объединенного Совета в составе 5 человек: председатель — поручик Поплавский (правый эсер), товарищи председателя — прапорщик Никитин (сочувствующий меньшевикам) и Чекунов (впоследствии оказавшийся провокатором), секретарь — Дудин (партийность неизвестна) и казначей — Шергов (меньшевик).

8 мая 1917 года произошло объединение Казанского Совета рабочих и солдатских депутатов с эсеровским губернским Советом крестьянских депутатов. Однако оно в основном получилось формальным. Социалисты-революционеры, контролировавшие Совет крестьянских депутатов, боялись, не хотели действительного содружества рабочих и крестьян и по мере возможности старались уберечь сельское население от революционного пролетариата Казани. Фактически крестьянский Совет работал самостоятельно, хотя и считался одной из секций объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Таким образом, большевистские организации Поволжья стремились использовать Советы как одно из средств упрочения союза рабочего класса и крестьянства, они боролись за объединение Советов даже в тех случаях, когда в результате образования единого Совета соотношение сил складывалось в пользу мелкобуржуазных фракций. Дальнейший процесс раз-

вития социалистической революции показал правильность стратегии и тактики большевиков.

В тактической борьбе вокруг вопроса об объединении Советов у меньшевиков и эсеров преобладали узко партийные конъюнктурные интересы, им была чужда идея укрепления союза пролетариата и крестьянства. Прежде всего мелкобуржуазные фракции в Советах пытались идейно поработить депутатов рабочего класса, а если это не удавалось, эсерово-меньшевистский блок брал курс на изоляцию крестьянства от авангарда пролетариата. Тактика мелкобуржуазных фракций была достаточно гибкой, и борьба большевиков в Советах за их объединение носила упорный характер. Эта борьба все более обострялась по мере того, как у большевистских и соглашательских фракций в Советах постепенно определялась противоположность позиций и взглядов по коренным вопросам революции.

МЕЖПАРТИЙНАЯ БОРЬБА В СОВЕТАХ ПОВОЛЖЬЯ ПО ОСНОВНЫМ ВОПРОСАМ РЕВОЛЮЦИИ (МАРТ — ИЮНЬ 1917 ГОДА)

ВОЙНА ИЛИ МИР?

В марте — апреле 1917 года по всей России — в Советах и профсоюзах, на митингах солдат и собраниях рабочих — между представителями различных партий начались дискуссии по коренным проблемам, которые выдвинула Февральская революция. В первую очередь обсуждался вопрос о войне и мире, волновавший широчайшие народные массы. Что же предлагали пролетариату и крестьянству в этом отношении соглашатели, которые руководили Советами в этот период?

Позиции лидеров мелкобуржуазных партий по проблемам войны и мира нашли свое полное выражение в декларации Петроградского Совета «К народам всего мира», принятой 14 марта 1917 года. Данное воззвание было насквозь пропитано стремлением оправдать империалистическую политику Временного правительства и доказать, что с момента свержения монархии война для России превратилась из захватнической и несправедливой в оборонительную и революционную.

В фарватере политики по вопросу о войне и мире, которую проводили руководители соглашательских партий, шло большинство местных мелкобуржуазных организаций. Значительная часть рабочих, солдат и крестьян в Поволжье поверила красивым фразам соглашателей «о святой обязанности каждого гражданина защищать Россию от немецкого кайзера». «Самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, — писал В. И. Ленин, — захлестнувшей «почти все»,

надо признать *революционное оборончество*. Именно оно — злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции»¹.

С угаром добросовестного оборончества, охватившего широкие слои населения, бороться было нелегко. К тому же далеко не все организации РСДРП(б) в Поволжье сумели занять в первые дни после Февральской революции последовательно интернационалистические позиции в вопросе о войне и мире. Участники конференции большевиков Самары, прошедшей 9 апреля 1917 года, пришли к неправильному выводу о необходимости напрочь все силы на защиту русской революции от внешнего натиска. Призывали к продолжению войны пензенские и симбирские большевики. Они во многом повторяли ошибки Бюро ЦК РСДРП(б), которое до прибытия В. И. Ленина в Петроград не сумело правильно решить все вопросы, связанные с выработкой новой тактической линии по проблемам войны и мира, отношения к Советам и к Временному правительству. Верно оценивая соотношение классовых сил, империалистическую сущность войны, характер Временного правительства, Бюро ЦК РСДРП(б) тем не менее 22 марта 1917 года предложило членам партии и трудящимся «заставить Временное правительство России не только отказаться от всяких завоевательных планов, но немедленно и открыто формулировать волю народов России, предложить мир всем воюющим на условии освобождения всех угнетенных»². Не способствовало выработке интернационалистической линии у местных большевистских организаций и статья Л. Б. Каменева «Без тайной дипломатии», опубликованная в «Правде» 15 марта 1917 года. В ней, как известно, проповедовались полуоборонческие взгляды.

Вот почему некоторые поволжские организации РСДРП(б) в марте 1917 года встали на полуоборонческую платформу. И только по мере того, как большевистские фракции знакомились с Апрельскими тезисами В. И. Ленина и решениями VII (Апрельской) конференции, в Советах Поволжья обострялась борьба по вопросам войны и мира. В марте же большинство Советов в поволжских губерниях без особых споров и полемики принимали резолюции по проблемам войны и внешней политики в духе революционного оборончества.

Симбирский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился к трудящимся города с воззванием, сущность которого сводилась к призыву: «Солдаты — в окопы, рабочие — к станку, крестьяне — к сохе!». Самарский Совет военных депутатов

в шовинистическом рвении пошел еще дальше, запретив выступать на митингах тем ораторам, которые в той или иной форме выражали недовольство правительственной программой в вопросах войны и мира³. Образцом затушевывания империалистической политики Временного правительства можно назвать обращение Пензенского Совета, в котором были следующие фразы: «Нужно вычеркнуть слово победа и громкую фразу «Война до конца!» из лексикона... Мы ведем войну не для победы, а для самообороны»⁴.

В Саратовском Совете отношение к войне впервые обсудили 11 марта 1917 года. Соглашатели требовали, чтобы «больше говорили о защите своего отечества от нашествия германцев». На данном заседании большевики не противопоставили оборонческой позиции меньшевиков и эсеров своей линии. Они не вскрыли классового характера войны, причин возникновения и связей ее с политикой буржуазных правительств. В. И. Васильев-Южин сослался на отсутствие указаний из центра, а «дисциплина у социал-демократов, — по его мнению, — такова, что мы не можем решать вопрос самостоятельно»⁵. Он лишь в довольно общей форме заявил, что большевики не могут одобрить захватнических авантур. Вместе с тем он добавил, что нельзя говорить о поражении армии, так как эта армия народная. В резолюции, предложенной большевиком В. П. Милютиним, указывалось на необходимость сильной революционной народной армии и дисциплины как условия этой силы. По вопросам войны и мира саратовские большевики оказались в плену мелкобуржуазного революционного оборончества. Лишь постепенно, как увидим дальше, они изжили эти ошибочные взгляды.

На пленарном собрании Совета 20 марта 1917 года М. И. Васильев-Южин опять предлагал присоединиться к званию Петроградского Совета. Это мнение было поддержано Советом.

Отношение самых массовых органов рабочих и солдат к войне в известной мере отразил первый съезд Советов Поволжья, который открылся в Саратове 23 марта 1917 года. В его работе приняли участие представители 17 городов и рабочих поселков Поволжья и Приуралья: Астрахани, Самары, Челябинска, Уральска, Оренбурга, Пензы, Саратова и других. Съезд принял весьма противоречивую резолюцию о войне. В первой ее части признавалось, что война вызвана захватническими стремлениями господствующих классов, поэтому ее необходимо ликвидировать в кратчайший срок. Вместе с тем

съезд считал, что поражение России может создать благоприятные условия для реставрации монархии. Единственным средством к достижению мира съезд признавал давление демократии всех стран на свои правительства. Съезд отверг как лозунг «долой войну», так и лозунг «война до победного конца». Он призвал рабочих и солдат к защите свободы, к отражению внутренних и внешних врагов. Исходя из совершенно верного определения причин войны и ее характера, под давлением эсеров и меньшевиков съезд пришел к оборонческим выводам. Постановления его свидетельствовали о преобладании в Советах соглашательских партий, о господстве в Советах настроений добросовестного оборончества.

Большевикам Поволжья предстояло выполнить огромный объем работы с целью преодоления стихии мелкобуржуазного шовинизма. Но для этого им нужно было прежде всего самим избавиться от оборонческих иллюзий. Это помогли сделать Апрельские тезисы В. И. Ленина и постановления Всероссийской Апрельской конференции. Они внесли ясность и дали ответ на самые злободневные вопросы современности: о выходе из империалистической войны, о форме государственности в период перехода от капитализма к социализму, о важнейших экономических преобразованиях, о тактике большевиков на новом этапе революции.

Некоторые большевики Поволжья встречали В. И. Ленина на Финляндском вокзале и слушали его выступление. Возвратившись из Петрограда, они развернули бурную деятельность по пропаганде ленинской программы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Апрельские тезисы обсуждались в большевистских организациях, их читали и комментировали на митингах и собраниях трудящихся. Уже 12 апреля в Царицыне состоялся грандиозный митинг рабочих и солдат, на котором были зачитаны тезисы В. И. Ленина. Они пропагандировались и разъяснялись в большевистских газетах.

Большинство поволжских организаций РСДРП(б) восприняли Апрельские тезисы как боевую программу действий. Уже в первой половине апреля многие из них начинают рвать с политикой революционного оборончества. 10 апреля общегородское собрание саратовских большевиков приняло резолюцию, согласно которой война признавалась империалистической и выгодной лишь буржуазии и помещикам.

В соответствии с этим решением большевистские депутаты заняли непримиримую позицию при обсуждении вопроса

о «займе свободы». В Саратовском Совете доклад по этому вопросу сделал 28 апреля меньшевик Чертков Д. Он пытался обосновать необходимость поддержки «займа свободы» всей предшествующей политикой мелкобуржуазных партий. Соглашатель пришел к выводу, коль скоро Советы поддерживают Временное правительство, они обязаны дать ему и средства, то есть реализовать «заем свободы». Большевистские депутаты доказывали, что подписка на заем означает явное доверие буржуазной политике. Тем не менее голосование дало явный перевес соглашательским партиям: 189 депутатов проголосовало за поддержку «займа свободы» и только 21 депутат проголосовал — против⁶.

Вопрос о «займе свободы» 30 апреля обсуждал Царицынский Совет. Зал заседаний был переполнен. Рабочие и солдаты проявили огромный интерес к решению сложных политических и экономических проблем. Меньшевики и эсеры стремились любыми средствами убедить их в необходимости поддержки «займа свободы». Лидер царицынских меньшевиков Д. Подуян не останавливался перед заведомой ложью, доказывая членам Совета, что деньги от займа пойдут прежде всего на улучшение положения солдатских масс. Большевики разоблачали демагогию меньшевиков и эсеров и разъясняли депутатам, что эти деньги буржуазия использует исключительно для продолжения империалистической войны. В итоге острой партийной борьбы 67 депутатов Совета проголосовало против «займа свободы». За соглашательскую резолюцию, требовавшую предоставить в распоряжение Временного правительства необходимые средства, высказалось 80 человек⁷. Царицынским меньшевикам и эсерам удалось провести свою резолюцию незначительным большинством голосов.

Однако не все большевики Поволжья, а следовательно, и фракции их в Советах сумели быстро изжить заблуждения добросовестного оборончества. Это показал ход обсуждения в Советах Поволжья ноты П. Н. Милюкова от 18 апреля 1917 года: в ней кадетский министр иностранных дел заверял союзников о том, что Россия выполнит все внешнеполитические обязательства царского правительства. Заявление Милюкова вызвало возмущение рабочих и солдат, оно показало, что фразы министров Временного правительства о революционной обороне отечества являются сплошным обманом. Исполком Петроградского Совета под давлением масс потребовал разъяснений от Временного правительства по поводу столь открытой шовинистической позиции министра иностранных дел. Местные Советы

созывали экстренные заседания для обсуждения ноты Миллюкова.

22 апреля 1917 года в напряженной атмосфере открылось чрезвычайное объединенное совещание Самарских Советов рабочих, солдатских, военных и крестьянских депутатов. Надо сразу сказать, что большевистские депутаты не задали тон заседанию, заняв полуоборонческую примиренческую позицию. Борьба на совещании развернулась между группой левонастроенных меньшевиков и социалистов-революционеров во главе с Духовским (к ней присоединилась и большевистская фракция) и кадетско-народносоциалистическим блоком во главе с С. Кундурушкиным и Г. Хруниным.

В самом начале заседания эсер Духовской внес резолюцию, в которой выражалось недоверие «Временному правительству в его теперешнем составе, Миллюкову же в особенности»⁸. С возражениями Духовскому выступил член Совета военных депутатов кадет С. Кундурушкин, который заявил, что Петроградский Совет, как и другие Советы, не имеет никакого юридического основания требовать от Временного правительства отчета в каких-либо действиях. Народный социалист Г. Хрунин в своей речи утверждал, что нота Миллюкова отвечает насущным интересам России.

Бурное собрание Самарских Советов продолжалось около 4 часов подряд. Депутаты никак не могли выработать резолюцию, которая бы удовлетворила большинство участников заседания. Поэтому с чувством облегчения соглашатели встретили телеграмму Петроградского Совета, в которой сообщалось, что конфликт между правительством и Советом, возникший в связи с нотой Миллюкова, благополучно улажен. Абсолютное большинство депутатов Самарских Советов приветствовало соглашение Временного правительства с исполкомом столичного Совета. В итоге последующего непродолжительного обсуждения совещание Советов Самары одобрило постановление, составленное большевиками, меньшевиками и бундовцами. Эта резолюция верно отмечала, что внешнеполитический курс Временного правительства не отвечает интересам народных масс, но в то же время, в решении Самарских Советов в типично соглашательском духе осуждалась попытка кабинета министров «уйти из-под контроля революционной демократии». Ясно, что большевики Самары совершили ошибку, подписавшись под резолюцией, в которой пропагандировался лозунг контроля Временного правительства.

К концу апреля Самарская организация РСДРП(б) заняла

последовательно интернационалистические позиции. 8 мая 1917 года ее фракция дала первый серьезный бой соглашателям на объединенном заседании Самарских Советов, которое обсуждало вопрос о подписке на «займ свободы». С призывом подписаться на займ обратились меньшевики и эсеры. Большевистские депутаты, сообщала 9 мая 1917 года кадетская газета «Волжский день», доказывали на общем собрании Советов, что «займ поддерживать не стоит, так как он выгоден империалистической буржуазии. Если нужны деньги, то их необходимо брать у капиталистов, наживающих миллионы». Практические результаты победы, которую одержали соглашатели при голосовании по вопросу о «займе свободы», оказались плачевными: рабочие и крестьяне в целом бойкотировали подписку на займ.

В условиях обострения экономического кризиса, следствием которого явилось уменьшение заработной платы и рост цен, внешнеполитический курс кадетско-соглашательского правительства уже не вызывал прежнего мартовского энтузиазма и воодушевления. Оборонческий угар постепенно рассеивался. Отражая чаяния и настроения значительных слоев трудящихся и крестьянства, солдат Куницкий из села Байково Саратовской губернии писал в петроградской «Солдатской правде» 12 мая 1917 года: «Война всем надоела; надвигается голод и на деревню, и на город; хлеба, крупы и сахару нет, последнего в деревне уже давно не видят; невозможно купить самых необходимых в крестьянском обиходе предметов».

В самарской «Солдатской газете», соглашательском органе, 25 мая 1917 года появилась статья, в которой описывалась, по мнению автора, типичная сцена уличных митингов и собраний в Самаре. Слово берет ярый сторонник продолжения войны «до победного конца». Ему яростно возражают. «Закипает спор. Возле спорящих собирается толпа:

— Ты не был еще там! — кричит какой-то эвакуированный. — Ты капиталист какой-нибудь. Сходи сам — понаступай.

— Все вот такие, как ты — буржун! Нет, пусть, он, немец, наступает — а нам не надо.

В спор вмешиваются другие и напирают на сторонника наступления:

— Нет, шалишь, довольно мы страдали, довольно были ба-ранами. Теперь мы не пойдем. Пусть идут те, кто в тылу тут сидит.

Оратору наступают, что называется на горло... Сторонник наступления, наконец, энергично плюет и отступает».

О масштабах шовинистической истерии в Казани, которую там развязали кадеты и соглашатели в марте — начале мая 1917 года, дает представление корреспонденция, помещенная 3 июня 1917 года в местной левоэсеровской газете «Социалист-революционер». Автор ее, неизвестный солдат, отмечал: «Свобода слова, как это ни странно, принадлежит [в данном городе] исключительно ура-патриотам всякого сорта, требующим войны во что бы то ни стало, до «полной победы». Всякий, кто дерзнет сомневаться в спасительности формулы «войны до победы, война до конца», подвергается дикой травле... Некоторых темных несознательных солдат усиленно натравливают на «большевиков», подразумевая под этим термином всех тех, кто не призывает к наступлению и к «победам»... Кроме того, солдаты натравливают на рабочих за 8-часовой рабочий день, за то, что они во время войны осмеливаются стремиться к улучшению своего положения... Все эти господа стараются пробудить самые низменные погромные инстинкты и почти открыто призывают к расправе с ненавистными им представителями левых течений».

Однако уже через одну-две недели в Казани наблюдался спад шовинистических настроений. Так, 14 июня 1917 года один из руководителей местной кадетской организации признал: «На первых порах партия народной свободы пользовалась в армии большим успехом, так как лозунг «война до победы» был очень популярным. Потом настроение изменилось»⁹. «Все чаще и чаще у нас на Руси, — писала 11 мая 1917 года эсеровская «Симбирская народная газета», — ныне слышатся голоса «Долой войну», «Довольно крови и слез», «Война войне».

На позиции ленинской оценки войны переходила передовая часть рабочих и солдатских масс. Признало войну захватнической, а политику Временного правительства буржуазной, отвечающей лишь интересам господствующих классов, объединенное собрание рабочих и служащих трех заводов Серебряковых в Царицыне. «Ни гроша на войну, — заявили трудящиеся, — ни копейки на поддержку братоубийственной бойни»¹⁰. 22 мая рабочие лесопильного завода товарищества «Калашников, Першиков и К» приняли резолюцию против «займа свободы». Аналогично мыслила и значительная часть рядовой армейской массы. 27 мая солдаты 155-го запасного пехотного полка Царицыны признали войну грабительской, ведущейся исключительно в интересах буржуазии, и отказались от какой бы то ни было ее поддержки. Они послали приветствие всем борцам за Интернационал, в том числе Ленину.

Вопрос о наступлении на фронте обсуждался многими Советами Поволжья во второй половине июня 1917 года. Набором трескучих фраз меньшевики и эсеры пытались прикрыть контрреволюционную сущность возобновившегося наступления. «Оно, — демагогически заявлял один из лидеров правоэсеровской фракции в Казанском Совете, — вовсе и не преследует каких-либо захватных целей, а есть лишь один из видов самой лучшей обороны, которая ведет к ослаблению сил противника, т. е. к скорейшему миру. Наша армия понесет вперед себя: свободу, братство, равенство. Понесет светлые идеи социализма»¹¹.

Большевики разоблачили причину ликования мелкой буржуазии и указали на ее связь с интересами крупного капитала. Фракция большевиков в Саратовском Совете рабочих и солдатских депутатов внесла на обсуждение резолюцию, в которой говорилось, что наступление ведется во имя корыстных, хищнических интересов господствующих классов всех стран. За нее было поднято 130 голосов, за резолюцию социал-шовинистов голосовал 241 депутат. Результаты голосования отразили «...общий и основной факт — доверие большинства мелкобуржуазной, зависимой от капиталистов политике меньшевиков и эсеров...»¹²

Истинный смысл и характер империалистического наступления разъясняли казанские большевики. В своей газете «Рабочий» они заявили 1 июня 1917 года: «История не знает примеров, чтобы на штыках приносился мир, право, справедливость. Штыки под командой врагов народа всегда несли только разрушение, насилие». Однако настроения мелкобуржуазного оборончества и шовинизма взяли верх в Казанском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, одоббившем наступательные действия на фронте. Большинство Советов в России склонилось в пользу активных действий против австро-германских войск.

Обманутая вождями ПСР и РСДРП (меньшевиков), армия двинулась в наступление. Она пошла «...на смерть, веря, что жертвы ее приносятся во имя свободы, во имя революции, во имя скорейшего мира»¹³. Интересы трудовых масс были принесены в жертву крупному капиталу, мечтавшему о новых колониях и рынках сбыта. Одновременно кадетско-соглашательский блок пытался поймать и второго зайца: затормозить и заморозить рассмотрение вопросов, связанных с улучшением положения трудящихся, запугивая их «германской опасностью» и призывая их «временно» потерпеть. И прежде всего настроения

добросовестного оборончества искусно обыгрывались для оттяжки решения проблемы 8-часового рабочего дня. Однако настойчивая борьба пролетариата за свои права показала, что трудящиеся, несмотря на известное увлечение революционной оборонческой фразой, не желают слепо идти за лидерами мелкобуржуазных партий.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 8-ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Введение 8-часового рабочего дня явилось одним из главных экономических требований пролетариата, которое он выдвинул перед своими избранниками в Советах. Под давлением пролетарских масс 10 марта 1917 года общество заводчиков и фабрикантов подписало со столичным Советом соглашение о введении 8-часового рабочего дня на предприятиях Петрограда. Успешный результат борьбы петроградских рабочих воодушевил трудящихся всей страны.

Самарская большевистская газета «Приволжская правда» 23 марта обратилась с призывом к пролетарским слоям губернии «немедленно выставить свое требование восьмичасового рабочего дня». Орган большевиков Самары подчеркивал, что введение 8-часового рабочего дня трудящиеся должны рассматривать лишь как фундамент «для дальнейшей борьбы за улучшение своего быта в экономическом отношении и за действительную политическую свободу».

Большевистские депутаты в Советах требовали немедленно декретирования 8-часового рабочего дня. Противоречивую и непоследовательную позицию в этом вопросе заняли фракции меньшевиков и эсеров. Колебания представителей мелкобуржуазных партий обуславливались несколькими причинами.

До Февральской революции соглашатели настойчиво акцентировали внимание пролетариата на то, что их партии считают лозунг 8-часового рабочего дня одним из главнейших программных положений. Но поскольку после победы буржуазно-демократической революции они связали себя союзом с капиталистами и помещиками, то открытое выступление меньшевиков и социалистов-революционеров за немедленное введение восьмичасового рабочего дня влекло за собой риск разрыва с крупной буржуазией. Поддержать же безоговорочно фабрикантов и заводчиков соглашатели также не решались, ибо тогда возникла бы опасность катастрофической потери влияния среди рабочих.

Не случайно, определяя тактику соглашателей, В. И. Ле-

нин говорил: «Меньшевики и эсеры все время революции 1917 года только и делали, что колебались между буржуазией и пролетариатом, никогда не могли занять правильной позиции и, точно нарочно, иллюстрировали положение Маркса о том, что мелкая буржуазия ни на какую самостоятельную позицию в коренных битвах неспособна»¹⁴.

Ни одна меньшевистская и эсеровская газета в Поволжье не осмелилась открыто выступить против осуществления лозунга о 8-часовом рабочем дне: это могло привести к финансовому и политическому банкротству. Одновременно соглашатели настойчиво убеждали пролетариат в том, что экономическую борьбу надо вести с величайшей осторожностью, не обостряя ни в коем случае отношений с «прогрессивной буржуазией» и соблюдая «гармонию труда и капитала». Представители мелкобуржуазных партий выступили против революционных методов ведения экономической борьбы. Лидеры меньшевистской фракции Самарского Совета рабочих депутатов доказывали: «Преступление совершают те, кто теперь призывает рабочих к острой борьбе с буржуазией, к подавлению буржуазии, к насильственным действиям против непролетарских элементов. Пролетариат не должен сейчас колебать право собственности купцов, фабрикантов и заводчиков»¹⁵. Не случайно эта декларация была встречена самарскими кадетами прямо-таки восторженно. 12 марта в своей газете «Волжский день» они почти полностью перепечатали кредо самарских меньшевиков, заключив публикацию этого документа следующим резюме: «Мудрость новой тактики... столь отличной от нетерпимости 1905 года, мы приветствуем как акт высокого гражданского и политического сознания, который укрепляет в нас веру в счастливый исход великого государственного строительства и разгоняет мрачные мысли».

Однако словно в ответ на призывы вождей меньшевистской партии к «ограничению своих классовых требований» пролетарские массы начали вводить восьмичасовой рабочий день явочным порядком. 10 марта его установили рабочие саратовского завода «Жесть». Через несколько дней это сделали все маслобойные заводы Саратова. Почти одновременно 8-часовой рабочий день был введен на заводе «Меркурий», предприятиях общества «Петроль», обувной фабрике и оружейном заводе в городе Царицыне. Таким же путем действовали в марте — апреле 1917 года рабочие Гурьевской, Румянцевской и Языковской суконных фабрик в Симбирской губернии. В этой ситуации эсеры и меньшевики в Поволжье вынуждены были, успокаивая

буржуазию и оправдываясь перед ней, пойти в вопросе о 8-часовом рабочем дне на уступки трудящимся. К тому же в свете безоговорочной поддержки большевиками требования пролетариата выступление соглашателей против лозунга о немедленном введении восьмичасового рабочего дня выглядело бы ничем иным как явным предательством интересов широких масс.

В отдельных случаях левонастроенные члены мелкобуржуазных партий даже подхватывали большевистскую инициативу и пропагандировали лозунг 8-часового рабочего дня. Так, на страницах газеты «Чернозем», органа пензенских социалистов-революционеров, 18 апреля 1917 года появились материалы, призывающие к борьбе за проведение в жизнь программы — «8 часов — для работы, 8 часов — для отдыха, 8 часов — для сна!». С лозунгами аналогичного характера выступили левые элементы в рядах Сормовской организации ПСР, эсер-интернационалист из Симбирска П. Х. Гладышев¹⁶. В Советах Поволжья фракции эсеров и меньшевиков, как правило, голосовали, хотя со значительными оговорками, за большевистские резолюции о немедленном введении 8-часового рабочего дня.

По настоянию большевиков Саратовский Совет потребовал, чтобы высший орган Временного правительства в городе («Общественный комитет») поставил вопрос о 8-часовом рабочем дне перед фабрикантами и заводчиками. 18 марта в Саратове появилось обращение «Общественного комитета», требующее не позже 22 марта войти в соглашение с Саратовским Советом рабочих и солдатских депутатов о немедленном введении 8-часового рабочего дня».

С обстоятельным изложением своей точки зрения по данному вопросу выступили представители меньшевистской партии. По их мнению, получалось, что настойчивость пролетариата в борьбе за сокращение рабочего дня противоречит интересам самих же рабочих. Они убеждали трудящихся не доводить дело до забастовок. «Как бы то ни было, — говорил меньшевик Гутерман, — забастовки не должны быть допустимы в настоящий момент». Большевики осуждали медлительность Совета в борьбе за сокращение рабочего дня и настаивали на эффективных мерах.

Однако эсеры и меньшевики не давали возможности революционной части Совета проводить более решительную политику. Более того, эсеро-меньшевистское большинство навязало депутатам ряд резолюций, сдерживавших борьбу рабочих против предпринимателей. «Совет рабочих и солдатских депутатов, — подчеркивалось в одной из них, — предлагает рабочим

г. Саратова до окончания работы образованной согласительной комиссии... не вводить самочинно 8-часовой рабочий день и начатые стачки по этому поводу прекратить». Согласительная комиссия, избранная на паритетных началах от Совета и предпринимателей, на первом заседании осудила резолюцию фабрикантов и заводчиков (по мнению капиталистов, 8-часовой рабочий день мог быть введен лишь в отдаленном будущем, сейчас же «проведение этой меры не только несвоевременно, но и вредно»¹⁷). Промышленники заявили, что они соглашались на повсеместное введение 8-часового рабочего дня, уступая давлению со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов.

Последующие заседания согласительной комиссии были посвящены переводу отдельных предприятий и целых отраслей промышленности Саратова на сокращенный рабочий день. 25 марта комиссия постановила ввести 8-часовой рабочий день на мельницах, 26 марта на всех деревообрабатывающих предприятиях, 9 апреля на маслобойных заводах — тех заводах, рабочие которых перешли на сокращенный рабочий день явочным порядком еще в первой половине марта 1917 года. Вынужденная формально санкционировать то, что рабочие осуществили самостоятельно революционным путем, буржуазия, однако, не отказалась от продолжения борьбы. Конфликты между рабочими и предпринимателями не прекращались.

Не сразу согласились на установление 8-часового рабочего дня и промышленники в Самаре. Поэтому 25 марта на заседании Самарского Совета по инициативе большевиков было принято предложение: развернуть агитационную кампанию на заводах и фабриках с той целью, чтобы организовать пролетарские массы на общее наступление за введение 8-часового рабочего дня. Особое внимание Совет рабочих депутатов уделит пропагандистской работе среди солдат Самары, потому что шовинистически настроенные офицеры могли спровоцировать их на выступление против введения 8-часового рабочего дня. Совет рабочих депутатов распорядился распространить по казармам листовки, в которых бы солдатам разъяснялась необходимость удовлетворения справедливого и законного требования пролетарских масс о введении 8-часового рабочего дня. Текст листовки было поручено составить большевику В. В. Куйбышеву, меньшевику А. И. Кабану и Успенской¹⁸. Для экстренного выпуска необходимого количества листовок исполком Совета рабочих депутатов, руководимый большевиками, реквизирует бумажные запасы кадетской типографии «Волжский день».

После того, как 15 000 листовок были распространены по казармам, исполком Самарского Совета рабочих депутатов 27 марта провел общегарнизонный митинг, на котором делегаты от фабрик и заводов обратились к крестьянам в серых шинелях с призывом о поддержке их движения за установление 8-часового рабочего дня. С большим докладом, в котором обосновывалась неотложность скорейшего решения вопроса о 8-часовом рабочем дне на митинге солдат Самарского гарнизона выступил меньшевик член исполкома Совета рабочих депутатов А. И. Кабцан. В глазах солдат и рабочих в известной степени создавалось впечатление, что меньшевики едва ли не больше всех пекутся об интересах трудящихся, хотя именно решительные действия рабочих масс во главе с большевиками не давали возможности соглашателям занять какую-либо иную позицию.

Один из руководителей Самарской организации социалстов-революционеров И. М. Брушвит пытался было опорочить в глазах солдат 102-го полка лозунг об установлении 8-часового рабочего дня, обвиняя пролетарские массы «в измене Родине перед лицом смертельной опасности со стороны Германии», но успеха не имел¹⁹. Все крупные войсковые части в Самаре вынесли тождественные резолюции: «Поддержать требование 8-часового рабочего дня».

7 апреля 1917 года Самарский Совет отдал распоряжение об установлении 8-часового рабочего дня. Это решение в исполкоме Самарского Совета рабочих депутатов было принято голосами трех большевиков (Куйбышева, Кондакова и Батусова) и трех меньшевиков (Успенской, Кабцана и Князева). «Низы» меньшевистской партии под непосредственным давлением пролетариата иногда занимали более левые позиции в рабочем вопросе, чем их «верхи». Так, орган ОК РСДРП (меньшевиков) петроградская «Рабочая газета» писала 10 марта 1917 года о том, что пока следует ограничиться пропагандой «в пользу введения 8-часового рабочего дня законодательным путем», поскольку непосредственное установление его является делом трудным, сложным и долгим.

Уступили напору масс и царицынские соглашатели, ибо он был мощным и настойчивым. В ходе Февральской революции пролетарские слои в этом городе усилили борьбу за улучшение своего положения. Они так же, как и рабочие Саратова, Самары, обращались за помощью в Совет. 9 марта 1917 года делегаты Бекетовских лесопильных заводов просили Царицынский Совет воздействовать на владельцев лесозаводов с тем,

чтобы они улучшили положение рабочих. Спустя несколько дней рабочие товарищества «Паровой мельницы» обратились в Совет с просьбой помочь им сломить сопротивление владельцев мельниц, которых рабочие трижды просили повысить заработную плату и всякий раз получали отказ. Мельничные рабочие требовали также, чтобы Совет принял меры к переводу предприятий на 8-часовой рабочий день. Резолюции с требованиями аналогичного характера поступили в Совет от рабочих французского завода, заводов Серебрякова, мельницы Герхарда, горчичных заводов Сарепты и многих других предприятий Царицына и прилегающих к нему районов. Под давлением рабочих 21 марта Совет собрал совещание предпринимателей. После ожесточенных и длительных прений было решено на предприятиях Царицына ввести 8-часовой рабочий день²⁰.

В борьбе против капиталистов в Совет рабочих и солдатских депутатов обращались за помощью астраханские рабочие. Однако эсеро-меньшевистское руководство Совета бесконечно затягивало осуществление требования рабочих. Лишь в мае 1917 года в результате возросшего забастовочного движения астраханских рабочих Совет приступил к решению вопроса о сокращении рабочего дня. 10 мая Астраханский Совет принял резолюцию, которая признавала, что лучшим выходом из создавшегося положения было бы введение 8-часового рабочего дня законодательным путем. Совет обращался к Петроградскому Совету с просьбой «оказать содействие скорейшему изданию соответствующего декрета Временного правительства». До издания такого закона Совет постановил ввести 8-часовой рабочий день во всех торгово-промышленных предприятиях «с сохранением сверхурочных работ там, где это требуется условиями производства и обороной страны»²¹. Так робко, со всевозможными оговорками эсеро-меньшевистский Совет под нажимом рабочих решил, наконец, вопрос о 8-часовом рабочем дне.

В начале апреля вопрос о введении 8-часового рабочего дня обсуждал Балашовский Совет рабочих депутатов. Было решено организовать согласительную комиссию в составе депутатов Совета и предпринимателей. Деятельность своих представителей в комиссии Совет держал под неослабным контролем. И когда один из членов Совета при решении вопроса о 8-часовом рабочем дне примкнул к предпринимателям, то депутаты гневно осудили его предательство и постановили вывести из состава Совета. На первом заседании согласительной комиссии 16 апреля 1917 года было решено перевести на сокращенный

рабочий день торговые заведения, мукомольные и маслособойные предприятия. На фабриках и заводах оборонной промышленности предполагалось сохранить в обязательном порядке сверхурочные работы с повышенной оплатой. На последующих заседаниях согласительной комиссии 8-часовой рабочий день был введен на всех предприятиях и заведениях города Балашова²².

Лишь в редких случаях Советы в Поволжье выступали против введения 8-часового рабочего дня. Так, о несвоевременности проведения его в жизнь говорили большинство членов Совета солдатских депутатов г. Ардатов Симбирской губернии²³. Но в целом фракции мелкобуржуазных организаций действовали более осторожно и гибко. Эсеры и меньшевики применили наиболее верный способ лавирования между рабочим классом и буржуазией: сначала представители ПСР и РСДРП (меньшевиков) в Советах соглашались с предложениями об установлении 8-часового рабочего дня, а потом пытались свести на нет основные постановления Советов путем внесения к ним различных мелких поправок, дополнений и уточнений.

В Сызранском Совете меньшевики и эсеры провели под оборонческим флагом «защиты Родины» следующую поправку к проекту решения об установлении 8-часового рабочего дня: распространить действие резолюции только на заводы, не имеющие никакого отношения к обороне страны. Но так как большинство фабрик и заводов Сызрани оказались связанными с армией или производством оружия, или снабжением ее продуктами питания и обмундированием, то в сферу действия постановления Совета об установлении 8-часового рабочего дня попало незначительное количество мелких и средних предприятий. Большевики Сызрани вновь развернули агитационную кампанию за принятие Советом резолюции о введении 8-часового рабочего дня на всех заводах и фабриках при одновременной отмене всяких форм сверхурочных работ.

Подобной тактики в вопросе о переводе предприятий на 8-часовой рабочий день соглашатели придерживались почти повсеместно. А. А. Минин, один из видных деятелей ПСР, откровенно говорил впоследствии: «Введение 8-часового рабочего дня было обставлено рядом оговорок государственного и даже «оборонческого» характера»²⁴.

Признание А. А. Минина еще раз подчеркивает, что именно РСДРП(б) возглавила борьбу за введение 8-часового рабочего дня. Материалы политической жизни Поволжья со всей очевидностью подчеркивают этот факт. Советы, которые имели сильные большевистские группы, решали эту проблему энергичнее

и быстрее. В отношении к предпринимателям они выступали как органы власти и, в сущности, предъявляли им ультимативные требования. Советы с большинством представителей соглашательских партий бесконечно затягивали решение об установлении 8-часового рабочего дня и принимали окончательные постановления вынужденно, под давлением рабочего класса.

В БОРЬБЕ ЗА ЗЕМЛЮ

Обстановку оборонческого угара соглашатели пытались использовать и с целью саботажа решения аграрной проблемы. И крестьян, как и пролетариат в вопросе о 8-часовом рабочем дне, эсеры и меньшевики призывали к тому, чтобы главные усилия направить на революционную оборону, а не на борьбу с помещичьим землевладением. Представители мелкобуржуазных партий успокаивали крестьян тем, что Временное правительство в недалеком будущем созовет Учредительное собрание, которое найдет благоприятное для них решение аграрного вопроса.

Среди деревенских бедняков Поволжья господствовала уверенность в том, что они скоро получат в свое распоряжение помещичью землю из рук Временного правительства. Этим в основном можно объяснить тот факт, что в первые недели марта 1917 года земельные конфликты между крестьянами и помещиками были явлением сравнительно редким.

Но шли дни, а мечты крестьян о земле не стали явью: Временное правительство ничего конкретного в вопросе о земле не говорило и лишь в самой общей форме указывало на то, что аграрную проблему может решить только Учредительное собрание. Между тем приближалось время весеннего сева, а поэтому крестьяне проявляли все большее беспокойство по поводу того, что министры Временного правительства допускают такую медлительность в решении вопроса о земле.

Корреспондент буржуазного реакционного органа «Новое время» сообщал 26 марта 1917 года: «В Самарской губернии царит тревожное настроение... Крестьяне заявляют, что, не дожидаясь Учредительного собрания, весной приступят к отчуждению земель». 1 апреля 1917 года петроградская «Земля и воля» проинформировала своих читателей о том, что крестьяне в Карсунском уезде Симбирской губернии обсуждают вопрос «как поделить землю, не дожидаясь его разрешения законодательным путем». В середине апреля центральные и местные га-

зеты запестрели сообщениями о том, что в Балашовском и Петровском уездах Саратовской губернии, Николаевском уезде Самарской губернии, Буинском уезде Симбирской губернии, Лаишевском уезде Казанской губернии, многих уездах Нижегородской губернии крестьяне начали самовольный раздел и запашку частновладельческих земель. Вести подобного рода волновали не только представителей крупного капитала, владельцев громадных поместий, но и мелкобуржуазные партийные организации.

Какую позицию занять по отношению к крестьянскому движению за землю? Этот вопрос тревожил руководителей эсеровских организаций Поволжья, под контролем которых находилось большинство Советов крестьянских депутатов. Они видели, что декларативные напыщенные ссылки на трудность военной обстановки и на то, что аграрную проблему может решить только «великий хозяин земли русской — Учредительное собрание», не могли успокоить крестьян Поволжья. Так, член Самарского губкома ПСР и губернского Совета крестьянских депутатов И. Д. Панюжев писал весной 1917 года, что языком посулов и обещаний нельзя было говорить с краем, в котором издавна веял «вольный дух Стеньки Разина» и «исстари бродила вольница в вольных степях». Среди части членов Самарской организации социалистов-революционеров зрели убеждения в том, что агитационную работу в сельской местности нельзя сводить к призывам подождать созыва Учредительного собрания, что нужно быстрее встать «на путь изыскания новых взаимоотношений» между помещиками и крестьянами, ибо в противном случае «настроение деревни может вылиться в нежелательные резкие формы»²⁵.

Напор крестьян эсеры почувствовали уже на I съезде крестьян Самарской губернии, открывшемся 25 марта 1917 года. Хотя среди 150 делегатов его преобладали члены уездных комитетов народной власти и земств, заглушить голос трудового крестьянства, жаждущего разделить помещичьи, церковные, банковские и прочие земли, оказалось делом нелегким. Как признала 29 марта эсеровская газета «Волжское слово», при обсуждении съездом аграрного вопроса с мест раздавались возгласы крестьян: «Церковная земля — наша земля!», «Взять ее засеять!».

Эсерам, руководителям I съезда, пришлось маневрировать между политикой Временного правительства в аграрном вопросе и требованиями крестьян. В конце концов после долгих увещаний, демагогических заверений и обещаний соглашате-

ли сумели удержать крестьянских делегатов в рамках мелких реформ, не затрагивающих коренным образом основ помещичьего землевладения. Съезд принял решение о прекращении в Самарской губернии сделок по купле-продаже земли и снижении арендных цен на нее. Крестьянские делегаты согласились с этими резолюциями, получив пламенные заверения в том, что партия эсеров в скором времени добьется справедливого решения аграрного вопроса в масштабах всей России.

Достаточно активно вели себя и крестьяне Пензенской губернии. Здесь I съезд крестьян, прошедший под руководством эсеров, 8 апреля 1917 года постановил передать в распоряжение волисполкомов пустующие земли и отменил арендную плату. Под давлением крестьянских масс эсеровское большинство руководства Пензенским губернским съездом вынуждено было принять решения, которые не отвечали их интересам.

Однако широкие слои трудящегося крестьянства не были удовлетворены резолюциями своих первых съездов, поскольку они не решали радикальным образом вопроса о земле. Можно себе представить, какую nervозность стали проявлять поволжские крестьяне через месяц-полтора после закрытия своих первых губернских съездов: приближалось время весеннего сева, а обещанных эсерами решений Учредительного собрания не было.

Пример пролетарских масс, установивших на многих предприятиях 8-часовой рабочий день явочным порядком, толкал крестьян на более решительные действия. «Рабочее движение, — отмечал член губернского Совета крестьянских депутатов эсер П. Климушкин в статье «История аграрного движения в Самарской губернии», — сыграло в повышении требований крестьян большую роль. Видя, что рабочие не ожидают разрешения своих экономических нужд никакими законодательными учреждениями и берут все с боя, крестьяне приходили к заключению, что и им нужно поступать так же»²⁶. Далее этот будущий министр контрреволюционного Комуча дал типичную картину крестьянского движения за землю в Поволжье весной 1917 года: «Видя топтание и робость, с которой подходили власти к земельному вопросу, крестьянство отчаялось в своих ожиданиях и само взялось за разрешение этого вопроса на местах. Во время своей поездки по Самарской губернии в начале мая я захватил это движение в полном разгаре... Почти везде и всюду я наблюдал одно и то же. Поднявшаяся деревня, почувствовав за собою силы, перестала признавать частных владель-

цев за хозяев. Луга отбирали в общее пользование и распределяли между всеми. Там, где... землевладелец препятствовал этому, начинались потравы, вытаптывания...

— Что вы делаете? — говорил я в одной деревне. — Ведь себя губите!

— А что ж... смотреть что ли..., — отвечали мне с каким-то озлоблением и решительностью. — Целоваться что ли с ним [помещиком].

— Но ведь вы себе вред делаете... себя губите...

— И пусть... а платить мы ему не будем...

— Вы же и будете голодать!

— Нам не привыкать...

И это говорилось с такой настойчивостью и уверенностью, что я несколько не сомневался, что именно так и будет»²⁷.

Другой член Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, народный социалист И. Марков, после поездки по селам и деревням Поволжья писал, что в мае 1917 года ненависть крестьян-общинников к отрубникам-кулакам достигла невероятных размеров. «Нужно было видеть эти бледнеющие во время спора лица с горящими глазами, дрожащие руки с поднятыми кулаками, чтобы прийти в ужас от той бездны озлобления и ненависти»²⁸.

Доверие крестьянства к центральным правительственным учреждениям падало. Временное правительство, защищая интересы помещиков, рассылало циркуляры, в которых подчеркивало неизбежность принципа неприкосновенности частной собственности. Руководство партии, с которой крестьяне связывали свои надежды на получение «Земли и воли», предлагало ждать решения аграрной проблемы Учредительным собранием. Лидеры меньшевиков вместо оказания помощи крестьянам в их движении за раздел помещичьих земель призывали к борьбе против «анархической агитации большевиков» в аграрном вопросе.

Только партия большевиков показала себя истинным защитником интересов крестьянства, выдвинув требование конфискации помещичьей и национализации всей земли. Осуществление этой программы не только удовлетворяло вековую мечту крестьянства, но и подрывало основы господства помещиков и буржуазии, наносило сильнейший удар по крепостническим пережиткам и частной собственности вообще. РСДРП(б) призывала крестьян брать помещичью землю немедленно в организованном порядке²⁹.

Крестьяне Поволжья, ведомые классовым инстинктом и чер-

ная силы в агитации большевиков, сами взялись за решение аграрного вопроса.

В Самарской губернии в связи с бурным ростом числа крестьянских выступлений эсеры вынуждены были созвать II съезд тружеников земли. Соглашатели надеялись убедить крестьянских делегатов воздержаться от революционных методов решения аграрной проблемы. Созыву II съезда предшествовала острая межпартийная борьба за крестьянство. Расстановка сил представителей различных политических партий в Самарской губернии выглядела к началу мая 1917 года следующим образом: большевиков здесь насчитывалось около 2800 человек, эсеров — 17000, меньшевиков — 1000, кадетов — около 300.

Господствующее положение в деревнях и селах губернии заняли эсеры (силы большевиков почти целиком сосредоточились в Самаре). Но надо учесть, что в большой по численности организации ПСР не было единства взглядов по аграрному вопросу. В ней выделились три группы с различными теоретическими платформами по земельной проблеме. Представители правого крыла во главе с С. А. Волковым (их называли минималистами) настаивали на полной поддержке Временного правительства и даже выступали за принятие репрессивных мер против крестьян, самовольно захватывающих помещичьи земли.

Эсеры-центристы во главе с П. Д. Климушкиным и И. М. Брушвитом считали, что революционное самарское крестьянство надо успокоить полуреформами, не затрагивающими основ сложившихся аграрных отношений.

Левые эсеры и максималисты, входившие в объединенную Самарскую организацию ПСР до июля 1917 года, настаивали на распределении всех частновладельческих, церковных и прочих земель до созыва Учредительного собрания. Эта группа мелкобуржуазных демократов в известной степени близко подошла в вопросе о земле к позиции самарских большевиков, которые центром пропагандистской работы в деревне сделали призыв В. И. Ленина к конфискации помещичьей и национализации всей земли.

С ленинской программой решения аграрного вопроса, с целью ее разъяснения, в уезды губернии выехала накануне II съезда крестьян группа агитаторов-большевиков из Самары. Вот что писал впоследствии И. А. Петровский, солдат 102-го пехотного полка, один из участников этой пропагандистской бригады: «Мне пришлось побывать примерно в 20 селах

и деревнях южной части Самарского уезда и в Николаевском уезде. На собраниях мне обычно вначале задавали вопрос, от какой партии я буду говорить. После того как я объявлял, что от партии социал-демократов (большевиков), слово брали местные деятели из эсеров, какими часто оказывались священники. Они заявляли, что социал-демократы против социализации земли, то есть против передачи земли крестьянам, что нечего этого оратора слушать. Но я разъяснял, что я хотя и социал-демократ, но не меньшевик, а большевик, что я фронтовик и бывал в Москве, что большевики стоят за немедленное распределение земли крестьянам, не дожидаясь Учредительного собрания. После этого я нападал на эсеровскую партию, которая наобещала крестьянам землю, а оказавшись у власти, ничего не делает для этого. Собрания проходили очень бурно. Крестьяне говорили: «В партиях мы еще не разбираемся, но помещичью землю надо брать сейчас же!». Всюду поднимался вопрос, что на созываемый второй губернский крестьянский съезд надо посылать делегатов с наказом о немедленном изъятии земли и инвентаря у помещиков»³⁰.

Можно понять, почему опасались присутствия большевиков на II съезде крестьян все защитники интересов буржуазии и помещиков. Эсеры-минималисты, меньшевики и кадеты принимали все усилия, чтобы на съезд не прошли делегаты с партийными билетами РСДРП(б). Больше того, кадеты, не имевшие надежд быть избранными на съезд, поскольку их влияние на крестьян было очень слабым, старались помочь меньшевикам добыть побольше делегатских мандатов. Лидер самарских кадетов А. Кудрявцев откровенно заявил, что он предпочитает видеть на съезде меньшевиков, нежели представителей ленинской партии³¹.

Кадетам, меньшевикам и эсерам-минималистам удалось добиться поставленной цели: большевики не были избраны на II съезд крестьян Самарской губернии. Сельское население в основном шло за эсеровским лозунгом «Земля и воля», не понимая еще, что от обещаний до дела в аграрном вопросе у эсеровской партии — огромное расстояние. Самарские большевики к этому времени не имели своих ячеек в деревнях и селах, а потому им трудно было развить широко пропаганду идей партии среди крестьянских масс. Несмотря на поездки отдельных агитационных групп большевиков в некоторые уезды губернии, в целом крестьяне получали информацию о деятельности РСДРП(б) или из уст эсеров, или из буржуазной печати.

В этих условиях самарские большевики приложили макси-

мум усилий, чтобы ознакомить прибывших делегатов с программными положениями партии по вопросу о земле. За два дня до открытия съезда «Приволжская правда» опубликовала резолюцию VII Апрельской конференции по аграрному вопросу. Важное значение имело распространение среди делегатов листовки-резолюции Самарского Совета рабочих депутатов от 16 мая 1917 года, принятой по предложению большевиков и эсеров-максималистов. Она гласила: «Принимая во внимание, что земельный вопрос является жизненным... для крестьян и страны в данный момент, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны немедленно приступить к решению этого вопроса до Учредительного собрания»³². Не случайно орган самарских кадетов выразил 20 мая 1917 года опасения, что делегаты II съезда последуют «указке» Самарского Совета рабочих депутатов, который советовал приступить «к немедленному решению земельного вопроса».

II съезд крестьян Самарской губернии открылся 20 мая 1917 года. Им руководила эсеровская фракция, среди которой преобладали минималисты. Они считали, что в аграрном вопросе лучше всего занять консервативно-выжидательную позицию, следуя политике Временного правительства, и что нужно постараться убедить крестьянских делегатов в необходимости сохранения статус-кво в земельных отношениях до созыва Учредительного собрания. Немногочисленная фракция меньшевиков блокировалась с эсерами-минималистами.

В напряженной тишине начал свой доклад «О земле» председатель съезда, член Совета крестьянских депутатов эсер-минималист С. А. Волков. Крестьянские делегаты с удовлетворением выслушали вступительную часть доклада, в которой говорилось о том, что партия социалистов-революционеров будет бороться за передачу земли крестьянам бесплатно. Однако последовавшие фразы в том духе, что провести в жизнь эту программу «не сразу удастся», несколько озадачила делегатов деревни. А уже спустя несколько минут зал недовольно загудел. Да и как могли спокойно и ровно биться сердца посланцев деревни, когда С. А. Волков заявил: «С.-р. и министр Чернов смотрят так: до Учредительного собрания вопрос об уничтожении частной собственности пока не должен быть разрешен окончательно. Пока надо собирать все материалы относительно земли»³³. Закончил свою речь этот оратор под шум и негодующие восклицания: так реагировали крестьянские делегаты на призыв С. А. Волкова остаться на позициях своего I губернского съезда в вопросе о земле.

Атмосфера в зале заседаний II съезда накалилась. Представитель меньшевистской фракции, член исполкома Совета крестьянских депутатов, Игаев, заранее предполагая бурную реакцию на свою речь (печальный опыт С. А. Волкова говорил об этом), начал свое выступление с просьбы «дать говорить свободно». Однако зал заволновался после первой же фразы Игаева. «Какой придумать лучший способ землепользования? — в нараставшем шуме патетически спрашивал этот оратор-соглашатель. — Какой выбрать из предлагаемых различными партиями? С этим решением спешить не надо. Во-первых, страшная поножовщина пойдёт, если землю будете делить сейчас до Учредительного собрания... Во-вторых, если будете сейчас делить землю, солдаты в окопах прослышат, бросят войну, побегут домой. Больше ждали — погодите еще немного до Учредительного собрания»³⁴.

Крестьянские делегаты не дали меньшевику Игаеву «говорить свободно». В ответ на его призыв отложить решение аграрной проблемы до Учредительного собрания с мест неслись возмущенные возгласы: «Опять все ждать? Смутьян! Зачем смущаешь нас?»

Доклады С. А. Волкова и И. Д. Игаева наэлектризовали крестьян. Желавших выступить было очень много. С трибуны съезда заговорили испепеляющая тоска по земле, боль от пережитых страданий, причиненных помещиками. Одним из первых взял слово представитель деревенской бедноты Костерин: «В войсках волнений не будет, если мы теперь же приступим к дележу земли. Учредительного собрания ждать не нужно, Нам все говорят, что нужно ожидать Учредительного собрания, этим нас словно утешают. Землей должны пользоваться те, кто на ней сейчас будет работать своими мозолистыми руками. Нужно землю поделить по наличным душам. Землей в волости должны распоряжаться волостные комитеты. Мы приехали в Самару, чтобы составить закон, которому все в губернии должны подчиняться».

Еще более резко по отношению к руководителям съезда — правым эсерам и меньшевикам — было выступление следующего оратора — крестьянина Егорова: «Нам всегда говорят — «потом», «потом», а не теперь, до созыва Учредительного собрания. Отрубники богаты землей, а у большинства из нас — ни борозды. Боязни анархии не может быть, ибо отрубников мало, а нас много. Всякие полумеры, заплатки предлагало только старое правительство. С землей нужно покончить теперь же. Слепо доверяться и партиям нельзя»³⁵.

Последнее замечание Егорова о том, что не следует слепо верить партиям, явно относилось к докладам соглашателей С. А. Волкова и И. Д. Игаева. К тому же выступление Волкова было расценено многими делегатами, судя по кулуарным разговорам, как попытка обосновать необходимость выкупа земли крестьянами у помещиков. С целью разрядки гнетущей атмосферы недоверия к эсеровской партии С. А. Волков попросил слово для справки сразу же после выступления крестьянина Егорова. «Сейчас, — начал маневрировать он, — земельный вопрос не может быть решен до созыва Учредительного собрания. Земля пока остается в руках тех же собственников, только она должна перейти в арендное пользование на условиях, выработанных вами».

Эта крохотная уступка лидера эсеровской фракции несколько не удовлетворяла крестьянских делегатов. Она только подлила масла в огонь дискуссии, развернувшейся в последующие дни работы съезда. Об этом говорят протокольные записи выступлений делегатов:

24 мая 1917 года. Лукьянов (солдат). Мы теперь же должны взять и решить земельный вопрос. Если теперь мы не возьмем землю, то мы можем в будущем не получить эту свою землю... Рабочие сразу взяли 8-часовой рабочий день, и крестьянам ждать нечего.

Марковский. Передача земли должна быть немедленно... Уже фактически в некоторых уездах земли взяты...

Макаров. Платить за землю мы не будем ни копейки... Землю мы брать должны целиком...

Горбатовский. Игаев говорил: того не надо, этого незначем... Землю брать не страшно... Анархии не будет.

Никаноров. Присоединяюсь, что земля всецело должна сейчас отойти к крестьянам без всякого вознаграждения; платить и 3 руб. не имеет смысла. Мы сейчас должны вынести закон о земле, так как мы законодатели.

Ильин. Все мы явились не ждать, чтобы преподнесли закон, а Учредительное собрание его лишь утвердит.

Хохлов. Мы не уйдем отсюда до тех пор, пока не постановим, чтобы вся земля перешла в руки тех, кто ее обрабатывает.

Мухамет-Устафиев. Нам говорят, что мы не можем взять землю до Учредительного собрания... Если мы сейчас землю не возьмем, то прощай наша земля и воля.

Фролов. Вопрос о земле освещен со всех сторон. Хватит

языком молоть, а дело теперь за Стенькой Разиным. И теперь это время настало.

Луньков. Если мы сейчас не постановим о земле, то с чем мы вернемся? Если ждать Учредительного собрания, то ничего не выйдет. Мы должны постановить, что вся земля переходит в общенародный фонд, а утвердит это уж Учредительное собрание.

Хаяров. У всех у нас одно решение: земля вся наша»³⁶.

Последняя фраза Хаярова была на устах абсолютного большинства крестьянских делегатов, выступивших с трибуны съезда. Корреспондент самарской меньшевистской газеты «Наш голос» не мог скрыть этого факта. В одном из своих репортажей он указал: «Много еще говорило ораторов, и через все их речи красной нитью проходит мысль: нужно сейчас же брать землю... до Учредительного собрания; сделать это организовано, через местные комитеты; ни выкупов, ни арендной платы никакой не надо. Земли все брать: и частновладельческие, и у отрубников, оставлять им только то, что сами могут обработать»³⁷.

Председатель II съезда эсер-минималист С. А. Волков под огнем критики крестьянских делегатов, прижатый к стенке единой позицией тружеников земли, вынужден был вновь лавировать, юлить, маскировать свою антикрестьянскую платформу в аграрном вопросе. На вечернем заседании съезда, 24 мая 1917 года, он вновь двусмысленно сказал: «Одни считали недостатком моего доклада, что он не предлагает немедленно приступить к дележу земли, другие недовольны, что не разработаны правила пользования на этот год. Но в мою задачу это не входило; я хотел указать на положение земельного вопроса в наших уездах и как там думают поступить с землей. Подробно же обсуждать все правила должен съезд».

Льстиво предлагая делегатам съезда разработать правила пользования землей, С. А. Волков на самом деле изыскивал лихорадочно все способы срыва решения аграрного вопроса таким путем. Так, на следующий день, 25 мая 1917 года, он огласил циркуляр Временного правительства от 3 мая 1917 года. В этом постановлении указывалось, что местные организации и учреждения не имеют права издавать какие-либо правила, определяющие порядок и условия частного землепользования, а также устанавливать арендные цены на земли и сенокосы. Однако хитроумный ход С. А. Волкова, пытавшегося оказать давление на делегатов, принес результаты, обратные желаемым. Циркуляр Временного правительства вызвал негодование

крестьянских посланцев. Они, вскакивая с мест, кричали: «Долой циркуляр! Ишь чего захотел!»

Настроение крестьянских делегатов становилось для эсеров-минималистов и эсеров-центристов просто угрожающим. Они стали опасаться, что делегаты могут уйти со съезда до окончания его работ и, «разъехавшись, на местах кликнуть клич, что им земли дать не хотят». А в этом случае, как считал товарищ председателя Самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсер Панюжев, повторится неизбежно 1905 год, «когда гнев народный вылился через край и помещики поплатились своими усадьбами и жизнями»³⁸.

Один из руководителей съезда эсер-центрист И. М. Брушвит пришел к выводу, что «ублажение крестьян разговорами о спасении Родины», о необходимости подождать с решением аграрного вопроса до Учредительного собрания — дело совершенно бесполезное и безнадежное. По признанию самого Брушвита, обстановка на съезде была такова, что надо было пойти на серьезные уступки крестьянским делегатам.

П. Д. Климушкин, член губкома эсеров, пришел к такому же мнению, что и И. М. Брушвит. В целом взгляды большинства эсеров-центристов и минималистов были таковы: надо «создать клапан, чтобы не было пылающих помещичьих усадеб девятьсот пятого года»³⁹.

26 мая 1917 года П. Д. Климушкин и И. М. Брушвит от имени эсеровской фракции предложили крестьянским делегатам образовать аграрную комиссию, которая бы составила Временные правила пользования землей в Самарской губернии до Учредительного собрания.

Над проектом указанных правил эсеровские лидеры работали 5 дней. За это время в политических убеждениях части крестьянских делегатов произошли важные изменения. Присутствие посланцев деревни на митингах в городе Самаре, непосредственные контакты с большевистскими агитаторами не прошли без последствий. Например, делегаты, сочувствовавшие эсерам, после беседы с членами РСДРП(б) в помещении редакции «Приволжской правды» растерянно и удивленно констатировали: «Большевики о земле правильно решают»⁴⁰. Не случайно 31 мая один из правозеро-эсерских ораторов в своей приветственной речи от фронтовиков зывал к участникам II съезда с мольбой «не слушать ленинцев» и «не забирать самовольно земли».

И вот 1 июня 1917 года председатель аграрной комиссии эсер Климушкин огласил долгожданный проект «Временных

правил пользования землей» в Самарской губернии. Велико же было разочарование делегатов-крестьян. Этот проект при всей его перегруженности фразами об уравнительном землепользовании, о необходимости покончить с помещичьей кабалой, тем не менее фактически защищал интересы крупных землевладельцев и кулаков. Эсеровские «Временные правила» предлагали выделить отрубникам большие наделы, а также сохранить высокую арендную плату. Крестьянские делегаты потребовали тщательного постатейного обсуждения проекта «Временных правил». Эта дискуссия напоминала массированную атаку на эсеровскую фракцию, которая предложила решение аграрного вопроса, нисколько не удовлетворившее крестьян.

Вот как корреспондент самарского кадетского органа описывал атмосферу дебатов вокруг проекта «Временных правил»: «В течение двух заседаний проходили жаркие споры буквально по каждому пункту... Вопрос о наделении отрубников землей в такой норме, как изложено в этом [проекте] вызвал ряд протестов. Большинство ораторов находило, что отрубники пользовались всякими привилегиями при старом режиме, который был всецело на их стороне, а теперь эти привилегии должны быть уничтожены и отрубники должны быть наделены землей на общих основаниях со всеми крестьянами. В таком духе и было внесено исправление в этот пункт»⁴¹.

Но давление крестьян на эсеровскую фракцию после принятия вышеуказанного положения ничуть не ослабло: оно еще более усилилось при обсуждении пункта об арендной плате. «Этот вопрос, — сообщал 3 июня журналист буржуазного «Волжского дня», — вызвал огромное недовольство. Когда была оглашена резолюция, выработанная аграрной комиссией, то по общему настроению было видно, что она неприемлема для большинства участников съезда. После нескольких ораторов, высказавшихся против этих правил, постановлено передать этот вопрос для новой разработки».

Небезынтересно, как сам эсер П. Д. Климушкин, председатель аграрной комиссии, описывает в своих мемуарах ту ярость, с которой делегаты-крестьяне встретили пункт проекта «Временных правил» о необходимости сохранения высокой арендной платы. «А-а, вот они какие... наши защитники, — говорили крестьяне о руководителях съезда и членах аграрной комиссии, — на словах только хороши, а как до дела дошло, так за помещиков... Вон изменников»⁴². П. Д. Климушкин признается в том, что в этот момент было просто «опасно показаться на глаза делегатов». В конце концов пункт об арендной

плате, несмотря на сопротивление эсеровской фракции, был выброшен из проекта «Временных правил».

В итоге крестьянские делегаты добились составления «Временных правил пользования землей» в таком духе, который отвечал их интересам. В этой обстановке правые эсеры и меньшевики не решились открыто выступить на защиту помещичьего землевладения. Однако соглашатели не отказались от планов, направленных на срыв или оттяжку принятия этого демократического решения съезда о распределении всех частновладельческих, банковских, церковных и прочих земель между крестьянами до созыва Учредительного собрания. Псевдосоциалисты занялись крючкотворством.

Лидер самарских меньшевиков А. И. Кабцан и правый эсер Захаров предложили послать «Временные правила пользования землей» на утверждение правительству. И Кабцан и Захаров в один голос заверяли, что А. Ф. Керенский и В. М. Чернов утверждают постановления крестьянского съезда. В ответ зал заседания недовольно зашумел, зарокотал: крестьяне разгадали маневр соглашателей. Эсер-максималист Ивлиев с трибуны съезда возмущенно спросил: «Если требуется разрешение правительства, то зачем же нас собирали?» Бедняк Мустафин прямо заявил, раскрывая хитроумную уловку адвокатов помещичьего землевладения: «Нам сварили кашу, помаслили ее, а поест-то и не дают». Маневр правых эсеров и меньшевиков не удался: им не удалось утопить «Временные правила» в дебрях правительственных инстанций. Но эта попытка соглашателей обмануть крестьян не была последней.

Правые эсеры С. А. Волков, Погодин и меньшевик А. И. Кабцан выступили с предложением создать комиссию, которая бы после окончания работ съезда занялась «литературной шлифовкой» «Временных правил». Но провести крестьянских делегатов было не так-то просто. Они бдительно и настороженно следили за интригами руководителей съезда. Орган самарских кадетов следующим образом отразил этот момент работы съезда: «Сильный протест со стороны делегатов вызвало предложение передать выработанные правила для литературной обработки в особую редакционную комиссию.

— Какие там исправления и изменения пужны? Все хорошо! — неслось со всех сторон. — Для нас же эти правила понятны, они написаны нашим русским языком и нечего их исправлять!

Никакие уверения в том, что комиссия существа принятых правил не изменит, а лишь исправит литературные погрешно-

сти этих правил, выработанных на скорую руку, не привели ни к каким результатам»⁴³.

«Временные правила пользования землей» были утверждены съездом в качестве закона для Самарской губернии.

Аналогичная обстановка сложилась 14—15 мая на II съезде крестьян Пензенской губернии, в работе которого активное участие приняли большевики во главе с В. В. Кураевым. Съезд, на котором присутствовало до 500 делегатов от крестьян, был объявлен губернским учредительным собранием; он избрал новые органы власти — бюро губернского исполкома, губернскую земскую управу, губернского комиссара и его помощника. Во всех руководящих органах губернии господствовали эсеры. Однако обстановка, сложившаяся в этот период, была такова, что съезд значительно углубляет и расширяет решения первого губернского крестьянского съезда. Если раньше шла речь об использовании только незасеянных земель, то теперь, месяц спустя, в постановлении съезда прямо говорилось, что «все государственные, кабинетские, удельные, помещичьи и вообще частновладельческие, банковские, монастырские, церковные и причтовые, городские мещанские земли должны перейти на учет волостных исполнительных или земельных комитетов и распределены между трудовой, не наемной силой волости». Подлежал учету весь живой и мертвый инвентарь помещичьих имений. Им впредь распоряжались волостные исполнительные комитеты⁴⁴.

Постановления съезда, по словам пензенского губернского комиссара, были встречены как давно желанный способ разрешения земельных отношений. Повсеместно волостные комитеты отбирали помещичьи земли, скот, инвентарь. Многочисленные сообщения об активной антипомещичьей борьбе крестьян поступали со всех уездов губернии.

Большое внимание аграрному вопросу уделил Саратовский губернский съезд Советов, состоявшийся 5 мая 1917 года. В его работе приняли участие представители семи городских и уездных Советов Саратовской и частично Самарской губерний: Аткарского, Вольского, Камышинского, Кузнецкого, Петровского, Покровского и Саратовского. Большевик В. П. Милютин в своем выступлении на съезде старался убедить делегатов в необходимости быстрее ликвидации помещичьего земле- владения. Он призвал крестьян брать землю, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Тогда, по его словам, Учредительному собранию придется только «приложить штамп к тому, что уже сделано». В резолюции «О земле», внесенной на

рассмотрение В. П. Милютиным, подчеркивалось, что волостные и уездные комитеты должны сами определять формы землепользования и при решении аграрного вопроса не ждать постановлений правительственных органов.

Эта часть резолюции вызвала резкие возражения со стороны трудовиков и эсеров. Они доказывали делегатам съезда, что формы землепользования должно определять Учредительное собрание. В ответ на предательское предложение соглашателей с огромной силой прозвучало выступление крестьянского делегата из Кузнецкого уезда (фамилия его, к сожалению, не установлена). «Я, как выходец из темной деревни, — говорил он, — должен сказать свое слово. Наша деревня все еще находится в прежних условиях. Света мы за 2 месяца мало увидели. Я не могу сказать: «Сиди, мужик, и жди». А хочется крикнуть: «Никто тебе ничего не сделает, заботься сам, что сделаешь, то и хорошо»⁴⁵. Крестьянин требовал немедленно отдать землю трудовому народу.

Трудовик Медведев вновь призвал делегатов подождать с решением аграрного вопроса. «Ждали долго, — увещевал он, — можно еще немного подождать. А слова, что «крестьяне сами себе помогут», слова опасные». Съезд Советов по вопросу о земле пошел за большевиками. Он принял резолюцию в формулировке, предложенной В. П. Милютиным.

Острые партийные дискуссии по аграрной проблеме имели место в Астраханском Совете, в особенности 3 июня, когда обсуждался вопрос о крестьянском движении за землю в Черноморском уезде. Один из эсеров жаловался, что там преобладает захватное стремление, частновладельческие земли отбираются, происходят потравы и т. д. Он просил членов Совета послать в уезд такую делегацию, которая была бы в состоянии остановить движение крестьян. Большевики не согласились с такими задачами советской делегации. По их мнению, представители Совета должны были придать конфискации земель организованный характер, для чего необходимо на местах создать земельные комитеты.

Эсеры и меньшевики с раздражением говорили о предложении большевиков, высказавшись против всяких захватов. Они толковали, что путем агитации нужно дать понять крестьянам, что захватов быть не должно. Совет принял резолюцию соглашателей.

На одном из первых мест в Поволжье и европейской части России по размаху крестьянского движения за землю стояла Казанская губерния. Причем в отличие от Астраханской и от-

части Саратовской, где борьба за землю протекала стихийно и неорганизованно, в Казанской губернии она получила организованную и целенаправленную форму. Помощь большевиков и примыкавших к ним левых эсеров сыграли решающую роль в консолидации сил трудящейся части сельского населения.

Орган казанских большевиков систематически помещал материалы, разъяснявшие стратегию и тактику РСДРП(б) в аграрном вопросе. Так, 13 апреля газета опубликовала статью «Земля народу», в которой указывалось: «Во всех своих выступлениях мы отмечали, что немедленный приступ к ликвидации помещичьего землевладения важен не только в целях предупреждения аграрной анархии, не только для того, чтобы обезопасить поля и предупредить грядущий голод, но что революционный народ не может ни одной лишней минуты оставлять у главной опоры старого строя — помещиков и их главную силу — землю. Отобрание помещичьей земли должно быть произведено немедленно.

Мы говорили и говорим, что отобрание должно быть проведено организованно»⁴⁶.

Активная агитация левых эсеров в Казанской губернии за немедленное уравнилельное распределение земель также сыграла большую роль в придании организованного характера поднимаемому движению крестьян за землю. 13 мая 1917 года Казанский губернский Совет крестьянских депутатов, в котором преобладающее влияние имели левые социалисты-революционеры, принял следующее постановление по аграрному вопросу: впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, в интересах успеха революции и обеспечения страны продовольствием, после того, как будут организованы волостные и сельские комитеты, Совет крестьянских депутатов находит необходимым все пахотные земли и луга помещичьи, удельные, монастырские, церковные, кабинетские, городские передать в распоряжение волостных комитетов.

Размах крестьянского движения в Симбирской губернии был столь велик, что местные эсеры, в основном последователи правых лидеров, как Савинков и Брешко-Брешковская, пошли на уступки в аграрном вопросе. 15 мая 1917 года уездный Симбирский Совет крестьянских депутатов постановил: до Учредительного собрания передать частновладельческие земли в пользование трудовому населению.

Решения Советов крестьянских депутатов и съездов крестьян о разделе помещичьих земель горячо приветствовали большевики Поволжья. Постановления II съезда крестьян Самар-

ской губернии оценивались «Приволжской правдой» следующим образом: «По вопросу о земле съезд говорил истинно революционным языком»⁴⁷.

Позиция большевиков Поволжья в аграрном вопросе говорила о том, что члены РСДРП(б) готовы поддержать те демократические мероприятия, которые соглашательские организации вынуждены были выдвинуть под давлением масс. Появилась, казалось, надежда на то, что большевики и представители низовых мелкобуржуазных организаций будут совместными усилиями решать некоторые коренные проблемы, которые поставила Февральская революция. Известный оптимизм в этом отношении вселял не только тот факт, что эсеры Казанской, Самарской, Пензенской и Симбирской губерний сделали полшага навстречу крестьянам в решении аграрной проблемы, но и то, что они вместе с большевиками проголосовали в Советах (пусть со многими оговорками) за введение 8-часового рабочего дня. Весь вопрос заключался теперь в том, выполнят ли социалисты-революционеры предложенные ими же постановления по аграрному вопросу и покажут ли себя меньшевики хотя бы относительно последовательными защитниками интересов рабочего класса.

В целом низовые мелкобуржуазные организации и их фракции в местных Советах, испытывая громадное давление масс, занимали несколько более левые позиции, чем вожди ПСР и РСДРП(меньшевиков). Подпираемые массовым движением крестьян за землю, фракции эсеров в Советах крестьянских депутатов Поволжья дерзали даже выступать с критикой аграрной политики Временного правительства и ЦК ПСР. На городской конференции социалистов-революционеров Петрограда в мае 1917 года представитель-наблюдатель от Саратовской организации (фамилия неизвестна) заявил: «На Поволжье недовольны уступчивостью партии. Солдаты не хотят идти на фронт, не получив гарантии земли. Упрекают, говоря: когда знамя Земли и Воли склонилось над нами, неужели отказаться взять его»⁴⁸. На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов представитель делегации Поволжья эсер Евсеев обратился к руководителям своей партии: «Дайте возможность трудовому крестьянству спокойно заниматься делом, не боясь, что земля может уплыть из его рук... Дайте нам гарантию... Созидайте же твердой рукой и не идите кадетской дорогой»⁴⁹.

Для проведения в жизнь своей программы, своих обещаний низовым организациям ПСР и РСДРП (меньшевиков) и их

фракциям в Советах необходимо было прежде всего порвать соглашение с капиталистами и помещиками. Сумеют ли, захотят ли поволжские меньшевики и эсеры последовательно действовать в интересах рабочих и крестьян — на этот вопрос стало возможным ответить только тогда, когда представители соглашательских партий определили окончательно свою позицию по отношению к Советам.

На первых порах (в марте — апреле 1917 года) деятельности Советов был присущ значительный размах и достаточно высокая активность. Они вели энергичную борьбу против остатков самодержавно-крепостнического строя. Советы помогли рабочим преодолеть сопротивление предпринимателей и помещиков и в установлении 8-часового рабочего дня, и в передаче земли крестьянам, и в улучшении условий труда рабочих, и в демократизации органов местного самоуправления.

Деятельность Советов в рассматриваемое время носила отчетливо выраженный антипомещичий и антибуржуазный характер. Именно в этом заключалась сильная сторона Советов и их огромное историческое значение. Советы утвердились как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Несмотря на отмеченную В. И. Лениным слабость Советов, проявившуюся в их мелкобуржуазной зависимости⁵⁰, эти органы были вынуждены принимать решения в пользу трудящихся масс.

Эсеры и меньшевики, руководившие Советами в первые дни после Февральской революции, уступили напору рабочих, солдат и крестьян. В докладе на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин подчеркивал, что «даже не большевики выработали конституцию Советов, ее выработали до большевистской революции меньшевики и эсеры против себя. Он выработали ее так, как выработала жизнь»⁵¹. Однако проводя демократические мероприятия, соглашатели по мере возможности старались не оттолкнуть от себя буржуазию, сеяли иллюзии возможности классового мира между пролетариатом и крупным капиталом. Своеобразной лакмусовой бумагой для выяснения вопроса, с кем решили идти мелкобуржуазные фракции — с буржуазией или трудящимися — явилось ленинское требование передачи власти Советам.

В марте и в первые дни апреля 1917 года большевики Поволжья не выдвигали требования установить единовластие Советов. В этом отношении они следовали за Бюро ЦК РСДРП(б), которое до приезда В. И. Ленина в Петроград указывало на необходимость укрепления Советов и усиления их влияния, однако не высказывалось за передачу власти Советам. Газета «Правда» в марте 1917 года рекомендовала Советам и другим демократическим организациям трудящихся «осуществлять самый решительный контроль над действиями Временного правительства и его агентов, как в центре, так и на местах»⁵².

Ошибочный тезис контроля Временного правительства Советами поддерживался рядом большевистских организаций в Поволжье. Самарские большевики предлагали «установить строгий контроль над деятельностью Временного правительства ... оказывая помощь последнему в тех мероприятиях, которые будут делаться в направлении закрепления революционных завоеваний»⁵³. Подобный подход по отношению к Временному правительству свидетельствовал о том, что самарские большевики в марте и начале апреля недооценивали роли Советов как наилучшей формы государственной власти пролетариата и беднейшего крестьянства.

Саратовские большевики осуществление своих ближайших задач связывали со скорейшим созывом Учредительного собрания, а не с передачей власти Советам. В. П. Милютин заявил 18 марта 1917 года, что буржуазное Временное правительство обязано выполнить волю революционного народа и призвал к политике давления на министров кабинета Львова. 19 марта Царицынский Совет единогласно постановил поддержать Временное правительство, поскольку оно продолжает стоять на страже завоеванных свобод и гарантирует созыв Учредительного собрания. Кузнецкий Совет поддерживал Временное правительство при условии, если оно «будет идти рука об руку с Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»⁵⁴. Аналогичную позицию в этом вопросе занял и Астраханский Совет.

От ошибочных взглядов по отношению к Советам большевики Поволжья избавлялись по мере ознакомления с Апрельскими тезисами В. И. Ленина и решениями VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) и усвоения основ ленинского стратегического плана.

Апрельские тезисы и постановления VII (Апрельской) конференции явились для местных большевистских организаций программой борьбы за массы, за передачу власти Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Признав требование контроля Временного правительства неправильной позицией, члены РСДРП(б) в Поволжье перестроили агитационную работу на заводах и фабриках, сосредоточив свое внимание на пропаганде ленинского лозунга «Вся власть Советам!».

Против передачи власти Советам выступили представители мелкобуржуазных партий.

Разногласия в оценке роли Советов отражали коренные различия во взглядах большевиков и соглашателей относительно путей развития революции после свержения монархии. «Своеобразие текущего момента в России, — указывал в апреле 1917 года В. И. Ленин, — состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»⁵⁵.

Партия большевиков подчеркивала необходимость проведения таких мер, как установление рабочего контроля, отмены коммерческой тайны, национализации банков — осуществление подобной программы способствовало бы переходу к непосредственно социалистическим преобразованиям.

Меньшевики и социалисты-революционеры, наоборот, доказывали, что в России к 1917 году еще не сложились объективные предпосылки для социалистической революции. В подтверждение этого тезиса они ссылались на то, что пролетариат представляет в стране меньшинство населения, а потому все попытки провести в жизнь мероприятия социалистического характера потерпят неудачу. «К вопросу о социализме наши эсеры и меньшевики, — писал В. И. Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», — подходят по-доктринерски... Они представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим»⁵⁶.

Лидер ПРС В. М. Чернов считал, что России нужно еще пройти длительный путь совершенствования капиталистических форм хозяйства, что нужно спокойно ждать, когда буржуазный строй изживет себя и закончит свое существование путем естественной «ненасильственной смерти»⁵⁷.

Вот почему представители эсеровской и других мелкобуржуазных партий стремились удержать движение пролетарских масс в буржуазно-демократических рамках, доказывая, что

самой лучшей формой государственной власти является парламентарная республика.

Провозглашение России парламентарной республикой подразумевало собой лишение Советов функций органов власти. Возможность передачи власти Советам, как утверждал В. М. Чернов, появится лишь тогда, когда капиталистическое общество само «изживет себя». До тех пор, пока капитализм не отойдет в прошлое путем спокойного и естественного отмирания, заявлял В. М. Чернов, Советам необходимо ограничиться просвещением рабочего класса, распространением «святого духа» революции.

Вожди меньшевистской партии, как и лидеры ПСР, видели в Советах не государственную форму диктатуры пролетариата, а лишь «органы самоуправления по отношению к широким и политически в значительной мере не определившимися слоям»⁵⁸. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, утверждала 12 марта столичная меньшевистская «Рабочая газета», «не может пользоваться авторитетом в широких слоях буржуазии, а между тем на данном уровне нашего экономического развития буржуазии не может не принадлежать руководящая роль в экономической жизни страны...

России предстоит еще долгий период буржуазно-демократического развития».

Следовательно, отказ взять в свои руки власть руководители соглашательских Советов мотивировали в основном тем, что Россия является еще страной «незрелого» капитализма, что она отстала в экономическом и культурном отношении и что превращение Советов в органы управления затормозит капиталистическое развитие общества.

Иной точки зрения на этот счет придерживались большевики. В. И. Ленин писал незадолго до Октябрьской революции: «...социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически* из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»⁵⁹. Большевики настаивали на создании республики Советов, т. е. такой формы государственной власти, «которая представляет первые шаги к социализму»⁶⁰, тогда как, например, социалисты-революционеры предлагали рабочим бороться «за свои классовые интересы в рамках буржуазно-капиталистического строя»⁶¹.

Соглашатели выступили апологетами капитализма, боль-

шевики же, выдвинув лозунг «Вся власть Советам!», показали себя убежденными борцами за социализм.

Лозунг «Вся власть Советам!» стал центральным стержнем, вокруг которого развернулись политические битвы большевиков с соглашателями как в центре, так и на местах, в том числе и Поволжье. Эта борьба велась как в Советах, так и вне их.

Вопрос о роли Советов в революции, о том, быть ли им органами власти или придатком Временного правительства, был поставлен со всей остротой в конце апреля — начале мая 1917 года, когда в стране произошли новые классовые сдвиги. В результате апрельского политического кризиса лидеры буржуазных и помещичьих партий и группировок окончательно убедились в том, что без союза с «новыми общественными силами», т. е. без мелкобуржуазных партий, им не удастся обуздать революцию. В ходе апрельских событий окрепла также тенденция соглашательских партий к более полному объединению усилий с кадетами, тенденция, которая наметилась еще в марте 1917 года, во время Всероссийского совещания Советов.

1 мая исполнительный комитет Петроградского Совета обсудил предложение главы Временного правительства Г. Е. Львова о желательности вступления в состав правительства представителей Совета. Большевики решительно выступили против коалиции с буржуазией, твердо полагая, что спасти страну может лишь переход всей власти Советам. Меньшевики и эсеры, народные социалисты приняли предложение Львова и постановили послать своих представителей в состав Временного правительства⁶².

Буржуазия соглашалась принять в состав своего правительства членов исполкома при условии существенного ограничения политических прав Петроградского Совета: Совет отказывался от права издавать распоряжения, имевшие общегосударственный характер, ограничивал сферу деятельности в армии, отстранялся от вмешательства в военно-стратегические вопросы ведения войны, в области внешней политики исходил из учета интересов союзников. Одним словом, Петроградский Совет вынужден был по воле соглашателей уступить буржуазии значительную часть реальной власти, которой он располагал в марте — апреле 1917 года. Столичным эсерам и меньшевикам удалось столкнуть Петроградский Совет с антибуржуазных позиций и существенно сблизить его деятельность с характером деятельности буржуазного правительства.

5 мая пленарное собрание Петроградского Совета одобрило вступление эсеров, меньшевиков и народных социалистов в состав Временного правительства. Высшие органы мелкобуржуазных партий также санкционировали данное решение своих фракций Совета и призвали массы оказать коалиционному правительству полную и всестороннюю поддержку. С подобными призывами к «революционной демократии» обратилась майская Всероссийская конференция меньшевиков и III съезд эсеровской партии. В своей политической эволюции соглашатели сделали один из самых крупных шагов в сторону сближения с буржуазией и помещиками. Из всей цепи антинародных актов мелкобуржуазных партий, предпринятых ими в ходе революции 1917 года, этот шаг В. И. Ленин выделял особо и оценивал его как «великий отход вождей меньшевизма и народничества от революции»⁶³.

Новоиспеченные члены правительства, делегированные Петроградским исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов, постарались прежде всего оправдать свой оппортунистический шаг. Со страниц центральных органов соглашательских партий полились фразы о том, что русские социалисты в отличие от европейских Мильеранов вступили в «революционное» правительство, что теперь будет намного легче достигнуть мира путем непосредственных переговоров с министрами-социалистами других стран, что вожди ПСР и РСДРП (меньшевиков) отныне будут продолжать «классовую борьбу при помощи орудий политической власти» и т. д.

Этот барабанный бой революционного славословия «на день восшествия» В. М. Чернова, И. Г. Церетели и других во Временное правительство, перемежавшийся со злобными нападками на большевистский лозунг «Вся власть Советам!», был в целом воспринят одобрительно большинством поволжских мелкобуржуазных организаций.

Казанские меньшевики, среди которых были очень сильные оборонческие настроения, расценили вступление своих лидеров во Временное правительство «как яркую победу демократии»⁶⁴. За создание коалиционного министерства высказались нижегородские эсеры и меньшевики. Аналогичные позиции заняли в этом вопросе костромские, ярославские, самарские, саратовские и астраханские соглашательские организации. Но было бы неверным утверждать, что среди меньшевиков и эсеров Поволжья наблюдалось полное единодушие по проблеме участия социалистов во Временном правительстве. В каждой из поволжских губерний имелись оппозиционные мелкобуржу-

азные элементы, выразившие сомнение в правильности, политики руководителей ПСР и РСДРП (меньшевиков) в вопросе власти.

Возьмем, например, Самарскую меньшевистскую организацию. Большинство ее членов приветствовало вступление И. Г. Церетели и М. И. Скобелева во Временное правительство. Однако некоторые придерживались на этот счет другого мнения. Так, член Самарского горкома меньшевиков П. Кузьмин писал в начале мая 1917 года, что социал-демократам нечего делать в буржуазном министерстве и это вхождение в него нельзя оправдать «особенностями революционного периода». Он напоминал также о том, что практика участия социалистов в правительствах капиталистов в Западной Европе показала бесперспективность коалиции⁶⁵. Вслед за П. Кузьминым группа меньшевиков-рабочих Самарского трубочного завода в количестве 46 человек заявила протест против заключения правительственного союза буржуазии и революционной демократии.

Критически отнеслась к решению своего ЦК о делегировании А. Ф. Керенского и В. М. Чернова в кабинет министров и довольно значительная часть эсеров в Нижегородской губернии. Голосование по вопросу о власти на конференции этой организации, проходившей в середине мая 1917 года, было показательным: 29 ее участников из 112 отрицательно реагировали на предложение одобрить вступление вождей партии во Временное правительство. Мотивируя точку зрения этой левонастроенной группы делегатов, ее лидер Скоропоспешнов говорил с трибуны конференции: «Вхождение социалистов не изменяет коренным образом буржуазного характера деятельности министерства и при полной победе демократии могла быть бы создана правительственная власть, более отвечающая интересам трудовых классов»⁶⁶.

Факт вступления социалистов в буржуазный кабинет министров вызвал наибольшее осуждение в среде казанских эсеров. Это была единственная в Поволжье губернская мелкобуржуазная организация, большинство членов которой квалифицировало посылку В. М. Чернова и А. Ф. Керенского во Временное правительство как измену партии своему революционному прошлому. 7 мая 1917 года конференция социалистов-революционеров Казанской губернии приняла резолюцию, в которой указывалось: «С.-р. не признают возможным иметь в буржуазном министерстве свое партийное представительство». Больше того, лидеры казанских эсеров доказывали

в своем печатном органе, что ПСР должна «идти в достижении своих программных задач путем предоставления единоличной власти народа в лице Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»⁶⁷.

Таким образом, можно считать, что в отдельных мелкобуржуазных организациях Поволжья число недовольных вступлением социалистов в буржуазное правительство было довольно внушительным. С другой стороны, все-таки не следует и преувеличивать силы оппозиционного течения в вопросе о коалиционном министерстве. По крайней мере в мае 1917 года группы левонастроенных меньшевиков и эсеров в Поволжье, критикуя своих лидеров за участие во Временном правительстве, тем не менее действовали в основном в рамках лояльного фрондерства. Так, руководитель самарских меньшевиков-интернационалистов П. Кузьмин, столь, казалось, резко, бичевавший И. Г. Церетели и М. И. Скобелева за вступление в буржуазный кабинет министров и предвещавший им скорую политическую гибель вследствие этой оппортунистической ошибки, в итоге рекомендовал занять следующую позицию: поскольку-де коалиционное правительство — уже свершившийся факт, то ничего не остается делать, как всемерно поддерживать князя Г. Е. Львова и его соратников-социалистов в революционно-демократической работе.

Проявляли непоследовательность в критике участия социалистов во Временном правительстве и представители левых групп в других соглашательских организациях Поволжья. Даже казанские эсеры, ратовавшие за передачу власти Советам и отвергавшие принцип коалиции, все-таки на своей губернской конференции, состоявшейся 7 мая 1917 года, записали в конце резолюции о власти, что партия с.-р. будет поддерживать новое министерство, если оно пойдет по пути проведения в жизнь широких социальных требований трудовой демократии.

По существу оппозиционные элементы среди меньшевиков и эсеров Поволжья пошумели, помахали картонными мечами, погрозили слегка своим центральным органам партий, но заняли в целом вопросе о коалиции лояльные позиции. Случаи демонстративного выхода из мелкобуржуазных организаций этого аграрного района в ответ на оформление правительственного альянса социалистов и капиталистов были единичными. Курс на соглашение с буржуазией получил поддержку большинства низовых объединений эсеров и меньшевиков не только в Поволжье, но и по всей России. «Опыт классового сотрудничества с капиталом, — писал В. И. Ленин в мае

1917 года, — проводится теперь гражданами Черновыми и Церетели, проводится известными слоями мелкой буржуазии в новом, громадном, всероссийском, общегосударственном, масштабе»⁶⁸.

Майские номера центральных и местных соглашательских газет, в особенности правооборонческих, заполнились материалами, прославляющими дальновидность «мудрого Церетели» и «хитрость мужицкого министра Чернова». Мелкобуржуазные массы России поверили в то, что эти социалисты, обладатели новехоньких министерских портфелей, будут выразителями их надежд и чаяний, что теперь можно ожидать самого быстрого решения аграрной проблемы и вопроса о войне и мире.

Между тем Чернов и Церетели и К° явно не торопились начать отчаянную борьбу ни с фабрикантами, ни с обладателями громадных поместий, что не преминула с удовольствием отметить столичная и провинциальная кадетская пресса. Центральный орган партии П. Н. Милюкова щедро рассыпал похвалы выступлениям министров-социалистов на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов: «Прочтите речи Церетели, Скобелева, Чернова, Пешехонова. Каков общий тон этих речей? Это скорее ряд лекций на элементарные темы государственности, сказанные с очевидной целью охладить революционный пыл, неосведомленных рядовых работников и привести их к более трезвому пониманию окружающей действительности. Министры Керенский, Скобелев и Чернов безусловно согласились, что социализм не составляет прочного базиса для укрепления революции... Керенский осудил братание и доказывал необходимость для самого дела мира иметь боеспособную армию... Чернов обстоятельно доказывал невозможность «сепаратных и розничных» решений об автономии национальностей и об аграрном вопросе... Таким образом, можно вполне признать, что в общих чертах министры-социалисты стояли в своих объяснениях съезду на государственной точке зрения»⁶⁹. В этом же духе высказывались газеты партии народной свободы в Поволжье. Так, самарский «Волжский день» прямо воспедал гимн выступлению В. М. Чернова на III съезде эсеров: «Мы радуемся, когда вожди социалистических партий говорят то, что мы думаем, но чего не стали бы слушать, если бы мы это говорили»⁷⁰.

Руководящие органы мелкобуржуазных партий стали открыто проповедовать политику соглашения с буржуазией, политику поддержки Временного правительства и обязали мест-

ные организации своих партий последовательно проводить эту политику в жизнь. После создания коалиционного правительства эсеровские и меньшевистские организации на местах и их фракции в Советах также повернули вправо и повели еще более определенную и энергичную борьбу против антибуржуазной направленности в деятельности Советов, за превращение их в органы, зависимые от местных органов буржуазной власти.

Вступление «социалистов» в буржуазное правительство повсеместно вызвало обсуждение этого акта на митингах, собраниях и особенно в Советах. Причем степень остроты дискуссии в каждом из Советов вокруг этой проблемы была различной: она зависела от их партийного состава. Так, в Саранском Совете крестьянских депутатов этот вопрос не вызвал особых споров: все члены Совета голосовали за резолюцию о доверии коалиционному министерству⁷¹. Другого исхода голосования в Саранском Совете не могло и быть, потому что все его депутаты либо являлись членами ПСР, либо сочувствовали этой партии. Аналогичная атмосфера была и в ряде других поволжских уездных Советов, в которых подавляющее большинство шло за меньшевиками и эсерами.

Доверие коалиционному правительству проистекало большей частью от того, что для многих слоев населения Советы в момент их возникновения представлялись малопонятным, необычным явлением. Хотя классовый инстинкт толкал трудящихся к созданию, укреплению Советов, тем не менее значение Советов как формы государства оставалось неясным для значительной части широких масс. 10 апреля 1917 года В. И. Ленин писал, что «Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль в *русской* революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип государства*»⁷². К тому же крестьян, солдат и часть рабочих вводил в заблуждение эсерово-меньшевистский лозунг контроля Временного правительства.

«Буржуи ведут не свою политику, а народную, так как их выдвинула революция. Деятельность этого буржуазного правительства направляется и контролируется Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов» — так 21 апреля поучала своих читателей эсерово-меньшевистская самарская «Солдатская газета». «Советы, — заявлял член ЦК ПСР Н. Я. Быховский, — должны на местах следить за всем, контролировать

все..., добиваться того, что соответствует интересам и нуждам трудового народа»⁷³.

Проповеди о контроле Советами Временного правительства увлекли значительную часть пролетариата, не говоря уже о менее политически развитом крестьянстве. Характерным в этом отношении является письмо крестьян Долгоруковской волости Нижне-Ломовского уезда Пензенской губернии в Петроградский Совет рабочих и крестьянских депутатов: «Мы всецело верим Временному правительству... Почему просим Совет рабочих и солдатских депутатов, не прерывая своей контролирующей деятельности, в то же время не делать двоевластия и не стеснять Временное правительство в его свободной, полной самоотверженной работе на благо и спасение Родины»⁷⁴.

Тысячи приветственных телеграмм поступали в приемные министерств Временного правительства из Поволжья от отдельных граждан, собраний рабочих и митингов солдат. Широкие массы верили обещаниям кабинета, возглавляемого князем Львовым. Естественно, что и большинство депутатов Советов Поволжья искренне верило революционным фразам министров-социалистов. С восторгом рассказывал своим землякам о встречах с министрами Временного правительства делегат I Всероссийского съезда крестьянских депутатов от Пензенской губернии крестьянин Родин: «Вот, товарищи, каких министров имеет Родина! Они с нами, с крестьянскими депутатами, обедают, чай пьют, говорят, разъясняют. Мы должны идти с ними рука об руку. Наша святая обязанность поддерживать их до последней капли крови»⁷⁵. Внешняя демократичность общения министров Временного правительства с массами, не говоря уже о их «социалистических» обещаниях, разбрасываемых ими направо и налево, плодили радужные надежды и мечты у миллионов людей, ранее жестоко угнетаемых царизмом и теперь получивших возможность участвовать в политической жизни.

В. И. Ленин указывал, что подобные настроения среди части масс неизбежны в революционную эпоху: «Увлечение происходящей борьбой, увлечение необходимое и законное, без которого невозможен успех борьбы, заставляет идеализировать эти ближайшие, элементарные цели, рисует их в розовом свете, облакает их иногда в фантастический костюм; простой демократизм, дюжинный буржуазный демократизм, принимается за социализм и зачисляется «по ведомству» социализма»⁷⁶.

Угар доверия мнимо революционному Временному правительству захватил многих депутатов Советов крупных промышленных центров. Только большевистские фракции, подчас весьма немногочисленные, стойко стояли на позициях недоверия Временному коалиционному правительству и требовали передачи всей власти Советам. В Самарском, Саратовском, Царицынском и некоторых других Советах обсуждение вопроса об отношении к первому коалиционному министерству проходило в атмосфере резкой межпартийной полемики. Исполнительный комитет Саратовского Совета выяснял свою позицию в данном вопросе 6 мая 1917 года.

Меньшевики и эсеры убеждали членов Саратовского исполкома одобрить вступление их партий в правительство, поддержать коалиционное министерство, ограничить политические прерогативы Советов и свести их деятельность к решению чисто экономических проблем. Соглашатели боролись за превращение революционно-демократической диктатуры, какими продолжали быть Советы, в обычные профессиональные организации. Большевики уверенно доказывали, что главная задача Советов сводится к организации власти на местах. «Центр тяжести передвигается на Советы, — говорил П. А. Лебедев. — Советы должны быть властью». Его поддержал М. И. Васильев-Южин. «Наша задача, — обращался он к делегатам, — захватить всю полноту власти». Меньшевики и эсеры запугивали депутатов перспективой гибели революции, если не будет достигнуто соглашение с буржуазией. Порочность соглашательской аргументации доказывал В. П. Милютин. «Мы за 2 месяца, — развивал он свою мысль, — пережили 10 лет. За 2 месяца Временное правительство изжило себя». Главную задачу момента В. П. Милютин видел в следующем: «Идет борьба за власть, политическая борьба к захвату власти Советами. Только тогда мы скажем, что можно осуществить все задачи демократии, если власть будет в наших руках»⁷⁷. С изложением концепции меньшевистской партии выступил Б. Н. Гутерман: «Советы должны быть центрами соглашения... Мы решительно против того, чтобы пытаться захватить власть в свои руки»⁷⁸. Он исходил из меньшевистской догмы о том, что Россия еще не готова к социалистическим преобразованиям.

Дальнейшее обсуждение вопроса о коалиционном правительстве было перенесено на пленарное заседание Совета. Докладчик по текущему моменту меньшевик Л. Майзель повторил избитые доводы о том, что Россия не готова к социалистической

революции. Он предлагал оставить все по-прежнему, всеми силами «сдерживать классовую борьбу, иначе Россия погибнет». Майзель призывал депутатов выразить полное доверие Временному правительству и «сплотиться вокруг него». Большевик В. П. Милютин шаг за шагом разоблачил соглашательские доводы меньшевистского докладчика. Он охарактеризовал буржуазию, как контрреволюционную силу, которая ведет отчаянную борьбу с рабочими и крестьянами. Единственный выход из создавшегося положения он видел в переходе всей власти в руки последних. Большинство голосов получила, как этого и следовало ожидать, резолюция меньшевиков и эсеров. За поддержку коалиционного Временного правительства высказалось 153 человека, против голосовало 76 депутатов, 11 воздержались.

Вопрос об отношении к коалиционному правительству вызвал горячие споры и среди участников объединенного заседания Самарских Советов, состоявшегося 8 мая 1917 года. Прения на этом собрании носили чрезвычайно бурный характер. За резолюцию о доверии Временному правительству голосовали эсеры, меньшевики и народные социалисты (110 голосов), против — большевики (25 голосов).

Резкими столкновениями между революционной частью Совета и соглашателями сопровождалось обсуждение вопроса о коалиционном правительстве в Царицынском Совете рабочих и солдатских депутатов. Представители мелкобуржуазных партий призывали депутатов одобрить вступление меньшевиков в правительство. Большевики разоблачали соглашательскую политику, как политику, выгодную буржуазии, и доказывали, что контрреволюционная сущность Временного правительства с включением в его состав эсеров и меньшевиков не изменилась. Однако и в Царицынском Совете резолюция соглашателей собрала большинство голосов: за нее голосовали 103 депутата, и лишь 26 депутатов высказались против поддержки Временного правительства.

Неоднократно вопрос об отношении к Временному правительству ставился на обсуждение в Пензенском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большинство членов Пензенского Совета склонялось к той точке зрения, что Советы должны безоговорочно проводить в жизнь все директивы правительства. Немногочисленная группа большевистских депутатов, входившая в объединенную с меньшевиками фракцию, не всегда последовательно отстаивала ленинское положение по отношению к Временному правительству. Большевики В. Ку-

раев и С. Савицкий, например, 11 мая предложили делегатам II съезда крестьян Пензенской губернии принять постановление «о доверии Временному правительству до тех пор, пока в рядах правительства состоят министры-социалисты, при постоянном контроле Совета»⁷⁹.

Конечно, в данном случае большевики В. Кураев и С. Савицкий пошли на поводу у меньшевистской части объединенной фракции. Тактика партии на этапе мирного развития революции заключалась в критике «мелкобуржуазной политики доверия и соглашательства с правительством капиталистов»⁸⁰. Вскоре пензенские большевики поняли ошибочность своей позиции — это показал ход заседания Пензенского Совета 18 мая 1917 года. Когда меньшевик И. Степанов, председатель Совета, снова высказался за поддержку Временного правительства «до тех пор, пока в нем министерские посты занимают социалисты», то с резкой критикой действий министров выступил все тот же В. В. Кураев. Он теперь решительно настаивал на принятии резолюции недоверия Временному правительству⁸¹.

Столь резкая перемена взглядов у руководителей пензенских большевиков не была случайной: она объясняется тем, что 13 мая большевики Пензы порвали организационные связи с меньшевиками и избрали комитет РСДРП(б). Позиция представителей пролетарской партии в этом городе по отношению к Советам сразу приобрела четкие и ясные очертания.

Пензенский большевик-журналист П. Кутузов в ряде своих статей разобрал и высмеял аргументы противников установления власти Советов. В корреспонденции, помещенной в пензенских «Известиях» за 2 июня 1917 года, П. Кутузов с иронией писал, что соглашатели не могут себе представить возможность существования России без «единения» с буржуазией, не понимая, что такого единения не может быть в условиях нарастания классовой борьбы. Закончил эту статью П. Кутузов словами: «Революция не ждет! Бездеятельность преступна... надо делать последние приготовления к переходу власти Советам. Этот шаг все равно неминуем».

Поляризация взглядов представителей РСДРП(б) и соглашательского блока, углубление разногласий между ними по вопросу о власти нашло яркое отражение в работе II съезда Советов Поволжья, открывшемся 22 мая 1917 года в г. Самаре. Среди делегатов его оказалось 15 большевиков, 30 меньшевиков и 12 эсеров.

Первым в повестке заседаний президиум поставил на обсуждение вопрос о власти. Члены фракции РСДРП (меньше-

виков) сразу ринулись в атаку на большевистский лозунг «Вся власть Советам!». Они в своих выступлениях, как правило, сначала рисовали мрачные картины экономической разрухи, царившей в России, указывали на действительные трудности со снабжением армии, мирного населения страны продуктами первой необходимости. И в этом меньшевики не ошибались. Однако из этой суммы фактов они не хотели и не умели сделать должных выводов. Представители меньшевистской фракции доказывали, что Советы без помощи и поддержки буржуазии не смогут вывести государство из состояния экономического хаоса. Последователи И. Церетели в Поволжье не верили в могучие потенции революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства и возлагали свои надежды на буржуазию. Так, Лепский (Совет рабочих депутатов Самары) утверждал на съезде Советов Поволжья: «Если с анархией производства не могут справиться теперешние силы буржуазии, то и пролетарские элементы справиться с анархией не сумеют. Захватив всю власть, мы погибнем под тяжестью ответственности за разруху, созданную войной и старым режимом». По мнению меньшевика Лепского, установление единовластия Советов привело бы к тому, что мелкобуржуазная крестьянская стихия подавила бы малочисленный пролетариат России и тем самым уничтожила всякие надежды на построение социализма в стране.

Теми же доказательствами, что Лепский, оперировала член РСДРП (меньшевиков) Успенская. «Диктатура пролетариата и крестьянства, или захват власти Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — заявила представительница меньшевистской фракции, — есть утопия, основанная на иллюзии временного совпадения интересов крестьян и рабочих в период революции». Предложение большевиков передать власть Советам повергло Успенскую в ужас: «Может настать момент, когда власть сама выпадет из других рук и перейдет к нам, но это было бы большим несчастьем»⁸².

Председатель Совета рабочих и солдатских депутатов поселка Иващенко Самарской губернии меньшевик Пржедпельский пытался запугать большевистских делегатов, многозначительно подчеркивая, что за захват власти Советами страна не «поблагодарит» членов РСДРП(б).

От имени большевистской фракции на II съезде Советов Поволжья выступил пензенский большевик В. В. Кураев. Он разъяснил сущность большевистского требования передачи власти Советам. «Мы говорим, — подчеркнул Кураев в своей

речи, — что социальные реформы нельзя провести вместе с буржуазией, а можно лишь против нее... Беря власть, мы встретимся с саботажем — и все-таки мы должны взять власть; политика соглашательства и соединенных усилий обречена на крах»⁸³.

Корреспондент эсеровской газеты «Волжское слово» в своем репортаже дополнил картину борьбы на II съезде Поволжья вокруг лозунга «Вся власть Советам!»: «Большевики высказывались за то, что власть должна теперь же перейти в руки Советов, но меньшевики доказывали обратное, при этом обращали внимание на серьезные факты, говорящие за то, что вопрос не своевременен, что в противном случае контрреволюция неизбежна, что прежде всего необходимы организованность и устранение опасности со стороны войск Германии»⁸⁴.

Доводы противников передачи власти Советам можно было назвать, употребляя язык музыкальной терминологии, вариациями на тему о невозможности и пагубности разрыва соглашения с буржуазией.

Не менее горячо и бескомпромиссно, чем на II съезде Советов Поволжья, вопрос о власти обсуждался на митингах, собраниях, крестьянских сходках и солдатских конференциях. Дискуссия вокруг лозунга «Вся власть Советам!» развернулась и на II съезде крестьян Самарской губернии, открывшемся 20 мая 1917 года. Меньшевик Игаев с трибуны крестьянского съезда убеждал делегатов деревень и сел в том, что управлять страной должно Временное правительство, а дело Советов — организация и просвещение масс, подготовка агитаторов и пропагандистов, издание книг и журналов, газет. Эсер Панюжев откровенно уговаривал делегатов-крестьян саботировать все административные распоряжения Советов. Резким диссонансом на съезде прозвучала краткая и емкая приветственная речь представителя Самарского Совета рабочих депутатов большевика Ю. К. Милонова, заявившего в своем выступлении: «Советы крестьянских депутатов должны быть не подчиненными, а господами. Они должны быть самостоятельными учреждениями власти».

В мае — июне 1917 года популярность лозунга «Вся власть Советам!» стала нарастать. Первыми его поддержали рабочие крупных промышленных предприятий. Передовая часть трудящихся масс пыталась сохранить Советы на антибуржуазных позициях и предотвратить сползание их на позиции буржуазной власти. Буквально в те самые дни, когда соглашатели из

Саратовского Совета призывали поддержать Временное правительство и одобрить вступление «социалистов» в его состав, рабочие наиболее крупных механических заводов принимали резолюции, в которых Временное правительство было признано контрреволюционным и осуждалось вступление меньшевиков и эсеров в его состав. Собрание рабочих и служащих завода «Титаник» 12 мая сочло «крупной ошибкой доверие Временному правительству, высказанное большинством Совета... 10 мая сего года» и приветствовало меньшинство Совета, то есть его революционную, большевистскую часть. «Вместе с этим меньшинством, — заявляли рабочие, — мы убеждены в том, что все требования демократии будут осуществлены, а завоевания революции будут закреплены только тогда, когда во главе революционного народа и армии станет революционный Всероссийский Совет рабочих и солдатских депутатов»⁸⁵. Рабочие полагали, что Совет в данном составе не выражает их интересов, и настаивали на его переизбрании. Рабочие другого саратовского завода «Жесть» также признавали ошибочным решение местного Совета о доверии Временному правительству. Они выражали сочувствие большевистской партии и требовали, чтобы вся власть в стране принадлежала только Советам рабочих и солдатских депутатов.

Против политики соглашения протестовало большинство рабочих мастерской № 2 Самарского городского комитета по снабжению армии. 8 июня 1917 года они заявили, что сотрудничество с буржуазией является почвой для контрреволюционной работы капиталистов. Аналогичную позицию заняли и рабочие Казанского порохового завода. Отражая настроения пролетариата, Ростовский Совет рабочих и солдатских депутатов Ярославской губернии отметил в своем постановлении от 4 мая 1917 года, что позиция большинства Петроградского Совета, занятая им в вопросе о создании коалиционного правительства, является ошибочной и что неотложным моментом дня является «создание правительства из представителей Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁸⁶. За этот документ голосовало 29 депутатов из 52.

Таким образом выглядели политические настроения наиболее сознательной части пролетариата. Однако требовалось определенное время, чтобы и менее политически воспитанная рабочая масса мелких предприятий, и солдаты, и крестьянство убедились в антинародном характере деятельности Временного правительства, в способности Советов стать государственными органами власти, в бесплодности соглашательства. Такую необ-

ходимую общественно-политическую практику трудовые слои населения России проходили ежедневно и ежечасно.

Трудящиеся убеждались собственными глазами, что Советы справляются с решением самых важных задач государственного характера. В этот период создалась исключительно благоприятная обстановка для установления власти Советов: в России не существовало в первые месяцы после Февральской революции такой группы и класса, которые могли бы оказать какое-либо реальное сопротивление власти Советов⁸⁷. Это подтверждается, кроме всего прочего, и тем, что в ряде местных центров уже на практике осуществилось единовластие Советов. Так, например, в Самарской губернии Николаевский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил себя 16 июня высшей политической властью в уезде, указав, что распоряжения других учреждений и организаций, «откуда бы они не исходили, исполнению не подлежат»⁸⁸. Исполком Николаевского Совета предложил уездному комиссару Временного правительства Медведеву подать в отставку, назначив комиссаром своего представителя. Министерство внутренних дел потребовало от самарского губернского комиссара принять меры к тому, чтобы Николаевский Совет руководствовался в своей работе директивами Временного правительства.

Однако губернские власти в Самаре не рискнули пойти на применение каких-либо карательных мер по отношению к Николаевскому Совету, который пользовался огромной популярностью среди рабочих, солдат и крестьян. Пост председателя Николаевского Совета в это время занимал большевик В. Ермощенко, талантливый пропагандист и организатор. Действия фракции РСДРП (б) в Николаевском Совете поддерживали часть левонастроенных элементов местной организации ПСР⁸⁹. Это способствовало укреплению позиций большевиков Николаевска, не располагавших прямым большинством в Совете. Функции органов государственной власти выполняли и другие Советы в Поволжье. В Бузулуке и Сызрани правом распоряжения войсковыми частями обладали только Советы рабочих и солдатских депутатов. В Пензе ни один приказ начальника гарнизона не считался действительным без подписи его одним из членов бюро солдатской секции объединенного Совета.

В Самаре Советы не раз подменяли правительственные органы, когда последние в те или иные критические моменты демонстрировали явное неумение разрешить проблемы государ-

ственного характера. Так, 1—2 мая 1917 года черносотенцы и хулиганы учинили в Самаре винный погром и начали бесчинствовать, полностью парализовав нормальную работу транспорта, магазинов и некоторых предприятий (хлебопекарен, швейных мастерских и т. д.). Местные органы Временного правительства проявили растерянность и показали полное бессилие. Беспорядки же были прекращены, отмечала 1 июня петроградская «Новая жизнь», «отрядами рабочих и солдат под непосредственным руководством Советов».

Делясь впечатлениями о событиях 1—2 мая в Самаре, делегат 8-го съезда кадетов А. А. Васильев говорил, что в самые ответственные минуты все местные представители центральной власти бездействовали, а «фактически краем управлял Совет рабочих и военных депутатов»⁹⁰. С трибуны 8-го съезда партии народной свободы А. А. Васильев заявил также, что «Временное правительство за два месяца своего существования никакой связи между центральными и местными органами не наладило». В унисон этой речи московская кадетская газета «Русские ведомости» писала 4 мая 1917 года в своей передовой: «Не надо закрывать глаза на тот факт, что сила в данный момент на стороне Совета. Последний располагает фактической возможностью распоряжаться солдатами и рабочими и осуществлять свои решения помимо правительства, и он неоднократно пользовался этой возможностью, принимая на себя функции исполнительной власти».

Многочисленные факты политической жизни Поволжья и других районов страны показали, что Советы могут вполне справиться с таким делом, как управление страной, что они способны не только безболезненно заменить Временное правительство и его органы на местах, но и создать действенную сильную власть. Авторитет Советов был настолько высок, что даже соглашатели впоследствии признавали, что в период мирного развития революции эти самые массовые организации трудящихся, являлись нередко единственной действенной правотворческой силой. «Одной силой своего авторитета Советы водворяли порядок в столице, провинции и деревне, налаживали расстроившиеся административные и хозяйственные связи», — писал Д. Розенблюм⁹¹, один из лидеров партии социалистов-революционеров. И в то же время руководители Советов и мелкобуржуазных партий отнеслись отрицательно к предложению большевиков передать власть Советам: они не желали идти на разрыв соглашения с буржуазией. Власть, доказывал тот же Д. Розенблюм, должна быть «построена

на принципе оставления за буржуазией руководства экономической жизнью».

Таких же взглядов придерживались и лидеры местных соглашательских организаций. Ракитников, член Саратовского комитета эсеров, подчеркнул в своем выступлении на III съезде ПСР 25 мая 1917 года, что добровольное отречение Советов от власти является «единственно правильным решением»⁹². Против передачи власти Советам высказались в начале мая на своей конференции симбирские социалисты-революционеры⁹³. Самарский меньшевик С. Лепский заявил с трибуны I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, что Советы нужно рассматривать лишь как коридор, по которому революционная демократия подойдет к буржуазной парламентарной республике⁹⁴.

Таким образом, между большевиками и соглашателями выявились коренные различия во взглядах на роль Советов в революции. Очевидно, что вопрос о том, быть ли Советам органами власти или некими временными суррогатами партийно-профсоюзных объединений, — должны были решить трудящиеся массы. Какой же политический капитал «нажили» среди рабочих и крестьян фракции большевиков и их политические противники из лагеря мелкобуржуазных партий в результате дискуссии по вопросу о роли Советов, а также по другим проблемам революции?

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В СОВЕТАХ В МАРТЕ — МАЕ 1917 ГОДА

Большевизация Советов в Поволжье — это сложный процесс, который никак не укладывается на графике в виде возрастающей прямой. Особенностью его, как уже ранее отмечалось, является доминирующее положение членов РСДРП (б) в марте 1917 года в Саратовском, Самарском, Сызранском Советах рабочих депутатов. Однако уже в апреле — мае большевики в этих Советах утратили позиции лидеров. Это произошло по следующим причинам. В политическую жизнь страны после Февральской революции сначала включились наиболее организованные элементы рабочего класса, среди которых представители РСДРП (б) пользовались преобладающим влиянием. Затем политические свободы пробуждают к жизни гигантские массы мелкой буржуазии.

Кустарям, ремесленникам, крестьянам далеко не сразу стал понятен лозунг «Вся власть Советам!». Поворот большинства

поволжских организаций РСДРП(б) от позиций революционного оборончества к интернационализму (в середине апреля) был также встречен частью отсталых рабочих и мелкими собственниками с недоумением, недовольством. Требовалось известное время для того, чтобы массы убедились на практике в правоте большевистской критики внутренней и внешней политики Временного правительства и поддерживающих его партий меньшевиков и эсеров.

Втягивающимся в классовые битвы гигантским массам мелкой буржуазии более импонировали ура-патриотические фразы соглашателей о революционной обороне, нежели обличение большевиками империалистической политики Временного правительства. Поэтому во второй половине апреля 1917 года наблюдается заметное усиление влияния эсеров и меньшевиков в общественной жизни. И в этом не было ничего удивительного. Еще в 1906 году В. И. Ленин, предупреждая о возможности подобного явления, писал, что нельзя «...забывать о громадном политическом значении партий типа трудовиков. Действительная политическая свобода *всего больше* усилит именно эти партии, потому что при отсутствии политической свободы их способность к организации слабее, чем у буржуазии, слабее также, чем у пролетариата. С другой стороны, в такой преимущественно мелкобуржуазной и крестьянской стране, как Россия, совершенно неизбежно образование идейно-шатких и политически-неустойчивых, но чрезвычайно крупных мелкобуржуазных или «*трудовых*» партий»⁹⁵.

Особенно стремительно росла в апреле 1917 года партия социалистов-революционеров, в нее записывались и интеллигенты, и рабочие, и крестьяне, и либеральные буржуа. Руководители ПСР считали, что при вербовке новых членов партии не стоит обращать внимание на то, беден или богат человек: главное, чтобы у него была «здоровая совесть и ясная мысль». Идеолог и лидер партии эсеров В. М. Чернов даже утверждал, что мелкий буржуа более доступен для социалистической пропаганды, чем пролетарий⁹⁶. Партия социалистов-революционеров к концу апреля — началу мая 1917 года превосходила по количественному составу другие партии России. В ПСР к этому времени насчитывалось около 400 000 человек⁹⁷, тогда как в большевистской — 80 000, в меньшевистской — 45 000.

Картина очень быстрого численного роста соглашательских организаций наблюдалась и в Поволжье. Этому отчасти способствовало то, что комитеты ПСР, РСДРП (меньшевиков), народных социалистов широко распахнули двери для вступ-

ления в ряды своих партий почти каждому желающему.

«Вступление в члены партии должно быть открытым, без рекомендаций», — постановил 12 мая 1917 года съезд социалистов-революционеров Поволжья⁹⁸. Аналогичное решение было принято в конце апреля общим собранием меньшевиков Самары.

Большевистские организации Поволжья в целом руководствовались постановлением Бюро ЦК РСДРП(б) от 18 марта о необходимости двух рекомендаций для вступающих в партию. Конечно, вопрос о формах приема в партии не мог быть главной причиной численного превосходства мелкобуржуазных организаций над большевистскими, но тем не менее играл определенную роль. Это надо учитывать при сравнении цифровых данных количественного состава большевистских и соглашательских организаций. Представление о динамике роста большевистских и мелкобуржуазных организаций Поволжья в апреле — мае 1917 года дает табл. 2⁹⁹.

Таблица 2

Губерния	Партийные организации	Число членов	
		Первая половина апреля 1917 г.	Середина мая 1917 г.
Самарская	большевистская	2800	2800—3000
	эсеровская	500	17 000
	меньшевистская	300	1000
Пензенская	большевистская	10	25
	эсеровская	—	6000
	меньшевистская	—	80—90
Симбирская (без Сызрани)	большевистская	10	10 -15
	эсеровская	—	6000
	меньшевистская	—	120—125

Таблица показывает, что к середине мая ведущее положение на политической арене Поволжья заняли социалисты-революционеры. Эсеровская волна захлестнула не только деревни и села средневолжских губерний, но и некоторые промышленные центры. К 17 мая в члены ПСР на Самарском трубочном заводе записалось 12 000 человек, тогда как большевистская организация этого предприятия насчитывала около 2500 членов, а меньшевистская — 300¹⁰⁰. Усилились позиции эсеров в

Самарском Совете рабочих депутатов. Вот как изменялся партийный состав исполкома этого Совета в марте — июне 1917 года (см. табл. 3) ¹⁰¹.

Таблица 3

Представители политических партий	20 марта 1917 года	8 апреля 1917 года	9 июня 1917 года
Большевики	66,6%	52%	33%
Меньшевики	33,4%	44%	37%
Эсеры	отсутствовали	4%	30%

Данные таблицы указывают, что в апреле — начале июня 1917 года социалисты-революционеры и меньшевики значительно потеснили большевиков и заняли руководящее положение в Самарском Совете рабочих депутатов. Такой поворот событий в пользу эсеров можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, члены ПСР получили значительное число новых сторонников из числа постепенно втягивавшихся в политическую жизнь отсталых рабочих, не утративших своей связи с землей. Во-вторых, некоторые рабочие не смогли быстро разобраться в новой ситуации крутого перехода самарских большевиков от полуоборонческой платформы к интернационализму, от позиции условной поддержки Временного правительства к выдвижению лозунга «Вся власть Советам!» и временно отошли от большевиков, отдав свои голоса соглашателям.

Аналогичная ситуация сложилась и в Саратовском Совете рабочих депутатов, перевыборы которого начались 25 мая и продолжались до 1 июня 1917 года.

В первый день выборов за большевистский наказ проголосовали рабочие мебельной фабрики Ступина и своим депутатом избрали члена РСДРП(б) А. М. Марциновского. В тот же день на заседании правления больничной кассы «Дерево» в Совет рабочих и солдатских депутатов был избран большевик С. Я. Раппопорт. Общее собрание рабочих и служащих химических заводов 26 мая назвало своим депутатом большевика С. Г. Тренина ¹⁰².

В ходе выборов буржуазная печать пророчила большевикам неминуемое поражение. При этом она не останавливалась перед заведомым обманом читателей. Даже 30 мая кадетская

газета «Саратовский листок» уверяла, что в Совет не прошел ни один большевик. Первое же собрание вновь избранного Совета, состоявшееся 1 июня, показало всю беспочвенность подобного рода измышлений: 85 членов рабочей секции шло за большевиками, 70 — за меньшевиками и 46 — за эсерами.

Но хотя саратовские большевики и остались в результате этих выборов самой многочисленной фракцией, тем не менее меньшевики и эсеры, вместе взятые, упрочили свои позиции и получили большинство в Саратовском Совете рабочих депутатов (см. табл. 4).

Таблица 4

Представители политических партий	Партийный состав Саратовского Совета р. л.	
	Конец марта 1917 г.	1 июня 1917 года
Большевики	26	85
Меньшевики	16}	70}
Эсеры	6} 22	46} 116

Значительно укрепили свое положение в апреле — мае соглашатели в Сызрани, наиболее индустриально развитом уездном городе Симбирской губернии. В марте 1917 года в Сызрани доминировали большевики, а в мае и первой половине июня — социалисты-революционеры. Расстановка сил партийных организаций в Сызрани к 15 июня 1917 года выглядела следующим образом: организация ПСР здесь насчитывала 900 человек, большевистская — 400—500, меньшевистская около 400, народно-социалистическая — 100¹⁰³. Господствовали эсеры и в Сызранском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В Сызранский Совет в июне 1917 года входили 79 эсеров, 46 большевиков, 7 меньшевиков, 3 народных социалиста, 3 анархиста, 16 беспартийных. Еще более ощутимым было численное превосходство соглашателей над большевиками в Советах солдатских депутатов. Например, в солдатской секции исполкома Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов большевики имели 2 места, меньшевики — 8, эсеры и народные социалисты — 18. В солдатской секции Пензенского Совета большевики в первой половине июня располагали лишь 10 мандатами из 120.

Сильные позиции имела эсеровская организация среди солдат Саратовского гарнизона. Именно за счет солдатской секции в новом составе Саратовского Совета получила большин-

ство фракция ПСР. На пленарном собрании Совета 24 июня состоялись выборы руководящих органов. Из 338 депутатов, присутствовавших на данном заседании, за эсеров голосовало 150, за большевиков — 101 и за меньшевиков — 87. В исполком Совета прошло 13 эсеров, 9 большевиков и 8 меньшевиков¹⁰⁴. Если учесть тот факт, что в тот период позиции меньшевиков и эсеров по всем политическим вопросам совпадали, станет ясным, что в новом составе Саратовского Совета, несмотря на увеличение большевистской фракции, подавляющее большинство мест получили представители мелкобуржуазных партий.

Реальные силы политических партий в Советах Поволжья в мае 1917 года отчетливо выяснились в момент выборов делегатов на I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Засилие эсеров в Астраханском Совете рабочих и солдатских депутатов позволило им оттеснить на задний план не только большевиков, но и представителей меньшевистской группы. Эсеры решили, во-первых, несмотря на явное отсутствие кворума, считать собрание Совета законным, во-вторых, навязали членам Совета мнение, будто бы эсеры «в аграрном вопросе смыслят больше, чем социал-демократы», поэтому-де на съезде следует избрать только представителей их партии. Делегатами на Всероссийский съезд послали эсеров А. Перфильева и К. Бакрадзе. Царицынский Совет послал на Всероссийский съезд большевика Я. Ермана и меньшевиков Вайнцвайга и Сагирашвили¹⁰⁵.

В Саратовском Совете выборы проходили 20 мая 1917 года. Причем меньшевики и эсеры здесь настолько уверовали в свои силы, что сделали попытку лишить большевиков их политической самостоятельности, навязав им общий императивный мандат. Меньшевики настаивали на общем наказе всем делегатам от Саратовского Совета независимо от их принадлежности к фракции. На съезде Советов должно быть представлено мнение тех, кто выражает большинство, — вот их точка зрения. Большевики резко возражали против диктата меньшевиков и эсеров и требовали пропорционального представительства. Развернулись острейшие прения, ошеломившие некоторых членов Совета. Один из них растерянно говорил, что раньше так не было. За общий наказ, обязательный для всех фракций, проголосовало 86 человек, против 50. После голосования большевик М. И. Васильев-Южин заявил, что он слагает с себя полномочия товарища председателя и выходит из Совета. Под давлением большевиков и им сочувствующих на сле-

дующем собрании Совета вопрос о наказе был переголосован. На этот раз за пропорциональное представительство было подано 69 голосов, 71 депутат воздержался. Таким образом, давление мелкобуржуазной стихии было столь сильным, что фракция большевиков в Саратовском Совете с трудом добилась пропорционального представительства на Всероссийском съезде¹⁰⁶.

Преимущество соглашателей выявилось при выборах на Всероссийский съезд и в других крупнейших Советах рабочих и солдатских депутатов Поволжья. Нижегородский Совет делегировал 1 большевика, 2 эсеров и 2 меньшевиков, Самарский — 2 большевиков, 3 эсеров и 2 меньшевиков. Лишь в Костромском наблюдалось равновесие сил между большевиками и соглашателями: здесь были избраны 2 члена РСДРП(б) и 2 меньшевика¹⁰⁷.

Уездные Советы избирали на съезд в основном эсеров и меньшевиков. Вместе с тем некоторые из них, в частности Вольский Совет, назвали своим делегатом председателя Совета большевика С. К. Кукушкина. Соглашатели, очевидно, полагали, что он будет проводить политику большинства Совета. Когда же в Вольске стало известно, что Кукушкин на съезде голосовал вместе с большевиками, эсеро-меньшевистский Совет постановил отозвать его, как «не выражающего мнения и настроений Совета»¹⁰⁸.

Еще более прочные позиции имели соглашатели, в первую очередь, безусловно, эсеры, в деревнях и селах Поволжья. Они сумели там развить широкую агитационную и пропагандистскую деятельность. В течение мая 1917 года Пензенский губернский комитет социалистов-революционеров отправил в деревни губернии 85 923 экземпляра политических брошюр. В Самарской губернии к маю 1917 года члены ПСР распространили среди крестьян 20 000 брошюр и 24 000 книг. 4 мая на губернской конференции эсеров в Симбирске руководители организации докладывали делегатам: «Начата широкая издательская деятельность, соорганизовался кружок агитаторов для работы в городе, деревне и войсках... Имеются связи с уездами, где работают довольно большие группы».

В апреле — мае 1917 года эсеры создали партийные ячейки во многих селах Поволжья. Так, в Саранском уезде Пензенской губернии в этот период развернули свою работу 13 волостных комитетов ПСР, а сплотить и объединить деревенскую бедноту здесь некому было: большевистская организация в уезде возникла лишь в январе 1918 года.

Естественно, что Советы крестьянских депутатов в Поволжье оказались под контролем социалистов-революционеров. Представители этой мелкобуржуазной партии доминировали в Самарском губернском Совете крестьянских депутатов. 19 членов его исполнительного комитета принадлежали к ПСР, 2 представителя — к меньшевистской организации Самары. 1 являлся народным социалистом и 1 — беспартийным¹⁰⁹. Из 17 членов крестьянской секции Пензенского Совета только один, В. В. Кураев, был большевик, остальные шли за эсерами.

Точным отражением расстановки партийных сил в Советах деревни явился состав делегации Поволжья на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов: в нее вошли 42 члена ПСР, 28 беспартийных (из них 16 сочувствовали эсерам), 3 делегата от национальных групп, 1 меньшевик и 1 большевик. Единственным членом РСДРП(б) в этой делегации поволжских Советов крестьянских депутатов являлся В. И. Ермощенко, посланец Николаевского Совета¹¹⁰.

Итак, в апреле — мае 1917 года в крупнейших Советах Поволжья увеличились большевистские фракции. Почвой для их роста служила прежде всего передовая часть рабочих, сосредоточенных на крупных промышленных предприятиях. Вместе с тем за счет мелкобуржуазных слоев населения, отсталой части рабочих в Советах усилились позиции эсеровской партии. Беспартийная часть Советов, представлявшая в марте 1917 года очень большую группу депутатов, в апреле — мае стремительно размывалась, примыкая частично к большевикам и в значительной степени к соглашателям.

Дальнейшее размежевание классовых сил углубило противоречия между отдельными социальными группировками и породило самые разнообразные политические течения. В Советах окончательно сложились и пришли в движение многочисленные партийные фракции. Только в Саратовском Совете их насчитывалось не менее десяти. Наиболее выраженное политическое лицо имели фракции большевиков, меньшевиков и эсеров. К двум последним примыкали бундовцы, народные социалисты, сионисты, поалей-ционисты и др.

На первый взгляд каждая фракция имела только ей присущую программу и отстаивала свои политические взгляды. Однако за шумной фракционной борьбой и самым причудливым переплетением партийных требований совершенно очевидно выступала довольно четкая грань, разделявшая все фракции и группировки на два враждебных блока; с одной стороны —

большевиков и им сочувствующих, т. е. революционную часть Совета, с другой — все мелкобуржуазные партии — его оппортунистическую, соглашательскую часть. Анализируя расстановку сил в Советах, саратовские меньшевики писали в начале июня: «Прежде всего выяснилось, что социалисты-революционеры и меньшевистская часть социал-демократов объединены общей политической платформой, одинаковым пониманием задач текущего момента»¹¹¹.

В статье «Правящие и ответственные партии» В. И. Ленин следующим образом охарактеризовал расстановку классовых сил, сложившуюся к середине июня 1917 года: «Новейший политический момент определяется окончательным выяснением того, что большинство населения сейчас за партиями эсеров и меньшевиков, находящихся, как известно, в блоке между собою»¹¹².

В Поволжье представители мелкобуржуазных партий (главным образом, эсеры) захватили в свои руки не только большинство Советов, но и многие губернские и уездные органы Временного правительства. В должности губернского комиссара в Самаре подвизался эсер С. Волков, в Пензе — его коллега по партии Ф. Федорович. В креслах кабинетов помощника губернского комиссара, председателя губернской земской управы, уездного комиссара и председателя уездной управы в Пензе восседали также эсеры. Аналогичная картина наблюдалась и в волостном звене государственного аппарата. Эсер В. Алексеевич после поездки в мае 1917 года по селам Саранского уезда Пензенской губернии рассказывал: «Мои старые товарищи и друзья по прежней работе в 1905—1907 гг. — теперь большие шишки: кто председатель волостного комитета, кто представитель от волости»¹¹³.

Таким образом, влияние мелкобуржуазного блока в Советах и других общественных, а также государственных организациях в апреле — мае 1917 года трудно преувеличить. Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, располагали реальными возможностями взять власть в свои руки, чтобы решить вопросы о земле, о мире и войне в интересах трудящихся. Только действуя таким путем, соглашатели могли доказать, что они демократы не на словах, а на деле. И вряд ли в этом случае крупная буржуазия могла оказать какое-либо сопротивление советским партиям. Так, кадетские организации в Саратове и Самаре насчитывали в апреле 1917 года лишь по 300 человек¹¹⁴.

Однако меньшевики и эсеры дальнейшему укреплению

связей с массами предпочли союз с крупной буржуазией. «Сущность политики этих партий, — указывал В. И. Ленин, — состоит в *соглашательстве* с контрреволюционной буржуазией. Мелкобуржуазная демократия поднимается к власти, заполняя сначала местные учреждения (как либералы при царизме завоевывали сначала земства). Эта мелкобуржуазная демократия хочет *раздела власти* с буржуазией, а не свержения ее, совершенно так же, как кадеты хотели раздела власти с монархией, а не свержения монархии. И соглашательство мелкобуржуазной демократии (эсеры и меньшевики) с кадетами так же вызвано глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа, как классовое родство капиталиста с живущим в обстановке XX века помещиком заставляло их обниматься вокруг «обожаемого» монарха»¹¹⁵.

В Поволжье лидеры соглашательских организаций, — постепенно, с оговорками, колебаниями — встали на путь поддержки правительства помещиков и капиталистов. Эта дорога вела к одному концу — банкротству.

ПЕРЕХОД ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИСТСКИХ ФРАКЦИЙ НА КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЗИЦИИ

Коалиционное Временное правительство вкуче с вождями Петроградского Совета проводило политику, шедшую вразрез с интересами народа. И. Г. Церетели, один из руководителей РСДРП (меньшевиков), считал, что иного пути, кроме убеждения трудящихся покорно переносить невзгоды, не могло существовать в тот период: «В тех тяжелых условиях, в которых приходилось жить трудящимся классам в разоренной войной стране, призывать их к дальнейшему несению лишений и жертв значило подвергать свое влияние на массы очень опасному испытанию. Но другого пути спасения страны и революции не было»¹¹⁶. Так же рассуждали лидеры мелкобуржуазных фракций в Советах Поволжья. Они отрицательно отнеслись ко всем позитивным предложениям большевиков, касающимся проблем выхода из тисков финансового и продовольственного кризиса, в котором очутилась страна.

Соотношение сил в Советах в результате майских выборов сложилось явно в пользу соглашательских партий. Это обстоятельство не замедлило сказаться на политике Советов и их роли в революции. Мелкобуржуазные фракции усилили борьбу против антибуржуазной направленности в деятельности Сове-

тов, за сближение политики Советов с политикой буржуазных органов власти.

Резкое усиление позиций соглашательских партий при одновременном количественном увеличении фракций большевиков (за счет «размывания» беспартийной массы депутатов) крайне обострило партийную борьбу в Советах. Большевики использовали Советы в качестве мощного инструмента по разоблачению соглашательской политики эсеров и меньшевиков. Однако позитивная деятельность Советов по оказанию реальной помощи и защиты интересов трудящихся масс в июне 1917 года в целом, несмотря на отдельные исключения, все больше ослабевала. Новая расстановка сил постепенно превращала Советы из эффективных органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в дискуссионные клубы. «Фракции тратят всю энергию на борьбу между собой», — сетовала газета «Известия Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов» 22 июня 1917 года. Из деятельности Советов исчезла конкретность, деловитость, эффективность, оперативность в решении социально-экономических проблем.

10 мая 1917 года по инициативе большевиков Самарский Совет рабочих депутатов принял постановление о секвестре всех частных банков города и передаче их в руки государства. Это решение Совета перепугало финансовых тузов Самары. Денежные воротилы для обсуждения создавшегося для них тревожного положения созвали экстренное совещание, на котором они решили в ультимативной форме потребовать от Совета рабочих депутатов отмены резолюции о секвестре банков¹¹⁷. Соглашатели в Самарском Совете рабочих депутатов, проголосовавшие 10 мая за большевистскую резолюцию, заколебались. Эсеро-меньшевистские фракции Советов военных и крестьянских депутатов в конфликте между Советом РД и банками в конце концов поддержали последних. Судьба резолюции о секвестре банков таким образом оказалась predetermined: в конце мая представители мелкобуржуазных организаций в Совете рабочих депутатов настояли на пересмотре ее и отмене.

8 июня 1917 года В. В. Куйбышев от имени фракции РСДРП(б) предложил Совету рабочих депутатов новую, более обширную программу первоочередных мер, направленных на укрепление экономики губернии. Самарские большевики выступили за установление рабочего контроля над производством и распределением продуктов, за немедленный переход земли в

распоряжение Советов крестьянских депутатов, за конфискацию сверхприбыли капиталистов и обложение их личного дохода высоким прямым налогом. Однако мелкобуржуазные фракции отвергли большевистскую программу так же, как и ранее резолюцию о секвестре банков.

Возражая против экономических мероприятий, предлагаемых членами РСДРП(б), соглашатели сами не выдвигали никаких конкретных планов выхода из хозяйственной разрухи. Эсеры и меньшевики лишь призывали ждать открытия Учредительного собрания, ибо якобы только оно правомочно решать вопросы государственного значения. Позднее, на IV съезде ПСР в ноябре — декабре 1917 года, делегат от Самарской организации социалистов-революционеров Ельяшевич признал, что после победы Февральской революции у них не было ясной определенной линии в смысле конкретных мер, которые необходимо провести в жизнь. «Мы, — констатировал он, — оказались неподготовленными к той роли, которую силой вещей должны были принять на себя»¹¹⁸.

Все реже поволжские Советы принимали постановления и осуществляли меры, направленные против буржуазии и помещиков. 1 июня Балашовский Совет решил поддержать требования крестьян вплоть до конфискации частновладельческих земель. Аналогичное решение принял Дубовский Совет рабочих и солдатских депутатов. Под давлением рабочих и солдат Астраханский Совет реквизирует частновладельческую типографию Лошакова и использовал ее для печатания своего органа. Однако подобного рода мероприятия в июне 1917 года уже не были типичным явлением в деятельности Советов.

В данное время все больше получала преобладание политика, представленная соглашательской частью Советов. Если в марте 1917 года Саратовский Совет рассматривал дела, касающиеся милиции, как объекта, входящего в его компетенцию, то в июне он полностью отказался от вмешательства в эту сферу деятельности. 6 июня исполком Совета без всякого обсуждения постановил передать рассмотрение вопроса о милиции местному органу Временного правительства. Эсеро-меньшевистские Советы все чаще отказывались от решения проблем по улучшению положения рабочих, нередко попросту отмахивались от них. 6 июня на заседании исполкома Саратовского Совета было заслушано заявление булочников о том, что примирительная камера не удовлетворила их требований. Исполком постановил: «Предложить им опять обратиться в примирительную камеру»¹¹⁹.

Уже в июне 1917 года по некоторым вопросам Советы заняли позиции безусловной поддержки явно контрреволюционных постановлений Временного правительства. Это сползание Советов на платформу буржуазных органов власти наталкивалось на упорное сопротивление революционных сил в Советах и широких трудящихся масс. 13 июня в Саратове был получен приказ Керенского, потребовавшего отправлять войска на фронт не маршевыми ротами, как было раньше, а целыми полками. В ответ начались бурные собрания, митинги и демонстрации солдат, которые признали недопустимой контрреволюционной мерой переброску войск на фронт полками, справедливо полагая, что таким путем реакция ослабит тыл и создаст реальную угрозу для революционных завоеваний. Выступление солдат в тот же день обсудил исполком Саратовского Совета. Голосами эсеров и меньшевиков была принята резолюция, обязывавшая солдат выполнять приказ военного министра. Это решение вызвало в рядовой армейской массе взрыв негодования. Солдаты приняли свою резолюцию, в которой признали, что существующая власть их не удовлетворяет и 10 министров-капиталистов должны уйти в отставку.

На экстренном заседании исполнительного комитета эсеры и меньшевики предлагали объявить солдат врагами революции. Большевики с возмущением отменили прочь выпады соглашателей в адрес солдат. Они требовали обсудить политическую платформу Совета, то есть вопрос о власти. Однако ни то, ни другое предложение не получило большинства голосов. Тогда было созвано пленарное собрание Совета. Депутатам зачитали резолюцию эсеров-меньшевистской части исполкома о необходимости выполнения приказа Керенского, затем была оглашена резолюция солдатского собрания, настаивавшая насылке делегации к Керенскому с целью выяснения истинного смысла его приказа. Большевики и эсеры протестовали против предложения солдат, усматривая в нем проявление недоверия к Временному правительству. Соглашательской части Совета удалось провести резолюцию исполкома. Однако и после этого решения солдаты оставались в Саратове. 27 июня исполком Совета на закрытом заседании вновь обсуждал приказ Керенского и голосами эсеров и меньшевиков постановил: «Двум полкам отправиться на фронт»¹²⁰.

Характер деятельности Саратовского Совета в июне 1917 года в основных своих чертах был присущ большинству Советов Поволжья. 6 июня эсеров-меньшевистское бюро Царицынского

Совета обязало маршевую роту 93-го запасного полка выехать на фронт. Чтобы предотвратить открытое выражение недовольства солдат, исполнительное бюро запретило им провести общегарнизонный митинг.

Существенно изменилась политика руководящего органа Царицынского Совета по отношению к рабочим. 9 июня исполнительное бюро отклонило просьбу береговых рабочих Сарептского района об увеличении заработной платы. Эсеры и меньшевики пригрозили рабочим, заявив, что если они не будут работать за прежнюю плату, то на их места будут поставлены солдаты. В унисон с деятельностью Саратовского и Царицынского Советов действовал и Астраханский Совет. 14 июня в Астраханский Совет явилась делегация от 40-летних солдат запаса, подлежащих призыву в армию. Делегация заявила, что 40-летние до тех пор не выполняют приказа министра, пока не будут мобилизованы все белобилетники. Обсудив это требование, исполком Совета постановил: «Разъяснить 40-летним, что они обязаны подчиниться призыву Временного правительства»¹²¹.

Почти по всем основным вопросам революции фракции мелкобуржуазных партийных организаций в Советах Поволжья поддерживали Временное правительство. И лишь исключением в этом отношении явилась позиция эсеров в некоторых поволжских губерниях по аграрной проблеме.

Курс на передачу помещичьей земли крестьянам до созыва Учредительного собрания, который были вынуждены взять социалисты-революционеры Самарской, Пензенской, Казанской и Симбирской губерний, противоречил аграрной политике Временного правительства и ЦК ПСР. 20 июня 1917 года Временное правительство объявило решение II съезда крестьян Самарской губернии незаконным и потребовало от губернского комиссара С. А. Волкова принять решительные меры к прекращению самочинных действий крестьян. «Лица, допускающие захват какой бы то ни было чужой собственности, инвентаря, хлеба или земли, — гласила телеграмма из министерства внутренних дел, — подлежат законной ответственности по суду»¹²². Еще ранее, во второй половине мая, министр земледелия В. М. Чернов отменил постановления о земле II крестьянского съезда Пензенской губернии и Симбирского уездного Совета крестьянских депутатов. Вожди ПСР и крестьянских депутатов, Всероссийского Совета крестьянских депутатов, в частности В. Чернов, Н. Быховский и Г. Покровский считали, что сред-

неволожские организации социалистов-революционеров действуют в аграрном вопросе в «большевистском духе».

Перед лидерами Самарской, Пензенской и Симбирской организаций социалистов-революционеров и Советов крестьянских депутатов стояла дилемма: либо пойти против Временного правительства и ЦК своей партии в аграрном вопросе, поддерживая крестьянское движение за раздел частновладельческих земель до созыва Учредительного собрания, или следовать в фарватере линии руководства партии и предать крестьян. Между тем ЦК ПСР прилагал все усилия к тому, что искоренить «крамолу» в своем средневоложском отряде.

В мае 1917 года в Пензенскую губернию прибыл член исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов эсер К. Лунев. В своих речах на крестьянских митингах он внушал слушателям, что в аграрном вопросе надо ждать решений Учредительного собрания и поступать пока на основе добровольных уступок и соглашений с помещиками. Крестьяне с изумлением внимали словам посланца партии эсеров из Петрограда, ибо у них «возникло сомнение, не за помещиков ли... приехал заступаться» К. Лунев¹²³.

В. М. Чернов, лидер партии социалистов-революционеров, обеспокоенный ростом оппозиционных настроений в организациях Среднего Поволжья, посылает в этот район в начале 1917 года своего личного представителя Акселя. 9 июня последний прибыл в Пензу и потребовал от эсеровского губернского руководства перемены курса по отношению к самочинным захватам крестьянами помещичьей земли. В свою очередь лидеры пензенских социалистов-революционеров во главе с губернским комиссаром Ф. Ф. Федоровичем были вызваны в Петроград, где им рекомендовали исправить «ошибки» в аграрной политике.

В это же время по вызову Министерства внутренних дел в Петроград направились делегаты Самарского Совета крестьянских депутатов и эсеровской организации В. Голубков и Горшков. По-разному вели себя представители этих двух губернских организаций эсеров и их фракций в Советах крестьянских депутатов.

В. Голубков и Горшков от имени Совета крестьянских депутатов и Самарского губкома ПСР заявили в министерстве внутренних дел, что будут неуклонно проводить в жизнь решения II съезда крестьян о земле.

Нажима из Петрограда оказалось достаточно, чтобы эсеровское руководство в Пензенской губернии отступило с пози-

ций, которые оно заняло на II съезде крестьян. 15 июня 1917 года пензенские социалисты-революционеры провели в губисполкоме решение, согласно которому у волостных комитетов изымалось право распоряжения землей и становилось прерогативой уездных комитетов, которыми, как правило, руководили члены ПСР вместе с либералами-помещиками.

Лидеров эсеровской фракции Симбирского уездного Совета крестьянских депутатов не понадобилось вызывать в Петроград: после получения 19 мая циркуляра из Министерства внутренних дел о недопустимости нарушения принципа неприкосновенности частной собственности симбирские эсеры отказались выполнять решения Совета о распределении помещичьей земли между крестьянами¹²⁴.

Следовательно, в вопросе о земле эсеры в Советах крестьянских депутатов в Симбирской и Пензенской губерниях встали в мае — июне 1917 года под нажимом Временного правительства и ЦК ПСР на антинародные позиции. В известной степени в это время выделялась линия казанских и самарских эсеров в аграрной проблеме. Это, пожалуй, единственный случай, когда мелкобуржуазные демократы в Поволжье пытались в мае — июне, хотя и непоследовательно, отстаивать интересы трудящихся масс. В целом же мелкобуржуазные организации и их фракции в Советах Поволжья по всем основным вопросам революции шли на поводу у буржуазии. Эсеры и меньшевики по-прежнему доказывали, что коренные проблемы революции может решить только Учредительное собрание. Но эти ссылки на Учредительное собрание в июне 1917 года уже не удовлетворяли массы. Да и сроки созыва этого собрания были весьма туманными и неопределенными.

Обещания, красивые лозунги, торжественно-абстрактные резолюции о свободе и равенстве, рассыпаемые лидерами эсеро-меньшевистского блока, в мае — июне 1917 года уже не вызвали былого мартовского ликования. Одни революционные фразы не могут являться надежной опорой той или иной политической партии. Судьба РСДРП(б), ПСР и РСДРП (меньшевиков) в России зависела в конечном счете от того, насколько глубоко они сумеют понять интересы народа, как крепки окажутся их корни среди рабочих, солдат и крестьян.

В июне 1917 года в политических настроениях масс Поволжья наметился еще едва заметный, но важный перелом: прежний характер восторженного отношения к партиям мелкой буржуазии сменился стремлением сопоставить их слова и дела.

Падение авторитета министров-социалистов в масштабах

всей России в июне 1917 года зарегистрировала буржуазная пресса. Петроградский кадетский публицист П. Рысс заметил 6 июля в газете «Речь»: «Уже в начале мая министры-социалисты стали «праветь», в то время как рабочие левели... Происходило неизбежное: став у власти, вожаки не могли уже удовлетворить свои армии. И мы могли наблюдать, как массы постепенно уходили от них, как Совет рабочих и солдатских депутатов терял влияние, как оно переходило к большевикам». Это заявление кадетского журналиста подтверждалось фактами политической жизни Поволжья.

К концу июня 1917 года значительно возросло число подписчиков самарской «Приволжской правды» среди рабочих крупных промышленных предприятий Самары¹²⁵. Постепенно упрочили свои позиции царицынские большевики. 10 мая они отмежевались от меньшевиков, что позволило им еще более укрепить связи с массами. Большую роль в укреплении их партийных рядов сыграла газета «Борьба», первый номер которой вышел 18 мая 1917 года. Если в начале марта группа царицынских большевиков составляла около 30 человек, в первой половине мая — более 300, то в начале июня в организацию входило уже 1000 членов.

В июне 1917 года на частичных выборах Царицынского Совета члены РСДРП(б) добились определенного успеха. Фракция большевиков в Совете составила около половины всех депутатов¹²⁶. Однако в силу того, что выборы носили частичный характер, руководящие органы Совета остались по-прежнему в руках меньшевиков и эсеров.

2 июня 1917 года признала необходимым провести перевыборы Совета социал-демократическая фракция Астраханского Совета. Выборы начались 24 июня и продолжались до 8 июля. Порядок выборов определялся уставом Царицынского Совета. Полный его текст был опубликован в местной газете и фигурировал как устав Астраханского Совета рабочих и солдатских депутатов. Первое заседание вновь избранного Совета состоялось 15 июля. Перед выборами руководящих органов с весьма красноречивым признанием выступил меньшевик Ф. И. Кругликов — председатель исполкома старого состава Совета. Мотивируя свой отказ выставить собственную кандидатуру на пост председателя нового Совета, он заявил, что в «местной партии социал-демократов преобладают большевики, что доминирующую роль в Совете, несомненно, будут играть большевики и ему, как меньшевику, поддержки большинства, конечно, не собрать»¹²⁷. Это заявление дает право предполагать, что

уже в конце июня — начале июля 1917 года большевики в основном завоевали рабочую секцию Совета.

Упрочили свои связи с пролетарскими массами костромские большевики. Об этом свидетельствовали итоги съезда профсоюзов рабочих костромской текстильной промышленности, состоявшегося 10—12 июня 1917 года в Кинешме: две трети участников его голосовало за большевистские резолюции ¹²⁸.

Усилилось влияние большевиков и в некоторых частях гарнизонов Поволжья. В ряде докладных записок командиров полков констатировался факт укрепления авторитета членов РСДРП(б) в гарнизонах Самары, Симбирска, Пензы, Карсуна, Ардатова, Ярославля.

Соглашательская волна, захлестнувшая в апреле — мае широкие слои Поволжья, начинает спадать во второй половине июня 1917 года. Повсеместно гаснут иллюзии классового мира и возможности успешного сотрудничества с буржуазией. 6 июля эсеровское «Дело народа» отметило в своей передовой статье, что неудовлетворенность деятельностью коалиционного кабинета «наметилась давно и систематически нарастала», захватывая и те «элементы революционной демократии, которые были настроены сочувственно, благожелательно и к самой идее коалиционного министерства, и к большей части его персонального состава».

Практика общественно-политической борьбы убеждала массы, что руководители соглашательских организаций много обещая на словах, на деле не собираются защищать интересы трудящихся масс. Характерным в этом отношении является эпизод одной из стачек рабочих Алафузовских предприятий Казани. Когда к бастующим прибыли члены исполкома Казанского Совета меньшевики Денике и Шергов и стали в своих выступлениях доказывать необходимость классового мира и недопустимость забастовок, старый рабочий татарин, не умевший читать и писать, начал пробиваться к выходу и, ударяя себя в грудь, выкрикивал по адресу меньшевистского оратора: «Он буржуазный! Он заодно с Миколоае Миколоаевичем Алафузовым...» Обстановка сразу накалилась настолько, что лидерам меньшевистской фракции Денике и Шергову пришлось спасаться бегством ¹²⁹.

Незабываемое впечатление у крестьян оставляли выступления большевиков. 18 июня 1917 года эсеровская петроградская газета «Солдатская мысль» опубликовала заметку о приезде в село Медяны Курмышского уезда Симбирской губернии представителя ленинской партии (фамилию его, к сожалению,

установить не удалось): «Сельские комитеты были заранее оповещены, что в наше село приезжает социал-демократ большевик. Много было по селу разговоров... На митинге выступали Акимов (с.р.) и большевик. Первый убеждал покупать военный займ и жертвовать кто чем может на войну. Второй призывал к насильственному захвату частной собственности и не платить за землю». В корреспонденции указывалось, что хотя большевик не убедил полностью крестьян, но тем не менее своей речью основательно подорвал влияние местной эсеровской организации.

Уменьшение популярности ПСР и РСДРП (меньшевиков) и рост авторитета большевиков вызывали тревогу у некоторых рядовых членов соглашательских партий. Практические шаги руководителей партий мелкой буржуазии никак не вязались с их обещаниями и потоком революционных фраз, произносимых ими. Это не могло не порождать недовольство масс, что в свою очередь вело к усилению разногласий между центральными комитетами соглашательских партий и низовыми организациями.

На городской конференции меньшевиков Самары, состоявшейся в мае 1917 года, многие ораторы упрекали руководителей своей партии в проведении явно оппортунистической политики по коренным вопросам революции. Лидеры Казанской левозерсовской организации выражали несогласие с ЦК ПСР по вопросам войны и мира, о власти и земле.

Иногда рядовые члены мелкобуржуазных партий почти демонстративно голосовали на заседаниях Совета, на митингах вместе с большевиками, тем самым осуждая политику «верхов». На городском собрании царицынских меньшевиков, состоявшемся в конце июня 1917 года, Д. В. Полуян возмущенно говорил, что на последних заседаниях Совета рабочих и солдатских депутатов, в составе которого преобладают меньшевики и эсеры, при голосовании побеждают большевики. Такое явление недопустимо. Недостаточно числиться в партии и платить членские взносы, необходимо и активно работать».

Обострились противоречия и внутри партийных организаций социалистов-революционеров. Разногласия в эсеровской организации Самары проявились в неприкрытом виде 14 июня 1917 года на заседании местного Совета рабочих и солдатских депутатов, когда обсуждались события в Петрограде (демонстрация 10 июня). На этом собрании Совета распоясавшиеся меньшевики, не стесняясь, называли большевиков «хулиганами, контрреволюционерами и провокаторами». В ответ фрак-

ция РСДРП(б) демонстративно покинула зал заседания. В знак возмущения поведением меньшевиков и солидарности с большевиками из зала заседаний ушла и группа левонастроенных депутатов-эсеров.

В связи с этим 1 июля 1917 года Самарский губком социалистов-революционеров исключил из фракции и из партии тех, кто на заседании Совета выступил в защиту большевиков. Исключенные из партии эсеров образовали в Самарском Совете фракцию максималистов. Обострились противоречия между правыми и левыми группировками и в других поволжских организациях эсеров. Так, на съезде эсеров Поволжья, проходившем в середине мая в Саратове, наблюдались резкие столкновения и полемика между представителями двух фракций: оборонцев и интернационалистов¹³⁰.

Партийные ряды поволжских эсеров и меньшевиков колебались, дрогнули. Уже в мае 1917 года имелись отдельные случаи их переходов в партию большевиков. «Я был эсер с 1905 года, — писал в царицынскую большевистскую газету «Борьба» рабочий Г. Андреев. Но как стали они [партийные верхи] говорить, что не нужно землю у барина захватывать, то у меня стала мысль отпадать от них»¹³¹. Он советовал крестьянам и рабочим следовать примеру большевиков.

Выход Г. Андреева из партии эсеров отражал глубинные процессы зреющего недовольства рядовой массы ПСР аграрной политикой своих вождей. Отменив в мае — июне 1917 года решения Советов крестьянских депутатов Поволжья об уравнительном распределении помещичьей земли до Учредительного собрания, В. М. Чернов буквально посадил в лужу многих эсеровских агитаторов. Ведь они все время твердили, что приобретение лидером ПСР поста министра земледелия означает блестящую победу крестьянства над помещиками.

Размышляя над заявлениями и мероприятиями Временного правительства, многие крестьяне-эсеры в Самарской губернии приходили к выводу, что они по существу являются «походом против народовластия» и призывали В. М. Чернова на своих сходах и съездах «признавать силу народа и верить в нее, опираться только на нее, а не на представителей старого порядка, капиталистов и собственников и не бояться ни их, ни их зарубежных друзей»¹³².

Оценивая настроения мелкобуржуазных слоев населения, В. И. Ленин писал в начале июня: «Лишенные возможности получить ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь и неудовлетворенность позиции официальных

бождей демократии, массы принуждены *ощупью сами искать пути...*»¹³³.

Не было единства и идейной сплоченности, не только в «низах» соглашательских партий, но и в их «верхах». Например, на III Всероссийском съезде социалистов-революционеров, работавшем с 25 мая по 4 июня 1917 года, один из делегатов провинции растерянно вопрошал, пораженный наличием столь большого количества фракций в партии: «Черт знает, что такое! Крайняя правая, просто правая, правая, примыкающая к центру, центр, сбоку еще два центра, правее и левее, и такой же пологий скат, совсем влево. Откуда такая дифференциация?»¹³⁴.

Создать из низовых звеньев единое целое, сплотить их вокруг Центрального Комитета — вот такую задачу ставили перед собой лидеры ПСР, но она им оказалась не по плечу. Поволжский комитет ПСР констатировал позже, в 1918 году: «С момента появления на открытой политической арене партия раздирается почти непрерывной внутренней смутой. Постоянно возникают оппозиционные настроения в отношении принятого курса, переходящие затем в открытое нарушение партийной дисциплины, влекущее за собой неизбежное исключение из рядов партии»¹³⁵.

Противоречия и процессы брожения в ПСР и РСДРП (меньшевиков) порождались главным образом антинародной политикой вождей этих партий.

Пробуржуазный империалистический курс руководителей соглашательского блока сказывался отрицательно не только на низовых звеньях мелкой буржуазии, но и на всех общественных организациях, возглавляемых соглашателями. Резко снизился авторитет Советов, следовавших в своем большинстве в фарватере эсеро-меньшевистского блока. Это признавали и члены мелкобуржуазных партий. Так, член Самарского Совета военных депутатов эсер Духовской писал 2 июня в «Солдатской газете»: «Занимаюсь разрешением вопросов высшего порядка. Совет мало входит в нужды отдельных своих избирателей. В результате — понижение авторитета Совета».

Господство соглашательской политики в Советах подрывало к ним доверие масс, сужало опору Советов среди трудящихся, ослабляло их связи с массами. Советы все реже прислушивались к мнению рабочих и солдат, все чаще принимали решения, которые расходились с их интересами. Определяющий фактор в истории Советов 1917 года — их социально-экономическая деятельность по оказанию реальной помощи

трудящимся — фактор, за который они прежде всего ценили и поддерживали Советы и ради чего создавали Советы, на данном этапе революции все более утрачивался. Интерес рабочих и солдат к Советам катастрофически падал. В. И. Ленин говорил: «Вопрос стоит так: либо дальнейшее развитие этих Советов, либо они умрут бесславной смертью...»¹³⁶.

Газеты все чаще обращали внимание на бессилие Советов, на крайне скудную эффективность их социально-экономической деятельности, на перебои и срывы в их работе, на безразличие и пассивность депутатов. «Последние дни, — жаловалась 14 июня 1917 года газета «Известия Саратовского Совета», — наблюдается некоторая заминка в деятельности Советов. Как будто равнодушие и усталость овладели товарищами. На прошлое заседание рабочей секции явилось незначительное число членов, собирались туго, а во время очень важного доклада половина разошлась».

13 июня 1917 года в Царицынском Совете было рассмотрено внеочередное заявление товарища председателя эсера А. Длугача о кризисе в президиуме исполнительного бюро, «выразившемся в фактическом отсутствии председателей и секретарей»¹³⁷. 3 июня в Пензенском Совете дебатировался вопрос о мерах борьбы с неаккуратной явкой депутатов на пленарные совещания. Из-за отсутствия кворума не раз срывались заседания Самарского Совета солдатских депутатов.

Астраханская газета «Луч» 18 июня тревожно писала о том, что политическое влияние Совета среди рабочих и солдат упало. Этот орган печати категорически заявил: «Он [Совет] перестал быть силой, которая ведет за собой революционные массы». Столь равнодушное и халатное отношение депутатов к своим обязанностям обуславливалось стремлением эсеров и меньшевиков низвести Советы до роли безвластных придатков к органам Временного правительства. Лидеры мелкобуржуазных организаций пытались превратить Советы в дискуссионные клубы. Однако, подрывая влияние Советов, доказывая, что Советы — явление временное, соглашатели тем не менее не отказывались от мысли упрочить позиции в этих еще самых массовых и влиятельных народных организациях.

Разрушить монополию меньшевиков и эсеров на руководство Советами могли только большевики, роль которых в политической жизни возрастала. Последнее обстоятельство беспокоило лидеров мелкобуржуазных организаций. Для того, чтобы сохранить господствующее положение в Советах, не порывая союза с буржуазией, лидеры соглашательских фракций

начали применять грязные методы обмана и бесстыдного надувательства масс, взятые из арсенала приемов западноевропейского «социалистического» парламентаризма. Фальшивые политические программы так или иначе толкали членов меньшевистской и эсеровской партий к контрабанде ¹³⁸.

Утверждая, что лидеры ПСР и РСДРП (меньшевиков) изменили своим традициям лучшего революционного прошлого, В. В. Куйбышев, председатель Самарского Совета рабочих депутатов, писал 14 июня 1917 года: «Вожди социализма вынули из социалистического учения его революционную пролетарскую сердцевину, закруглили углы непримиримой вражды к существующему строю. Принципы классовой борьбы, составлявшие сущность социализма, они подменили соглашением, сотрудничеством классов. Принципу пролетарского интернационализма они противопоставили идею революционных национальных сил» ¹³⁹.

Не достигая успеха в честной политической дискуссии с большевиками, соглашатели начинают прибегать к таким недозволенным приемам полемики, как клевета и домысел.

Вот что писал один из лидеров казанских левых эсеров о методах борьбы казанских меньшевиков с большевиками: «Везде и всюду в речах ораторов со стороны меньшевистской фракции слышны грязные обвинения по адресу большевиков: разрушители революции, изменники, предатели, работающие на немецкие деньги... Возьмем деловое собрание 4 июня Совета рабочих и солдатских депутатов и представителей других организаций. Был доклад... В этом докладе опять та же травля меньшевиков на кронштадтцев и большевиков. Те же слова, что и на митинге: разрушители, изменники, предатели, позор «республики» и т. д.

С начала доклада я ожидал крупной битвы между большевиками и меньшевиками. Но... большевики проявили хладнокровие и равнодушное отношение к истерическим выкрикам и обвинительному акту меньшевика Деникс, что еще больше разжигало страсти «социалистов»-шовинистов. Как кто-нибудь принимается разбивать этот обвинительный акт, поднимается страшный шум, свист, крики: довольно и т. д., и некоторым оппонентам докладчика даже не давали спокойно говорить. Выходило так, что меньшевики собрались слушать только своих и только то, что им нравится. Словом, против идейной борьбы применяются очень некрасивые приемы борьбы. Против свободного слова — угрозы, оскорбления, обвинения в измене и т. д.» ¹⁴⁰.

Весьма показательным является факт продолжающегося сближения эсеров-меньшевистского блока с кадетским. Так, 3 мая соглашательские фракции в Самарском Совете рабочих депутатов поддержали резолюцию В. В. Куйбышева о бойкоте печатного органа кадетов «Волжский день». С предложением о бойкоте газеты «Волжский день» самарские большевики выступили и перед делегатами II губернского всесословного съезда¹⁴¹. И вновь представители мелкобуржуазных партий одобрили резолюцию о бойкоте. Каково же было изумление большинства участников съезда, когда редактор «Волжского дня» кадет Кудрявцев, доказывая, что его газета «вполне демократическая», назвал фамилии соглашателей, активно сотрудничавших в ней под вымышленными именами: С. А. Волков (эсер, член исполкома Совета крестьянских депутатов), И. П. Ткачуков (эсер, член исполкома Совета военных депутатов), Успенская (меньшевичка, член исполкома Совета рабочих депутатов), Лукин (народный социалист). Вот почему большинство участников съезда с известным скептицизмом слушали потом не только объяснения названных выше соглашателей-депутатов, но и других представителей мелкобуржуазных фракций.

Можно указать и на другие факты сотрудничества представителей капитала и соглашателей. Так, социалисты-революционеры Балакова Самарской губернии регулярно получали финансовую помощь от местного купечества. Только в мае 1917 года балаковские купцы безвозмездно ассигновали эсерам 42 000 рублей¹⁴².

Полемика между соглашателями и кадетами, отстаивающими интересы крупной буржуазии, к концу июня 1917 года фактически прекращается. Почти всю свою энергию и силы лидеры мелкобуржуазных партий направляют на борьбу с большевиками. Однако эсеры и меньшевики отнюдь не жаждали одержать победу над большевиками в открытых политических битвах. Страх перед большевистской агитацией, боязнь открытых политических дискуссий с членами РСДРП(б) толкали руководителей соглашательских фракций в Советах на нарушение и ограничение демократических свобод, о которых объявило в первые дни после Февральской революции Временное правительство.

В Симбирске начальник гарнизона с санкции Совета отдал приказ о запрещении большевикам выступать и проводить беседы в солдатских казармах. Офицеры-соглашатели в Пензе пытались в июне 1917 года отправить всех большевиков на

фронт. Сengiлеевский Совет не разрешил совершить агитационную поездку по уезду кронштадтскому моряку, взгляды которого не соответствовали внешнеполитическому курсу Временного правительства. Аналогичным образом поступил эсеро-меньшевистский полковой комитет в Бугульме по отношению к другому большевику — пропагандисту из Кронштадта¹⁴³. Еще дальше пошел Самарский Совет военных депутатов: 3 июня он отдал под суд прапорщика Крылова и вольноопределяющегося Иванова за критику и «оскорбление» министров Временного правительства. Деятельность многих соглашательских депутатов Самарского военного Совета не удовлетворяла солдатские массы. Однако эсеро-меньшевистское руководство Совета упорно отклоняло предложение о новых выборах, опасаясь усиления влияния большевистской фракции.

Полицейские методы использовали эсеры и меньшевики Самарской губернии в борьбе с большевиками. Во второй половине мая 1917 года по распоряжению эсеро-меньшевистского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов поселка Иващенко были уничтожены 4000 листовок с текстом большевистского «Проекта наказа при выборах в Совет» (эти листовки отпечатала группа рабочих, сочувствующих большевикам)¹⁴⁴.

По стопам царской охраны пошли соглашатели села Сорочинского Бузулукского уезда Самарской губернии. 24 июня 1917 года при содействии эсеров в этом селе за критику внешней политики Временного правительства был арестован член Самарского Совета рабочих депутатов большевик М. Штраус, которому пришлось потом около месяца ждать рассмотрения своего дела в Бузулукской тюрьме.

Бешеную травлю большевиков во второй половине мая развернул соглашательский исполком Сызранского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 3 июня 1917 года местная большевистская газета «Товарищ» справедливо указала на то, что Совет по своему стилю работы скорее напоминает канцелярию царского генерал-губернатора, нежели демократическое учреждение.

Мелкобуржуазные партийные организации и их фракции в Советах Поволжья постепенно, шаг за шагом, в мае — июне 1917 года катились в помойную яму контрреволюции. В этой антинародной политике соглашатели поволжских губерний не были ничуть оригинальными: просто они следовали за своими вождями.

Лидеры же Петроградского Совета и мелкобуржуазных

партий готовились к открытому выступлению против пролетариата и его авангарда — большевистской партии. Чернов, Цеттели и К°, постепенно освобождаясь не только от социализма, но и от демократизма¹⁴⁵, шли от соглашения с капиталом к прямому союзу с контрреволюцией, направленному против РСДРП(б), рабочего класса и трудового крестьянства.

В начале июля 1917 года центральный орган кадетов зафиксировал, что все ведущие газеты мелкобуржуазных партий России уже в течение месяца твердят «изо дня в день, что большевики изменники и предатели, что они сознательные контрреволюционеры, что их нужно изолировать, прервать с ними отношения»¹⁴⁶. Логическим завершением этой гнусной пропагандистской кампании явилась расправа, учиненная 3—5 июля в Петрограде над революционными рабочими и солдатами.

* * *

Итак, с момента своего возникновения в мартовские дни 1917 года Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов явились ареной и объектом ожесточенной политической борьбы большевистских и мелкобуржуазных организаций. Межпартийные сражения в Советах Поволжья велись в марте — июне 1917 года прежде всего вокруг вопросов о власти, о войне и мире, о земле и 8-часовом рабочем дне.

К началу мая 1917 года местные большевистские организации, составлявшие ядро революционной части Советов, изжили прежние ошибки, стали решительно проводить в жизнь ленинскую точку зрения по всем вопросам, выдвинутым революцией, и прежде всего по вопросу о власти. За месяц после приезда В. И. Ленина в Россию лозунг «Вся власть Советам!» стал основным требованием большевистских организаций, их важнейшим политическим лозунгом, рассчитанным на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Большевистские фракции боролись за установление в России республики Советов, за передачу всей полноты власти Советам. Представители мелкобуржуазных фракций, игнорируя объективные и субъективные предпосылки перехода к этапу социалистической революции, доказывали, что Советы не смогут справиться с обязанностями органов государственной власти. Эти разногласия в оценке роли Советов отражали коренные программные различия воззрений большевиков и соглашате-

лей относительно путей развития революции после уничтожения монархического правления в стране.

Четкий раздел выявился между большевиками и эсеро-меньшевистским блоком в процессе обсуждения в Советах Поволжья проблемы войны и мира. Громадное значение при выработке тактической линии большевиков, направленной на разоблачение «революционного оборончества» имели Апрельские тезисы В. И. Ленина и решения Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б). На основании этих документов поволжские большевики развернули большую агитационно-пропагандистскую работу, указывая массам с трибуны Советов, на митингах и собраниях трудящихся на антинародный характер политики меньшевиков и эсеров в вопросе о войне и мире. Именно здесь соглашатели наглядно показали, что им чужды и далеки устремления и интересы широких слоев трудящихся России.

В вопросе о 8-часовом рабочем дне члены мелкобуржуазных фракций в Советах Поволжья (как и в целом по России) были вынуждены пойти на уступки пролетариату. Под напором крестьянского движения социалисты-революционеры Поволжья сделали в мае — июне 1917 года попытку провести на практике свою собственную программу уравнительного землепользования. Но эти робкие попытки встретили яростное сопротивление руководства ПСР, которое продемонстрировало свое полное нежелание решить вопрос о земле в интересах малоземельного крестьянства.

Большевистские фракции в Советах Поволжья показали себя истинными защитниками интересов народных масс. Они последовательно боролись за передачу власти Советам, революционным организациям рабочих и крестьян, за немедленное введение 8-часового рабочего дня, за передачу земли крестьянству, за прекращение войны. Депутаты-большевики доказали, что им чужды узко партийные конъюнктурные цели и соображения. Поэтому они выразили готовность поддержать мелкобуржуазных революционеров, решившихся в Казанской, Самарской, Пензенской и Симбирской губерниях провести мероприятия по наделению крестьян землей. Правда, эсеры на деле, как показали дальнейшие события в Пензенской и Симбирской губерниях, оказались героями фразы: они быстро после нажима своего ЦК отказались от своей программы наделения крестьян землей до созыва Учредительного собрания.

В марте — апреле 1917 года революционной части Советов во главе с большевиками в условиях подъема революции уда-

валось проводить политику, выгодную рабочим, солдатам и крестьянам по своему содержанию, направленную против эксплуататорских классов. Подлинный демократизм Советов, гласность в решении всех вопросов, наглядность и очевидность в борьбе политических партий, открытый характер этой борьбы — все это давало возможность трудящимся массам держать Советы под неослабным контролем и влиять на их решения в революционном духе. Именно благодаря антибуржуазной направленности своей деятельности Советы завоевали доверие народных масс, вызвали постоянный и живой интерес, глубокие симпатии рабочих, солдат и крестьян к своим мероприятиям и обеспечили с их стороны всемерную поддержку. Антибуржуазный характер деятельности Советов — это то, зная, с помощью которого Советы утвердились как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и которое притягивало к ним симпатии и силы революционного народа.

Однако уже в марте — апреле эсеры и меньшевики всячески пытались столкнуть Советы с антибуржуазных позиций. Соглашательская часть Советов, представленная эсерами, меньшевиками, беспартийными отсталыми рабочими и солдатами, явилась той силой, которая пыталась выхолостить революционное содержание в деятельности Советов, лишить Советы качеств, присущих им как органам революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и превратить Советы в обычные культурно-просветительные и профессиональные организации. Лишь под непрерывным давлением рабочих и солдат, руководимых большевистской партией, эсеро-меньшевистские Советы были вынуждены принимать решения в пользу трудящихся масс. Советы в марте — апреле, несмотря на отмеченные слабости, в целом сыграли выдающуюся роль в консолидации революционных сил и создали им условия для дальнейшей борьбы за социалистическую революцию.

По мере дальнейшего усиления позиций соглашательских партий в Советах борьба рабочих и солдат за осуществление революционных преобразований затруднялась. Под напором мелкобуржуазной волны Советы сдавали позиции органам буржуазной власти, сползали с антибуржуазных позиций. Деятельность меньшевиков и эсеров не позволяла революционной части Советов окончательно ликвидировать остатки самодержавно-крепостнического строя, создать общенародную мили-

цию, последовательно осуществить контроль над производством.

Вступление представителей эсеров, меньшевиков, народных социалистов в состав буржуазного правительства официально оформило союз между буржуазией и мелкобуржуазными партиями. Этот акт придал строгую определенность в осуществление курса на сближение политики соглашательской части Советов с политикой буржуазной власти. Период колебаний и известной неопределенности в тактике мелкобуржуазных партий, характерный для первых месяцев после Февральской революции, сменился ясным и последовательным курсом на всемерную и всестороннюю поддержку буржуазии и ее правительства.

Последовательное осуществление мелкобуржуазными партиями соглашательской программы и большевиками — курса на социалистическую революцию чрезвычайно обострило партийную борьбу в Советах. Уже обсуждение вопроса об отношении к коалиционному правительству показало, насколько острее и непримиримее стали противоречия партийных фракций и групп в Советах.

Пере выборы Советов в мае — начале июня привели к резкому усилению позиций мелкобуржуазных партий в Советах и росту большевистских фракций. Сложившееся соотношение сил дало соглашателям возможность окончательно столкнуть Советы с антибуржуазных и антипомещичьих позиций и сблизить их деятельность с характером деятельности буржуазных органов власти.

Новая расстановка классовых и партийных сил еще более обострила борьбу между революционным крылом и соглашательским блоком в Советах. Каждое постановление, принятое эсеро-меньшевистским большинством, встречало упорное сопротивление революционных сил в Советах и широких трудящихся массах. Практически Советы оказывались не в состоянии проводить мероприятия, необходимые широким слоям трудящихся. Они не оправдывали надежд, которые возлагали на них рабочие и солдаты, не решали коренных вопросов. Горькая фраза, брошенная в одной из газет о том, что «фракции тратят всю энергию на борьбу между собой», точно отразила тот факт, что у Советов не оставалось сил на осуществление позитивной социально-экономической деятельности, направленной на закрепление и дальнейшее развитие революции.

Эсеры и меньшевики, заключив соглашение с капиталистами, тем самым предали интересы рабочих и крестьян. Они не

верили в творческие возможности революционного пролетариата, полагаясь на союз с буржуазией. Эта политика, в которой постепенно, набираясь опыта, начинали разбираться трудящиеся слои, вела соглашателей к неизбежному краху. В мае — июне 1917 года уже обнаружались первые результаты антинародного курса вождей Советов и мелкобуржуазных партий. В организациях меньшевиков и эсеров появились трещины, усилился разброд и шатания. Но соглашатели не сделали из этого верного вывода и еще крепче привязывали себя к колеснице крупного капитала.

Антинародная политика соглашателей завела Советы в тупик. Совершенно очевидно обнаружился период упадка Советов, начало которого В. И. Ленин относил к маю 1917 года. Из органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, обладавших реальной властью после Февральской революции, соглашатели превратили Советы в безвластные учреждения, в простые придатки буржуазных исполнительных комитетов. Предательская политика эсеров и меньшевиков окончательно ослабила Советы, и это дало буржуазии возможность перейти в решительное наступление.

ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

РЕАКЦИЯ НАСТУПАЕТ

Контрреволюционные интриги кадетов, провал наступления на фронте, растущая разруха и безработица, приближение голода, явное намерение правительства Керенского вывести революционные войска из Петрограда и разгромить революцию — все это вызвало революционный взрыв в столице. 3—5 июля петроградские рабочие и солдаты были на грани вооруженного восстания.

4 июля в Петрограде под руководством большевиков состоялась грандиозная мирная демонстрация. Рабочие и солдаты вышли на улицы столицы с плакатами: «Вся власть Советам!», «Долой министров-капиталистов!», «Долой войну!». Как подчеркивал В. И. Ленин, «движение 3 и 4-го июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть»¹. Однако руководители партий меньшевиков и эсеров не поддерживали требования масс о передаче власти Советам. Вот что писал лидер ПСР В. М. Чернов о позиции ЦИК Советов в бурные дни 3—5 июля: «Толпы солдат, матросов и рабочих осаждали Таврический дворец, навязывая власть Советам, а Советы отсиживались от этой власти»². В решающий момент выбора между революционными массами и буржуазией лидеры соглашательских партий и Советов предпочли сохранить в неприкосновенности блок с политическими представителями крупного капитала — кадетами. Предательство меньшевиков и эсеров развязало руки контрреволюции.

Временное правительство перешло в наступление: оно учинило кровавую расправу над вышедшими на демонстрацию рабочими и солдатами и обрушило репрессии на партию большевиков. Решением Центрального исполнительного комитета Советов от 10 июля 1917 года правительству были предоставлены неограниченные полномочия для борьбы с революционным движением.

Позицию эсеров-меньшевистского ЦИК одобрили большинство местных Советов. Лидеры мелкобуржуазных организаций в Поволжье один за другим выступали с заявлениями, в которых осуждалось требование петроградского пролетариата и революционных солдат передать власть Советам. Более того, руководители соглашательских фракций убеждали рабочих, солдат и крестьян в том, что именно большевики спровоцировали Временное правительство на применение оружия против демонстрантов. Так, 7 июля 1917 года в Самаре на объединенном заседании Советов, полковых комитетов, профсоюзов и фабзавкомов меньшевик А. И. Кабцан назвал членов РСДРП(б) «главными виновниками контрреволюционных выступлений в Петрограде». Всю ответственность за расстрел рабочих и солдат в столице России мелкобуржуазные фракции в Самарском Совете возложили на партию большевиков³.

С заявлением, полным фарисейства и лицемерия, выступили руководители казанских меньшевиков: «Мы сейчас принуждены не только вести идейную борьбу с большевизмом, но и признавать необходимость строгих мер по отношению к отдельным большевистским деятелям; с тяжелым чувством мы не загораживаем дороги судебной власти, производящей аресты вождей политической партии. И линия нашего поведения диктуется признанием, что «благо революции есть высший закон». Во имя этого мы должны мириться и с тем ужасающим фактом, что революционная власть встает на путь исключительных мер, что на театре военных действий восстанавливается смертная казнь, что вводятся ограничения печати»⁴.

Позорную роль в развертывании антибольшевистской клеветнической кампании сыграли эсеров-меньшевистские газеты, соревновавшиеся с бульварной прессой во лжи и демагогии. Соглашательские печатные органы обвиняли большевиков во всех смертных грехах. Вот что писала газета Алатырского Совета, редактируемая эсерами и меньшевиками, пытавшаяся свалить вину своих партий за поворот к контрреволюции: «Восстановление смертной казни, отмена конституционных гарантий, право министра внутренних дел запрещать неудобные

ему съезды и, наконец, отсрочка созыва Учредительного собрания — вот плоды, принесенные нам кровавой затеей большевиков в дни 3—5 июля»⁵. А вот как рассказывал о ходе демонстрации в Петрограде тот же печатный орган Алатырского Совета: «Вот этим моментом воспользовались петроградские большевики, чтобы выступить со своим набившим оскомину лозунгом «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов». Выступили они вооруженные до зубов и двинулись ратью на Советы. На те же Советы, которым они хотели вручить всю власть».

Июльские события положили конец двоевластию. Буржуазно-монархические силы консолидируются и переходят в наступление. Эти критические дни стали поворотным пунктом в эволюции «социалистических» партий: от соглашения к прямой контрреволюции. Условия и характер политической борьбы в Советах резко накаляются.

Обострение классовых противоречий в стране после июльских событий придало борьбе партий в Советах необычно острый характер. Большевики использовали все возможности, чтобы раскрыть депутатам Советов контрреволюционную сущность политики мелкобуржуазных партий. Они разоблачали союз эсеров и меньшевиков с буржуазией и их предательство интересов народных масс. Дальнейшее развитие революции подняло на более высокую ступень рабочее и солдатское движение. В ходе дискуссий в Советах с улицы довольно часто врвался голос бастующих рабочих, который нередко оказывал определяющее влияние на исход фракционной борьбы.

Все чаще в Советах дебатировался основной вопрос революции — вопрос о власти. Обсуждение всех прочих проблем, выдвинутых революцией, сплошь и рядом сводилось к вопросу о государственной власти в стране. Так было с выяснением существа июльских событий в Петрограде. Расстрел контрреволюцией мирной демонстрации рабочих и солдат стал поворотным пунктом в развитии революции. Этот вопрос вобрал в себя в концентрированном виде все важнейшие политические проблемы. В Поволжье не было ни одного Совета, который бы не выразил своего отношения к событиям 3—5 июля.

В Саратовском Совете они обсуждались 7 июля 1917 года. На опыте четырех месяцев борьбы большевики доказывали членам Совета, что в успешном исходе революции заинтересованы только рабочие и крестьяне. Они вскрыли контрреволюционную сущность буржуазии и разоблачили меньшевиков и

эсеров как ее пособников. Основную причину июльских событий большевики видели в контрреволюционной деятельности буржуазии, с которой рука об руку шли меньшевики и эсеры. Большевики требовали передать власть Советам.

Эсеры и меньшевики отрицали необходимость такого шага и запугивали депутатов тем, что передача власти Советам приведет к анархии, дезорганизованности и в конечном счете к гибели революции. С их точки зрения, лишь соглашение с буржуазией могло дать все необходимое революционной демократии. Они осуждали революционных рабочих и солдат Петрограда и клеветали на них. «Там не было ни революционных войск, ни революционного пролетариата», — заявил эсер Телегин. Соглашатель увидел в Петрограде части, «разлагающие русскую революцию, дезорганизующие нашу армию».

В заключение были внесены две резолюции: от большевистской фракции и соглашательского большинства Совета. Главную опасность для революции большевики видели в контрреволюционных происках капиталистов и помещиков. Соглашатели осуждали июльское выступление рабочих и солдат и главную опасность усматривали в подобном революционном движении. Большевики обосновывали необходимость перехода власти в руки Советов, эсеры и меньшевики доказывали неизбежность соглашения с буржуазией и призывали все демократические силы укреплять коалиционное правительство. За большевистскую революцию голосовало 118 депутатов, за эсеро-меньшевистскую — 257⁶.

10 июля петроградские события обсуждал исполком Саратовского Совета. Эсеры и меньшевики опять злобно клеветали на большевистскую партию, объявляли ее контрреволюционной силой, вредной самой революции. Большевики с негодованием отвергли гнусные обвинения социал-предателей. Они предупреждали соглашателей, что если те помогут буржуазии задуть левый фланг революции, то они сами будут раздавлены. Эсеро-меньшевистскими голосами исполком принял резолюцию доверия Временному правительству. Большевики потребовали, чтобы исполком определил свое отношение к приказам буржуазного правительства об аресте руководителей большевистской партии. Соглашатели отклонили требование большевиков, мотивируя это тем, что исполнительный комитет в своей резолюции обещал поддержку Временному правительству. Саратовские эсеры и меньшевики вслед за своими петроградскими коллегами перешли на сторону реакции, официально заявив о поддержке правительства, расстреливающего революционных ра-

бочих и солдат и преследующего руководителей их — большевиков.

Своеобразно реагировали на выступление контрреволюционных сил в Петрограде пензенские меньшевики и эсеры. 8 июля, не получив еще директив от центральных органов своих партий по поводу событий 3—5 июля в Петрограде, фракции социалистов-революционеров и меньшевиков предложили Пензенскому Совету отвергнуть травлю, поднятую буржуазной прессой по адресу большевиков. Однако это проявление демократической солидарности и огонь благородного «негодования» у представителей мелкобуржуазных фракций в Пензенском Совете скоро угасли. 18 июля пензенские меньшевики и эсеры вслед за своими центральными партийными органами послушно одобрили на заседании Пензенского Совета все репрессивные меры Временного правительства против РСДРП (б).

Несколько раз возвращался к обсуждению июльских событий Астраханский Совет рабочих и солдатских депутатов. Как только были получены первые известия о событиях в Петрограде, исполком Совета на совместном заседании с исполкомом губернского Совета крестьянских депутатов постановил не допустить в Астрахани выступления рабочих и солдат. На языке эсеров и меньшевиков это решение звучало так: предотвратить «неорганизованные выступления безответственных лиц и групп». Соглашатели решили вести «разъяснительную» работу под тем углом зрения, что «петроградские события вредны и опасны для русской революции».

Спустя несколько дней Астраханский Совет получил официальное обращение ЦИК с просьбой поддержать его действия. Члены исполкома записали в резолюции, что они «находят действия ЦИК вполне правильными и окажут ему помощь и поддержку всеми имеющимися в их распоряжении средствами»⁷.

Пленарное заседание Астраханского Совета, посвященное июльским событиям, состоялось 17 июля 1917 года. Большевики и эсеры яростно обвиняли большевиков в контрреволюционной деятельности. Их доклад представлял сплошную ложь и клевету на большевистскую партию и петроградских рабочих и солдат.

Большевики оправдывали действия революционных масс. Их поддержала часть рабочих рядовых членов Совета.

В резолюции, принятой Советом, эсеры и меньшевики одобрили действия ЦИК и обещали ему и Временному правитель-

ству свою помощь и действенную поддержку. Астраханские соглашатели вслед за своими петроградскими руководителями одобрили расправу контрреволюционной буржуазии над большевиками и революционными рабочими, солдатами и матросами.

Еще более правую позицию при обсуждении июльских событий занял Казанский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 7 июля на своем общем собрании он одобрил расстрел мирной демонстрации в Петрограде, а на следующем заседании 15 июля поддержал постановление Временного правительства о введении смертной казни на фронте. Исполком Казанского Совета запретил митинги, собрания, манифестации по поводу репрессивных действий контрреволюции в столице России.

Аналогично проходило обсуждение июльских событий в уездных Советах Поволжья. 13 июля на пленарном заседании Камышинского Совета с речью об июльских событиях выступил председатель Совета Фадеев. Он призвал депутатов «к самой интенсивной работе в деле укрепления боевой мощи армии». Соглашатели наградили докладчика бурными аплодисментами. Совет голосами эсеров и меньшевиков принял резолюцию, выражавшую доверие Временному правительству и готовность оказать ему практическую помощь — для начала социал-предатели постановили немедленно арестовывать всякого, кто осмелится вести агитацию против Временного правительства⁸.

Одновременно петроградские события обсуждал Кузнецкий Совет рабочих и солдатских депутатов. Эсеры и меньшевики возлагали ответственность за все неудачи, переживаемые страной, на большевистскую партию. Смелую попытку отместить клевету мелкобуржуазных пособников контрреволюции предпринял большевик В. И. Корсаков. Вина за развал народного хозяйства, доказывал он, лежит на буржуазии. Однако большинство депутатов Кузнецкого Совета склонилось на сторону соглашателей, выразив доверие Временному правительству и «готовность самоотверженно защищать землю и волю от всяких посягательств, откуда бы они не исходили»⁹.

Аналогичные резолюции были приняты Бугульминским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Советом рабочих и солдатских депутатов Николаевской слободы и др. Мелкобуржуазные фракции уездных Советов пали настолько, что по примеру reactionеров в столице приняли активное участие в преследовании членов большевистской партии. С со-

гласия эсеров-меньшевистского исполкома Сызранского Совета контрреволюционеры закрыли местную большевистскую газету «Товарищ», а ее редактора арестовали. Во второй половине июля исполком г. Сызрани запретил большевикам выступать на митингах. 12 июля с санкции эсеров-меньшевистского Совета города Карсуна Симбирской губернии был брошен за решетку большевик Солнцев¹⁰. В Иващенко-ском Совете (Самарская губерния) соглашатели, опасаясь разоблачения и правдивого изложения событий в Петрограде, не гнушались сталкивать с трибуны Совета большевистских ораторов. Подобные картины политической борьбы наблюдались по всей России.

Эсеры и меньшевики по существу шли в фарватере политики кадетской партии, которая настаивала на окончательной ликвидации «гнезд большевистского бунта».

Анализируя действия руководителей мелкобуржуазных партий, В. И. Ленин отмечал: «...они связали себя и запутали настолько, что не могли не скатиться к сотрудничеству (в репрессиях, в клеветах, в палачестве) с контрреволюционными кадетами. Эсеры и меньшевики окончательно скатились 4-го июля в помойную яму контрреволюционности, потому что они неуклонно катились в эту яму в мае и в июне, в коалиционном министерстве и в одобрении политики наступления»¹¹.

Июльские события превратились в суровый экзамен для местных соглашательских организаций, которые должны были сделать выбор между рабочим классом и контрреволюцией. И они в своей основной массе заколебались в сторону капиталистов и помещиков. Произошло это по следующим причинам. Разнузданная клевета при отсутствии точной информации оглушила рядовых членов ПСР и РСДРП (меньшевиков) в провинции. Многие из них не могли сразу разобраться в новой политической ситуации и поплыли безвольно по курсу, пролагаемому вождями-ренегатами. А главное — неустойчивая природа мелкого буржуа толкала их к тому, кто в эти дни временно торжествовал победу. Даже наиболее левые элементы соглашательских групп и фракций выступили против лозунга «Вся власть Советам!».

9 июля 1917 года орган казанских левых эсеров заявил в своей передовой: «Мы — сторонники идеи перехода власти в руки демократии; но если демократия в лице своего полномочного органа — съезда Советов¹² отказывается от этой власти, то никто не имеет права заставлять Совет взять власть в свои руки». Если так говорили эсеры-интернационалисты, то что толковать о взглядах и настроениях соглашателей-оборонцев:

они в один голос поливали помоями требование передать власть Советам.

Руководители соглашательских организаций немало затра- тили сил в июльские дни, чтобы опорочить большевистский лозунг «Вся власть Советам!» и тем самым как-то оправдать свой переход на контрреволюционные позиции. Один из ведущих деятелей ПСР Н. Авксентьев говорил 15 июля на заседании исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов: «Не- обходимо... ясно сознавать, что лозунг «Вся власть Советам ра- бочих, солдатских и крестьянских депутатов» не стоит на оче- реди. Дни 3—4 июля ясно показали, что демократия еще недо- статочно организована, что необходима сильная власть, опи- рающаяся на возможно большие слои населения. Только коа- лиционное министерство в данный момент может справиться с задачами, поставленными революцией»¹³. Н. Авксентьеву и другим вождям соглашательских партий вторили лидеры мел- кобуржуазных партийных организаций Поволжья, которые также возражали против передачи власти Советам. «Такое ре- шение вопроса о власти, — заявляли руководители эсеровской и меньшевистской фракций Пензенского Совета, — останавли- вается целым рядом тактических соображений. И хотя в стра- не у нас, может быть, поддержки и опоры больше, чем у какой- либо другой общественной группы населения или партии, по- нужно признать, что значительные группы населения будут яв- ляться активным или пассивным препятствием к проведению в жизнь советских мероприятий. Если еще принять во внимание, что такими группами явятся буржуазные классы, то станет по- нятным серьезность этого соображения»¹⁴.

Доказывая, что Советы как органы власти несостоятельны, что они-де сыграли уже «свою основную роль и должны будут через некоторое время уступить место представительным «все- сословным демократическим организациям», лидеры мелкобур- жуазных партий тем не менее неоднократно предупреждали кадетов, чтобы те не спешили с открытыми действиями против Советов. Полемизируя с кадетской газетой «Речь», которая на- ставляла на разгоне Советов, московская эсеровская «Воля на- рода» спрашивала 19 июля 1917 года: «Что случилось бы, если бы правительство объявило о своих неограниченных полномо- чиях, не получив на это согласия Советов? Разве от этого власть усилилась бы? Что случилось бы, если восстановление правительством смертной казни не состоялось бы в согласии с Советами? Разве тогда решение правительства не внесло бы смуты в ряды армии и демократии?». Этот печатный орган

правого крыла ПСР открыто рекомендовал кадетам воспользоваться оставшимся авторитетом Советов для освящения всех контрреволюционных деяний Временного правительства. Обращаясь же к массам, «Воля народа» лицемерно призывала их к сплочению вокруг Советов для организации отпора реакции.

«...Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, — указывал В. И. Ленин в июле 1917 года в статье «Политическое положение», — окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиковый листок контрреволюции»¹⁵.

Представители мелкобуржуазных партий в Поволжье травили организации РСДРП(б), предрекая им скорую политическую смерть. Правда, приличия ради соглашатели не забывали бросить одну-две «революционные» фразы-угрозы в адрес кадетов, разваливших коалиционное правительство. Лидеры эсеровских и меньшевистских организаций стремились создать видимость борьбы на два фронта. «Большевики, — писала, например, 8 июля 1917 года самарская правоэсеровская газета «Земля и воля», — это партия политических забияк, за исключением, конечно, провокаторов и шпионов... Кадеты — партия, не признающая, не чувствующая будущего». Однако, прикрываясь флагом борьбы «как с анархией, так и с контрреволюцией», соглашатели направили фактически все свои силы на сокрушение авангарда революционного пролетариата.

Вслед за руководителями ПСР и РСДРП(б) лидеры соглашательских фракций в Советах Поволжья выступили с призывами «искать поддержку и сотрудников среди буржуазии», «идти рука об руку с буржуазными партиями во всех тех случаях, когда это только возможно». Что же принес социалистам-революционерам и меньшевикам союз с капиталистами и помещиками? Насколько удалось представителям мелкобуржуазных организаций ослабить и дискредитировать большевистскую партию?

«ПИРРОВА» ПОБЕДА СОГЛАШАТЕЛЕЙ

Клевета и репрессии повлияли на политические убеждения некоторой, весьма незначительной, неустойчивой части членов РСДРП(б) в Поволжье, породив у них пессимистические и пораженческие настроения.

Июльские события вызвали замешательство среди некото-

рых пензенских большевиков. Так, С. Савицкий, один из руководителей фракции РСДРП(б) в Пензенском Совете, заявил 8 июля 1917 года, что революционеры должны отказаться от борьбы за власть, выйти из легальных учреждений и занять позиции безучастных наблюдателей. Однако это оппортунистическое предложение не нашло отклика у подавляющей части большевиков. С резкими возражениями выступил рабочий Марьин. «Я хочу указать тов. Савицкому, — горячо говорил он, — что ни в одном городе ни одна организация большевиков не может поступить так, как предлагает тов. Савицкий. Не зрителями, а активными работниками мы должны быть в трудный момент, переживаемый нами. Не забывать свои лозунги должны мы, а воплощать их в жизнь. Нам совершенно безразлично, какую клевету выдумают г-да кадеты и их органы... Весь этот шум не может нас запугать и заставить отказаться от активной работы... Теперь время особенно активной деятельности»¹⁶.

Предложение Савицкого отказаться от борьбы за власть было отвергнуто членами РСДРП(б) Пензы. Однако последнему удалось убедить пензенских большевиков пойти вновь на объединение с меньшевиками¹⁷. Савицкий считал, что таким образом объединенными с меньшевистскими силами будет легче бороться с буржуазией и помещиками. Согласившись с доводами Савицкого, пензенские большевики допустили серьезный просчет. Во-первых, местные меньшевики, как это показали дальнейшие события, не собирались предпринимать какие-либо активные акции против кадетов; во-вторых, и это было не менее важно, меньшевики в объединенной организации по существу получили возможность ослабить большевистскую критику соглашательской политики, сковать и значительно уменьшить воздействие агитации и пропаганды членов РСДРП(б).

Известные трудности в июле 1917 года переживали и некоторые другие большевистские организации Поволжья. Тут сыграла свою роль обстановка террора, клеветы, преследований как со стороны кадетов, так и со стороны своих «коллег» по Советам, эсеров и меньшевиков. Трудности и серьезность положения поволжских большевиков усугублялись тем, что регулярная связь с ЦК партии оказалась временно нарушенной. Сказалось и то, что в Поволжье преобладали мелкобуржуазные слои, которые доверчиво на первых порах прислушивались к уверениям реакции в предательстве большевиков и в «связи их с германским кайзером».

Испугавшись разгула контрреволюции, не сумев разобраться в сложных зигзагах событий, покинула ряды РСДРП(б) часть рабочих-железнодорожников станции Рузаевка. Из Балакова Самарской губернии комитет РСДРП(б) сообщал, что после 3—5 июля в организации сложилось «временно удручающее положение»¹⁸. По требованию соглашателей 13 июля оставил свой пост председателя Кузнецкого Совета большевик В. И. Корсаков. На его место был избран представитель эсеровской фракции прапорщик Дураков. Под давлением эсеров и меньшевиков 15 июля был снят с поста председатель Вольского Совета большевик Кукушкин. Существенно ослабла фракция большевиков в Балашовском Совете рабочих депутатов. А. Л. Банквицер писал в своих воспоминаниях, что после июльских событий Балашовская «большевистская организация оказалась почти полностью разгромленной, а молодые и неустойчивые ее члены, еще не успевшие перевариться партий, перебежали в меньшевистский лагерь»¹⁹.

Известное замешательство и колебания наблюдались и среди некоторой части членов РСДРП(б) в Самаре, крупном губернском центре Поволжья. Сотрудник «Приволжской правды», депутат рабочей секции Самарского Совета С. М. Белов переметнулся к меньшевикам. Среди большевиков Самары возникли разногласия в связи с вопросом — снять или оставить на вооружении лозунг «Вся власть Советам!»²⁰. Самарская «Приволжская правда» продолжала ошибочно пропагандировать требование передачи власти Советам до середины августа 1917 года. Объяснялось это, видимо, тем, что ленинские статьи о новой тактике по отношению к Советам Самарская организация РСДРП(б) получила со значительным опозданием вследствие репрессий Временного правительства против революционной печати. «Лозунг перехода власти к Советам, — писал В. И. Ленин, — звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим»²¹.

Не сняли после июльских событий лозунга «Вся власть Советам!» и саратовские большевики. Они полагали, что на местах в соотношении сил ничего не изменилось, что власть по-прежнему находится в колеблющемся, неопределенно-переходном состоянии, что и теперь переход власти в руки Советов мо-

жет привести к государственной власти рабочих и крестьян. Между тем после 3 июля только мирными средствами, средствами агитации и пропаганды, рабочие и солдаты не могли уже взять власть. Буржуазия, возглавлявшая контрреволюционные силы, «глубоко прорвала фронт революционных рабочих»²² и окончательно захватила власть в свои руки и прежде всего в решающем месте классовых битв. Требование о передаче власти Советам свидетельствовало о сохранившихся еще на местах конституционных иллюзиях, об инерции в агитационно-пропагандистской работе местных организаций РСДРП(б).

Таким образом, большевики Поволжья не избежали некоторых тактических ошибок, не сумев быстро сориентироваться в новых условиях. Однако, несмотря на отдельные просчеты и «временные потери в численном составе», большевистские организации в Поволжье в целом достойно выдержали натиск контрреволюции.

Обсуждение июльских событий Царицынским Советом продемонстрировало возросшее влияние большевиков среди рабочих и солдатских масс города. К моменту открытия Совета в исполнительное бюро поступили десятки резолюций, принятых на рабочих и солдатских собраниях, с выражением недоверия Временному правительству и с требованием немедленно передать власть Советам. О единодушии рабочих в решении вопроса о власти свидетельствует тот факт, что почти все резолюции были приняты единогласно. Подобные резолюции поступили от рабочих и служащих заводов Замятина, Калашникова, Першикова, Серебрякова, Эпштейна, Сыроватского, Башенина, депо Юго-Восточной железной дороги и многих других. Из 1500 рабочих и служащих оружейного завода, присутствующих на собрании, за доверие Временному правительству высказались лишь 18 человек. Из 5056 солдат 141-го запасного пехотного полка против передачи власти Советам голосовало 2 человека.

Пленарное собрание Царицынского Совета по вопросу о событиях в Петрограде открылось 10 июля. Меньшевики и эсеры пытались организовать судилище над большевиками. Однако это намерение вызвало бурное негодование рабочих и солдат. Большевики подвергли резкой критике контрреволюционные действия Временного правительства. Они разоблачили лицемерие социал-предателей, превратившихся в защитников реакционных сил. Под аплодисменты присутствующих большевики потребовали передать всю полноту власти Советам. Меньшевики пытались сманеврировать и обмануть рабочих и

солдат. «Здесь говорят о захвате власти, — говорил меньшевик Д. Полуян. — Но власть уже в руках исполнительного комитета». Большевики доказали лживость подобного утверждения.

На голосование было поставлено 2 резолюции: от эсеро-меньшевистской части Совета и большевистской фракции. За соглашательскую резолюцию было подано 74 голоса, за большевистскую — 93²³. Результаты голосования рабочие и солдаты встретили бурными аплодисментами.

Через несколько дней на заседании исполнительного бюро меньшевик С. Е. Шевченко заявил, что он не может оставаться на посту председателя Совета в силу того, что он не разделяет той позиции, которую за последнее время занимает Совет, и не может брать на себя ответственность за дальнейшую его деятельность²⁴. С этого момента и до перевыборов Совета на всех заседаниях исполнительного бюро и пленарных заседаниях председательствовали большевик С. Минин и эсер А. Длугач.

Из всех Советов Поволжья самые прочные позиции революционные силы имели в Царицынском Совете рабочих и солдатских депутатов. Царицынские рабочие и солдаты, руководимые большевиками, выдвинулись на передний край борьбы против реакции и одними из первых приняли на себя удары контрреволюционной буржуазии. С целью обработки общественного мнения страны реакция развернула вокруг Царицына шумную клеветническую кампанию. Буржуазные газеты — от явно черносотенных до буржуазных и соглашательских — стали писать о том, что в Царицыне господствует солдатский террор, убийства и грабежи, что в городе большевики создали «независимую республику», готовую «отложиться» от России и т. д.

Временное правительство и исполком Петроградского Совета предложили Саратовскому Совету направить в Царицын комиссию, которая навела бы там «революционный порядок». После тщательного изучения дел на месте комиссия под воздействием неопровержимых фактов признала клеветнический характер кампании, развернутой буржуазной печатью, и в обращении «К демократии России» довела это до общественного мнения страны²⁵. Выводы комиссии были доложены Временному правительству. Тем не менее по приказу Керенского на Царицын была брошена Саратовская школа прапорщиков во главе с откровенным монархистом полковником Корвин-Круковским.

19 июля исполком Саратовского Совета обсудил вопрос об отношении к приказу Керенского. Большевики считали его контрреволюционной мерой, рассчитанной на разгром рабочих и солдат, и предложили послать Временному правительству телеграмму с требованием отменить карательную экспедицию. Эсеры и меньшевики расценили предложение большевиков как вмешательство в компетенцию Временного правительства и как призыв к «неисполнению велений власти». Они решили вместе с отрядом Корвин-Круковского направить в Царицын делегацию Саратовского Совета. В ее состав вошли эсер В. Телегин и меньшевик Л. Майзель. Соглашатели доказывали, что Корвин-Круковский будет действовать в полном согласии с делегатами Совета. Большевики отказались участвовать в этом преступном мероприятии, рассчитанном на прикрытие контрреволюционных действий буржуазии. Для оказания помощи царицынским большевикам они послали своего представителя — В. П. Антонова-Саратовского, не зависимого от эсеро-меньшевистской делегации.

Члены делегации прибыли в Царицын до прихода карателей и (даже с их точки зрения пособников буржуазии), не обнаружили там чего-либо такого, что требовало бы немедленного вмешательства вооруженной силы. Тем не менее руководитель делегации эсер Телегин телеграфировал Корвин-Круковскому: «Прибытие отряда считаю неотложным»²⁶.

26 июля вооруженный до зубов отряд в количестве 500 юнкеров и 500 казаков при 14 пулеметах и 2 полковых орудиях вошел в город. В обращении к населению Корвин-Круковский заявил, что он прибыл в Царицын «для восстановления... революционного порядка и дисциплины и подавления всяческих анархических выступлений». По откровенному признанию Корвин-Круковского, под категорию анархических выступлений каратели подводили деятельность большевиков. «С этими лицами, — взывал он к меньшевикам и эсерам, — должна вестись борьба»²⁷.

С приходом карателей безусловно запрещались собрания и митинги рабочих и солдат, въезд и выезд из города был поставлен под непосредственный контроль Корвин-Круковского. В его подчинение попали все воинские части, общественные организации и учреждения. В первый же день оккупации города по приказу Корвин-Круковского каратели арестовали одного из руководителей царицынских большевиков С. К. Минина. На следующий день они закрыли большевистский орган — газету

«Борьба», а ее редактора В. В. Сергеева бросили в тюрьму. Был арестован видный деятель большевистской партии, любимец царицынских рабочих и солдат Я. З. Ерман.

Несмотря на жестокие репрессии против революционной части Совета, поставившие Совет на грань потери им роли политического органа, меньшевики и эсеры убеждали рабочих и солдат, что Совет по-прежнему остается революционной организацией. На заседании исполнительного бюро 27 июля меньшевик Шевченко, вопреки фактам, доказывал целесообразность прибытия вооруженного отряда. Тогда же руководитель саратовской делегации эсер Телегин попытался завуалировать карательную суть отряда. Он назвал его «революционным военным отрядом». В подтверждение этой мысли Телегин указал на тот факт, что «в экспедицию вошли представители от общественных организаций и Саратовского Совета»²⁸. Большевики подвергли резкой критике действия соглашателей. В. Сергеев назвал вызов отряда «провокационным поступком». Тогда эсеры и меньшевики лишили его депутатского мандата. Вместе с Сергеевым в знак протеста зал заседания покинула вся большевистская фракция.

В отсутствие большевиков меньшевики и эсеры одобрили прибытие отряда Корвин-Круковского и санкционировали его действия. Тем самым они выдали большевиков карателям. Казалось, что своей цели мелкобуржуазные фракции достигли. Они спешили использовать благоприятную обстановку и упрочить позиции в руководящем органе Совета. На места, освободившиеся в исполнительном бюро вследствие арестов большевиков, соглашатели провели своих представителей. Однако на защиту революционных сил Советов встали рабочие и солдаты Царицына. Уже 28 июля в Совет пришли представители фабрик, заводов и воинских частей. Они требовали, чтобы руководители Совета приняли меры к освобождению Я. Ерманна, С. Минина и других большевиков. Рабочие и солдаты предлагали членам исполнительного бюро вместе идти к Корвин-Круковскому и потребовать прекращения репрессий. Трудящиеся буквально завалили исполнительное бюро резолюциями протеста против действий карательного отряда. «Мы протестуем против присылки отряда под начальством Корвин-Круковского, — писали береговые рабочие. — Мы заявляем, что никакой необходимости в насаждении «революционного порядка» в Царицыне нет». Аналогичные резолюции были приняты рабочими оружейного завода, товарищества братьев Нобель, «Паровой мельницы», депо железной дороги, солдатами 16-й роты

155-го пехотного полка, крестьянами села Новая Отрада и т. д.²⁹

Активизировали свою деятельность и каратели. 28 июля Корни-де-Бад заявил о намерении продолжать аресты большевиков. Репрессии карателей воодушевили контрреволюционные слои населения. Черносотенная газета «Республиканец» открыто призывала обывателей к разгрому Совета рабочих и солдатских депутатов. По городу циркулировали слухи о том, что Корвин-Круковский вступил в сговор с Калединым. Обстановка в городе сложилась очень напряженная. В любое время могло произойти выступление масс, готовых с оружием в руках защищать революционные завоевания.

Тревога рабочих солдат за дальнейшую судьбу Совета и их готовность защищать его всеми силами заставила Корвин-Круковского обратиться к населению с воззванием, в котором он называл Совет «высшей революционной демократической организацией на месте»³⁰. Существенно ослабив большевистскую фракцию, контрреволюционеры низводили таким образом Совет до положения второстепенного, преимущественно профессионального органа, а на словах наделяли его самыми громкими определениями. Мало того, Корвин-Круковский взял Совет под защиту. «Всякие попытки игнорировать Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — писал он в воззвании, — или умалить его значение со стороны кого бы то ни было нами будут преследоваться со всей строгостью революционного закона». Это заявление нельзя рассматривать только как демагогический жест, рассчитанный на обман масс. Буржуазии действительно пока что нужны были Советы не только в центре, но и на местах, но Советы без большевиков с абсолютным преобладанием мелкобуржуазных партий. Они помогали капиталистам удерживать массы в русле буржуазной политики.

Мощное революционное выступление, ненависть рабочих к карателям вынудили эсеров и меньшевиков изменить свою тактику. Откровенная поддержка реакции в обстановке высшего обострения классовых противоречий могла привести к вооруженному восстанию, что ни в какой мере не устраивало соглашателей. Поэтому эсеры и меньшевики формально встали в оппозицию к Корвин-Круковскому. По требованию трудящихся Совет заслушал объяснения Корвин-Круковского о целях пребывания отряда в Царицыне и признал их неудовлетворительными³¹. В то же время на пленарном собрании Совета 3 августа эсеры и меньшевики пытались свести контрреволюционную

деятельность Корвин-Круковского к неким досадным ошибкам. Большевики разоблачали двурушническую роль соглашательской части Совета и возложили на нее всю ответственность за преступления карателей.

В результате острых споров и столкновений собрание признало, что аресты большевиков подрывали авторитет Совета, ослабили революционные силы и сплотили лагерь контрреволюции. Депутаты требовали немедленного удаления отряда из Царицына. Вместе с тем эсеры и меньшевики включили в резолюцию пункт, призывавший рабочих и солдат к спокойствию. «Начальник отряда наделен полномочиями Временного правительства, — запугивали соглашатели, — поэтому никакого противодействия со стороны Царицынской демократии по отношению к отряду оказываемо быть не должно». Эта часть резолюции подталкивала Корвин-Круковского к усилению репрессий против большевиков. 16 августа по его предписанию была арестована новая группа членов большевистской партии: В. А. Петухов, А. К. Выдрин, Бурдаков. Карательный отряд бравировал своей силой, устраивал по городу вооруженные шествия, запугивал и терроризировал население. Возмущение рабочих и солдатских масс достигло своего предела.

На заседании исполнительного бюро 18 августа представители французского и оружейного заводов заявили, что, если руководители Совета не примут решительных мер к освобождению арестованных большевиков, они объявят забастовку. На следующий день состоялось многолюдное совместное заседание исполнительного бюро с представителями фабрично-заводских комитетов. Рабочие продолжали требовать освобождения большевиков и изгнания карателей из Царицына.

Лидеры меньшевиков мобилизовали весь арсенал своих демагогических приемов, чтобы убедить рабочих отказаться от забастовки. Демагогии соглашательских политиков большевики не сумели противопоставить убедительные контрдоводы. Общеизвестные и любимые рабочими ораторы, самые авторитетные деятели царицынских большевиков были арестованы и брошены в тюрьму. Основной докладчик от большевистской фракции Казаков вступил в члены РСДРП(б) накануне собрания, а до этого был активистом меньшевистской организации. Ясно, что ему трудно было увлечь за собой колеблющихся депутатов Совета и членов фабрично-заводских комитетов. Непоследовательно вели себя большевики в ходе голосования. Вначале они предложили резолюцию, поддерживающую готовность рабочих к борьбе, а затем сняли ее и присоединились к

резолюции меньшевиков, которая призывала рабочих воздержаться от активных действий и запрещала всякую забастовку³². На поведении большевистской фракции отрицательным образом сказался арест ее руководителей.

Было очевидно, что Корвин-Круковскому удалось с помощью эсеров и меньшевиков на какое-то время ослабить позиции большевиков и вызвать замешательство в их фракции. Не без основания делегат II Всероссийского съезда Советов от Царицына записал в анкете, что карательный отряд разгромил половину Совета³³.

Одновременно вопрос об отношении к отряду Корвин-Круковского обсуждал Саратовский Совет. Из доклада руководителя делегации, ездившей в Царицын, вскрылась неприглядная картина двурушнической роли эсеров и меньшевиков в царицынских событиях. Они пытались убедить депутатов, что Корвин-Круковский не понял своей задачи. На заседании исполкома и пленарном собрании большевики сделали все возможное, чтобы предательство соглашателей стало явным для рядовых беспартийных членов Совета. Эсеры и меньшевики в прениях не участвовали. Они попали в положение обвиняемых. Сказать в защиту своей оппортунистической политики им было нечего. Саратовский Совет по предложению большевистской фракции принял решение отозвать карательный отряд, исключить его начальника из состава Совета и ликвидировать аресты, произведенные Корвин-Круковским. Банкротство политики пособничества буржуазии, которую проводила соглашательская часть Совета, стало очевидным фактом.

В 20-х числах августа 1917 года обстановка в Царицыне накалилась настолько, что эсеры и меньшевики забили тревогу. Соглашательское большинство Царицынского Совета вынуждено было со всей определенностью заявить военному министру: «Сдержать возбуждение рабочих представляется почти невозможно, если отряд немедленно не отзовете из Царицына»³⁴. 29 августа командующий военным округом приказал Корвин-Круковскому выехать в Казань. После этого карательный отряд вернули в Саратов. Так закончилась одна из самых крупных акций в Поволжье, предпринятая контрреволюционной буржуазией в союзе с соглашательскими партиями в июле 1917 года. Среди широких масс трудящихся репрессии против большевиков не только не ослабили их авторитет и влияние, — наоборот, весь ход событий, связанный с экспедицией Корвин-Круковского, усилил сочувствие рабочих и солдат к деятельности революционной части Советов и дал массам воз-

возможность наглядно увидеть преданность большевистской партии интересам народа и измену мелкобуржуазных партий.

Сильное военное давление реакции ощутил на себе и Нижегородский Совет. Ход событий, а точнее, методы борьбы реакции с большевиками здесь были те же самые, что и в Царицыне. В Нижнем Новгороде незадолго до июльских событий 72-й пехотный полк отказался от отправки на фронт, протестуя против продолжения империалистической войны. Тогда из Москвы была выслана карательная экспедиция для насильственной отправки солдат 72-го полка на театр военных действий. Карателям активно помогали эсеры и меньшевики. Экспедиция вызвала всеобщее возмущение: 4 июля 72-й полк поддерживали восставшие солдаты 183-го и 185-го полков Нижегородского гарнизона.

Для подавления «нижегородских беспорядков» из Москвы было срочно направлено подкрепление во главе с командующим Московским округом полковником эсером Верховским. Так же, как и в Царицыне, для «освящения» действий карателей в их обозе следовала делегация Московского Совета во главе с известным деятелем меньшевистской партии Л. М. Хинчуком. И только благодаря энергичным и умелым мерам нижегородских большевиков, удержавшим массы от вооруженного сопротивления карателям, не произошли трагические события, не была пролита кровь трудящихся и солдат города ³⁵.

Выдержали наступление реакции большевики и в других горстах Поволжья. В обращении по поводу июльских событий в Петрограде Самарский губком РСДРП(б) и фракция большевиков рабочей секции Самарского Совета призвали рабочих, солдат и крестьян не страшиться временных поражений и готовиться к трудным политическим сражениям с контрреволюцией. Попытки реакции перейти в наступление против большевистской организации в Самаре не встретили сочувствия со стороны пролетарских и солдатских масс города. На многочисленных собраниях рабочих трубочного завода и предприятий военно-промышленного комитета дружно принимались резолюции с требованием прекращения травли большевиков. Аналогичные постановления по поводу событий 3—5 июля одобрили солдаты 130-го, 133-го и саперного полков Самарского гарнизона. Дальше чисто словесных угроз по адресу большевиков самарские контрреволюционеры не осмелились пойти.

Большая работа, проведенная среди масс большевиками

Самары за март — июнь 1917 года, не пропала даром. Больше того, самарская организация РСДРП(б) вышла из июльских событий еще более закаленной и окрепшей. Количество членов большевистской партии в Самаре возросло с 2800 в конце апреля до 4000 человек к началу августа, в Сызрани — соответственно с 400 до 517, в Николаевске — до 250 (в этом городе организация РСДРП(б) возникла в конце марта 1917 года). В июле 1917 года был создан комитет РСДРП(б) в Новоузенске Самарской губернии³⁶, а 1 августа — в Иващенково. «Большевизм свил себе гнезда в захудалых городах Поволжья», — отметила 23 июля 1917 года газета «Русские ведомости», злейший враг ленинской партии.

14 августа 1917 года произошло окончательное размежевание большевиков и меньшевиков в Астрахани. В момент создания самостоятельной организации РСДРП(б) в ее составе насчитывалось свыше 100 членов. Был создан городской комитет РСДРП(б), в котором руководящую роль играли А. Е. Трусков, В. С. Цейтлин, А. Х. Хумарьянц, С. Л. Хигер и другие товарищи. С 20 августа большевики стали издавать свою газету «Астраханский рабочий».

В конце июля — начале августа произошло размежевание в Костромской объединенной организации РСДРП, что способствовало упрочению влияния большевиков на рабочие и солдатские массы. Костромские большевики уверенно набирали силы. Их в начале августа 1917 года насчитывалось около 1200 человек, тогда как меньшевиков лишь 500³⁷.

На собственном опыте и опыте борьбы политических партий рабочие и солдаты приходили к выводу, что ленинская партия последовательно защищает их интересы. В газеты РСДРП(б) все чаще приходили письма с выражением искренней благодарности большевикам за их защиту интересов трудящихся. «Шлем наш горячий привет газете «Социал-демократ», — писали рабочие завода Бушкова, — единственной в Саратове самоотверженной и истинной защитнице интересов всех угнетенных и поработанных»³⁸. К большевикам шли слова благодарности от солдат действующей армии за их бескомпромиссную борьбу за мир против империалистической войны. В правоте большевистской партии убеждались и представители крестьянских масс. «Наши крестьяне, — писал в газету «Правда» солдат из села Кислово Царевского уезда, — вполне солидарны с лозунгами большевиков»³⁹.

Отход некоторой части рабочих от большевистских организаций в Поволжье оказался явлением временного характе-

ра. Пролетарские слои на практике убедились в лживости обвинений, возводимых кадетами, эсерами и меньшевиками на большевистскую партию и ее вождей. «В общем июльские события и, главное, последовавшая за ними травля, — докладывал на VI съезде РСДРП(б) представитель делегации Поволжья Васильев, — отразились лишь временно на настроении рабочих и солдат. Первое время была растерянность и даже некоторый отлив рабочих из наших организаций. Затем это прошло, и в некоторых местах... замечается новый прилив рабочих к нам»⁴⁰. В целом в Поволжье к началу августа насчитывалось 13 000 большевиков (для сравнения укажем, что меньшевики Поволжья к середине августа имели в своих рядах 8212 человек). Большевики упрочили свое положение к концу июля — началу августа и в других районах страны.

Временное правительство, как впоследствии признал член ЦК ПСР В. Зензинов, одержало 3—5 июля 1917 года «пиррову победу»⁴¹. Соглашателям не удалось дискредитировать и подорвать авторитет большевистской партии. «Пролетарская партия, — указывал В. И. Ленин, — несмотря на «потерю» ею несколько сот ее членов, *выиграла* гигантски от 3—4 июля, ибо именно в эти тяжелые дни *массы* поняли и увидели ее преданность и *измену* эсеров и меньшевиков»⁴².

Наоборот, влияние мелкобуржуазных организаций начало уменьшаться. Расстрелами на фронте, голодом в тылу, разрухой хозяйства обернулись для трудящихся и крестьянства обещания и революционная фразеология меньшевиков и социалистов-революционеров. Глубокое разочарование политикой вождей соглашательских партий и Советов охватило массы. «Россия с замечательной быстротой пережила целую эпоху, когда большинство народа доверилось мелкобуржуазным партиям эсеров и меньшевиков. И теперь уже начинается жестокая расплата большинства трудящихся масс за эту доверчивость»⁴³, — писал 29 июля 1917 года В. И. Ленин.

Репрессии по отношению к большевикам, рабочим и революционным солдатам и крестьянам вызвали недовольство и возмущение значительной части трудового населения России. Нарушая демократические нормы в государственной и общественной жизни страны, мелкобуржуазные партии еще больше разоблачали себя.

С озлоблением и ненавистью встретили солдаты и матросы решение Временного правительства о восстановлении смертной казни в армии. Палачами называли солдаты Сызрани тех депутатов-соглашателей, которые на заседании местного

Совета выступили в поддержку постановления Временного правительства о введении смертной казни на фронте⁴⁴. Характерный инцидент произошел на Всесословном съезде в Самаре 24 августа 1917 года. Когда член Совета рабочих и солдатских депутатов эсер Б. Фортунатов пытался доказать необходимость применения смертной казни в армии, с места поднялся солдат и убежденно заявил, что он отказывается верить в принадлежность оратора к славной в прошлом революционной партии.

Требование отмены смертной казни, выдвинутое большевиками, было горячо поддержано трудящимися массами. Это в свою очередь отразилось на настроении даже соглашательских депутатов. Так, часть депутатов меньшевиков и эсеров проголосовала на собраниях Самарского и Сызранского Советов за большевистские резолюции, в которых содержалось требование отмены высшей меры наказания в воинских частях. Протестовали против закона о введении смертной казни организации социалистов-революционеров в Николаевском и Бугурусланском уездах, а также меньшевики станции Абдулино Бугурусланского уезда⁴⁵.

Можно определенно говорить о том, что в вопросе о смертной казни целый ряд низовых поволжских мелкобуржуазных организаций встал под давлением рабочих и солдат в оппозицию по отношению к своим центральным партийным органам.

Противоречия между лидерами мелкобуржуазных партий и низовыми организациями проявлялись не только в вопросе о восстановлении смертной казни на фронте, но и по ряду других проблем. Империалистический внешнеполитический курс вождей ПСР и РСДРП (меньшевиков) открыто осуждали в июле 1917 года многие рядовые члены этих партий. Этого факта не могла скрыть, например, самарская меньшевистская газета «Наш голос». Она писала 21 октября 1917 года: «После событий 3—5 июля в Петрограде обострившаяся идейная борьба с большевиками не замедлила отразиться на настроениях в нашей организации. Начались трения между меньшевиками-оборонцами и интернационалистами... Недовольство отдельными представителями местного оборончества скоро перешло в травлю этих лиц... Борьба эта приняла особенно резкие формы на общегородских конференциях».

Самарская меньшевистская организация оказалась в состоянии глубокого кризиса. Цифры посещаемости общих собраний членами РСДРП (меньшевиков) в Самаре были более

чем красноречивыми: 15 июля на одно из районных совещаний явилось из ожидаемых 700 лишь 70 человек, а попытки собрать необходимый кворум оказались безуспешными — 29 июля пришли только 100 человек. Журналист-меньшевик из Самары информировал своих пензенских коллег о том, что лекции руководителей меньшевизма в городе никто из рабочих и солдат слушать не желает: «На тех, где раньше бывало несколько сот, теперь присутствует 40—50 человек. Так же тяжелая и безотрадная картина в рядах партийных организаций»⁴⁶.

Орган самарских большевиков признал в августе 1917 года, что в результате событий 3—5 июля произошла глубокая перемена политических настроений среди тех слоев рабочих, которые в недавнем прошлом поддерживали эту оппортунистическую партию. В статье «Внутренняя реакция», опубликованной в этой газете, указывалось: «Широкие массы рабочих переживают тяжелые дни раздумья... Чувствуется общая усталость и неуверенность в завтрашнем дне, пропал интерес к собраниям и митингам, уменьшается спрос на революционную [т. е. меньшевистскую] литературу, тираж рабочих газет неизменно падает. Об этом вам скажет любая контора рабочей газеты, любой склад при партийной организации»⁴⁷.

Значительные массы рабочих Самары, еще недавно настроенные меньшевистски, после событий 3—5 июля стали переходить на сторону большевиков. Этого не могла скрыть даже соглашательская пресса. Характерным в этом отношении явилось сообщение меньшевистской газеты «Наш голос» о пере-выборах 8 июля фабзавкома одного из заводов Самары, в котором еще в июне 1917 года ведущие позиции занимали последователи Церетели: «Агитация среди несознательной массы рабочих большевиками велась весьма рьяно... И, разумеется, результаты их усиленной агитации получились великолепными, что видно из избирательных записок... Председателем оказался большевик, товарищем председателя — большевик, секретарь — большевик, товарищем секретаря в виде подачки избрали меньшевика»⁴⁸.

Теряя опору среди широких масс, самарские меньшевики утрачивали уверенность в правильности действий руководства своей партии. Внутри их после июльских дней появились самые различные скрытые и открытые политические течения. Как заявил в середине июля 1917 года меньшевик А. Кравченко, в рядах самарской организации есть представители различных течений: большевики, меньшевики, интернациона-

листы и внефракционные. Не лучшим образом выглядели дела у меньшевиков и в других городах Поволжья.

Саратовский меньшевик Лейбович писал 25 июля 1917 года о кризисе губернской организации в газете «Пролетарий Поволжья»: «Из трех тысяч активных работников наберется человек 20, не больше. Остальные совершенно игнорируют работу в партии, относятся к ней в высшей степени индифферентно, безразлично». На областной меньшевистской конференции, состоявшейся в конце июля 1917 года, делегат от Саратова Д. К. Чертков прямо заявил, что его организация стоит на грани гибели. Не могли похвалиться успехами и другие низовые меньшевистские организации Саратовской губернии. Меньшевик Снегирев 29 июля следующим образом информировал губком о положении дел в Камышинской уездной организации: «Авторитет Совета сильно пал в глазах рабочих после событий 3—5 июля... Интерес к партии также понизился, с.-д. организация оторвана от всех партийных центров»⁴⁹. В пессимистическом духе было выдержано письмо астраханских меньшевиков к руководству своей партии от 28 июля 1917 года: «В уездах и уездных городах нет рабочих масс, на которые можно было бы опираться»⁵⁰.

Усилилось брожение и в рядах Симбирской объединенной организации РСДРП. Об этом свидетельствует тот факт, что делегат ее М. А. Гимов демонстративно ушел с августовского всероссийского съезда меньшевиков. Как отметил журнал симбирских меньшевиков, это произошло в результате того, что рабочий М. А. Гимов на этом съезде «переродился в большевика»⁵¹. Подобное превращение сам Гимов объяснял впоследствии следующим образом: «Мы ясно увидели политику Церетели и компании, так что нам, пяти рабочим, пришлось скоро оставить этот съезд».

Отдельные меньшевики, оставляя свою партию, подавали заявление о приеме их в РСДРП(б). 22 августа царичинская меньшевистская «Рабочая мысль» сообщила читателям, что бывший член меньшевистской партии Казаков разоблачал на собрании рабочих предательство меньшевиков, к которым по его словам, «примазались самые разнообразнейшие недемократические элементы». Он убеждал присутствовавших, что единственной революционной партией в России является РСДРП(б).

Журнал ЦК Бунда (на основании анализа настроения рабочего класса в различных районах страны и в том числе в Поволжье) констатировал в августе 1917 года, что меньше-

вистская партия «тяжело больна» и что у нее нет «прочной связи с широкими пролетарскими массами»⁵². Б. Авилов, один из основных докладчиков на всероссийском съезде меньшевиков в августе 1917 года, признал, что партийные симпатии «в различных слоях пролетариата находятся большей частью на стороне большевиков»⁵³.

Состояние всей партии меньшевиков, как нельзя лучше характеризует одно из писем в «Рабочую газету» от читателя из Петрограда: «Наша партия представляет какую-то бесформенную, расплывчатую массу, подчас вбирающую в себя совершенно чуждые ей элементы.

Всякая организация, будь то профессиональная или политическая, будет тогда жизненна, если есть у ней внутренняя органическая спайка. В отсутствии такой спайки мы убеждались каждый день.

Что толку в том, что в организации числятся сотни или тысячи членов, когда даже в серьезнейших случаях политической жизни партии с трудом можно собрать из них несколько десятков человек?

...Организации партии раскинуты по всей стране, органической же связи между ними и центром не чувствуется.

Каждая организация живет по-своему, у каждой свои законы, свои порядки.

...Ни одна организация не сумеет определить, сколько у нее членов (а поэтому, естественно, и партия в целом этого не знает)». Заканчивалось письмо заявлением, что фракционно-политический развал в меньшевистской партии «грозит ей полным крахом»⁵⁴.

Изменились политические настроения и среди членов партии социалистов-революционеров. Поредели ряды сочувствующих ПСР. Революционная трескотня эсеровских лидеров начала восприниматься массами со значительной долей равнодушия и апатии. «За протекшие месяцы революции, — писала 14 августа 1917 года пензенская газета «Социалист-революционер», — читатель вырос и развился. Его уже нельзя ни удивить, ни привлечь одними красивыми лозунгами, смелыми сравнениями, дерзкими словами. Всюду ощущается тоска по правде. Многие стараются доискаться до правды не чужим, а своим умом».

В том, что широкие массы стали после событий 3—6 июля более критически относиться к лозунгам и революционным речам эсеров, немалую роль сыграла большевистская пропаганда и агитация. Самое красноречивое признание на этот

счет мы находим на страницах самарской эсеровской газеты «Волжское слово», которая отметила 13 июля 1917 года: «Руководителей демократии... представители большевиков обвиняют в том, что они продались буржуазии. И обвинение это... воспринимается многими, как заслуживающее внимания».

Ослабление влияния организаций социалистов-революционеров наблюдалось прежде всего среди рабочих крупных предприятий. Значительно сократился спрос на эсеровские газеты на Самарском трубочном заводе. Рабочие-трубочники покупали в августе ежедневно по 1500 экземпляров «Приволжской правды» и лишь по 200 экземпляров местной газеты «Земля и воля». Намного уменьшился поток добровольных денежных пожертвований от трудящихся в фонд Самарского губкома ПСР: в июне 1917 года им было получено от рабочих, солдат и крестьян 1763 руб. 85 коп., в июле 448 руб. 07 коп., в августе — 311 руб. 46 коп.

В июле — августе 1917 года участились случаи выхода рабочих из эсеровской партии. О фактах подобного рода не могла умалчивать и соглашательская печать — настолько уж они стали обычным явлением. Так, самарская газета «Земля и воля» сообщила 30 июля, что железнодорожник К. И. Кузнецов, исключенный из партии эсеров, развернул агитацию в духе максимализма и большевизма. 28 июля на митинге у кинотеатра «Триумф» Кузнецов заявил, что «партия эсеров продавалась кадетам и работает на их средства в интересах капиталистов и буржуев». Об аналогичном случае оповестили 18 июля «Известия Кузнецкого исполнительного комитета». Эта газета отмечала, что из местной организации эсеров исключен А. Е. Полибин: он «нарушил партийную дисциплину, оскорбил комитет... явно и резко пошел вразрез с интересами партии».

Газеты социалистов-революционеров запестрили сообщениями об участвовавших случаях неаккуратной уплаты партийных взносов, о возрастании индифферентизма к работе организаций у рядовых членов ПСР. Печатный орган пензенских эсеров с грустью поведал 28 июля 1917 года о том, что «пополнение партийной кассы со стороны уездных организаций почти не производится». А представитель крупного Сергиевского завода жаловался 12 августа на самарской губернской конференции социалистов-революционеров: «В настоящее время членов партии 1000 человек, но активных работников в их среде мало»⁵⁵. В августе распалась и почти пол-

ностью прекратила свою деятельность двухтысячная военная секция Пензенской организации эсеров.

Потеря прежнего влияния среди масс вызывала беспокойство и у руководителей мелкобуржуазных организаций, порождая у некоторых из них левые оппозиционные настроения по отношению к официальному курсу вождей партии. Например, делегат Пензенской организации Коногов на VII Совете РСР голосовал 9 августа за резолюцию меньшинства, в которой заключались требования создания однородного социалистического правительства, передачи земли крестьянам, установления перемирия на фронте, введения рабочего контроля над производством, прекращения преследования большевиков⁵⁶.

Среди эсеров и меньшевиков Поволжья выросли оппозиционные настроения по отношению к коалиционному правительству, к идее благотворности сотрудничества с кадетами. Поскольку становилось очевидным, что обвинения большевиков в их связях с немецким кайзером оказались построенными на песке, рядовые члены мелкобуржуазных партий все чаще задавались вопросом, заслуживает ли партия народной свободы большого доверия, чем РСДРП(б). Да ведь и сама логика борьбы на два фронта, которую — в значительной мере для видимости — пропагандировали вожди соглашательского блока, диктовала необходимость формирования правительства без кадетов. Отражением этих настроений явилась, например, передовая статья в царичинской меньшевистской «Рабочей мысли», в которой недвумысленно указывалось: «Тем более странным кажутся те переговоры, которые ведутся Керенским с кадетской партией. Никаких переговоров с партией дезертиров! Никаких соглашений с людьми, вставшими на путь контрреволюции! Соглашение с кадетами, если оно состоится, будет свидетельствовать об одном: о полном крахе революции»⁵⁷.

Рождение очередного коалиционного правительства в конце июля 1917 года было встречено многими левыми элементами соглашательских организаций в Поволжье недоверчиво и скептически. Орган нижегородских эсеров «Народ» заметил 30 июля 1917 года: «Образовалось новое коалиционное министерство. И в него вошли представители буржуазии. Для многих, вероятно, особенно в селах, будет непонятным — в чем же дело? Что за шутка? Кажись, революция, а если революция, то кому же как не революционерам и править страной, власть в своих руках иметь». Еще более определенно и рез-

ко высказалось руководство казанских левых эсеров: «Новое правительство — новая неудачная комбинация дипломатических ухищрений оппортунистов социалистического лагеря. Комбинация слабая и едва ли жизненная»⁵⁸.

Но, пожалуй, самую непримиримую позицию среди мелкобуржуазных организаций Поволжья по отношению к новому коалиционному правительству заняли самарские меньшевики-интернационалисты. Один из их лидеров, член солдатской секции Самарского Совета, Нодель, писал 31 июля 1917 года о том, что сотрудничество с буржуазией в течение трех месяцев привело к окончательному развалу хозяйства страны и что министры-социалисты ничего не сделали для решения основных вопросов революции, прославив себя палаческим образом — введением смертной казни и ограничением гражданских свобод. «И теперь опять, — заявлял Нодель, — вместо правительства активного революционного творчества жизнь преподнесла нам прямо какого-то недоноска». С презрением и иронией отзывался этот представитель руководящей группы самарских меньшевиков-интернационалистов о методах и приемах, которыми пользовался глава правительства в своих настойчивых попытках удержать коалицию от развала: «А. Ф. Керенский уходит, А. Ф. Керенский вновь приходит, мечется, торгуется, отстаивает, возмущается, отклоняет, соглашается, угрожает, рыдает. Образовалось правительство, ...какое-то выплаканное, наспех сколоченное на доверии к А. Ф. Керенскому»⁵⁹.

Появление статьи Ноделя в «Солдатской газете» нельзя считать случайным, потому что в этом органе Самарского Совета военных депутатов с конца июля 1917 года стали систематически публиковаться материалы местных меньшевиков-интернационалистов: в них указывалось на то, что А. Ф. Керенский и В. М. Чернов являются игрушками в руках кадетов, что министры-социалисты умеют писать хорошие воззвания, но даже не пытаются соответственно им действовать.

Все эти факты внутренней жизни мелкобуржуазных организаций указывали на то, что широкие массы в своем политическом развитии сделали гигантский шаг вперед, что безграничная вера трудящихся в лидеров соглашательских партий ушла в прошлое.

Однако, говоря о явном ослаблении позиций эсеров и меньшевиков среди пролетариата, нужно сказать, что соглашатели к концу августа сохранили еще достаточно крепкие корни в крестьянстве и интеллигенции. В Николаевском уезде

в августе активно работали свыше 50 организаций социалистов-революционеров, причем число членов в каждой из них колебалось от 30 до 150 человек. Член Николаевского комитета РСДРП(б) А. Михайлов писал, что в июле — августе 1917 года «у эсеров чуть ли не в каждом крупном селе существовали ячейки»⁶⁰. Делегаты Сызранского уезда рассказывали с трибуны симбирской губернской конференции социалистов-революционеров о том, что у них в июле «были столкновения с большевиками, но благодаря интенсивной работе, направление с.-р. оказалось обладающим»⁶¹.

В целом о расстановке политических сил в Поволжье в июле — августе (как и в целом по стране) можно сказать словами В. И. Ленина, отмечавшего 19 июля 1917 года в статье «Три кризиса»: «Объективное положение таково: громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему жизненному положению и еще более по своим идеям. <...> В стране есть городской пролетариат, достаточно развитый, чтобы идти своим путем, но еще не способный привлечь сразу на свою сторону большинство полупролетариев»⁶².

Яркой иллюстрацией к ленинской оценке политических настроений масс являлся состав поволжских Советов. В делегатских анкетах, заполненных представителями поволжских организаций на VI съезде РСДРП(б), мы находим сведения о соотношении сил между фракциями большевиков и соглашателей в Советах рабочих и солдатских депутатов Самары, Саратова, Сызрани, Николаевска. В Самарском Совете большевикам принадлежало в июле 1917 года 33% депутатских мест, в Саратовском — 33%, Сызранском — 40%, Николаевском — 33%⁶³. В целом у руководства Советами оставались фракции мелкобуржуазных партий, скатившихся на контрреволюционные позиции. Вследствие этого подавляющее большинство социально-экономических мероприятий, проводимых эсеро-меньшевистскими Советами, стало носить ничем не прикрытый соглашательский характер.

КРИЗИС ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИСТСКИХ СОВЕТОВ

В послеиюльские дни в работе Советов в их резолюциях, постановлениях и практических делах отчетливо преобладало стремление оказать помощь буржуазии в продолжении империалистической войны, сорвать стачечное движение и пода-

вить революционную борьбу рабочих и крестьянских масс. Оппортунистическое руководство Советов ставило перед организациями рабочих и крестьян задачи, ничего не имевшие общего с интересами народных масс. Оно призывало рабочих увеличивать выпуск продукции, необходимой для фронта, солдат — приложить все усилия к поднятию дисциплины в воинских частях и боеспособности их, крестьян — усиленно подвозить хлеб, недостаток которого остро чувствуется в армии». Эсеро-меньшевистские фракции окончательно отказались от решения вопросов об улучшении положения рабочих и крестьян.

Большевики разъясняли трудящимся, что эсеро-меньшевистские Советы изменили пролетариату и труженикам земли. Оценивая работу Советов, трудовое население Поволжья убеждалось в правоте большевиков.

Курс мелкобуржуазных партий на удушение революции со всей очевидностью проявился в их отношении к забастовочному движению. В начале июля исполком Саратовского Совета обсудил вопрос о забастовке мельничных рабочих. Большевики в категорической форме потребовали прекратить ее. Для большего удара по бастовавшим рабочим меньшевик Д. Топуридзе внес предложение изъять дело из примирительной камеры и передать его особому третейскому суду. Спустя несколько дней Саратовский Совет вынужден был вновь заняться обсуждением вопроса о забастовке. На этот раз выступили трамвайные рабочие. Исполком Совета усиленно подчеркивал тот факт, что за последний год предприятие получило прибыли значительно меньше, чем раньше, а поэтому оно не может удовлетворить требования рабочих. Ясно, что с таких исходных позиций Совет не мог оказать им радикальной помощи. Он ограничился созданием очередной комиссии, которая должна была заняться выяснением обстоятельств дела. А пока исполком настоятельно рекомендовал рабочим «с забастовкой подождать до получения ответа из Петрограда».

По мере усиления рабочего движения Советы все чаще занимались этим вопросом. Только за период с 9 по 11 августа Саратовский Совет обсуждал вопрос о забастовках фармацевтов, рабочих завода Колесникова и работниц-шляпочниц. По первому вопросу исполком решил послать на собрание бастующих фармацевтов члена Совета — меньшевика, по второму — предложил администрации завода и рабочим передать дело третейскому суду с условием, что с момента пе-

редачи дела суду рабочие немедленно прекратят забастовку, по третьему — рекомендовал профсоюзу «Игла» и хозяевам мастерских «использовать все меры воздействия для ликвидации конфликта»⁶⁴.

Такую же оппортунистическую политику проводили соглашатели в большинстве Советов Поволжья. Симбирский Совет рабочих и солдатских депутатов при рассмотрении конфликтов между трудящимися и предпринимателями почти всегда становился на сторону фабрикантов и заводчиков. Самарский Совет солдатских депутатов по предложению народного социалиста Г. Хрунина обязал забастовавших в августе 1917 года рабочих — булочников, настаивавших на повышении заработной платы и улучшении условий труда, прекратить стачку и выполнить все требования владельцев хлебопекарен. Самарский Совет крестьянских депутатов категорически отказал солдатам в просьбе повысить нормы пайка. Сельские жители справедливо упрекали руководство этого Совета в том, что оно много говорит о «святом духе революции», но ничего не делает в смысле доставки в деревню мануфактуры, гвоздей, кож и т. д., в чем у крестьян являлась насущнейшая необходимость»⁶⁵.

В обстановке стремительного роста рабочего и солдатского движения в Астрахани буржуазия, поддержанная соглашательским Советом, приняла решение всю власть передать начальнику гарнизона, то есть ввести в Астрахани режим военной диктатуры⁶⁶. Каких-либо шагов к позитивному решению вопроса об улучшении положения рабочих эсеры и меньшевики не предприняли. Однако эта крайняя мера им мало помогла. В конце августа 1917 года председатель Астраханского Совета эсер Бакрадзе с ужасом сообщил Временному правительству о невиданном ранее обострении классовой борьбы. Он умолял буржуазное правительство в борьбе против рабочих и крестьян активизировать деятельность суда и прокуратуры. В противном случае, грозил Бакрадзе, «Совет снимает ответственность за могущие возникнуть беспорядки»⁶⁷.

Некоторые Советы Поволжья скатились на позиции, близкие к платформе капиталистов и помещиков. Антибуржуазный характер их постановлений и решений явно ослабевал. В июле 1917 года группа солдат Вольского гарнизона сообщила в газету «Социал-демократ» о том, что созданная ранее Вольским Советом по инициативе большевика С. К. Кукушкина примирительная камера прекратила свое существование,

что Совет не ведет борьбы против торговцев и спекулянтов, вследствие чего повысились цены на продукты питания. Авторы письма приходили к выводу, что деятельность меньшевиков и эсеров сведена к борьбе против большевиков, положительная же, созидательная работа соглашателей сводится на нет⁶⁸.

В июле 1917 года рабочие и служащие Михайловского имения Балашовского уезда постановили ввести контроль за деятельностью управления. Они избрали комиссию и поручили ей следить за финансовыми расходами имения, осуществлять регулярную уплату имением государственных, земельных и прочих налогов. В целях поддержания на должном уровне платежеспособности имения комиссия получила право продажи скота, хлеба и прочей сельскохозяйственной продукции. Рабочие передали это решение в Балашовский Совет с просьбой дать свое заключение. Последний с крайним неудовольствием признал постановление не подлежащим утверждению. По его мнению, «стремление рабочих проверять доходность имения, продавать продукты питания и т. п. ограничивает право собственности... на имение», с чем согласиться эсеры и меньшевики находили совершенно невозможным. Они нашли нужным указать рабочим на то, что их требования являются «самоуправством и насилием над собственниками имения»⁶⁹. Судя по этому решению, в Балашовском Совете консолидировались и взяли верх соглашательские силы, для которых интересы помещиков оказались понятнее и ближе интересов рабочих. На какое-то время им удалось столкнуть Совет с антибуржуазных и антипомещичьих позиций и максимально сблизить его деятельность с органами буржуазно-помещичьей власти.

Все чаще соглашатели затевают разговоры о сужении сферы деятельности Советов. Самарская эсерово-меньшевистская «Солдатская газета» категорически заявила 23 июля 1917 года, что отныне оплотом революции являются городские думы, а влияние «всякого рода Советов должно ограничиться». В иной форме, но точно так же по существу ставили этот вопрос представители мелкобуржуазных партий в Саратове. На словах они признавали, что «Советы остаются железной охраной революции». Но представляют ли они всю страну?! — патетически вопрошали они. И сами же давали категорический ответ: «Нет!». А коли так, Советы не должны претендовать на исключительное господство в стране. По их мнению, Советы обязаны были свести свою деятельность к так называемой

«органической работе», к проблемам профессиональной и культурно-просветительной жизни⁷⁰.

Позиции и взгляды соглашателей и либеральной буржуазии на роль Советов сближались с каждым днем. «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны несколько сузить свою компетенцию, — суфлировала эсерам и меньшевикам саратовская буржуазия, — исключить из нее вопросы общегосударственные (война, дипломатия, финансы) и специальные, имеющие значение для всей России»⁷¹. Советы гнили и разлагались заживо под руководством вождей мелкобуржуазных партий, шедших на поводу у капиталистов и помещиков.

Изменился и характер агитационно-пропагандистской деятельности Советов, более напоминающих не реальные органы власти, а просветительные клубы. При Советах создавались библиотеки и читальни (Самарский, Астраханский и Кузнецкий Совет), создавались группы лекторов, в уезды направлялись агитаторы и пропагандисты с целью разъяснить крестьянству вопрос о необходимости доставки хлеба и мяса для армии. Основную задачу агитационной работы Кузнецкий Совет видел в «восстановлении нормальных занятий в полках».

Интерес к деятельности Советов стремительно падал как у избирателей, так и у рядовых депутатов. 19 июля 1917 года на пленарное совещание Совета солдатских депутатов Самары из 200 человек явился 75. Систематически срывались заседания Пензенского Совета из-за того, что не собирался необходимый кворум депутатов. 24 июля исполком Самарского Совета крестьянских депутатов обсуждал вопрос о мерах наказания тех, кто «забывал о своем долге» посещать собрания: было решено впредь штрафовать 3 рублями каждого депутата, не явившегося на одно заседание Совета. Целую систему штрафов по отношению к «нерадивым» депутатам выработал исполком солдатского Совета Самары. Однако и эти меры не могли оживить работу Советов.

В. Хрянин, член Пензенского Совета, писал во второй половине августа: «Роль и значение Совета падает. Все труднее становится работать. Я боюсь, что после Московского совещания как бы не пришлось Совету ликвидироваться»⁷². «Массы, пославшие нас в Советы, — откровенно говорил один из лидеров самарской меньшевистской организации, — понемногу забыли про их существование, забыли, что Советы что-то делают»⁷³.

Победа оппортунизма в Советах подорвала доверие к ним

значительной части рабочих, солдат и ослабила Советы. Однако нам представляется целесообразным особо подчеркнуть мысль о том, что даже в период максимального развития оппортунизма и самого большого сближения Советов с органами буржуазной власти политика Советов не совпадала полностью с политикой эксплуататорских классов. Если бы это произошло, Советы окончательно потеряли бы опору в массах и быстро распались бы подобно тому, как разваливались уже летом 1917 года губернские и уездные органы буржуазной власти, несмотря на административную, военную, финансовую поддержку всего класса капиталистов, помещиков и буржуазного правительства. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов развалились бы тем быстрее и катастрофичнее, что они не имели таких подпорок и держались исключительно на творческом почине и самодеятельности трудящихся масс. Даже в июле 1917 года развращаемые соглашательской политикой, крайне ослабленные оппортунизмом и ударами реакции, Советы оставались политическими организациями рабочих и крестьян, сумевшими спустя некоторое время возродиться к революционной деятельности. Главное, в них продолжали действовать большевистские фракции, временно ослабленные в июле, но оправившиеся и несколько окрепшие уже к началу августа 1917 года.

Разочарование в мелкобуржуазных партиях заставляло массы ориентироваться на ту партию, которая в трудные дни революции доказала свою преданность и верность интересам рабочих и крестьян. Большевики не уходили из Советов, будучи уверенными в том, что они сбросят соглашательскую мишуру. Вот почему реакцию продолжали раздражать и нервировать даже ослабленные Советы.

Открытая кампания опошления и дискредитации Советов вызвала тревогу не только у революционных масс, но и у рядовой реально мыслящей части членов соглашательских партий. «Можно опасаться другого, — выражалось беспокойство в одной из статей печатного органа самарских меньшевиков. — Когда буржуазия объявит решительный поход против революционной демократии, когда для его отражения понадобится напрячь все силы, то не все поднимутся на борьбу по зову Советов, ибо многие привыкнут с ними считаться»⁷⁴. Кроме того, как признавал лидер самарских меньшевиков А. И. Кабан в своей речи на августовском Государственном совещании, Советы в этот период оставались единственными органами, при помощи которых можно было «худо-бедно» организовать

снабжение армии и мирного населения продовольственными товарами»⁷⁵.

Сама жизнь протестовала против лишения Советов функций органов власти. В этой связи привлекает внимание следующий отрывок из отчетного доклада делегации Поволжья на VI съезде РСДРП(б): «Прежде в больших городах Советы рабочих депутатов пользовались среди населения чрезвычайным влиянием, теперь они это влияние потеряли. В маленьких городах их влияние по-прежнему сильно, и объясняется это тем, что каков бы ни был их состав, они взяли на себя роль полновластных органов, и это их спасло»⁷⁶.

В Николаевске Самарской губернии Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов сохранял в июле — августе всю власть в своих руках. Исполком Николаевского Совета руководил всей экономической и политической жизнью уезда. В начале августа по инициативе большевика Ермощенко Николаевский Совет принял ряд постановлений, преследовавших цель наведения порядка в снабжении населения уезда продовольственными и промышленными товарами. Совет установил твердые цены на продукты первой необходимости, временно запретил всякую торговлю промышленными изделиями, а также ограничил вывоз товаров за пределы уезда. Для проверки и контроля за выполнением этих решений исполком Совета постановил установить патрульные вооруженные команды на границах уезда. Постановления Совета приветствовало трудовое население уезда, авторитет Совета рос.

Активную борьбу со спекуляцией вел Саранский Совет в Пензенской губернии. Он взял на учет все товары местных купцов. Саранские торговцы жаловались Временному правительству на то, что депутаты местного Совета нарушают принцип неприкосновенности частной собственности, проводя систематически обыски их складских помещений⁷⁷. Еще более решительно действовал Совет солдатских депутатов города Карсуни Симбирской губернии. В первой половине августа Карсунский Совет солдатских депутатов, руководимый большевиком прапорщиком Вишняковым, арестовал всех членов милиции и объявил себя высшим органом власти в городе⁷⁸.

Советы в уездах Поволжья подчас были вынуждены выполнять обязанности органов власти, поскольку учреждения Временного правительства проявляли беспомощность в вопросах государственного строительства. В крупных городах, где позиции власти буржуазии были прочнее, эсеро-меньшевистские Советы покорно плелись в хвосте контрреволюции.

Правда, иногда и в Советах крупных промышленных центров большевистским фракциям удавалось прорывать соглашательскую политику и проводить в Советах свои решения. 25 июля на заседании исполкома Саратовского Совета большевики поставили вопрос о недопустимости сотрудничества работников Совета в буржуазных газетах. Депутаты поддержали это предложение, оно было принято исполкомом.

11 августа исполнительное бюро Царицынского Совета обсудило приказ министра путей сообщения о переводе береговых рабочих на сдельную оплату труда. Большевики и эсеры убеждали рабочих подчиниться приказу министра. Рабочие категорически отказывались перейти на сдельную оплату, справедливо полагая, что при такой системе «будут работать только самые сильные, более слабые останутся без работы»⁷⁹. Береговых рабочих горячо поддержали большевики, и их требования были удовлетворены.

Но, конечно, отдельные Советы, как ни революционны были их некоторые мероприятия, не могли «сделать погоды» в стране, потому что вожди правящих партий социалистов-революционеров и меньшевиков все больше попустительствовали реакции.

Итак, в июльские дни контрреволюция в союзе с лидерами соглашательских партий и Советов перешла в наступление на революционных солдат и матросов, возглавляемых большевиками. Мирный переход развития революции закончился. Вожди партий меньшевиков и эсеров и ведомые ими Советы скатились в болото контрреволюции. Буржуазия и ее союзники из стана соглашательских партий 3—5 июля 1917 года временно торжествовали победу: дальнейшие события, однако, показали, что она оказалась «пирровой».

Соглашательские организации Поволжья и их фракции в Советах вслед за своими руководителями партий окончательно порвали с интересами трудящихся масс, приняв участие в преследовании и репрессиях по отношению к большевикам.

В новых условиях, когда Советы превратились в придаток Временного буржуазного правительства, партия большевиков временно сняла лозунг «Вся власть Советам!». Поскольку ленинские статьи поступили в Поволжье с опозданием (в связи с репрессиями против революционной печати), большевики Самары и некоторых других городов этого района допустили колебания по отношению к вопросу о снятии лозунга «Вся власть Советам!». В целом же большевики Поволжья достойно выдержали натиск контрреволюции.

КОРНИЛОВСКИЙ ЗАГОВОР И БОЛЬШЕВИЗАЦИЯ СОВЕТОВ

МАССЫ ОСУЖДАЮТ МЯТЕЖНИКОВ

Вожди буржуазно-помещичьих партий, добившись в июле 1917 года перелома в соотношении сил в свою пользу, стремились упрочить свое положение установлением открытой военной диктатуры. Крупная буржуазия развернула в августе 1917 года лихорадочную деятельность по подготовке сил к совершению контрреволюционного переворота. Повышенную активность проявили черносотенно-монархические группировки. Ядром заговора стал ЦК партии кадетов. Газеты партии народной свободы открыто пели дифирамбы Корнилову, требовали расправы со всеми революционными элементами. Более того, кадеты, не скрывая писали, о том, что союз с мелкобуржуазными партиями в данных условиях утратил свою привлекательность. Передовая «Речи» за 17 августа доказывала, что можно еще сотрудничать с Керенским, Алексинским, Плехановым, Савинковым (им отводились вторые роли в будущем «твердом правительстве»), но ни в коем случае с представителями более левых взглядов. Руководителям партии народной свободы даже министр земледелия В. М. Чернов, этот верный слуга капитала, и то явно не нравился. Орган Милюкова потребовал выбросить лидера партии эсеров из кабинета министров, а правительство составить из людей, которые не увлекаются революционными утопиями и понимают «новые требования жизни»¹.

Поволжские кадеты, выполняя директивы своего ЦК, ак-

тивно готовились к контрреволюционному перевороту. Они настойчиво прославляли «удивительные качества Корнилова», дискредитировали Советы, профсоюзы и фабрично-заводские комитеты. Руководители Самарского отдела партии народной свободы давали 22 августа 1917 года следующие рецепты решения сложных проблем политической и экономической жизни России: «восстановить во всей армии, на фронте и в тылу, настоящую дисциплину», дать всю власть над армией Корнилову, «арестовать господ Мартовых и Рязановых» и «вздернуть десяток-другой вдохновителей предательства, руководителей измены», подразумевая под руководителями измены преданных борцов за народные интересы — большевиков². Лидер нижегородских кадетов В. Чешихин потребовал 23 августа разгона Советов и социалистических партий от большевиков до меньшевиков и эсеров. Реакция не церемонилась с мелкобуржуазными партиями.

Вожди же ПСР и РСДРП (меньшевиков) были более всего озабочены борьбой с большевиками, для чего из всех сил стремились укрепить союз «с прогрессивной», по их словам, но на деле контрреволюционной буржуазией. Политика сотрудничества с помещиками и капиталистами трещала по швам, но лидеры меньшевиков и эсеров с завидной последовательностью и упорством проводили ее. Попытка влить новое вино в старые мехи коалиции была предпринята соглашениями на Московском Государственном совещании в августе 1917 года. Известное рукопожатие Бубликова и Церетели было встречено руководителями ПСР воплями восторга и ручьями сладких слез. «Рука, протянутая Бубликовым Церетели, — глазом не моргнув, объявило «Дело народа», — символизировала признание буржуазией своей моральной капитуляции»³. А в целом, по мнению газеты, совещание подтвердило правильность курса на соглашение с капиталом, сплотило ряды демократии и явило собой невиданное «единство революционного фронта»⁴. Только партия большевиков без прикрас рисовала сложившуюся обстановку и предупреждала массы, что в ближайшее время реакция может выступить с оружием в руках.

По предложению большевистской фракции Самарский Совет рабочих и солдатских депутатов посвятил в августе ряд своих заседаний обсуждению вопроса о методах борьбы с надвигающейся контрреволюцией. В своих выступлениях на собрании депутатов рабочей секции Совета, состоявшемся 12 августа, члены РСДРП(б) указывали, что имеется ряд при-

знаков наличия контрреволюционного заговора. В первую очередь большевики-депутаты подчеркивали, что открывшееся в этот день в Москве Государственное совещание является сборищем буржуазии и помещиков, стремившихся утопить в крови все революционно-демократические завоевания народных масс.

18 и 21 августа на пленарных собраниях Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов по инициативе большевиков вновь был поставлен в повестку заседаний вопрос «О Московском совещании и мерах борьбы с контрреволюцией». Фракция РСДРП(б) предложила Совету потребовать от Временного правительства проведения следующих экстренных мероприятий: немедленный роспуск Государственной думы, очищение командного состава армии от контрреволюционеров, прекращение репрессий против революционной печати, освобождение политических заключенных, арестованных после событий 3—5 июля в Петрограде.

Фракция меньшевиков в Самарском Совете рабочих и солдатских депутатов отвергла большевистскую программу действий. Меньшевистские лидеры в Самаре заявляли, что, только сплотившись вокруг Временного правительства и выразив ему абсолютное доверие, можно отразить натиск реакции⁵.

Против большевистской резолюции, в которой излагался план организации отпора контрреволюции, выступили и социалисты-революционеры.

Самарские большевики в выступлениях на митингах и собраниях, в своей газете «Приволжская правда» неоднократно указывали трудящимся на возможность в ближайшем будущем вспышки контрреволюционного мятежа⁶.

К отпору реакции энергично готовились большевики всех поволжских городов. 15 августа 1917 года Царицынский Совет выразил свое отношение к Государственному совещанию в Москве. Большевики вскрыли контрреволюционный замысел его организаторов и предложили резолюцию, осуждавшую подобные маневры буржуазии как реакционные, рассчитанные на удушение революции и разгром Советов. Они призвали рабочих и солдат объявить протест против Московского совещания путем однодневной забастовки. Это предложение было принято Советом.

Серьезность складывавшейся политической ситуации чувствовали и некоторые левые элементы в рядах мелкобуржуазных партий: их встревожили итоги Государственного совеща-

ния в Москве. Словно удивляясь политической слепоте своих вождей, орган нижегородских эсеров в своей передовой назидательно заметил: «Московское Государственное совещание не принесло тех результатов, о которых наивные люди, видимо, мечтали. Бубликов пожал руку Церетели. Надо полагать, что внешние аксессуары «соглашения» (Бубликова и Церетели) были только оболочкой без внутреннего содержания... И, право, наивно было бы думать, что люди противоположных психик, мировоззрений, действий, сойдясь в Большом театре, мирно «по душам покалякав», смогли сломать все различия, обуславливающие их классовую индивидуальность... Не буржуазии спасать революцию»⁷.

Речь Керенского на августовском сборище реакционных сил подвергла резкой критике и царицынская меньшевистская «Рабочая мысль». 17 августа 1917 года газета откликнулась на нее гневной тирадой: «На всероссийском Государственном совещании в Москве буржуазия выступила как организованная контрреволюционная сила... Речь же Керенского свидетельствует о готовности правительства почти во всем уступить буржуазии».

Выступление А. Ф. Керенского вызвало возмущение и среди некоторых нижегородских меньшевиков, до сей поры довольно дружно поддерживавших все шаги министров-социалистов и в том числе А. Ф. Керенского. Отражением этого брожения явилась статья «Старая истина», помещенная в печатном органе этой организации. В ней в раздраженном тоне говорилось, что весь строй речи Керенского на Государственном совещании «лишний раз подтвердил, что правительство твердо решило и впредь искать опору своей власти не в доверии широких слоев демократии, а в репрессиях и принуждении. Это ложный и опасный путь»⁸.

Казанская левозэсеровская газета «Социалист-революционер» квалифицировала созыв Государственного совещания как «крупную политическую ошибку» правительства, которой воспользовалась буржуазия, проводя смотр боевой готовности всей армии контрреволюции. Этот орган левых эсеров пришел к выводу, что выход из кризисного положения не в коалиции с буржуазией, а в «установлении диктатуры революционной демократии»⁹.

Однако, отмечая рост оппозиционных настроений в среде мелкобуржуазной демократии Поволжья, следует сказать, что большинство членов мелкобуржуазных организаций этого района по-прежнему призывало верить свою судьбу Времен-

ному правительству и не поддаваться на «провокации большевиков». Так, Е. Е. Лазарев, один из руководителей организации эсеров Самарской губернии, доказывал в речи, произнесенной 25 августа 1917 года, что нет смысла вообще говорить об опасности вооруженного выступления реакции, ибо в России, по его утверждению, отсутствовали в данный период какие-либо контрреволюционные классы или группы. Эсеры и меньшевики фактически играли на руку контрреволюции, убаюкивая массы своими «успокоительными речами». Между тем разыгравшиеся острые события в конце августа 1917 года показали, как глубоко правы были большевики, постоянно напоминавшие рабочим и солдатам о необходимости быть максимально бдительными по отношению к проискам контрреволюции.

25 августа генерал Л. Г. Корнилов двинул корпус Крымова на Петроград, чтобы разоружить революционные части и разогнать Советы. Кадеты, до сих пор лицемерно обвинявшие большевиков в подготовке гражданской войны, теперь сами твердили, что она явится благом и спасением России.

Борьбу с корниловским заговором возглавили и в центре и на местах большевистские организации, которые мобилизовали массы на разгром мятежников. Рабочие почти всех предприятий, солдаты гарнизонов Поволжья заявляли о своей готовности выступить с оружием в руках против заговорщиков.

В городах, рабочих поселках, деревнях и селах состоялись многолюдные демонстрации протеста, направленные против заговора реакции. Рабочие, солдаты и крестьяне требовали беспощадной расправы над Корниловым и его сторонниками, разрыва коалиции с буржуазией и передачи власти Советам. Собрание рабочих саратовских железнодорожных мастерских 30 августа постановило сурово наказать корниловцев, разогнать все контрреволюционные организации, вооружить рабочих, немедленно освободить.

Рабочих активно поддерживали солдатские массы. В начале сентября многотысячный митинг солдат Саратовского гарнизона постановил передать власть «демократии в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Одновременно солдаты отказали в доверии руководящему составу военной секции Совета и постановили вывести из президиума представителей эсеровской партии¹⁰.

Требования народных масс, их настроения и пожелания переносились на обсуждение в Советы, заседания которых

превращались подчас в арену исключительно острой партийной борьбы. Растеряв в ходе революции свой политический капитал, эсеры и меньшевики поняли, что на этот раз массы не пойдут за их истрепанными соглашательскими знаменами. Они стремятся изолировать Советы от революционного народа, замкнуться в стенах исполкомов и по возможности решать политические вопросы без участия большинства депутатов. Все чаще они отказывались допускать на заседания Советов представителей фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и неорганизованных рабочих и солдат и обсуждали проблемы лишь в кругу членов исполкомов или депутатов. Однако рабочие и солдаты срывали эти замыслы обанкротившихся политиканов.

Вопрос о мятеже Корнилова соглашательские фракции Саратовского Совета хотели также обсудить за закрытыми дверями. Большевики предупредили, что рабочие и солдаты не допустят келейного обсуждения. После заявления меньшевика Капитановского о том, что по сведениям, поступившим с фабрик и заводов, «массы будут ломать двери», эсеры и меньшевики согласились провести открытое заседание Совета с участием рабочих и солдат.

31 августа пленарное собрание Саратовского Совета обсудило вопрос о контрреволюционном мятеже генерала Корнилова. Совет принял за основу резолюцию, предложенную городским комитетом РСДРП(б). Депутаты в большинстве своем высказались за передачу власти Советам и за проведение беспощадной борьбы против буржуазии.

7 сентября на пленарном собрании Совета состоялось пунктуальное обсуждение резолюции, принятой за основу 31 августа 1917 года. Буквально по каждому ее пункту меньшевики и эсеры пытались навязать Совету свои поправки. Прежде всего они хотели придать ей оборонческий характер. Большевики решительно разоблачили эту поправку. Подавляющим большинством голосов она была отклонена.

Меньшевики и эсеры упорно отстаивали политику соглашательства с буржуазией. Они убеждали депутатов в том, что нужно опираться не только на рабочих и крестьян, но и на представителей «прогрессивного капитала». Социал-предатели запугивали трудящихся тем, что одни они без услуг буржуазии не справятся с управлением государства. «Отмежевываясь от помещиков и генералитета, — говорили меньшевики, — мы не можем отбросить среднюю буржуазию». Большевики вскрыли контрреволюционную сущность соглашательской политики и

доказали ее гибельность для дела революции. «Революция совершается против буржуазии», — разъяснял большевик М. И. Васильев-Южин депутатам Совета. Поэтому рабочие и крестьяне должны отбросить прочь политику соглашательства. В результате поправка меньшевиков и эсеров была отвергнута.

Меньшевики и эсеры защищали контрреволюционную деятельность командных верхов и убеждали рабочих и солдат отказываться от демократизации старой армии. Они запугивали депутатов тем, что штатские малосведущи в военных делах. Большевики разоблачили и эту уловку эсеров и меньшевиков. «Лучше иметь во главе армии малоопытного офицера-революционера, — говорил Васильев-Южин, — чем опытного контрреволюционера».

Наконец, меньшевики и эсеры сделали попытку подменить съезд Советов демократическим совещанием. Большевики разъясняли депутатам, что подобная замена была бы лишь видоизмененным Московским совещанием. Совет отклонил эту поправку соглашателей.

До Всероссийского съезда Саратовский Совет предполагал действовать в соответствии с принятой резолюцией и незамедлительно вооружить всех рабочих и образовать заводские и фабричные дружины¹¹. За большевистскую резолюцию голосовало 139 депутатов, 28 — против, 3 — воздержалось. Около трех десятков человек — это все, осталось от прежнего эсеро-меньшевистского засилия в Совете.

Обсуждение корниловщины показало резкое полевение депутатов во всех Советах Поволжья. 8 сентября 1917 года большевистскую резолюцию принял Царицынский Совет рабочих и солдатских депутатов. В резолюции было заявлено, что единственной властью, могущей вывести страну из тупика, является власть рабочих и беднейших крестьян. Совет требовал, чтобы в основу деятельности новой власти была положена программа большевистской партии: немедленная конфискация помещичьей земли и ее передача в ведение крестьянских комитетов, введение рабочего контроля над производством и распределением, национализация важных отраслей промышленности, немедленное заключение демократического мира, удаление из армии контрреволюционных генералов и офицеров, предоставление права наций на самоопределение, уничтожение всех сословий, чинов, орденов. Депутаты настаивали также на немедленном созыве II Всероссийского съезда Советов.

Обсуждение корниловского мятежа вызвало острую дискуссию в Астраханском Совете рабочих и солдатских депутатов.

На совместном заседании Астраханского Совета с представителями губернского и городского самоуправлений, профсоюзов, полкового и ротных комитетов, состоявшемся 30 августа, эсеры и меньшевики сумели провести резолюцию доверия Временному правительству¹². Это решение не отражало нового сдвига в мировоззрении и настроении рабочих и солдатских масс. Под давлением трудящихся Астраханский Совет вынужден был вновь вернуться к обсуждению текущего момента.

На пленарное собрание Совета 2 сентября 1917 года явилось большое количество рабочих и солдат, которые не были членами Совета и не имели права голоса, однако их настроения не могли не учитывать депутаты Совета. Сообщение об аресте Корнилова они встретили бурными продолжительными аплодисментами. От имени городского комитета РСДРП(б) депутат-большевик А. Е. Трусов предложил резолюцию, которая требовала передать власть в руки рабочих и беднейших крестьян, сурово наказать руководителей мятежа и их сообщников, ввести контроль над производством и распределением, конфисковать хлеб у крупных землевладельцев, ввести трудовую повинность, прекратить выпуск бумажных денег и конфисковать часть капиталов у буржуазии. По мнению большевиков, революционные шаги по спасению страны от неминуемой катастрофы могли предпринять лишь Советы, наделенные всей полнотой власти. Рабочие и солдаты, присутствующие на заседании Совета, встретили предложения большевиков бурными аплодисментами. Однако незначительным большинством голосов (50 против 43) члены Совета приняли резолюцию левых эсеров. Левые эсеры призывали революционную демократию порвать с теми кругами буржуазии, которые организовали мятеж Корнилова. В области экономики их резолюция предлагала добиться осуществления мероприятий, туманно обещанных Временным правительством 8 июля 1917 года. Левые эсеры требовали, чтобы Временное правительство приняло достаточные меры к скорейшему созыву Учредительного собрания¹³.

Некоторые Советы Поволжья в результате обсуждения вопроса о корниловщине высказались за передачу власти Советам, но при этом выступали за создание однородного правительства, в состав которого должны были войти большевики и представители мелкобуржуазных партий. Признавая, что спасение революции и Родины может исходить лишь от революционной демократии, которая одна способна выдвинуть из своих рядов сильную власть, Вольский Совет высказался за создание правительства «из представителей социалистической и ре-

волюционной демократии, ответственных перед Центральным органом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Аналогичное постановление было принято Балашовским Советом рабочих депутатов. В телеграмме, направленной в адрес ЦИК, руководители этого Совета писали: «Настал момент, когда во имя спасения революции и страны силам организованных контрреволюционных элементов нужно противопоставить силу демократии в лице Советов рабочих и солдатских депутатов»¹⁴. Совершенно очевидно, что требование о передаче власти Советам было принято под давлением рядовых членов Совета, которые в ходе событий, связанных с выступлением Корнилова, повернули на путь революционного решения вопроса о власти, а пункт об однородном правительстве был навязан депутатам эсерами и меньшевиками.

Часть Советов даже в такой ответственный момент проявили колебания в выборе политической ориентации, но в оценках действий Корнилова и относительно угрозы реакции проявила революционную твердость. 29 августа Петровский Совет телеграфировал в Саратов: «В связи с мятежом Корнилова оба полка готовы на защиту революции». Через несколько дней объединенное собрание Советов города Хвалынска приняло постановление: «Признать выступление Корнилова... безусловно контрреволюционным, гибельным для завоеванной революцией свободы и клеймить измену Корнилова позором»¹⁵.

Временное преобладание эсеров и меньшевиков в ряде Советов позволило им провести резолюции с выражением доверия Временному правительству и Центральному исполнительному комитету. Именно так сложилось положение в Самарском, Камышинском и Аткарском Советах.

28 августа 1917 года вопрос о контрреволюционном заговоре Корнилова обсуждался на объединенном заседании Самарских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Позиция большевиков была четко изложена в предложенной ими резолюции. В ней говорилось, что «до тех пор, пока у власти не станет революционная демократия, разорвавшая с политикой соглашательства... — до тех пор не может быть доверия правительству». Фракция большевиков требовала немедленного ареста Корнилова и его сообщников, расформирования ставки, смены всего контрреволюционного командного состава армии; для отражения контрреволюции предлагалась немедленная организация вооруженных дружин рабочих и солдат. Фракция максималистов во главе с В. А. Кузьминым присоединилась к резолюции большевиков.

Меньшевики и эсеры в прениях, осуждая корниловский мятеж, тем не менее призывали встать на защиту Временного правительства, «забыв фракционные раздоры». Принята была резолюция блока меньшевиков, эсеров и народных социалистов, предлагавшая объединиться вокруг Временного правительства всем социалистическим партиям¹⁶.

Корниловская авантюра стала предметом обсуждения в Казанском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 29 августа 1917 года. Под влиянием большевиков собрание резко осудило корниловщину и наметило ряд первоочередных мер, направленных на борьбу с ней: 1) немедленную демократизацию всего командного состава армии; 2) прекращение гонений на левые социалистические партии и революционно-демократические организации; 3) уничтожение смертной казни; 4) разгон всех очагов контрреволюции, в том числе Государственной думы и ее временного комитета; 5) передачу всей земли в руки земельных комитетов.

Наряду с этим Совет обещал поддержку Временному правительству в защите революционных завоеваний русского народа и призывал правительство вступить в полный и тесный контакт с центральными органами революционной демократии.

Камышинский Совет рабочих и солдатских депутатов 31 августа постановил приветствовать ЦИК, объединенный вокруг Временного правительства. В тот же день на имя Керенского была получена телеграмма из Аткарска. Аткарский Совет осудил действия генерала Корнилова, но при этом выразил «полное доверие Временному правительству и готовность поддерживать его во всякое время»¹⁷. Такого рода телеграммы говорили о том, что рядовые депутаты еще не предполагали, не хотели верить в ставший очевидным позднее факт связи членов Временного правительства с мятежниками.

Характерно, что некоторые Советы Поволжья, еще сохранившие веру в революционную фразеологию Керенского, на деле вырабатывали такую программу действий, которая коренным образом расходилась с линией социал-буржуазного правительства. Например, Сызранский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов телеграфировал 29 августа 1917 года Керенскому о том, что местный гарнизон находится в распоряжении Временного правительства. Вместе с тем Сызранский Совет постановил: 1. Закрыть враждебные революции местные буржуазные газеты «Сызранский курьер», «Республиканская мысль», «Слово истины»; 2. Принять на себя командную власть над войсками гарнизона; 3. Сосредоточить

в руках Совета всю полноту власти в городе и уезде. По существу Сызранский Совет действовал с антиправительственных, противоголашацельских позиций.

Столь же любопытна платформа Иващенкоковского Совета рабочих и солдатских депутатов. 30 августа 1917 года он принял следующее постановление: «Поддерживая в настоящий критический момент Временное правительство, мы боремся за единственно приемлемый в настоящее время лозунг — вся власть Советам». В резолюции Иващенкоковского Совета подчеркивалось: «Советы не должны ослепляться оборонческими стремлениями, а энергично бороться за мир всего мира. Настаиваем, чтобы после повешения ген. Корнилова смертная казнь была отменена; требуем чистки комсостава армии, роспуска Гос. думы и Гос. Совета и освобождения из тюрем большевиков, арестованных в связи с выступлением рабочих и солдат 3 июля»¹⁸.

Итак, реакция Советов на выступление Корнилова свидетельствовала о решительном повороте масс в сторону большевистской партии. Рабочие и солдаты порывали с соглашательской политикой эсеров и меньшевиков и выражали готовность революционным путем решить вопрос о власти. Крупнейшие Советы Поволжья — Саратовский и Царыцынский — бесповоротно встали на сторону большевиков и приняли их программу по всем вопросам, выдвинутым революцией. Рядовые члены многих других Советов повернули к большевистской партии, потребовав передать власть Советам. Однако в ряде других Советов эсеры и меньшевики сумели удержать большинство депутатов в русле буржуазной политики и выразить доверие Временному правительству.

Борьба с корниловщиной со всей очевидностью вскрыла действительное соотношение сил, сложившееся в ходе революции, показала массам слабость Временного правительства. Бессилие кабинета А. Ф. Керенского сознавали даже ответственные его чиновники. В начале сентября министр внутренних дел сообщал губернским комиссарам: «Правительство и его органы на местах бессильны сохранить порядок»¹⁹. Совершенно ясной для всех слоев населения стала контрреволюционная сущность буржуазии. Озлобление политикой партии народной свободы достигло внушительных размеров. Характерный случай произошел в Астрахани в дни борьбы с корниловщиной: здесь толпа прогнала с площади попа, распространявшего листовки со списками кадетов по выборам в Учредительное собрание²⁰. Корниловские события обнажили

классовые корни соглашательской политики эсеров и меньшевиков, и это привело к отливу масс от мелкобуржуазных партий и к упрочению позиций большевистской партии.

РАЗБРОД В СТАНЕ СОГЛАШАТЕЛЕЙ

В авангарде борьбы Советов с корниловским заговором шли большевики. Они проявили в эти тревожные дни безграничную преданность делу революции. 2 сентября 1917 года председатель рабочей секции Самарского Совета В. В. Куйбышев призвал трудящихся отдать «все силы, и если потребуется — жизнь... на отражение корниловско-калединщины нашествия»²¹. Активное участие в борьбе с корниловщиной способствовало укреплению авторитета большевистской партии.

«Из целого ряда российских городов, — писал 6 сентября 1917 года Я. М. Свердлов, — приходят известия о том, что организации нашей партии за последний период возросли. Но что имеет еще большую важность, так это рост нашего влияния в самых широких массах, массах рабочих и солдат. Наши корреспонденты сообщают, что слово «большевик», бывшее в первые недели после июльских событий чем-то пугающим темные массы, теперь стало синонимом решительного революционера. И ни одна партия не пользуется таким весом, как наша»²². Упрочились позиции большевиков и в Поволжье.

Нижегородский комитет РСДРП(б) сообщал Московскому областному бюро большевистской партии: «Последние события в связи с корниловской авантюрой открыли для нас... широкое поле деятельности. Некоторые районы, а также отдельные заводы, к которым у нас до сих пор не было доступа, завоевываются теперь нашей организацией. Нами был устроен целый ряд митингов, на которых выносились наши резолюции»²³.

Лектор Московского областного бюро РСДРП(б) Г. Ломов писал в своем отчете о поездке в Ярославль в конце августа 1917 года: «Надо отметить, что общее настроение сознательных рабочих до последнего времени было меньшевистско-оборонческое. За последние дни отмечается перелом, и на Большой Корзинкинской мануфактуре, где прежде нас с трудом выслушивали, теперь не только слушают, но и с неохотой выслушивают оборонцев»²⁴. Коренным образом измени-

лись политические настроения ярославских железнодорожников, которые до корниловской авантюры в значительной мере следовали за меньшевиками-оборонцами. В начале октября 1917 года на городском собрании членов РСДРП(б) Ярославля указывалось, что среди железнодорожников растет число сочувствующих большевикам. Аналогичные процессы эволюции политических взглядов наблюдались в Костромской губернии. Так, из уездного города Кинешма местные большевики сообщали в газету «Северный рабочий»: «Резкий сдвиг влево в настроении рабочих и солдатских масс Кинешемского района произошел еще до заговора Корнилова, вскоре после Всероссийского Московского совещания, когда на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов была впервые принята резолюция, предложенная большевиками... Когда же грянул корниловский гром, глаза у большевиков окончательно прозрели. На второй же день после корниловского переворота Совет рабочих и солдатских депутатов огромным большинством голосов принял резолюцию с большевистскими лозунгами»²⁵.

15 сентября отмежевались от меньшевиков симбирские большевики. Они избрали свой городской комитет РСДРП(б), во главе которого встал опытный партийный работник М. Д. Крымов²⁶. Во второй половине сентября он сообщал в ЦК РСДРП(б): «Повсюду рабочие очень сочувственно встретили весть о создании нашей организации. Несмотря на всю травлю большевизма со стороны так называемых объединенных с.-д., популярность нашей партии в массах огромна. Необходимо наладить снабжение нас партийной литературой. Спрос на нашу партийную печать большой. В Совете депутатов наша фракция пока невелика. Думаем о перевыборах, так как настроение Совета не отражает того, что имеется в массах. В массах наша популярность растет не только среди рабочих, но и крестьян; можно надеяться, что при выборах в Учредительное собрание, если только развернем надлежащую агитацию, сможем провести и своего кандидата»²⁷. Организация РСДРП(б) Симбирска после разрыва с меньшевиками насчитывала примерно 30 человек.

Выросло влияние большевиков в уездных городах Симбирской губернии. 15 сентября 1917 года петроградская газета «Рабочий путь» поместила корреспонденцию из Сызрани: «В настоящее время настроение масс резко изменилось. Выступление Корнилова и Каледина окончательно доказало массам правильность нашей тактики. Массы всецело идут под

лозунгами большевиков. Замечается подъем революционно-го настроения, особенно среди солдат». Окрепили большевистские организации в Карсуне и Сенгилее.

О расширении влияния РСДРП(б) говорили многочисленные факты из жизни уездных городов Самарской губернии. Активно действовали большевики в Николаевске: они сумели в сентябре 1917 года наладить выпуск своей собственной газеты тиражом в 2000 экземпляров²⁸. Кроме того, они распространяли ежедневно по 500 экземпляров «Правды», московского «Социал-демократа» и самарской «Приволжской правды»²⁹. 20 сентября эсеровская газета «Земля и воля» писала, что на политической арене города Мелекесса Самарской губернии «преобладают большевики». Характерным моментом в жизни поволжских большевиков явилось некоторое укрепление их партийных организаций в крупных селах, имеющих небольшие промышленные предприятия. Так, в селе Абдулино Бугурусланского уезда возникшая 10 июля большевистская ячейка выросла с 10 человек до 150 к середине сентября. Разительно изменились политические настроения в селе Павловке Нижегородской губернии. 30 сентября 1917 года представитель Павловской организации докладывал на I Нижегородской конференции РСДРП(б): «Раньше к большевикам было невозможное отношение, нельзя было открыто объявлять себя большевиком, теперь многие сочувствуют большевикам»³⁰.

РСДРП(б) повсеместно набирала силу. Это важное изменение показаний барометра межпартийной борьбы регистрировали и деятели враждебных большевикам политических течений. «Вестник партии народной свободы» констатировал 21 сентября 1917 года: «Рабочие и солдатские массы... все более концентрируются вокруг большевиков, отворачиваясь от умеренных течений социализма». Н. Святицкий, видный деятель ПСР, писал в том же духе: «...все эти репрессии, клеветы, бесчестные и вздорные обвинения в измене, аресты, обвинения, от которых приходится потом отказываться, травля — все это окружило большевиков ореолом среди широких масс рабочего населения. Все это создало большевикам в глазах трудового населения не худую, а добрую славу, — за все это расплачиваемся теперь мы, с.-ры. Большевизм в тесном смысле этого слова усилился... Петроградский пролетариат теперь сплошь идет за большевиками: выборы в Петрограде (в городскую думу — авт.) показали это. 200 000 голосов — это не шутка, это показательно. Но вот провинция. Последние дни принесли известия о победах на выборах в Ревеле, Царицыне,

Орехово-Зуеве, Ивано-Вознесенске, др. городах. Победы эти нельзя назвать иначе как блестящими, ибо большевики в несколько раз возобладали тут над с.-р. и меньшевиками, вместе взятыми»³¹.

Н. Святицкий не случайно отметил Царицын в списке городов, где большевики одержали победу на выборах в городскую думу. 1 октября 1917 года представитель Царицына на Саратовской губернской меньшевистской конференции отметил, что авторитет большевиков в городе «колоссален»: «Экспедиция Корвин-Круковского, так же как и арест Минина, только усилили их влияние среди рабочих. Показательным являются в этом отношении выборы в городскую думу, когда большевики из 102 мест получили 45»³².

Обозревая политическую ситуацию, сложившуюся к середине сентября, Н. Тонитров, один из лидеров народных социалистов в Самаре, с ненавистью и злобой признавал: «Корниловская авантюра оставила глубокий след в русской революционной жизни, провела глубокую борозду в психологии широких народных масс. Если до корниловского мятежа в широких кругах русской демократии наблюдался резкий уклон влево, в сторону большевизма, то после корниловских дней, до дна всколыхнувших все русское общество, этот сдвиг обнаружился во всей полноте, принял массовый характер, вылился в своего рода эпидемию»³³.

Соотношение сил между партией большевиков и соглашательским блоком резко изменилось в первой половине сентября. Корниловская авантюра, показавшая несостоятельность тактики соглашателей и очевидную связь некоторых вождей «революционной демократии» с мятежниками, нанесла самый сильный удар по меньшевистским и эсеровским организациям. В. Зензинов, один из лидеров партии эсеров, писал 20 сентября в газете «Дело народа»: «Громко и открыто надо сказать: неблагополучно в нашей партии! Нет прежнего единства! Нет прежней партии социалистов-революционеров!.. В партийных рядах обнаруживается не только расхождение во мнениях, но и разногласия в тактических лозунгах. Тактическая линия некоторых партийных организаций разошлась с тактикой большинства партии, большинства партийного съезда и их органов — центрального комитета и центрального органа. Отдельные группы членов партии отказываются подчиняться партийной дисциплине, выступают в политической жизни с самостоятельными заявлениями, образуют самостоятельные организации. Кое-где создаются параллельные

списки кандидатов в Учредительное собрание». Спустя четыре дня в той же газете Н. И. Ракитников в корреспонденции «Еще раз об единстве партии» признал: «Партийные работники, приехавшие с мест, единодушны в своих указаниях на то, что происходящее на местах представляет нерадостную картину партийной дезорганизации, отсутствия единства в действиях, несвязанности с центром». К моменту Демократического совещания, как позднее говорил и лидер партии В. Чернов, ПСР являла собой «рассыпанную храмину»³⁴.

Нарисованная выше картина жизни ПСР словно в увеличенном зеркале отразила положение в поволжских организациях эсеров. Предательское поведение лидеров соглашательских партий и столичного Совета потрясло и привело в смятение руководителей отдельных мелкобуржуазных организаций в Поволжье, не говоря уже о рядовых членах соглашательских партий. «Что вы делаете, товарищ Керенский?!» — под таким необычным заголовком была опубликована 11 сентября 1917 года передовая статья в пензенской газете «Социал-революционер»: «Мы долго терпели, мы долго молчали, но теперь, — довольно!.. Вот уже шесть с половиной месяцев Вы ведете непрерывное отступление по всем революционным фронтам, сдавая позицию за позицией... Кто вам дороже: трудовой народ или буржуазия? С нами вы или против нас?».

В низовых звеньях социалистов-революционеров усиливались оппозиционные настроения по отношению к политическому курсу, проводимому вождями партии.

10 сентября районный комитет ПСР станции Кротовка потребовал от центрального руководства разрыва с политикой соглашения и изгнания из правительства министров-кадетов³⁵. Общее собрание социалистов-революционеров Николаевска 8 сентября приняло постановление, которое обязывало каждого члена организации бороться за передачу земли крестьянам до созыва Учредительного собрания, за опубликование тайных договоров России со странами Антанты, за отмену смертной казни на фронте. Аналогичные требования предъявляли к Временному правительству социалисты-революционеры Бугуруслана и поселка Ивашенково.

Многие эсеровские организации в Поволжье, раздираемые внутренними противоречиями, серьезно ослабили политическую активность. 1 сентября 1917 года на общем собрании эсеров Канавинского района (Нижний Новгород) среди прочих вопросов обсуждалось положение дел в организации. Докладчик Синебрюхов заявил, что, по его мнению, организация

идет к постепенному упадку. Комитет, развивал свою мысль этот оратор, «переживает острый финансовый кризис. Бюджет с каждым днем понижается. Текущее состояние кассы более чем плачевно: нет денег, чтобы оплачивать текущие счета и не предвидится возможности покрывать насущные расходы. Литература расходуется все слабее и слабее»³⁶. Сокрушительное поражение потерпели сормовские эсеры (Нижегородская губерния) на выборах в земство, прошедших в сентябре 1917 года. В июле 1917 года организация ПСР в Сормове насчитывала 7000 человек, а в сентябре на выборах в земство она получила лишь 1473 голоса³⁷. Более 5000 человек отказались подать голоса в пользу своей партии, то есть утратили к ней всякое доверие.

Острая борьба между последователями В. М. Чернова и левоинтернационалистическими элементами развернулась внутри сызранской организации эсеров. В первой половине сентября демонстративно вышла из партии группа левых сызранских социалистов-революционеров во главе с Колосовым³⁸. В свою очередь раскололись правые эсеры Сызрани: от них отделилась так называемая «автономная фракция». Число членов ПСР в Сызрани упало с 900 в июне 1917 года до 40—60 в сентябре.

Упал среди масс авторитет саратовских эсеров, а как следствие этого, партийный орган их распространялся в сентябре 1917 года все хуже и хуже. В конце сентября саратовская «Земля и воля», оказавшись в очень тяжелом положении, обратилась со слезной просьбой к своим читателям о финансовой помощи: «Газета наша переживает период наиболее критический. В момент, когда мы обязаны развить возможно более широкую литературную пропаганду идей партии; когда во что бы то ни стало нужно обеспечить за «Землей и волей» возможность стать ежедневной до созыва Учредительного собрания, — в этот момент нам приходится изыскивать средства, которых у нас нет даже для выпуска ее 3 раза в неделю. Неужели, товарищи, вы допустите, чтобы газета прекратила свое существование из-за отсутствия средств? Саратовская губерния являлась... одним из наиболее верных оплотов нашей партии».

Не избежали участи разложения и организации меньшевиков. Их кризис поразил даже в большей степени, чем эсеров, поскольку последние, утратив влияние в рабочем классе, сохранили его еще в крестьянских слоях.

Открытое недовольство политикой Керенского выражали

многие члены меньшевистской организации Самары. Они, как выразилась 4 октября 1917 года самарская «Земля и воля», жарили А. Ф. Керенского и в хвост и в гриву. Один из руководителей самарских меньшевиков писал 8 сентября: «Временному правительству в борьбе с Корниловым была оказана полная поддержка всех революционных сил, но эта поддержка была обусловлена беспощадностью борьбы с корниловщиной... И все, как говорится, было хорошо, пока у ворот беда стояла. Но достаточно было сплоченным рядам демократии отогнать эту беду, как «беспощадность» направилась в другую сторону, а доверием воспользовались самым странным образом... Производят «строгие расследования» корниловского заговора и одновременно освобождают из-под ареста заведомых заговорщиков, против которых имеются тяжкие улики. Отстраняют ненадежных генералов и на место их назначают других, уличенных в явных контрреволюционных намерениях. Торжественно обещают одно и тотчас делают другое... Обещали освободить большевиков, но ни одного не освободили. Без всякого основания закрыли левые газеты. Власть эта в своих шатаниях доведет страну до открытого возмущения»³⁹.

Меньшевистская организация Самары, большинство членов которой утратили веру в спасительность революционных речей и обещаний Керенского и Церетели, оказалась на грани распада. Созванная 15 сентября конференция меньшевиков Самары не смогла завершить своей работы: бесконечные дискуссии по вопросу о войне и мире не привели к какому-либо соглашению, и значительная часть делегатов (интернационалистов) демонстративно покинула зал заседаний. Орган самарских меньшевиков «Наш голос» меланхолически констатировал: «Бурно начавшаяся конференция... тихо скончалась».

14 сентября 1917 года петроградский «Рабочий путь» информировал о том, что в Самаре митинги трудящихся проходят под знаком недоверия к соглашательской политике. Среди пролетарских и солдатских слоев города меньшевистская печатная продукция не находила сбыта.

Во второй половине сентября из Самарской меньшевистской организации вышли около 300 рабочих трубного завода, железной дороги и фабрики Зимина. 30 сентября в среде меньшевиков Самары произошел открытый раскол на оборонцев и интернационалистов. Последние создали свою отдельную организацию. Причем из 13 человек всего состава бывшего самарского горкома меньшевиков 10 примкнуло к социал-демократам интернационалистам⁴⁰. Анализируя причины

выхода левых элементов из организации, газета самарских меньшевиков-оборонцев «Наш голос» отмечала 21 октября 1917 года: «Интернационалисты испугались растущего влияния большевиков и успеха большевистских лозунгов в массе. Приближаясь к большевикам и сближаясь с ними, наши интернационалисты думают спасти свой престиж и с этой целью спешат отмежеваться от соглашателей и меньшевиков, своих вчерашних друзей». Естественно, что в Самарском Совете рабочих и солдатских депутатов образовалась самостоятельная фракция социал-демократов интернационалистов.

В конце сентября раскололась на оборонцев и интернационалистов меньшевистская организация в Сызрани. В это же время на большевистские позиции встала группа членов пензенской меньшевистской организации во главе с председателем Совета солдатских депутатов В. Н. Скачковым⁴¹. В среде саратовских меньшевиков возникла левоинтернационалистская группа во главе с А. Димантом, указывавшим, что виновником корниловщины явилась «революционная демократия» во главе с Савинковым, Брешко-Брешковской и другими лидерами ПСР и РСДРП (меньшевиков). «Наш авторитет подорван, рабочие уходят от нас», — сетовал меньшевистский деятель из Саратова Л. Майзель⁴².

О прекращении уплаты членских взносов, о падении интересов рабочих-меньшевиков к жизни своих партийных организаций сообщала нижегородская пресса. 23—24 сентября на нижегородской губернской конференции меньшевиков представители с мест нарисовали невеселые картины из жизни своих организаций. Быховский из Сормова говорил: «Газеты плохо распространяются, что объясняется падением интереса к политической жизни в среде рабочих». Броннер из Мызы жаловался: «Членские взносы уплачиваются плохо». Романов из Канавино толковал о том, что на собраниях организации явка стала очень слабой. Делегат из Кулебак тоже был настроен пессимистично: «Членов партии 200, взносы платят плохо, также плохо посещают собрания»⁴³.

Сложные картины разброда, политических дразг и споров наблюдались в большинстве меньшевистских организаций России. Общероссийский журнал меньшевиков «Партийные известия» подвел в октябре невеселые итоги развития партии за март — сентябрь 1917 года: «За семь месяцев открытого существования партия не изжила раздирающих ее разногласий и не вышла из состояния хронического кризиса, ослабляющего ее влияния, парализующего ее силы и деятельность»⁴⁴.

Анализируя состояние мелкобуржуазной демократии и представлявших ее партий, В. И. Ленин указывал в начале сентября 1917 года:

«Доверие крестьянской бедноты к городскому рабочему классу, подорванное на время клеветами буржуазии и надеждами на политику соглашательства, восстанавливается особенно после того, как аресты в деревнях и всяческие преследования трудящихся после 5-го июля, а затем корниловское восстание открыли глаза народу. Одним из признаков потери народом веры в соглашение с капиталистами является то, что в двух главных партиях, эсеров и меньшевиков, которые эту политику соглашений ввели и провели до конца, все растет, особенно после 5-го июля, недовольство изнутри этих партий, борьба против соглашательства, оппозиция, достигшая около двух пятых (40%) на последнем «Совете» партии социалистов-революционеров и съезде партии меньшевиков»⁴⁵. В конце сентября В. И. Ленин в статье «Кризис назрел» кратко и точно отметил: «Развал у меньшевиков и эсеров полный»⁴⁶.

Партия меньшевиков и эсеров пожинала горькие плоды, выросшие на почве проводимой ими антинародной политики.

Разложение мелкобуржуазных партийных организаций — это сложный процесс, складывавшийся из нескольких потоков. Одними членами этих партий двигало стремление любыми средствами, вплоть до самых недостойных, остановить рост влияния большевиков и удержаться таким путем на поверхности политической жизни. Другие мучительно искали причины последовательных поражений собственных партий, пытались трезво проанализировать свои неудачи, понять настроения и желания масс. Некоторые из таких людей, разочаровавшихся в политическом курсе своих вождей, постепенно сближались с большевиками. Так, группа рабочих-эсеров завода Костина из Нижнего Новгорода в количестве 8 человек обратилась в местную большевистскую газету со следующим письмом: «Мы, члены партии соц.-рев., находим, что дальше оставаться в рядах партии, предающей наши рабочие интересы, нельзя. А поэтому мы выходим из ее рядов и вступим в ряды истинной защитницы наших интересов — РСДРП (большевиков). Призываем последовать нашему примеру всех других т. рабочих»⁴⁷. Аналогичное заявление сделали и 60 эсеров-рабочих предприятия «Дианский»: «Создавшееся критическое положение российской революционной демократии является плодом соглашательской политики вождей партии эсеров и меньше-

виков-оборонцев..., а поэтому считаем долгом лучше поздно, чем никогда лишить эту соглашательскую политику своего доверия и изъять свое полное презрение вождям... идущим на соглашательство и уступки под давлением буржуазии»⁴⁸.

Надежды широких масс России на то, что правительственный альянс социалистов и капиталистов проведет демократические реформы, разрешит вопросы о земле, о войне и мире, таяли с каждым днем. Розовые иллюзии и вера в благотворность сотрудничества с буржуазией разбивались в ходе общественно-политической борьбы с начала мая 1917 года самым безжалостным образом. И «последним жестоким уроком»⁴⁹ в этом отношении была корниловщина, гигантски ускорившая процесс полевения мелкобуржуазных слоев населения.

МАССЫ ПРОТИВ КОАЛИЦИИ

Пролетариат в первой половине сентября определенно показал себя последовательным борцом против соглашательской политики. Однако знаменательно и другое явление: в дни борьбы с контрреволюционным заговором, когда «...инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреодолимое»⁵⁰, значительная часть мелкой буржуазии присоединилась к пролетариату.

В поддержку лозунга «Вся власть Советам!» выступили казанская левоэсеровская организация и самарские максималисты. «Политика соглашательства с буржуазией и построение власти на началах коалиции, — подчеркнула 8 сентября 1917 года самарская левоменьшевистская «Солдатская газета», — показала свою несостоятельность и поэтому должна быть решительно отброшена».

В обстановке всеобщего революционного подъема, вызванного корниловским мятежом, полевели взгляды и у соглашателей-оборонцев. Самарский меньшевистский «Наш голос» писал 2 сентября в своей передовой: «Перед революционной демократией стоит теперь одна задача — организовать новую власть. Эта власть должна, безусловно, опираться на Советы — они основа всей революции и единственная надежда на спасение страны». Лидер царицынских меньшевиков, Д. Полуян заявил на одном из митингов в первой половине сентября 1917 года: «Социал-демократия должна пересмотреть вопрос о власти и решительным образом высказаться против

коалиции с буржуазными элементами»⁵¹. Голосование по вопросу о власти на заседании Нижегородского губкома меньшевиков, состоявшемся в начале сентября, показало, что большинство его членов отвергает принцип коалиции с кадетами⁵². Подобные же позиции заняли саратовские меньшевики и самарские эсеры.

Низы ПСР и РСДРП (меньшевиков), как об этом свидетельствуют материалы Поволжья, продемонстрировали в период разгрома корниловщины свое отрицательное отношение к правительственному союзу социалистов и буржуазии. В конце августа — первых числах сентября 1917 года сложилась благоприятная политическая ситуация, когда стал возможен мирный переход власти к Советам.

Однако вожди ПСР и РСДРП (меньшевиков) «скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами»⁵³: они попытались на этот раз сдвинуть утлую, полузатопленную посудину коалиции, употребив в качестве паруса Демократическое совещание.

«Дело народа» 13 сентября 1917 года широковещательно и торжественно заверило, что созываемый «соброр земли русской» должен сыграть историческую роль, «выявив политическую мудрость и творческие способности революционной демократии». Члены мелкобуржуазных организаций Поволжья, несколько успокоившись после корниловского мятежа, отнеслись к этим пустопорожним клятвам и посулам в значительной степени легковерно и благодушно. Казанский «Социалист-революционер» одобрил предложение о созыве Демократического совещания, уповав на то, что оно определит волю большинства народа и сформирует однородное социалистическое правительство⁵⁴. Самарские меньшевики-интернационалисты также полагали, что Демократическое совещание откажется от идеи построения власти на коалиционных началах и создаст такое социалистическое министерство, которое удовлетворяет жизненные интересы трудового народа. Эти надежды были несбыточны.

Лидеры ПСР и РСДРП (меньшевиков) отнюдь не собирались порвать с политикой соглашения: наоборот, они хотели, прикрываясь бутафорией Демократического совещания, укрепить коалицию с кадетами и упрочить тем самым свои позиции в борьбе против большевиков. Буржуазия, не в пример доверчивым простакам из местных соглашательских организаций, взяла, что называется, быка за рога, точно определив замыслы устроителей совещания. Кадетская «Речь»

14 сентября 1917 года прямо указала, что сей суррогат Учредительного собрания созывается совсем не для спасения России, а «для борьбы с большевиками. Следовательно, с этой точки зрения только и нужно рассматривать значение того или иного решения совещания».

Ни одна из основных задач организаторов совещания — упрочить положение коалиционного правительства и ослабить притягательную силу лозунга «Вся власть Советам!» — не получила разрешения. По вопросу о власти, писала по горячим следам событий газета П. Н. Милюкова, в Александринском театре царил разногласия и разброд: «Определенностью и прямолинейностью отличается только взгляд большевиков... В среде прочих социалистических партий наблюдается... полный хаос воззрения и рецептов»⁵⁵. Лишь в результате отчаянных усилий лидеров ПСР и РСДРП (меньшевиков) Демократическое совещание склонилось к решению о продолжении коалиционной политики.

Верхи мелкобуржуазных партий выражали удовлетворение тем, что очередной правительственный кризис был ликвидирован. Меньшевистская «Рабочая газета» осталась довольной тем, что политика единения всех «живых сил страны» нашла поддержку на Демократическом совещании. Орган ЦК меньшевиков испытывал радость в связи с тем, что был образован парламент, который якобы при исполнении представителями цензовой России должен «исключительно крупную политическую роль сыграть»⁵⁶. В унисон «Рабочей газете» «разливалось» и «Дело народа», старавшееся доказать, что содружество социалистов и капиталистов не исчерпало своих возможностей, что оно получило вотум доверия на Демократическом совещании. «Широкая демократия городов и деревень, — вдохновенно лгал эсеровский официоз, — высказалась за коалиционное построение революционной власти, за политический союз с прогрессивной буржуазией»⁵⁷. Приходится удивляться тому, как низко пали вожди соглашательских партий, докатившиеся до жульнических махинаций и беззастенчивой подтасовки фактов. Но обманывать массы становилось все труднее.

Титаническая агитационно-пропагандистская работа большевистской партии, суровые уроки социально-экономических битв не прошли даром для крестьян, представителей интеллигенции и рабочих, шедших с начала февраля 1917 года за ПСР и РСДРП (меньшевиков). Они постепенно расставались с ложными иллюзиями, овладевали азами политграмоты, учи-

лись на практике сопоставлять слова и дела своих лидеров. Рядовые эсеры и меньшевики, надеявшиеся, что Демократическое совещание выявит действительную волю революционной демократии и сформирует однородное социалистическое правительство, были в определенной степени ошеломлены: перед их глазами предстала картина сомнительных трюков и маневров, с помощью которых верхи их партий пытались сохранить обанкротившуюся коалицию.

Посмотрим сначала, как оценили итоги Демократического совещания интернационалистические элементы в рядах мелкобуржуазной демократии Поволжья. Левоменьшевистская саратовская «Солдатская газета» писала 24 сентября 1917 года: «Прежде всего от совещания осталось довольно определенное чувство разочарования. Все его занятия, большинство речей и деклараций бледны и ничего нового не прибавили к тому, что говорилось без конца на Московском совещании и на других съездах и собраниях. Совещание еще раз показало, что следует перестать верить в спасительность собирания подобных говорилен, из кого бы они ни состояли и в каком количестве ни собирались на них». А. Ф. Керенского саратовские меньшевики-интернационалисты обвинили в том, что на Демократическом совещании он проводил политику «братания» с врагами революции⁵⁸.

Решения Демократического совещания скептически воспринял лидер левого крыла саратовских меньшевиков А. Димант, который не без иронии заметил: «Несмотря на то, что усилиями Терещенко и Керенского, с одной стороны, Церетели и Авксентьева, с другой, опять удалось состряпать коалицию, мы имеем все основания утверждать, что скоро, очень скоро «государственные элементы» демократии убедятся в том, что нельзя примирить непримиримое, объять необъятное. Их брак с цензовой Россией неизбежно кончится разводом, ибо буржуазная невеста, несмотря на то, что она будет введена в благородный дом, — предпарламент, — окажется неверной женой. И ее богатое приданое (знания, опыт и пр.), за которым так гнались бедные женихи из Демократического совещания, — пойдет прахом»⁵⁹.

Похоронили последние надежды казанские левые эсеры, мечтавшие о том, что на Демократическом совещании будет услышан повелительный глас народа. 29 сентября 1917 года печатный орган «За землю и волю» признал: «Этого властного голоса мы не слышали там... И поэтому на очереди стоит созыв Всероссийского съезда Советов, который соберет все

активные силы русской революции и укажет дальнейшие пути следования».

Результаты Демократического совещания разочаровали не только левоинтернационалистические элементы в рядах мелкобуржуазных организаций Поволжья, но и представителей центристского меньшевизма и социал-революционаризма. Председатель Царицынского горкома меньшевиков Д. Полуян заявил 22 сентября 1917 года в газете «Рабочая мысль»: «С нашей точки зрения Демократическое совещание совершает крупную политическую ошибку, высказываясь против однородной политической власти... На исходе седьмого месяца революции мы все еще топчемся на старом месте, ищем революционную буржуазию, тогда как ход событий, углубление социальных противоречий и классовой борьбы отбросили эту буржуазию в стан врагов революции».

Даже в недавнем прошлом ортодоксальные сторонники коалиции сдавали свои позиции. Например, член Саратовского горкома меньшевиков Н. Капитановский пришел к заключению, что решение Демократического совещания о продолжении прежнего правительственного сотрудничества социалистов и капиталистов, к сожалению, «заранее обречено на неудачу». «Невозможно создать орган власти, безусловно авторитетный для всего населения, для всех классов» — таков был итог грустных размышлений председателя Самарского губкома ПСР И. Девятова⁶⁰. Немногочисленные группы верных последователей А. Ф. Керенского и И. Г. Церетели в вопросе о коалиции пребывали в состоянии растерянности: почти все их аргументы в пользу альянса социалистов и буржуазии были разбиты самой жизнью. Поборники соглашательской позиции робко пытались мотивировать свою точку зрения следующим образом: конечно, коалиция ничего хорошего не принесла, но поскольку лучшего не придумаешь в данный момент, то надо поддерживать существующую власть. П. Дубровский, один из лидеров крайне правого крыла эсеров в Самаре, так и убеждал: «Растет и ширится разруха, повергая людей в уныние и ужас. Ослепленные люди мечутся в поисках виновников этой разрухи и ропщут, возмущаются, не находя ответа... Как же быть? Как улучшить дело? Как избыть нужду? Не избыть нам ее, пока идет война. Чем дальше война продолжается, тем больше будет расти разорение и разруха. И пока война не окончена, придется со многим примириться, придется многое перетерпеть»⁶¹.

Некоторые апологеты коалиции попытались напугать широ-

кие массы тем, что передача власти Советам приведет к еще большей разрухе и углублению кризисного состояния страны, но они не имели успеха. Самарское правоэсеровское «Волжское слово» должно было признать 17 сентября 1917 года: «В настоящее время нет, кажется, лозунга... более популярного, чем лозунг «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Его повторяют везде и всюду».

А вот образчик защиты политики сотрудничества социалистов и капиталистов. Выступает на солдатском митинге в Самаре правый меньшевик: «В самом деле, откуда столько стоического упорства в борьбе за коалицию у высокоуважаемых товарищей Чхеидзе, Церетели, Дана? Все доводы, кои приводились ими, логически слабы, пожалуй, выражаясь резче, просто несостоятельны, ибо слишком ярки и показательны 5—6 месяцев «коалиционной деятельности». Коалиция изжита и так всеобъемлюще, что не признать это чрезвычайно трудно... Где же тогда истинные причины [сохранения коалиции]? Я позволю себе высказать предположение, что они, т. е. вожди оборонческого меньшевизма, знают что-то такое, чего не знают ни их сторонники, ни их противники на местах»⁶².

Однако, беспартийные рабочие и крестьяне избавились в сентябре — октябре 1917 года от мартовского экстаза и не проявляли охоты безотчетно верить в удивительные способности Чернова и Церетели. Да и члены мелкобуржуазных партий не принимали уже за чистую монету слова своих лидеров; жизнь подсказывала им самый реальный выход из положения: разрыв с ними и их антинародным курсом.

Закономерно, что состав коалиционного правительства А. Ф. Керенского, сформированного в конце сентября 1917 года, вызвал у рядовых эсеров и меньшевиков иронические замечания, насмешки, апатию, злобу, раздражение и ненависть. Словом, здесь были представлены едва ли не все оттенки в гамме человеческих чувств, кроме искренней радости. «Итак, — саркастически отозвалась 30 сентября 1917 года самарская левоменьшевистская «Солдатская газета», — у нас новое правительство. Председателем кабинета министров, т. е. премьер-министром, по-прежнему остался А. Ф. Керенский, числящийся в то же время верховным главнокомандующим или, как говорят злые языки, «верховным агитатором при штабе главнокомандующего». Кипучая, разносторонняя и разнообразная, правда, не всегда глубоко продуманная, государственная деятельность А. Ф. Керенского протекала у всех нас на глазах... Пост министра внутренних дел, видимо, продолжа-

ст занимать М. А. Никитин, он же министр почт и телеграфа, о котором говорят: «фигура грузная, пост грозный, только личность заурядно бесцветная» ...Министром труда назначен бывший товарищем министра К. Гвоздев... До революции в пролетарских кругах столиц выражение «гвозздевец» было ругательным».

Включение А. Ф. Керенским в правительство представителей буржуазии явилось причиной бурной реакции царицынских меньшевиков. Их лидер Д. Полуян выразил общее возмущение действиями министра-председателя в статье под характерным заголовком «Сдача позиций»: «Вопреки воле демократии... А. Керенский ввел в состав нового кабинета представителей цензовых элементов и кадетской партии, не пожелавшей целиком принять платформы 14 августа... Такое положение не может быть терпимо. Не для того же в самом деле демократия боролась с корниловщиной и поборола ее, не для того же она принимала решение об ответственности правительства перед ее полномочными органами, чтобы на другой день очутиться в плену у цензовых элементов». Двuruшническое поведение вождей своей партии Д. Полуян определил как «политическое преступление». «Разве не Церетели, — вопрошал руководитель Царицынской организации меньшевиков, — заявлял, что если буржуазия откажется принять условия демократии, то придется создать демократическую власть? Почему же не было принято мер, чтобы это заявление не оставалось пустым звуком? Партийные конференции и местные комитеты должны поэтому требовать, чтобы члены нашей партии были отозваны из состава правительства» ⁶³.

Весть об образовании очередного кабинета из социалистов и представителей буржуазии вывела из равновесия члена казанского губкома левых эсеров А. Синицина. «Вся Россия, — горячо говорил он, — сейчас перед огромным кризисом во всех областях... Земельные комитеты объявлены скопищем захватчиков, армия — толпой предателей, Советы каждый день обливаются грязью. В стране упадок революционного творчества! В стране перестают верить в революцию и начинают проклипать ее! И в это время хотят призвать к власти тех, которые воздвигали гонения против земельных комитетов... Новая правительственная комбинация встретится с ненавистью и отчаянием большинства народа» ⁶⁴.

Низы соглашательских партий больше не желали поддерживать политику сотрудничества с капиталом. «Мелкая буржуазия, — отмечал В. И. Ленин в конце сентября 1917 года, —

отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны»⁶⁵. Вожди эсеров и меньшевиков коренным образом разошлись с широкими массами.

Крах коалиционной политики показал, что только Советы и причем только под руководством большевиков могут стать эффективными органами власти, способными удовлетворить требования рабочих, солдат и крестьян. Открылся новый период большевизации масс и, как следствие этого, большевизации Советов.

ПЕРЕВЫБОРЫ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Очередные перевыборы Советов должны были подвести итоги классовой борьбы за весь предшествующий период революции и привести в соответствие политику Советов и, прежде всего, их партийный состав с теми сдвигами, которые произошли в массах. Меньшевики и эсеры всеми силами противились проведению перевыборов, надеясь переждать неблагоприятную для них политическую обстановку и таким образом сохранить руководящие органы Советов в своих руках.

31 августа 1917 года расширенное заседание ЦК большевистской партии приняло резолюцию «О власти», которая в тот же день была поставлена на обсуждение Петроградского Совета. В ней излагалась программа большевиков по вопросам войны и революции, отвечающая коренным интересам трудящихся масс. В резолюции осуждались соглашатели, поддерживавшие контрреволюционную буржуазию. РСДРП(б) заявляла трудящимся, что единственный выход из создавшегося кризисного положения — завоевание власти революционным пролетариатом и крестьянством. Большевистскую резолюцию «О власти» одобрили большинство депутатов Петроградского Совета.

5 сентября 1917 года 355 голосами против 254 большевистская резолюция о власти была принята на объединенном заседании Московских Советов рабочих и солдатских депутатов. В ней выдвигались такие требования, как немедленное вооружение рабочих и организация Красной гвардии, прекращение всяких репрессий против рабочего класса и его организаций, немедленная отмена смертной казни на фронте, осуществление на деле права наций на самоопределение. Проведение

этой платформы, говорилось в резолюции, возможно лишь при полном разрыве с политикой соглашательских партий⁶⁶.

Вслед за столичными Советами на сторону большевиков переходят Советы крупнейших промышленных центров страны. Затем последовало очищение Советов от меньшевиков и социалистов-революционеров по всей стране. «...Достаточно было «свежего ветерка» корниловщины, обещавшего хорошую бурю, — писал В. И. Ленин, — чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь...»⁶⁷

Неустанная борьба с соглашателями принесла успех большевистским фракциям в Советах Поволжья. Все настойчивее на предприятиях этого района стали раздаваться требования перевыборов Советов.

Представители мелкобуржуазных партий в преддверии новых выборов метались между буржуазией и пролетариатом, стремясь удержать свои позиции в Советах. Так, 11 сентября 1917 года представитель эсеровской фракции Б. Фортунатов заявил на заседании Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов, что от соглашения с торгово-промышленным классом надо отказаться раз и навсегда.

Фракция большевиков в Самарском Совете приветствовала заявление, которое прочитал Б. Фортунатов. Но, как это уже бывало не раз, «революционного» запала эсерам хватило ненадолго. Уже 13 сентября те же самые самарские социалисты-революционеры выступили за коалицию с кадетами. Газета самарских большевиков писала по этому поводу: «Гнева, сознания смертельной опасности, трагической решимости на революционный шаг, которые звучали в заявлении представителя с.-р. в Совете, хватило всего на два дня».

Большевики Самары в этот момент сделали единственно верный вывод, что «только решительная политическая борьба с вождями эсеров, только систематическое вырывание из-под их влияния рабочих, крестьянских и солдатских масс может быть ответом революционного пролетариата на постоянные колебания этой партии»⁶⁸. Основное свое внимание самарские большевики направили на разоблачение эсеровской антинародной политики. Конкретные результаты работы местной организации РСДРП(б) получили яркое отражение на объединенном заседании Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов 15 сентября 1917 года. На этом собрании за передачу власти Советам высказались представители 3-й и 6-й мастерских трубного завода, снарядного завода № 3, прокатной мастерской, мас-

терской по снабжению армии, 143-го пехотного полка и др.

Комментируя итоги заседания Самарских Советов, эсеровская газета «Волжское слово» писала 17 сентября 1917 года: «Внушительная демонстрация большевистских резолюций дает основание ораторам-большевикам думать, что буржуазия будет легко отстранена от власти, так как в ней уже не остается силы... Ряд ораторов-большевиков, выступивших с речами, говорит о перензбрании Советов, оторвавшихся от масс и повисших в воздухе».

Вскоре после этого знаменательного собрания Советов большевистская организация выступила с призывом немедленно провести перевыборы Совета рабочих и солдатских депутатов. Трудящиеся города активно поддерживали большевиков. В результате перевыборов рабочей секции Самарского Совета члены РСДРП(б) получили 53,3% мест, меньшевики — 20%, социалисты-революционеры — 10%, представители других партийных группировок и беспартийные — 16,7%. Но эсеры отказались честно признать свое поражение: они обвинили большевиков в фальсификации и подтасовке результатов выборов в Совет. Фракция эсеров заявила о своем выходе из Совета, так как якобы его «состав не только не соответствует демократическому представительству, но и прямо ему противоречит»⁶⁹. Однако обвинения, которые выдвинули самарские социалисты-революционеры против большевиков, были явно беспочвенными. 1 октября 1917 года большевики на выборах в городскую думу Самары получили голосов столько же, сколько социалисты-революционеры и меньшевики вместе взятые. Еще разительнее было превосходство большевиков на крупных предприятиях. Так, 29 августа 1917 года на выборах в завком трубчатого завода было избрано 18 большевиков и лишь 2 эсера (всего в завком входило 20 человек).

Определенные сдвиги произошли в сознании солдатских масс. Так, солдаты 133-го полка и артиллерийской бригады, квартирующихся в Самаре, поддерживали требование большевиков о перевыборах солдатской секции Совета. Они говорили о том, что секция Совета все время придерживалась «...политики соглашательства, тогда как в низах все больше и больше нарастало ярко революционное настроение, требовавшее немедленного разрыва с буржуазией и диктатуры рабочих, солдат и беднейших крестьян»⁷⁰.

Соглашательское руководство солдатской секции Самарского Совета возражало против перевыборов. Эсеры и мень-

шевики демагогически утверждали, что новоизбранные депутаты не справятся с работой в столь усложняющейся с каждым днем политической обстановке, что лучше оставить на руководящих постах в секции Совета старых, опытных работников. И мелкобуржуазные фракции солдатской секции Совета Самары добились принятия постановления об отсрочке перевыборов: их было решено провести после созыва Учредительного собрания. Но эта резолюция не спасла социалистов-революционеров и меньшевиков, потому что солдаты почти ежедневно отзывали соглашательских депутатов из своей секции Совета, посылая вместо них большевиков или — в более редких случаях — максималистов. К концу сентября депутаты-большевики и максималисты составляли около половины всего состава солдатской секции Самарского Совета.

Выборы в Саратовский Совет начались 6 сентября, хотя срок его полномочий истек уже в августе. Заводы, фабрики, воинские части, учреждения и общественные организации вместо эсеров и меньшевиков посылали представителей большевистской партии. В итоге в Совет было избрано 320 большевиков, 103 эсера и 76 меньшевиков. Большевистская фракция в рабочей секции стала насчитывать 164 члена, в военной — 156 членов. От меньшевиков в рабочую секцию прошли 72 человека, в военную — 4. Эсеры потеряли в рабочей секции 7 мест (было 50, стало — 43) и 200 мест в военной секции. Это была блестящая победа большевиков и полное банкротство мелкобуржуазных организаций Саратова. От эсерово-меньшевистского большинства в Совете осталась жалкая группа политически несостоятельных лиц, таявшая с каждым приливом революционной волны. 21 сентября состоялись выборы в исполнительный комитет Совета. От большевистской фракции в него вошли 18 человек, от эсеровской — 8, от меньшевистской — 4. Председателем исполнительного бюро стал В. П. Антонов-Саратовский, товарищами председателя — большевики М. И. Васильев-Южин, П. А. Лебедев и эсер Понтрягин. Председателем рабочей секции Совета был избран большевик Кирилл Плаксин.

Одновременно большевики получили господствующие позиции в Царицынском Совете. Первоначально выборы в Совет было намечено провести с 1 по 10 сентября. Затем соглашатели отменили выборы от гарнизона на неопределенный срок, а выборы на фабриках и заводах разрешили начать 8 сентября. Путем манипуляций со сроками выборов меньшевики и эсеры пытались выиграть время и переждать невыгодную для

них политическую конъюнктуру. Однако это им мало помогло. В новом составе Царицынского Совета большевики получили 111 мест, а эсеры и меньшевики, вместе взятые — 58. Все ответственные посты в Совете были доверены представителям большевиков: председателем пленарных собраний Совета стал С. К. Минин, а председателем исполнительного комитета — Я. З. Ерман⁷¹.

Напряженную борьбу против соглашательских партий вели трудящиеся Астрахани. На фабриках и заводах, в учреждениях и мастерских проходили собрания с требованием передать власть в руки Советов. 18 сентября состоялось многолюдное собрание Астраханского Совета. Кроме депутатов, на заседании присутствовали представители профессиональных союзов, эсеров-меньшевистского блока городской думы, губернского исполнительного комитета, губернского Совета крестьянских депутатов. На повестке дня стоял вопрос о власти. Большевики призывали разорвать всякие соглашения с буржуазией и передать власть Советам. Меньшевики и эсеры убеждали присутствующих, что только коалиционное правительство может обеспечить выход страны из экономического и политического кризиса. По их мнению, до сих пор коалиции фактически не было, «...теперь же должна быть организованная твердая власть на основе истинной коалиции, ибо пролетариат еще слаб и малочисленен»⁷².

В резолюции, предложенной собранию, меньшевики и эсеры призывали к объединению всех живых сил страны и выражали уверенность, что государственное совещание создаст сильную власть, «способную защитить революцию от всех нападков и довести страну до Учредительного собрания, которое и решит судьбы России». Постановленная на голосование эта резолюция собрала 175 голосов.

Затем большевики огласили свою резолюцию, в которой требовали беспощадно пресекать контрреволюционные выступления буржуазии, немедленно разогнать Государственную думу и Государственный Совет, отменить смертную казнь и очистить командный состав армии от контрреволюционеров. Большевики призывали рабочих создавать отряды Красной гвардии, а крестьян — брать землю в ведение земельных комитетов. Они считали, что в центре вся власть должна быть сосредоточена в руках Всероссийского Совета, а на местах — «принадлежать Советам, профсоюзам и избранным на основе всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права городским думами, как истинным представителям демокра-

тии». За эту резолюцию голосовало 276 человек. Итак, требование рабочих и солдатских масс о передаче власти Советам Астраханский Совет принял в несколько измененном виде. Очевидно, под давлением левых эсеров к нему было пристегнуто отнюдь не большевистское дополнение о том, что власть на местах должна принадлежать не только Советам, но и городской думе.

Рабочие Астрахани единодушно поддержали решение о передаче власти Советам. 20—21 сентября на многих астраханских предприятиях прошли собрания и митинги рабочих и служащих, которые продолжали принимать резолюции с требованием передать власть Советам. И ни в одной из них не упоминалось о необходимости раздела власти между Советом и городской думой. Лишь Совет, по мнению рабочих и солдат, мог быть полновластным органом. Тем не менее меньшевики и эсеры ухватились за ошибочную часть резолюции, принятой Советом 18 сентября. В мелкобуржуазной печати стали появляться статьи, внушавшие массам мысль, что только Дума является самым демократическим органом, избранным всеми слоями населения. Советы же, по мнению соглашателей, не представляют всего народа⁷³. Меньшевики и эсеры прилагали все усилия к тому, чтобы дискредитировать Советы, подорвать к ним доверие народных масс.

Однако рабочие не только считали Совет единственным и самым эффективным органом власти, но и настаивали на выводе из него колеблющихся, нерешительных, неревolutionных элементов. «Ввиду умеренности политического смысла и нерешительности товарищей, находящихся в Совете рабочих и солдатских депутатов, взять власть в свои руки, — писали астраханские бондари, — мы требуем переизбрать и заменить менее революционных работников более революционными. А также переизбрать состав исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов»⁷⁴.

Под давлением рабочих 30 сентября правые эсеры и меньшевики были выведены из руководящих органов Астраханского Совета. Совет возглавили большевики и левые эсеры. Председателем Совета был избран левый эсер А. С. Перфильев, товарищем председателя — большевик С. Х. Гольдберг, секретарями — большевики В. И. Иконицкий и Мазухин.

7 сентября 1917 года резолюцию «О власти», принятую 31 августа Петроградским Советом, принял Казанский Совет. За нее голосовало 295 человек, за резолюцию меньшевиков — 77. Атмосфере, в которой проходило это заседание Казанско-

го Совета, довольно точно описала местная кадетская «Камско-Волжская речь»: «Аудитория рукоплескала докладчику большевику отчаянно. Большевистские лозунги привлекли на свою сторону организованный пролетариат Казани»⁷⁵. И хотя перевыборы исполкома соглашателям удалось оттянуть до октября, фактически руководство Казанским Советом принадлежало большевикам и левым эсерам с середины сентября.

Потерпели поражение соглашатели в Сызранском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 20 сентября здесь за большевистскую резолюцию о текущем моменте проголосовало 77 депутатов, за эсеро-меньшевистскую — 55. Сразу после голосования большевистская фракция Сызранского Совета потребовала, чтобы соглашательский исполком провел перевыборы всего состава депутатов. В конце сентября в Сызранский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было избрано 197 большевиков, 76 эсеров и 33 меньшевика.

Полную победу одержали николаевские большевики на перевыборах рабочей секции объединенного Совета, проходивших 29 сентября 1917 года. В рабочую секцию Николаевского Совета вошли 13 большевиков, 1 эсер и 1 беспартийный⁷⁶.

Окрепи большевистские фракции в Бугурусланском и Покровском уездных Советах рабочих и солдатских депутатов. В середине сентября Бугурусланский Совет рабочих и солдатских депутатов принял по предложению большевиков резолюцию, в которой содержалось требование передачи всей власти Советам. При поддержке левых эсеров фракция большевиков Бугурусланского Совета провела 21 сентября решение о закрытии местной кадетской газеты. Влияние сравнительно небольшой по численности фракции большевиков в Бугурусланском Совете было велико. Со злобой отмечали кадеты в Бугуруслане, что десять большевистских депутатов во главе с Сокольским и Татаринцевым «вертят всем Советом и заставляют его проводить свои противоправительственные анархические резолюции»⁷⁷.

Из Покровска Самарской губернии корреспондент одной из буржуазных газет сообщал, что в толщу масс этого города «проникает большевизм», а потому «во главе полномочных органов [Советов], вероятно, скоро появятся новые люди»⁷⁸.

Процесс большевизации Советов проходил по всей России. В сентябре 1917 года более 250 Советов в важнейших промышленных центрах страны стали большевистскими. «Советы депутатов в большинстве крупных городов перешли в руки большевиков, — указывало 30 сентября 1917 года эсеров-

ское «Дело народа». — Настроение избирателей сделало резкий скачок влево, чуть ли не половина всех избирателей, три месяца назад голосовавшая за с.-р. ныне высказалась за большевиков. Теперь уже не может быть сомнений в сдвиге, происшедшем среди трудовой демократии. Из рядов «революционного центра» — с.-р. и меньшевиков — начинается дезертирство».

Промежуточные между буржуазией и пролетариатом политические силы стремительно размывались, пополняя лагеря основных борющихся классов. «Прежние вожди, — Церетели, Чхеидзе, Чернов и другие, словом вся та социалистическая интеллигенция, — писал позднее монархист А. И. Деникин, — которая вначале стояла во главе Советов, потом группировалась вокруг исполнительных комитетов и в течение шести месяцев пыталась руководить судьбами революции, оказалась, как и Керенский, в пустом пространстве»⁷⁹.

Ругали соглашателей и в то же время слегка скорбели о потере их бывшего влияния представители кадетской партии. «Шесть месяцев тому назад, — заметила 7 сентября 1917 года милюковская «Речь», — Церетели оповестил весь мир, что социалисты вошли в правительство не для коалиции, а для обострения классовой борьбы. Теперь же пожав руку Бубликову, этот вождь произносит почти «кадетские» речи... Скобелев призывает товарищей к «холодному рассудку»... Авксентьев вопит теперь о гибели России и пугает большевиков германским десантом... За шесть месяцев вожди успешно обучились элементарным основам государственности». К несчастью, выразил сожаление орган ЦК кадетов, как «только Скобелев с друзьями отрезвились, они потеряли всякое влияние среди товарищей». Это произошло, по мнению газеты, потому, что лидеры мелкобуржуазных партий «проявили всю меру интеллигентской беспомощности и трусости», отказавшись от союза с Корниловым против большевиков.

Политическая борьба партий вступила в новый период, основной чертой которого было коренное изменение соотношения сил в Советах. Большевики становились «правлящей», руководящей партией в Советах, а соглашатели переходили на положение оппозиционных партий. Причем их позиция по отношению к Советам была отнюдь не лояльной.

Если в июльские дни эсеро-меньшевистский блок сохранял еще маску доброжелателей Советов, то в сентябре после большевизации Петроградского, Московского и ряда других крупнейших Советов лидеры мелкобуржуазных партий отбра-

сывают маскировку и фактически встают в ряды представителей антисоветизма. Соглашательская печать отказывается уже от всякого камуфляжа своих взглядов. 15 сентября 1917 года меньшевистская «Рабочая газета» своей редакционной статьей «Советы и демократия» словно дала сигнал к открытому наступлению на самые массовые революционные органы трудящихся. Центральный орган РСДРП (меньшевиков) заявлял: «Советы не охватывают всей демократии. Это можно сказать о них теперь еще в большей степени, чем в первые месяцы революции, когда Советы, совмещая в себе самые разнородные функции, замещали собой и органы местного самоуправления, и органы власти, и профессиональные организации. В настоящее время, когда произошло размежевание, когда одна за другой выполнявшиеся Советами функции перешли к другим демократическим организациям, Советы одни далеко не представляют собою и даже не объединяют вокруг себя всей демократии». Лидеры меньшевистской партии старались доказать, что Советы с момента их большевизации утратили свою авангардную революционную роль. Однако политика соглашателей потерпела банкротство.

Партия большевиков завоевала на свою сторону большинство пролетарских и значительную часть солдатских масс. Перед РСДРП(б) встала во весь рост одна из серьезнейших задач: вырвать трудовое крестьянство из-под влияния социалистов-революционеров. В Поволжье, районе с абсолютным преобладанием крестьянского населения, эта проблема приобретала особую остроту. Борьба большевистских и эсеровских организаций в августе — сентябре 1917 года, как в доиюльские дни, велась прежде всего вокруг аграрного вопроса.

Попытаемся проследить аграрную политику эсеров в Поволжье в послеиюльские дни, на этом фоне показать динамику изменения отношения крестьян к партии социалистов-революционеров и большевикам и тем самым вскрыть наиболее важную причину поражения эсеров в Советах крестьянских депутатов.

ОСЛАБЛЕНИЕ ЭСЕРОВСКИХ ФРАКЦИЙ В СОВЕТАХ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

Пензенская и Симбирская организации эсеров, как уже ранее отмечалось, в июне 1917 года встали на путь измены крестьянским интересам. 23 июля пензенская эсеровская «На-

родная газета», окончательно сбросив личину «друга» крестьянства призвала бороться с теми, кто подстрекает «народ захватывать земли, не дожидаясь Учредительного собрания».

28 августа 1917 года Пензенский губернский земельный комитет, которым руководили социалисты-революционеры, постановил: «Арендная плата за землю должна определяться волостным земельным комитетом по соглашению с владельцами земли... Земли отрубников и хуторян не должны подлежать распределению. Не распределяются и те земли, в хозяйстве которых имеются наемные рабочие: это вызвано обстоятельствами военного времени»⁸⁰. Под этим эсеровским документом с удовольствием подписался бы любой помещик.

В духе своих пензенских коллег действовали и симбирские эсеры. На первом съезде крестьян Симбирской губернии, состоявшемся 15—18 июля 1917 года, фракция эсеров сумела проташить резолюцию, которая призвала крестьян воздержаться от самочинных захватов частновладельческих земель.

Так или иначе ЦК ПСР сравнительно быстро направил своих «блудных сыновей» в Пензенской и Симбирской губерниях на «путь истинный». Сложнее обстояло с Самарской организацией социалистов-революционеров.

В июне 1917 года после получения новой телеграммы из министерства внутренних дел о запрещении захватов частновладельческих земель, в Петроград из Самары направилась еще одна группа представителей губернской организации ПСР и Совета крестьянских депутатов. Эта делегация, возглавляемая лидерами самарских эсеров П. Д. Климушкиным и И. М. Брушвитом, обратились за разъяснениями к министру земледелия В. М. Чернову.

И. М. Брушвит и П. Д. Климушкин во встречах с В. Черновым и другими вождями ПСР доказывали, что решения II съезда крестьян Самарской губернии нисколько не выходят за рамки программы партии о социализации земли и уравнительном землепользовании. П. Д. Климушкин и И. М. Брушвит ссылались также на то, что в Самарской губернии нет никакой возможности воспрепятствовать крестьянской борьбе за землю: только в июне и начале июля Самарский Совет крестьянских депутатов рассмотрел 370 земельных конфликтов, из них — 45 между общинниками и отрубщиками, 49 — между крестьянами и помещиками. Но эти аргументы, как и следовало ожидать, ничуть не подействовали на вождей ПСР. Сначала от товарища министра земледелия Вихляева представители Самарской организации эсеров получали весь

ма уклончивые ответы, и, наконец, В. Чернов и председатель исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов Н. Авксентьев прямо заявили П. Климушкину и И. Брушвиту, что постановления II съезда крестьян Самарской губернии нельзя признать законными⁸¹.

«Мы отправились, — рассказывал позднее П. Д. Климушкин, — к министру внутренних дел т. Авксентьеву, потом министру земледелия т. Чернову. Как тот, так и другой указали нам, что такие постановления недопустимы; особенно они не согласны были с пунктами, отменяющими [арендную] плату за землю. Тогда мы спросили о выходе из такого положения. Чернов сообщил, что по его представлению выход таков: не делать отдельных постановлений для каких-либо губерний, а издать общий закон о землепользовании для всей России, вроде постановлений II Самарского крестьянского съезда, но... только такой закон не встретит одобрения всего министерства и возможно, что он не только не пройдет, а вызовет развал правительства»⁸². Словом, вожди ПСР думали только об одном — как во что бы то ни стало спасти коалицию и ради этого пошли на предательство и измену крестьянским интересам. Так или иначе, самарская делегация, по признанию П. Д. Климушкина, не встретила тени «сочувствия во Временном правительстве».

Разногласия между крупнейшей эсеровской организацией Поволжья и В. М. Черновым в аграрном вопросе были весьма симптоматичными. Ведь лидеры самарских социалистов-революционеров занимали в целом крайне оборонческие позиции и старались ревностно поддерживать министров-социалистов. И если уж члены ЦК ПСР, обладатели министерских портфелей, не нашли общего языка с правыми эсерами из Самарской губернии, то надо представить, насколько они остались далеки от широких масс и в первую очередь от крестьянства.

Самарская организация эсеров и после встреч ее делегатов с руководителями ПСР и министрами Временного правительства продолжала проводить свою сепаратистскую линию в вопросе о земле. На совещании представителей губернских Советов крестьянских депутатов 11—12 июля в Петрограде самарский губернский комиссар эсер С. А. Волков выступил против предложения члена ЦК ПСР Н. Я. Быховского о сохранении арендной платы за землю⁸³.

Далеко не гостеприимно встретили лидеры Самарской организации социалистов-революционеров и личного представителя В. М. Чернова — Акселя, 18 июля 1917 года на совмест-

ном заседании Комитета народной власти и Самарского губернского Совета крестьянских депутатов Аксель потребовал отмены решений II съезда крестьян о распределении частновладельческих, церковных и пр. земель между крестьянами. Акселя поддерживал заместитель губернского комиссара меньшевик У. Шаманин. Часть членов Совета крестьянских депутатов, возмущенные выступлениями Акселя и Шаманина, покинула демонстративно зал заседаний.

После короткого совещания члены Самарского губкома социалистов-революционеров выставили в качестве основного оратора И. М. Брушвита, который без обиняков заявил, что «он не хуже Чернова понимает, что такое социализация и как ее проводить». Далее, Брушвит обвинил В. М. Чернова в том, что тот «воспринял все бюрократические навыки и перестал понимать, что трудовой народ вправе взять то, что ему должно принадлежать, не дожидаясь петербургских указаний»⁸⁴. Вокруг Акселя создалась такая напряженно-враждебная атмосфера, что он вынужден был буквально «бежать» из зала заседания.

Факт выступления Самарской организации эсеров против аграрной политики своего ЦК можно объяснить несколькими причинами. Анализируя решения первых съездов крестьян Самарской и Пензенской губерний, мы уже отмечали явление традиционной «левизны» эсеров Поволжья, обусловленное социально-экономическими особенностями этого района, бывшего на протяжении многих столетий одним из очагов мощных крестьянских волнений. Ведь не случайно, что даже и представители некоторых кадетских организаций Поволжья ратовали за немедленную передачу части помещичьей земли крестьянам без всякого выкупа. Именно с такой программой решения аграрного вопроса выступали на VIII съезде кадетов в мае 1917 года делегаты Каменский, Балдин (Пенза) и Бат (Казань)⁸⁵.

На позицию социалистов-революционеров Поволжья в аграрном вопросе накладывала отпечаток и борьба с большевиками за влияние среди крестьянства, побуждая иногда эсеров брать известный крен влево. Степень воздействия на социалистов-революционеров партийно-конъюнктурных соображений борьбы с большевиками не была одинаковой в различных губерниях Поволжья. Несомненно, что эти соображения сказывались на эсерах Самарской губернии несколько больше, чем на их коллег по партии в Пензенской или Симбирской губернии. Если Самарская организация большевиков в июле

1917 года насчитывала около 4000 человек и представляла собой политическую силу, на которую приходилось часто оглядываться эсерам Самарской губернии, то этого нельзя было сказать о Пензенской или Симбирской организациях большевиков. Например, численность большевистской организации Пензенской губернии в июле 1917 года составляла 30—60 человек, тогда как в эсеровской (этой же губернии) — около 10 000⁸⁶.

В июне — июле 1917 года Самарский губком РСДРП(б) послал для агитации и пропаганды только в села одного Бузулукского уезда свыше 300 большевистски настроенных солдат. Это очень беспокоило и нервировало социалистов-революционеров Самарской губернии. 5 июля 1917 года на заседании Самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсер В. М. Голубков с тревогой и досадой говорил: «...большевики идут в деревню и начинают работать. Поверьте, товарищи, что они знают, что борются не на жизнь, а на смерть. Этого мы не должны забывать»⁸⁷. Несколько позднее, 24 августа 1917 года, самарская газета «Земля и воля» панически заявила, что большевики двинулись на завоевание деревни и что их лозунги «приманивают крестьян».

Однако и в Самарской губернии эсеры не проявили настойчивости и последовательности в разрешении аграрной проблемы. Окрики из Петрограда испугали некоторых членов руководящей группы социалистов-революционеров Самарской губернии. И. М. Брушвита и П. Д. Климушкина их же коллеги из губернского земельного комитета начали упрекать в излишней прямолинейности и несговорчивости по отношению к ЦК партии и Временному правительству.

П. Д. Климушкин, И. М. Брушвит, В. М. Голубков и другие заколебались и решили искать золотую середину путем лавирования между крестьянскими требованиями и политикой Временного правительства. Как писал сам П. Д. Климушкин, в конце августа 1917 года циркуляры министров Временного правительства, в которых осуждались самовольные захваты помещичьих земель, поставили его в тупик: «С одной стороны — постановление II крестьянского съезда, с другой — телеграммы министров»⁸⁸. Как верно отмечал В. И. Ленин: «Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него экономически быть не может»⁸⁹.

Понсками «третьего пути» в аграрной проблеме была отмечена деятельность эсеровской фракции на III съезде крестьян Самарской губернии, начавшего свою работу 20 августа 1917 года. В этот критический момент борьбы крестьянства за землю самарские большевики заявили о своей решительной поддержке «Временных правил пользования землей», принятых на предыдущем II съезде крестьян. 20 августа 1917 года самарская большевистская газета «Приволжская правда» писала: «Мы уверены в том, что съезд останется на своей прежней позиции по вопросу о земле, несмотря на тучу циркуляров, которые сыпятся на революционное крестьянство сверху... Партия рабочего класса поддержит вас, товарищи, в отстаивании постановлений II съезда».

На III съезде крестьян Самарской губернии, в отличие от двух предыдущих, впервые присутствовала в качестве полноправных делегатов группа большевиков, что наложило заметный отпечаток на его работу⁹⁰. Делегат Николаевского Совета большевик Ермошенко после отчетного доклада о деятельности губернского Совета крестьянских депутатов сразу предложил члену исполкома эсеру В. М. Голубкову доложить о результатах переговоров делегаций из Самары с представителями правительства В. Черновым и Н. Авксентьевым по поводу решений II съезда крестьян о земле. Внимание всех делегатов было приковано в эти минуты к аграрной политике Временного правительства и партии социалистов-революционеров. Со всех сторон посыпались вопросы: «Что ответил Чернов относительно утверждения «Временных правил»? Когда санкционирует их Временное правительство?»⁹¹

Именно в этот момент обнаружилось стремление лидеров Самарской организации эсеров примирить делегатов-крестьян с аграрной политикой Временного правительства. Как представители правого крыла организации (С. А. Волков), так и эсеры «центра» (П. Д. Климушкин, И. М. Брушвит) старались скрыть тот факт, что министр Временного правительства В. М. Чернов отказался утвердить «Временные правила пользования землей». В ответ на многочисленные просьбы рассказать о переговорах с В. М. Черновым, И. М. Брушвит раздраженно бросил: «Я поражаюсь, когда здесь двадцать раз стараются поднимать этот вопрос. Деятельность Совета крестьянских депутатов — одно, а отношение Временного правительства к земельному вопросу — совсем другое».

Основной докладчик по вопросу о земле от эсеровской фракции К. Г. Глядков призывал пойти на уступки Времен-

ному правительству, «смягчив» отдельные положения «Временных правил пользования землей». К сожалению, ни одна из эсеровских газет Самары не сообщила, как же собирался Глядков «отредактировать» постановления II съезда, но некоторый свет на этот счет проливает сообщение одного из корреспондентов кадетского «Волжского дня» о работе III съезда. Репортер кадетского органа писал о реакции крестьянских делегатов на доклад Глядкова: «Глядков был заподозрен в буржуазных симпатиях и крепостнических тенденциях землевладельца-собственника, в чем должен был оправдаться, выдвинув для этого веский аргумент, как свое участие в железнодорожной забастовке 1905 года. В большей части присутствующих на съезде крестьян тотчас определилось настроение крайнего недоверия к руководителям съезда; между этими последними и крестьянской массой обнаруживалась явная брешь... Крестьянская масса чутко насторожилась, и партийным деятелям для борьбы с подобными настроениями пришлось выдвинуть все силы, нажать все пружины»⁹².

Политику эсеров в аграрном вопросе критиковал в своем выступлении на III съезде крестьян Самарской губернии максималист Гецольд, который говорил о том, что ПСР, «встав у руля государственного корабля, изменила своим принципам и не хочет теперь дать земли крестьянам без выкупа»⁹³. Крестьянские делегаты с заметным интересом слушали и речи большевиков. Местный орган партии кадетов констатировал, что лозунги большевистских и максималистских ораторов «оказались очень родственными миросозерцанию большинства участников съезда, и это, несомненно, наложило свою печать на вынесенные им решения».

Социалисты-революционеры (как правые, так и представители так называемого центра) в обстановке возрастающего влияния большевиков и максималистов не решились больше настаивать на каких-либо изменениях положений «Временных правил пользования землей»: III съезд подтвердил, что для Самарской губернии они являются законом.

Однако, как показали дальнейшие события, у самарских эсеров не хватило решительности и последовательности в проведении в жизнь резолюций III съезда об уравнительном распределении частновладельческих земель между крестьянами.

В октябре 1917 года на страницах печатного органа Самарского губкома ПСР появились статьи, в которых лозунг «Вся земля должна быть собственностью народа!» осуждался, как анархо-большевистский. Практическая деятельность эсе-

ров в уездах Самарской губернии убедительно свидетельствовала о том, что контрреволюционные теоретические вклады газеты самарских эсеров не были случайным явлением.

8 сентября 1917 года общее собрание социалистов-революционеров Николаевского уезда Самарской губернии приняло постановление, которое обязывало каждого члена организации приложить все силы в борьбе за передачу земли крестьянам. Согласно этой резолюции фракция эсеров Николаевского уезда Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в начале октября проголосовала за предложение большевиков и максималистов о конфискации частновладельческих земель. Однако уже 19 октября фракция социалистов-революционеров потребовала пересмотра резолюции о конфискации частновладельческих земель, а затем добилась ее отмены: за это решение проголосовало 11 депутатов-эсеров, против — 9 большевиков и 1 максималист⁹⁴.

Всячески противодействовали борьбе крестьян за землю эсеры в Бузулуке. В Бугульме эсеровский гарнизонный комитет высказался против всяких самовольных захватов частновладельческих земель крестьянами до созыва Учредительного собрания⁹⁵.

Противоречивую позицию в аграрном вопросе заняли в августе — сентябре 1917 года лидеры Симбирской организации эсеров. 4 августа 1917 года председатель Симбирского губернского земельного комитета эсер К. Воробьев писал в своей брошюре: «Та вопиющая несправедливость в распределении земель, которая наблюдается в настоящее время, не должна быть терпима ни одного дня больше. Нельзя обрекать одну часть населения на полуголодное существование, а другой предоставлять возможность накапливать в своих руках земельные излишки и эксплуатировать нужду крестьянской бедноты. Этому должен быть положен конец коренным разрешением аграрного вопроса»⁹⁶.

Эту брошюру К. Воробьева одобрил Симбирский губком ПСР. И в то же время симбирская газета «Земля и воля», орган губкома ПСР, убеждала крестьян прекратить захват частновладельческих земель и возложить все свои надежды на Учредительное собрание. Тактика «и вашим, и нашим», которую проводили эсеры в Самарской, Пензенской и Симбирской губерниях, только возбуждала бедноту в деревне, толкала ее на выступления против помещиков.

Не могли быть спокойны крестьяне и в Казанской губер-

нии. С одной стороны, крестьянская секция Казанского Совета, возглавляемая левыми эсерами, старалась отстаивать, хоть и непоследовательно, интересы тружеников земли. Но репрессии Временного правительства, его циркуляры и требования прекратить раздел частновладельческих земель возбуждали, нервировали крестьян, обостряли их классовую ненависть к помещикам. О сложном положении руководителей Советов крестьянских депутатов, рядовых тружеников земли в Казанской губернии, писал левый эсер А. Колегаев: «Много раз нам, крестьянским работникам, говорили, что уже назначен день, в который Временное правительство рассмотрит и утвердит новый земельный закон. Проходил тот назначенный день, проходили и другие дни. Закона нет и нет... А в это время летят из Питера разные циркуляры, разъяснения, которые путают нас, не дают дышать... Нельзя так смеяться над крестьянством. Крестьянский закон есть. Есть он у самих крестьян, во всех их решениях, съездах. Теперь же на нас по губерниям, уездам, деревням напустили тучу судебных следователей, прокуроров, которые заваливают крестьянство повестками о привлечении к ответственности»⁹⁷.

Испытывая давление крестьян, некоторые мелкобуржуазные демократы в Поволжье теряли почву под ногами, впадали в панику, доходили до отчаяния. Да и как тут не встанешь в тупик: борьба крестьян за землю нарастала, а министры все жестче настаивали на соблюдении принципа неприкосновенности частной собственности.

Некоторые поволжские соглашательские организации начали метаться от уговоров крестьян подождать Учредительного собрания, ограничив себя временно в экономических требованиях, к просьбам к верхам своих партий сделать, наконец, что-нибудь, принять хотя бы куцые реформы, чтобы как-то сбить волну революционного движения.

В конце июля 1917 года эсеровское руководство Балашовской земельной управы Саратовской губернии направило срочную телеграмму А. Ф. Керенскому, В. М. Чернову и И. Г. Церетели. В ней сообщалось о невиданных масштабах вражды между помещиками и крестьянами и без обиняков указывалось, что применение карательных мер по отношению к труженикам земли вызовет самые тяжелые последствия. «Товарищи! — взывали балашовские эсеры к министрам-социалистам. — Вы далеки от настроений деревни... К тому пути, который вы намечаете, нет возврата. Единственный путь к сохранению спокойствия среди трудового крестьянства — пере-

дача всех земель во временное (до Учредительного собрания) ведение земельных комитетов»⁹⁸.

Политика Временного правительства должна была неизбежно вызвать массовое крестьянское восстание. Озлобившееся против помещиков и изверившееся в обещаниях эсеров крестьянство взялось за топоры и вилы: резко увеличилось число погромов дворянских имений, кровопролитные схватки между деревенской беднотой и кулацко-помещичьей элитой стали обычным явлением. 19 октября представитель Саратовской губернии левый эсер Устинов говорил на заседании Всероссийского Совета крестьянских депутатов, что крестьянство теряет веру не только в центральную власть, но и в руководящие органы демократии и по вопросу о земле рассуждает следующим образом: раз вы там ничего не делаете, то будем делать сами. Левый эсер В. Алгасов, объехав в сентябре 1917 года губернии Поволжья, пришел к выводу, что «Львовские телеграммы, Пешехоновские распоряжения, инструкции Чернова вселяют в крестьянство недоверие и, больше того, озлобление». «Посуди сам, — говорили не раз крестьяне В. Алгасову, — 6 месяцев прошло, а с землей — не вперед, даже как будто назад идет... Да, вот еще эмиссары эти военные от Временного правительства налегать стали. Но всякому терпению конец бывает»⁹⁹.

14 сентября 1917 года В. И. Ленин указывал: «Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и в центре и на местах, вся земля крестьянам *тотчас*, впредь до решения Учредительного собрания, либо помещики и капиталисты тормозят все, восстанавливают помещичью власть, доводят крестьян до озлобления и доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания»¹⁰⁰. Но к разумным предложениям большевиков соглашатели не прислушивались.

В сентябре 1917 года во многих районах России началась уже настоящая крестьянская война за землю. Восстание крестьян в Тамбовской губернии всполошило и руководство партии социалистов-революционеров. В. Чернов в статье «Едиственный выход» признал: «Дождались того, что предрекали все, соприкасавшиеся с деревнею и понимавшие ее. Дождались начала крупных массовых аграрных волнений». Однако и в разгар крестьянской войны лидер ПСР не сделал должных выводов. Он предлагал «сделать из земельных комитетов прочные авторитетные органы государственной власти на местах, способные своевременными мерами — когда нужно, властными и решительными — предотвратить вспышки недо-

влетворенных потребностей масс»¹⁰¹. Фактически В. М. Чернов рекомендовал земельные комитеты превратить в некие полицейские органы власти в сельской местности.

Не сделали необходимых выводов из событий на Тамбовщине и руководители организаций социалистов-революционеров в Поволжье. Пензенский губком ПСР отозвался на крестьянское восстание в Тамбовской губернии обращением, в котором предлагалось всем членам партии приложить все усилия к тому, чтобы прекратить всякие попытки крестьян разделить помещичьи земли. Низовым комитетам лидеры Пензенской организации эсеров рекомендовали убеждать крестьян в том, что в земельном вопросе надо ждать терпеливо решения Учредительного собрания¹⁰². Причем «убеждали» эсеры крестьян не только словом, но и оружием.

Комиссар Сызранского уезда Симбирской губернии эсер Цинговатов во второй половине сентября 1917 года ходатайствовал перед начальником местного гарнизона о выделении «полуэскадрона драгунов для подавления крестьянского движения». В начале октября 1917 года комиссар Наровчатского уезда Пензенской губернии телеграфировал эсеру Ф. Ф. Федоровичу, занимавшему пост губернского комиссара: «Необходимо срочно прислать сильную кавалерийскую часть, непременно дисциплинированную. Рубку лесов, разграбление имений имевшимися силами прекратить невозможно»¹⁰³.

Эсер Ф. Ф. Федорович лично руководил организацией карательных экспедиций против крестьян. Он метался по губернии с драгунами, тщетно пытаясь усмирить с помощью оружия восставших крестьян. 25 октября 1917 года уездный комиссар Инсарского уезда сообщал Ф. Ф. Федоровичу, что уезд охватила широкая волна погромного движения, драгуны бессильны бороться с движением». Крестьянство поволжских губерний, доведенное до отчаяния правительственными органами и эсеровским руководством, развернуло массовый погром помещичьих имений. Если в сентябре 1917 года в Пензенской губернии было 80 крестьянских выступлений, то в октябре — 184. В Симбирской губернии только против кулаков крестьяне поднимались в апреле — мае — 34 раза, в июне — 122, в октябре — 267. Корреспондент реакционного «Нового времени» писал 9 сентября 1917 года: «Я объехал губернии Вятскую, Уфимскую, Оренбургскую, Самарскую, Симбирскую и Казанскую. Если в марте над деревней появились красные языки всесокрушающего национального пожара,

то теперь приходится стоять перед грудой черных обгорелых и еще дымящихся остатков... Из имений выгнаны не только владельцы и их семьи, но и управляющие... Полный разгром». Это были результаты эсеро-правительственной аграрной политики.

Громадный размах получило крестьянское движение в Нижегородской губернии. В середине октября губернский комиссар эсер Сумгин телеграфировал в Министерство внутренних дел, что масса имений сожжена, — еще больше разграблено, движение усиливается, захватив уже шесть уездов». Губернские эсеровские власти растерялись. Сначала они попытались подавить движение за землю вооруженной силой, но тем самым только усилили его. В панике и отчаянии Губернский Совет крестьянских депутатов, руководимый эсерами, засыпал телеграммами Керенского, исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов, МВД, нового министра земледелия Маслова с одной единственной просьбой: разрешить издание постановления о передаче в масштабах губернии всех земель, лесов, лугов в распоряжение волостных земельных комитетов. Губком партии эсеров, призывавший нижегородских крестьян еще в начале октября подождать Учредительного собрания, 15—16 октября резко меняет курс, призывая к немедленному уравнительному распределению частновладельческих, банковских, уделных и прочих земель между крестьянами. Мера эта после многомесячного надругательства над крестьянскими интересами вряд ли могла быстро успокоить восставших крестьян, тем более, что в эти же дни товарищ министра внутренних дел Салтыков потребовал от нижегородских властей «не чинить за месяц до Учредительного собрания самочинных выступлений»¹⁰⁴.

Соглашатели оказались далеки от крестьянских интересов. Некоторые даже не могли понять причин нарастания движения за землю. Один из лидеров саратовских меньшевиков, В. Анисимов, размышлял с немалой долей удивления: «Но вот накануне Учредительного собрания начинает подниматься волна крестьянских захватов. Чем она вызвана? Посевов теперь не предстоит, хлеб убран и, кроме того, хлеб весь на учете и представляет собственность государства. Казалось бы, нет никаких оснований именно теперь начать осуществлять кустарным порядком великую земельную реформу. А ведь на самом деле начинается именно этот неорганизованный процесс захватов»¹⁰⁵. Возражая категорическим образом против передачи земли крестьянам до Учредительного собрания, В. Ани-

символ предлагал успокоить «неразумных» крестьян вооруженной силой.

В. И. Ленин справедливо оценил политику эсеров и меньшевиков в докладе на II Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов. «Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию»¹⁰⁶.

Кризис ПСР, одной из правящих партий, углубился в сентябре 1917 года. Классовая база организаций эсеров вследствие потери доверия к ним крестьянства значительно сузилась. Разрыв между «верхами» и «низами» этой партии увеличился. В сентябре-октябре 1917 года стал совершенно очевидным тот факт, что в будущих политических битвах эсеры в большинстве районов России, в том числе и в Поволжье, не найдут среди крестьянства активной поддержки. В октябре 1917 года В. И. Ленин отмечал: «...самый крупный факт современной жизни в России есть *крестьянское восстание*. Вот объективный, не словами, а делами, показанный переход народа на сторону большевиков»¹⁰⁷.

Наступил новый этап революционной борьбы. Политическая борьба в Советах сконцентрировалась вокруг главной проблемы революции — вопроса о власти. Опираясь на пролетариат, укрепляя союз рабочего класса с крестьянством, большевистская партия встала на трудный путь претворения в жизнь лозунга «Вся власть Советам!».

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩИХ БИТВ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

БОЛЬШЕВИКИ — ВО ГЛАВЕ МАСС

После VI съезда партии большевики сосредоточили свои силы на подготовке революционных масс к вооруженному восстанию. Мобилизация пролетариата и беднейшего крестьянства проходила под лозунгом «Вся власть Советам!». Имелись все объективные и субъективные предпосылки для социалистической революции. Влияние РСДРП(б) возрастало с каждым днем.

Успехи большевиков в завоевании масс на свою сторону явились результатом огромной организаторской и политической работы, которую провели местные партийные организации под руководством ЦК РСДРП(б). Обрели силы после разрыва с меньшевиками симбирские большевики, сумевшие 21 октября выпустить первый номер своей газеты «Симбирская правда» тиражом 1500 экземпляров¹. В начале октября Самарский губком РСДРП(б) организовал издание «Солдатской правды».

В октябре 1917 года возникли большевистские комитеты в Бузулуке, Ставрополе и некоторых других уездных городах Поволжья². Они развернули активную пропагандистскую деятельность среди населения. Левоменьшевистская «Солдатская газета» признала 11 октября 1917 года, что в Самарской губернии число членов большевистской партии «растет с каждым днем», а население в целом «очень быстро левеет». Эту картину реальной действительности не могли уже замазать и

руководители правых мелкобуржуазных организаций в Поволжье.

На фоне роста авторитета большевистской партии контрастно представлял продолжающийся процесс разложения мелкобуржуазных организаций. Антинародная политика лидеров ПСР и РСДРП (меньшевиков) способствовала росту оппозиционных настроений в этих партиях. «Изнутри партий эсеров и меньшевиков, — писал в начале октября 1917 года В. И. Ленин, — крепнет протест, нарастает прямой раскол вследствие измены «вождей» интересам большинства населения»³.

Руководители соглашательских партий не только растеряли свою популярность в массах, но просто стали одиозными фигурами.

И. Леонтьев-Нечаев, известный публицист левоэсеровской партии, заявил в начале 1918 года: «За восемь месяцев, протекавших с конца февраля до конца октября, официальные вожди партии с.-р. успели не только безнадежно далеко уйти от революционного социализма, но и опозорить партию в глазах широких трудовых масс»⁴.

Совершенно точно одна из московских кадетских газет оценила политический капитал А. Ф. Керенского: «В конце июня половина России была готова молиться на Керенского, в октябре же на него смотрели, как на ничтожество, вознесенное игрой случая так высоко»⁵. «Верховным авантюристом и предателем» назвала 10 октября 1917 года министра-председателя самарская левоменьшевистская «Солдатская газета». Она выражала надежду, что А. Ф. Керенский, «испытующий терпение демократии, доживает последние дни, как и возглавляемая им корниловско-кадетская банда». Это говорило о том, что значительные слои «низов» мелкобуржуазных партий, наученные горьким опытом своих поражений, начинали мыслить по-большевистски. Пророчество, в данном случае меньшевистской «Солдатской газеты», оказалось верным.

Раскаты народного гнева и возмущения внутренним и внешнеполитическим курсом вождей мелкобуржуазных партий сеяли уныние и безысходность настроения среди лидеров местных соглашательских организаций.

Невеселыми думами делился в начале октября один из членов горкома Самарской меньшевистской организации: «Нас скоро будут громить и в Советах, и в комитетах, и вообще по всей линии революционного фронта, потому, что Церетели и Керенский заняты черной магией объединения сил, у них нет времени подумать над тем, чем сейчас занята Рос-

сия... Мы буквально измотались с этими мудрыми коалиционными «чудесами в решетке...». Работать уже не в состоянии, да и нельзя работать. Мы задыхаемся в этой проклятой атмосфере»⁶.

В состоянии упадка и развала пришли и многие соглашательские организации Верхнего, Среднего и Нижнего Поволжья. 15 октября на конференции эсеров Нижнего Новгорода докладчик И. Калюжный жаловался на то, что рядовые члены партии утратили всякий интерес к политической работе в массах. Количество членов Астраханской губернской организации социалистов-революционеров уменьшилось с 3000 в июле до 350 к концу октября, причем 200 из них заняли левоинтернационалистические позиции⁷. Деятельность Симбирского комитета ПСР оказалась почти полностью парализованной бесконечными внутренними распрями и спорами по вопросу о том, кого же считать духовным вождем партии — В. Чернова или Б. Савинкова. Сторонники того и другого обильно поливали своих «противников» помоями обвинений в измене и предательстве. Последователи Б. Савинкова в середине октября пошли на раскол с «черновцами» и образовали отдельную группу под названием «Народная воля». На выборах в Учредительное собрание обе фракции симбирских социалистов-революционеров выступали с различными списками кандидатов.

О кризисе организаций эсеров в Поволжье говорил и факт усиления в них левых течений. Фракции левых социалистов-революционеров образовались в Николаевской, Бугурусланской и Абдулинской организациях⁸. Почти все члены ПСР в Сызрани заняли левозсеровские позиции.

Таяли как снег под весенним солнцем и меньшевистские организации в Поволжье. 15 октября 1917 года на общегородское собрание меньшевиков Самары явилось лишь 100 человек из 2512. Докладчик Лепский на этом совещании призывал присутствующих «выяснить, наконец, должна ли существовать оставшаяся группа (жив или мертв организованный меньшевизм в Самаре)»⁹. В сентябре и октябре прекратили существование самарские меньшевистские газеты «Наш голос» и «Известия Совета рабочих депутатов», потому что их почти не покупали.

В Казани меньшевистская организация потерпела фиаско на выборах в городскую думу, прошедших в начале октября 1917 года. Анализируя их итоги, соглашательская «Казанская рабочая газета» писала 12 октября: «Мы, меньшевики социал-демократы, не должны уклоняться от признания, что являемся

едва ли не главными участниками поражения. В Казани, как и в других местах, за нас голосовала лишь незначительная часть рабочих».

Тщетно старался вдохновить своих коллег по партии председатель Царицынского комитета РСДРП (меньшевиков) Д. Полуян. Вот что писала одна из местных соглашательских газет о речи этого деятеля на собрании царицынских меньшевиков, состоявшемся 23 октября 1917 года: «Начав с указания на малочисленность собрания, что, по мнению оратора, свидетельствует о поредении рядов партии, товарищ напомнил о той руководящей роли, которую недавно играли меньшевики». «Возможно, — продолжал Д. Полуян, — что у некоторых поредение наших рядов, падение популярности породит разочарование и даже отчаяние»¹⁰.

Усилилось брожение в объединенной Пензенской организации РСДРП. 7 октября большевики Пензы отмежевались от меньшевиков. В Симбирске несколько руководящих работников меньшевистской организации примкнули в Совете рабочих и солдатских депутатов к большевистской фракции.

В. И. Ленин на основании изучения внутренних процессов, происходивших в стане соглашателей, пришел в начале октября к выводу: «Крах мелкобуржуазно-соглашательских партий, выразивших бессознательное доверие масс к Керенскому с империалистами вообще, назрел вполне. Крах полный»¹¹.

Былой гегемонии соглашателей пришел конец. Ревнителю «классового мира» и «содружества буржуазии и пролетариата» потерпели крах. Немногие из последователей Чернова и Церетели в Поволжье и других районах страны рисковали выступать на рабочих и солдатских митингах с призывами «сплотиться вокруг правительства Керенского». «Все обещающая и ничего не исполняющая «коалиция» эсеров и меньшевиков с буржуазией, — указывал В. И. Ленин, — нервирует массы, открывает им глаза, толкает их на восстание»¹².

Отражая настроение трудящихся, действуя под их сильнейшим напором, ряд поволжских мелкобуржуазных организаций интернационалистического направления вплотную приблизился к большевикам в подходе к решению вопроса о власти. Руководители Казанской левоэсеровской организации, называя Временный Совет республики «политическим недоноском», «злой карикатурой на парламент», «бессмысленной говорильней», требовали немедленной передачи власти Советам¹³.

Самарские с.-д. интернационалисты открыто заявляли в

предоктябрьские дни, что Временное правительство заслуживает той же участи, что и Николай II со своими прихвостнями. В статье «Накануне бури», написанной одним из членов Самарской организации с.-д. интернационалистов, развивалась мысль о том, к чему, к каким последствиям приведет преступный пробуржуазный курс коалиционного кабинета А. Ф. Керенского: «Правительство «спасителей» страны и губителей революции пытается твердо повести свою политику отложения всех вопросов внутреннего характера, кроме, конечно, борьбы с «анархией», но она кончится неизбежно тем, чем и должна кончиться... Революционный пролетариат, революционные солдаты и крестьяне от критики правительства на словах перейдут к «критике оружием». Создается теперь такое убеждение, что восстание рабочих и солдатских масс, по крайней мере, в Петрограде неизбежно»¹⁴.

Безусловно, в этих словах самарских с.-д. интернационалистов была доля пустой бравады, кокетничания революционной фразой. Но так или иначе в подобных заявлениях представителей левого крыла мелкобуржуазной демократии отражалось действительное глубокое недовольство, ропот и протест низов соглашательских партий против империалистической политики своих вождей.

Развал соглашательских партий свидетельствовал о том, что лидеры эсеров-меньшевистского блока потеряли опору и в мелкобуржуазных массах. Это со всей очевидностью подтверждал бурный процесс большевизации самых массовых политических органов — Советов, в которых как в зеркале отражались настроения рабочих, солдат и крестьян.

Самарская «Солдатская газета» 6 октября 1917 года призвала солдат местного гарнизона «переизбрать тех членов Совета, которые являются сторонниками соглашательства, тех, кто не хочет бороться за передачу власти Советам».

Как и следовало ожидать, победу на частичных перевыборах в солдатскую секцию Самарского Совета, завершившихся 11 октября, одержали большевики. Председателем президиума секции Совета был избран М. Герасимов (большевик), товарищем председателя — Козырьков (большевик), управляющий делами — Золинг (меньшевик), кандидатом в члены президиума — Оболенский (большевик). 14 октября печатный периодический орган секции «Солдатская газета» перешел в руки большевистской редколлегии во главе с прапорщиком С. Я. Тиуновым и солдатом В. А. Кармашевым. «Политика соглашательства, колебаний и неверия в собственные силы, —

писала в этот день самарская «Солдатская газета», — изжита революционной демократией, что и показали происходившие повсюду в последнее время перевыборы местных Советов, дававшие везде перевес большевикам... То же произошло и у нас». Таким образом, 11 октября 1917 года с завоеванием членами РСДРП (б) большинства в солдатской секции завершилась большевизация Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В начале октября 1917 года еще более укрепили свои позиции в местном Совете сызранские большевики. 4 октября на выборах в Сызранский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов члены РСДРП(б) получили 225 мандатов, а эсеры и меньшевики, вместе взятые, 25 мест¹⁵. В Совет рабочих и солдатских депутатов города Сенгилея Симбирской губернии было избрано в октябре 27 большевиков и им сочувствующих, 2 социалиста-революционера и 1 меньшевик. На выборах в Абдулинский Совет рабочих депутатов большевики завоевали 70% всех мест¹⁶. За список большевиков на выборах в солдатскую секцию Николаевского Совета голосовало 2268 человек, за эсеровский — 332¹⁷.

Широкие массы пролетарских центров, убедившись в бесплодности соглашательской политики, отвернулись от эсеров и меньшевиков. Чувствуя, что пролетариат окончательно ушел из-под их контроля, лидеры мелкобуржуазных партийных организаций сосредоточивают свои основные силы на агитационно-пропагандистской работе в деревне. 10 октября на заседании Самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсер Е. Е. Лазарев призывал к «организационной борьбе» с представителями ленинской партии. «Иначе, — предупреждал он, — крестьянство уйдет за большевизмом». По докладу Е. Е. Лазарева Совет крестьянских депутатов принял решение: «немедленно всем членам Совета разъехаться по волостям для самой энергичной агитации за список партии социалистов-революционеров»¹⁸.

В селах Поволжья эсеры встречали пока более лучший прием, чем среди трудящихся города. Трудовое крестьянство, в частности середняки, медленнее, чем пролетариат, изживало свои мелкобуржуазные иллюзии. Кроме того, надо учесть, что громадная часть крестьянства к сентябрю-октябрю 1917 года еще не ознакомилась с политическими взглядами большевиков, их программой по аграрному вопросу: она получала информацию о деятельности, политике РСДРП (б) или из буржуазной печати, или из уст членов ПСР. В непосредственных

же столкновениях с большевиками на крестьянских митингах социалисты-революционеры, как правило, проигрывали.

Острейшие психологические моменты схваток большевиков с эсерами в Самарской деревне запечатлел в своих очерках 1917 года писатель А. Неверов. В одном из своих рассказов, написанных в сентябре-октябре 1917 года, он повествует о солдате-большевике Матвее Кочерыжкине, приехавшем в деревню Чагадаевка Самарской губернии. Настороженно встретили крестьяне Матвея: у них сложилось под влиянием агитаторов-эсеров превратное представление о членах большевистской партии. И вот на крестьянском сходе Матвей Кочерыжкин и местный учитель-эсер заспорили по вопросам войны и мира. Матвей изложил большевистскую программу достижения мира, а его противник доказывал, что прежде всего надо Германию разбить, а потом уж говорить о мире.

Вот как А. Неверов описывает кульминационный момент дискуссии: «Стало тихо. Учитель говорил просто и понятно, но Матвей еще проще. Он крыл его одним непоколебимым словом:

— Мир!

— А что такое мир? — горячился учитель. — Вы думаете, что это плетень заплести? Не-ет, около него походишь... Это еще не сказка, а только присказка...

Но ему уже не верили... На него смотрели, как на упавшего разбившегося человека. Некоторые даже с сожалением.

— Против пошел! — говорили мужики. — Не за нас...

— Вертится! — говорили другие.

— Как он его... Матвей-то. Этим самым миром-то, тому и некуда... Топ, топ, а не вылезет»¹⁹.

Там, где большевики сумели хотя бы в небольших масштабах развернуть агитационную работу среди крестьянства, они добивались определенного успеха у деревенской бедноты. Так, в начале октября на выборах в крестьянскую секцию Николаевского Совета, большевики получили одну треть голосов.

По мере уменьшения влияния в массах у лидеров мелкобуржуазных партий все большую тревогу вызывало большевистское требование передать власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Когда же члены РСДРП(б) получили большинство в Советах крупнейших центров России, лозунг «Вся власть Советам!» стал казаться соглашателям еще более страшным, ведущим к катастрофе.

Начало нового этапа в истории Советов ознаменовалось мощным взрывом недовольства трудящихся масс политикой Временного правительства и негодованием по поводу контрреволюционного мятежа Корнилова. Уже в ходе борьбы с реакционным движением военщины Советы активизировали свою деятельность и придали ей антибуржуазный характер. Революционный подъем пролетариата и крестьянства всколыхнул Советы: они в процессе борьбы с мятежниками возрождались и превращались в действенную организующую силу. «Общественная и народная реакция против мятежа, — признавал лидер ПСР В. М. Чернов, — достигла крайней остроты; обойдя растерянное и дезорганизованное, сразу распавшееся правительство, она вынесла на гребне бурного революционного подъема Советы. Они фактически в эти дни повсюду были властью... Тактика сознательного «самоограничения» Советов лопнула»²⁰.

При Советах создавались комитеты и революционные штабы, наделенные чрезвычайными полномочиями в борьбе против контрреволюционной буржуазии. Советы приводили в боевую готовность воинские части, ставя перед ними вполне определенную задачу — подавлять черносотенные и контрреволюционные выступления буржуазии. Советы брали в свои руки средства связи и передвижения войск и принимали энергичные меры к подавлению открытых очагов реакции. 30 августа Саратовский Совет сообщил в ЦИК: «Созданы комитеты спасения революции. Занят телеграф. Контроль над железными дорогами. Принимаются меры против Каледина». Спустя день Совет вновь телеграфировал в ЦИК о своей деятельности: «Вчера, — говорилось в телеграмме, — был парад гарнизона. Клялись умереть за революцию. Из района получены сведения о готовности полков выступить на защиту революции. Почта, телеграф, железная дорога под наблюдением наших комиссаров. Назначаются комиссары во все воинские части»²¹.

Пленарное собрание Кузнецкого Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями общественных организаций 30 августа избрало «Комитет спасения революции», передало ему местную власть и поручило комитету установить контроль над средствами связи как в городе, так и в уезде, подчинить своему влиянию типографии, взять под наблюдение передвижение войск, проходящих через железнодорожную станцию Кузнецка, подавлять силой оружия контре-

волюционные очаги, арестовывать всех, кто ведет контрреволюционную агитацию и пропаганду. О своих действиях комитет должен был систематически отчитываться перед Советом рабочих и солдатских депутатов²². 31 августа в Петрограде была получена телеграмма из Балашова, что телеграф, железная дорога, войска в распоряжении исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов. Так Советы, обессиленные предательской политикой соглашательских партий, сбрасывали с себя те пути, которые наложило на них руководство эсеров и меньшевиков. Благодаря усилиям большевиков и революционному подъему масс Советы вновь возвращались на антибуржуазные позиции и превращались в могучий фактор политической жизни страны.

Победа большевиков в Советах превратила революционную часть Советов в определенную силу. Утратив контроль над Советами, меньшевики и эсеры начали открыто доказывать, что Советы должны прекратить существование после созыва Учредительного собрания.

6 октября 1917 года ЦК эсеров заявил в передовой газеты «Земля и Воля»: «Советы являются классовыми организациями рабочих, солдат и крестьян. Когда революция смела одним ударом всю государственную организацию царизма, все аппараты принуждения и власти, которыми держался старый строй, Советы стали на место исчезнувшего правительственного механизма. Силою событий они сделались и органами революционной, т. е. государственной власти в центре и на местах. Так, классовая организация трудящихся оказалась облеченной государственной властью.

Но такое необычное для современного порядка построение власти было создано исключительно исчезновением старых, самодержавных государственных органов... Но как только создались новые, присущие современному демократическому государству, элементы государственной организации — городские думы и земства, сразу встал вопрос о пределах государственных полномочий Советов. И вопрос этот еще острее станет с открытием Учредительного собрания, как единственного носителя верховной власти».

Мелкобуржуазная печать заговорила о некоем «кризисе Советов». 12 октября 1917 года эсерово-меньшевистские петроградские «Известия» в передовой статье утверждали: «Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но они совершенно не в состоянии взять на себя создание нового режима: нет специалистов, нет навыка и умения вести

дела, и, наконец, нет самой организации... временную организацию Советов мы хотим заменить постоянной, полной и всесторонней организацией государственного и местного строя жизни. Когда пало самодержавие и... весь бюрократический порядок, мы построили Советы депутатов как временные бараки, в которых могла найти приют демократия. Теперь на место барачных строится постоянное каменное здание нового строя и, естественно, люди постепенно уходят из барачных в более удобные помещения по мере того, как отстраивается этаж за этажом».

Раскрывая политику лидеров соглашательских партий по отношению к Советам накануне Октября В. И. Ленин указывал в одном из выступлений на I конгрессе Коминтерна: «Сначала, когда они имели в Советах большинство, они были за Советы. Тогда только и слышно было: «Да здравствуют Советы!», «За Советы!», «Советы — революционная демократия!». Когда же большинство в Советах получили мы, большевики, тогда запели они другие песни: «Советы не должны существовать наряду с Учредительным собранием...»²³.

Антисоветский курс соглашателей пришелся явно по душе кадетам. Так, передовую «Известий», где говорилось о необходимости похоронить Советы, восторженно приветствовала партия народной свободы. Журналист центрального органа этой партии Л. Рысс писал о передовой «Известий» за 12 октября: «Я читал эту статью, как читают первостепенной важности психологический документ... «Известия», с мужеством, которого нельзя не уважать, не бояться оказаться в могильщиках Советов». Суть передовицы «Известий» этот кадетский публицист свел к следующему: «Государство обязано строиться правительством, Советы умерли фактически, приходится это оформить — вот смысл статьи»²⁴.

Лидеры мелкобуржуазных партий вместе с кадетами пошли в атаку на Советы, утверждая, что эти органы народного правотворчества полностью исчерпали себя, а потому должны исчезнуть, уйти в небытие. В. И. Ленин в работе «Удержат ли большевики государственную власть?» указывал, что капиталисты и их союзники меньшевики и эсеры «...напрягли все свои силы до последней степени, пустили в ход все и вся, пустились во все тяжкие, дошли до неслыханных приемов клеветы и лжи, до военных заговоров, чтобы сорвать Советы, свести их на нет, проституировать их...»²⁵.

Вызвать недоверие масс к большевистскому лозунгу «Вся власть Советам!» путем дискредитации самих Советов — вот

какую цель преследовали руководители ПСР и РСДРП (меньшевиков). Это был исторический парадокс, характеризующий обреченность мелкобуржуазных партий. ПСР и РСДРП (меньшевиков), занимавшие в течение длительного времени господствующее положение в Советах, по мере развития революции переходят на позиции открытой враждебности к Советам.

На базе антисоветизма объединились монархисты, кадеты и соглашатели. Под знаменем антисоветизма лидеры меньшевиков и эсеров пытались сплотить и объединить различные течения внутри своих организаций. Так, 15 октября 1917 года на общем собрании меньшевиков Самары оборонец Кравченко говорил, убеждая интернационалистов не спешить с выходом из партии: «Несмотря на все оттенки взглядов, у нас есть в данный момент одно общее, которое нас резко отмежевывает от большевиков, это вопрос о власти. Мы считаем гибельным для демократии захват власти Советами, особенно накануне выборов в Учредительное собрание»²⁶.

Охаивая Советы, соглашатели одновременно курили фимиам «истинному хозяину земли русской» — Учредительному собранию, восхваляя земства и пели гимны «революционным демократическим» думам. В розовых тонах описывали газеты мелкобуржуазных партий деятельность Предпарламента, образованного Демократическим совещанием. Однако и этот Предпарламент не мог ослабить могучего народного движения за передачу власти Советам. Это признал лидер ПСР В. М. Чернов: «Создание «предпарламента» было последней отчаянной, конвульсивной попыткой «Советов» сбросить на чьи-нибудь плечи все государственно-правовые функции, освободиться от этой ноши и превратиться в чисто-классовую революционную организацию с пропагандистскими и организационными задачами, с сосредоточием на создании социалистической культуры, идейно-политическом воспитании масс. «Предпарламент» не удался — эта карта была бита»²⁷.

Политика соглашательской части Советов, рассчитанная на поддержку буржуазного правительства, на защиту интересов предпринимателей, терпела крах. Изменялась коренным образом деятельность Советов в социально-экономической области. Большевистские Советы стали последовательно осуществлять меры в интересах трудящихся масс.

На первом же заседании Саратовского Совета, обновившегося после сентябрьских перевыборов, представители различных партий дали оценку сложившемуся положению и изложили свою программу действий. Меньшевик Л. Майзель, высту-

пая от соглашательской части Совета, заявил, что фракция меньшевиков и эсеров в силу своего меньшинства будет составлять оппозицию, «беспоощадно критикующую те шаги, которые они будут считать неправильными». Большевики приняли вызов.

Уже 23 сентября на пленарном собрании Саратовского Совета меньшевикам представился случай приступить к осуществлению заявленной ими программы действий. Совет обсуждал вопрос о всероссийской забастовке железнодорожников. Большевики поддержали справедливые требования рабочих Саратовских железнодорожных мастерских и депо и предложили ряд практических мер. Меньшевики решительно выступили против забастовки. Основное внимание они уделяли агитации за Демократическое совещание, которое якобы одно в состоянии создать сильную власть и решить политические и экономические проблемы. Эсеры заняли позицию этаких недоумевающих сторонних наблюдателей. Они не без злорадства подсказывали депутатам «переходить скорее к делу. Совет теперь большевистский и от него много ждут, ждут исполнения всего обещанного»²⁸.

Все эти попытки меньшевиков и эсеров внести замешательство в работу Совета были обречены на провал. Совет поддержал железнодорожников и помог им в успешном проведении забастовки. Для охраны города и станции на время забастовки военная секция Совета привлекла до 1000 вооруженных солдат. Объекты и районы, подлежащие охране, военная секция установила совместно со стачечным комитетом. Члены Совета помогли железнодорожникам создать боевые рабочие дружины и вооружить их. Благодаря эффективной помощи Совета, бастующие железнодорожники не ограничились экономическими требованиями. 25 сентября общее собрание рабочих и служащих станции Саратов-I обсудило вопрос об отказе правительства удовлетворить их требования, выразило недоверие «существующей государственной демократии» и потребовало передать власть Советам. Железнодорожники потребовали также освободить «вождей пролетариата, заключенных в тюрьмы по произволу»²⁹. Активную поддержку железнодорожникам оказал Балашовский Совет рабочих депутатов. Он обратился к населению с воззванием, разъясняющим справедливые требования рабочих железнодорожного транспорта, и с этой целью направил в села, прилегающие к железной дороге, агитаторов³⁰.

В борьбе против злостных саботажников Советы не оста-

навливались перед мерами принуждения. Например, исполнительный комитет Саратовского Совета 11 октября обязал владельца завода Колесникова приступить немедленно к работе. В случае отказа Совет был готов конфисковать завод.

Советы всемерно поддерживали деятельность пролетарских организаций и обязывали предпринимателей нанимать рабочих только через профессиональные органы. Царицынский Совет потребовал от владельцев заведений, нарушивших договор о найме рабочих, уволить всех лиц, принятых на работу в обход профессиональных союзов. К примеру, Совет писал владельцу трактира: «Ввиду нарушения вами договора с союзом поваров и официантов, немедленно снять прислугу, которая не состоит членами союза, и заменить ее членами союза по его указанию, в противном случае ваше заведение будет закрыто»³¹. Аналогичные требования Царицынский Совет предъявил владельцам ресторанов, трактиров, чайных и т. д. Исполнительный Совет Саратовского Совета 17 октября 1917 года предложил городской управе все строительные работы передавать через профессиональные союзы архитектурно-строительных рабочих.

При разборе трудовых конфликтов между предпринимателями и рабочими Советы принимали все зависящие от них меры, чтобы требования рабочих были удовлетворены полностью и в возможно короткий срок. Исполнительное бюро Царицынского Совета 12 сентября рассмотрело вопрос о забастовке на чулочной фабрике Меркулевых. Оно расценило отказ фабриканта удовлетворить требования рабочих как явный саботаж и постановило: «Предложить администрации в 3-дневный срок открыть фабрику и... уплатить рабочим за время забастовки по прежней расценке, в противном случае фабрика с разрешения Совета может быть взята в ведение фабрично-заводского комитета»³².

В конце сентября Царицынский Совет заслушал заявление рабочих лесопильных заводов об их решении объявить забастовку и постановил переговорить с предпринимателями и, если они откажутся удовлетворить требование рабочих, призвать рабочих к забастовке.

Увеличение большевистских фракций и революционный подъем масс осенью 1917 года вынуждали даже те Советы, где руководство продолжало оставаться в руках представителей мелкобуржуазных партий, существенно изменить социально-экономическую политику. Под давлением рабочих эсеро-меньшевистские Советы иногда принимали решения, направленные

против капиталистов. В частности, 16 сентября 1917 года Балашовский Совет постановил ежемесячно выдавать рабочим надбавку на дороговизну в размере 30 рублей на одного работающего.

Итак, с победой большевиков в Советах их социально-экономическая деятельность приобрела отчетливо выраженный антибуржуазный характер. Советы стали проводить политику, направленную на защиту интересов трудящихся масс, на поддержку и дальнейшее развитие забастовочного движения, на улучшение положения рабочих.

Вместе с тем победа большевиков в крупнейших Советах свидетельствовала о коренном изменении сил в пользу социалистической революции. «Большинство теперь за нами, — говорил В. И. Ленин. — Политически дело совершенно созрело для перехода власти»³³.

В успешной мобилизации революционных сил на борьбу против буржуазной власти значительную роль сыграл III Поволжский съезд Советов, созданный по инициативе ЦК РСДРП (б). Ему предшествовали важные мероприятия большевистской партии. Для организации помощи столичным рабочим в борьбе против Временного правительства ЦК направил в различные районы своих представителей. 8 октября 1917 года в Саратов прибыл член ЦК РСДРП (б) В. П. Милютин. На общегородском собрании большевиков он сделал доклад о политическом положении и призвал саратовских большевиков готовиться к борьбе за власть Советов. Спустя несколько дней, 11 октября, данный вопрос обсуждался на совещании Саратовского комитета РСДРП (б) с представителями городов Царицына, Вольска, Петровска и Ртищева. Было решено связаться со всеми ведущими Советами Поволжья и условиться о единстве действий³⁴. III областной съезд Советов должен был стать смотром революционных сил этого района и одним из важнейших этапов их консолидации. Одной из центральных задач его явилось объединение пролетарских масс этого района страны в борьбе за власть.

Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Поволжья, работавший в Саратове, открылся 17 октября 1917 года. Среди его делегатов оказалось 19 большевиков, 8 левых эсеров, 8 меньшевиков, 4 правых эсера и 1 беспартийный. Заседания съезда проходили под председательством самарского большевика Н. Теплова³⁵.

Центральным моментом в работе III съезда Советов Поволжья было обсуждение вопроса о власти. Докладчик от

большевистской фракции Ерман убеждал, что «теперь уже о власти нельзя говорить только резолюциями, теперь настал момент, когда мирно этот вопрос разрешен быть не может: у власти — те, которые аплодировали Корнилову». За резолюцию Ермана о передаче власти Советам голосовали 28 делегатов (большевики, левые эсеры и 1 беспартийный), против — 12 (правые эсеры и меньшевики). Потерпев поражение, 12 соглашателей тотчас же покинули зал заседания и больше участия в работе съезда не принимали, среди этих делегатов были в основном представители городов, в которых имелась сравнительно большая прослойка мещанского населения (Пенза, Новоузенск). Перед уходом они заявили, что не могут разделять ответственность с большевиками, отклонившими их резолюцию о недопустимости выступления. Съезд заклеил позором оппортунизм соглашателей и предложил избирателям дать оценку их предательской политики.

III съезд Советов Поволжья показал одновременно, что за большевиками идут широкие массы промышленных центров — Самары, Саратова, Сызрани и др. Для руководства революционным движением за передачу власти Советам представители поволжских Советов избрали на своем съезде областной комитет в числе 11 человек. В него вошли большевики и левые эсеры. Съезд поставил задачей «призвать массы к бдительности, быть готовыми к отражению организующейся контрреволюции и в случае нужды всей мощью встать для завоевания власти»³⁶.

Активно готовились поволжские большевики и ко II Всероссийскому съезду Советов рабочих и солдатских депутатов, который, как надеялись революционные массы, должен был решить вопрос о власти, о земле и мире. Это вызывало беспокойство лидеров мелкобуржуазных организаций. Оно нарастало по мере того, как один за другим Советы крупных промышленных центров, а также и многих уездных городов и поселков принимали резолюции о необходимости проведения в жизнь лозунга «Вся власть Советам!»

Фракция меньшевиков и эсеров, выполняя указания своих руководящих партийных органов, прилагала все силы, чтобы сорвать выборы делегатов на II Всероссийский съезд Советов. Партия большевиков призвала массы к борьбе против саботажников-соглашателей. 30 сентября 1917 года в газете «Рабочий путь» появилась за подписью ЦК РСДРП (б) передовая статья, посвященная предстоящему съезду Советов: «Будьте начеку, товарищи! — подчеркивал ЦК партии большеви-

ков.— Не надейтесь ни на кого, кроме как на себя самих. Не теряя ни одного часа, готовьтесь к съезду Советов, созывайте областные съезды, добивайтесь того, чтобы на съезд были посланы противники соглашательства, не уступайте ни пяди из завоеванных Советами позиций на местах».

Сложность и серьезность предстоящей работы вокруг выборов делегатов на съезд сознавали самарские большевики. Они понимали также, что с созывом съезда непосредственно связаны очень трудные битвы за установление власти Советов. 20 октября на заседании Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов В. В. Куйбышев заявил: «Быть может, мы погибнем, но будем знать, что мы сделали все для своего спасения. Вот почему мы отстаиваем съезд Советов, которому препятствуют и буржуазия, и соглашательские партии соц.-рев. и меньшевиков, и даже сам ЦИК, созывающий съезд³⁷».

В Самарском Совете рабочих и солдатских депутатов лидеры мелкобуржуазных фракций объявили бойкот выборам делегатов на съезд Советов, убеждая беспартийных депутатов в том, что созыв такого является «несвоевременным и наносящим вред Учредительному собранию». Но подобная тактика борьбы не могла принести успех меньшевикам и эсерам, поскольку большинство в Совете принадлежало большевикам. В результате голосования все 4 мандата делегатов на Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов получили представители большевистской фракции Совета Самары, тогда как на I Всероссийский съезд Самарские Советы послали 2 членов РСДРП(б), 3 эсеров и 2 меньшевиков.

Саратовский Совет, где 75% депутатских мест принадлежало большевикам, направил на II Всероссийский съезд Советов 2 большевиков, 1 меньшевика-интернационалиста, Астраханский — только большевиков, Царицынский — 2 большевиков и 1 левого эсера, Нижегородский — 2 большевиков, 2 левых эсеров и 2 меньшевиков³⁸. Делегаты-большевики были избраны Сызранским, Николаевским, Карсунским и некоторыми другими уездными поволжскими Советами. В целом Среднее и Нижнее Поволжье представляли на II Всероссийском съезде Советов 37 делегатов, из них 20 являлись членами ленинской партии. Знаменательно, что соглашатели потерпели поражение на выборах делегатов на II Всероссийский съезд Советов в наиболее крупных промышленных центрах Поволжья — Саратове, Самаре, Сызрани, Нижнем Новгороде.

В городах, где рабочие составляли небольшой удельный вес, Советы еще оставались в руках соглашателей, бойкотировав-

ших в большинстве случаев выборы. По этой причине отказались послать делегатов в Петроград Пензенский, Симбирский Советы, а также ряд уездных Советов.

Одержав уверенную победу на выборах на III съезд Советов Поволжья и Всероссийский съезд, большевики поволжских губерний тем не менее не обольщались конституционными иллюзиями и параллельно готовились к решительной вооруженной борьбе за власть. Прежде всего надо было развернуть агитационную и пропагандистскую деятельность таким образом, чтобы настроить широкие массы на бескомпромиссную битву за передачу власти Советам, вырвать почву под ногами соглашателей и окончательно разоблачить их антинародную политику.

Масштабы работы, которую предстояло проделать большевикам в последние предоктябрьские дни, были огромными. Но члены РСДРП(б) блестяще справились с ней. Член ЦК ПСР Н. Я. Быховский отмечал: «Агитация большевиков в войсках и среди рабочих за свержение правительства и за передачу власти Советам велась с колоссальной энергией и становилась все яростнее». Руководители РСДРП(б) «своими речами доводили солдат до такого состояния, что они, казалось, готовы были растерзать всякого, кто представлялся им буржуем или «соглашателем», затягивающим войну и не желающим отдавать землю крестьянам»³⁹.

Большевики били соглашателей и представителей буржуазных партий в Советах и вне их: на митингах и собраниях рабочих, солдат и крестьян.

В начале октября вопрос о власти обсудил Саратовский Совет. Члены РСДРП(б) четко обрисовали перспективу неизбежной борьбы с буржуазией. Они предупреждали депутатов, что борьба за власть — дело ближайшего будущего, что уже полностью созрели условия для самой отчаянной схватки между борющимися лагерями.

Соглашательская часть Совета в противовес большевистскому курсу решительной борьбы с Временным правительством усиленно пропагандировала идею скорейшего созыва Учредительного собрания. Только Учредительное собрание, по их мнению, могло дать стране «законную» власть. Большевики разоблачали политические маневры соглашателей. «Учредительное собрание, — говорил М. И. Васильев-Южин, — не прекратит классовой борьбы». Ясный и последовательный курс большевиков на социалистическую революцию, их наступательная и непримиримая тактика по отношению к мелкобур-

жуазным партиям привели к тому, что Совет рабочих и солдатских депутатов подавляющим большинством принял резолюцию с требованием передать власть Советам и созвать Всероссийский съезд Советов.

В ответ меньшевики и эсеры в середине декабря 1917 года вышли из исполнительного комитета Саратовского Совета. Скатившись окончательно в лагерь контрреволюции, они являлись в Совет лишь для того, чтобы тормозить его работу, устраивать обструкцию и срывать подготовку рабочих и солдат к вооруженной борьбе за власть.

19 октября, несмотря на саботирующие потуги соглашателей, на заседании исполнительного комитета Саратовского Совета был заслушан доклад большевика В. Соколова. На случай восстания предполагалось расставить по городу пикеты, а в части разослали приказы, запрещающие солдатам начинать борьбу без команды Совета. Для предотвращения погромов военная секция усилила охрану винных складов. Исполнительный комитет Совета одобрил мероприятия и планы военной секции.

За несколько дней до открытия II Всероссийского съезда Советов городской комитет Царицынской организации РСДРП(б) и революционная часть Совета решили провести смотр своих сил и проверить их готовность к борьбе за власть. На 22 октября назначили общегородскую демонстрацию рабочих и солдат. Меньшевики и эсеры пытались сорвать это важное военно-политическое мероприятие. Они призывали трудящихся Царицына не принимать участия в демонстрации. Однако предотвратить ее или даже внести замешательство в ряды рабочих и солдат оппортунисты оказались не в состоянии. В назначенное Советом время на улицы Царицына вышли тысячи солдат и рабочих. Они несли красные знамена и лозунги: «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!». После демонстрации состоялся грандиозный митинг, постановивший приветствовать Всероссийский съезд Советов и пожелать ему стойкости и силы в борьбе за лозунг «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴⁰.

Усилили деятельность по мобилизации масс революционные силы Советов Самары, Казани, Нижнего Новгорода, Камышина, Аткарска и других поволжских городов. Однако, нельзя никоим образом утверждать, что лидеры соглашательских организаций и фракций пассивно наблюдали за ходом событий. Как в центре, так и на местах они предпринимали отчаянные попытки склонить чашу весов на свою сторону и удерж-

жать массы под своим влиянием. И это удалось достигнуть им в определенной степени в отдельных районах Поволжья. В Пензе, Симбирске, Астрахани, Новоузенске, Буинске, Керенске, в селах и деревнях соглашательские организации еще вели за собой значительные массы населения. Но в промышленно развитых центрах Поволжья все попытки правых эсеров и меньшевиков подорвать авторитет большевиков успеха не имели.

21 сентября 1917 года самарские меньшевики пытались было наладить выпуск своей газеты, но почти весь 3000-й тираж номера остался нераспроданным.

Руководители эсеровской и меньшевистской организаций в Самаре решили искать поддержку среди кадетов, монархистов и черносотенцев. 18 октября 1917 года на заседании Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов соглашатели потребовали освобождения из городской тюрьмы бывших сотрудников царской охранки, жандармов и провокаторов. Социалисты-революционеры и меньшевики доказывали, что из мест заключения надо выпустить всех политических заключенных. В свободной России, утверждали лидеры мелкобуржуазных фракций, вообще не должно быть преследования по политическим мотивам. Демагогичность аргументации соглашателей вскрыл в своем выступлении большевик М. Герасимов. В итоге обсуждения вопроса Совет постановил: оставить в тюрьме бывших царских палачей.

В этот же день Самарский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение о закрытии кадетской газеты «Волжский день». И здесь меньшевики и эсеры пытались дать бой большевистской фракции, заявив протест против «насильственных мер борьбы с печатью», но потерпели поражение. Несколько дней соглашатели бойкотировали заседания Совета, но парализовать его деятельности им не удалось. Вот что писал В. В. Куйбышев об этой тактике соглашателей в Самарском Совете: «Началось с того, что меньшевики и с.-р. не стали посещать заседаний Совета. Любопытная параллель с тем периодом, когда мы были в меньшинстве: мы всегда наиболее аккуратно посещали все заседания... В Совете рабочих и солдатских депутатов, несмотря на постоянное механическое подавление нас, несмотря на постоянный провал всех наших предложений, мы не отказывались от интенсивной органической работы и были самой организованной и дисциплинированной фракцией. Это и понятно: партия пролетариата знала, что Совет будет неизбежно принадлежать ей. Рабочий класс только временно

и в силу случайных условий мог идти на поводу мелкобуржуазных социалистов»⁴¹.

20 октября Самарский Совет рабочих и солдатских депутатов совместно с президиумами полковых и заводских комитетов обсудил доклад В. В. Куйбышева о текущем моменте. 126 голосами против 16, при 11 воздержавшихся было принято решение о необходимости перехода власти в руки Советов.

Лозунг «Вся власть Советам!», как свидетельствовал меньшевик И. Бем, нашел в Самаре «благоприятную почву». Самарские большевики убеждали трудящихся, что только советская власть может решить вопросы о войне, о мире, о земле, избавить рабочих и крестьян от ужасов хозяйственной разрухи и голода. Большевистское требование передать власть Советам в начале октября поддержала Самарская организация максималистов⁴².

За установление власти Советов высказывались рабочие большинства предприятий Самары, а также солдаты всех четырех полков местного гарнизона. Многочисленные факты политической жизни Самары говорили, что в городе нет той силы, которая может оказать серьезное сопротивление революционным массам, борющимся за передачу власти Советам. Тем не менее в процессе подготовки к решающим битвам за власть Советов большевики Самары предупреждали рабочих и солдат местного гарнизона о том, что нужно быть готовым к кровопролитным уличным сражениям. Недооценка врага, понимали большевики, может привести к излишним жертвам среди трудящихся.

Активно готовили массы к трудной борьбе за власть Советов большевики Казани. Корреспондент московского правозероверского «Труда» сообщал, что в течение октября 1917 года настроения солдат казанского гарнизона изменились значительным образом. «Солдатская секция Казанского Совета,— телеграфировал он,— «левела» с исключительной быстротой... Уставшая от войны... солдатская масса казанского гарнизона охотно слушала неумолимых большевиков-ораторов»⁴³. Состоявшийся 15 октября в Казани массовый митинг солдат принял большевистскую резолюцию о власти, где говорилось об организации твердой власти Советов против банкиров, фабрикантов и помещиков.

Успешно спланивали революционные силы большевики Поволжья и в ряде уездных городов. В начале октября 1917 года состоялся 3-тысячный солдатский митинг в Аткарске. Несмотря на дикую травлю большевиков, которая проводилась здесь

после июльских событий, солдаты с огромным интересом и сочувствием слушали ораторов, призывавших к борьбе за власть Советов. Многолюдная демонстрация рабочих и солдат Аткарска состоялась 22 октября. Митинг трудящихся, состоявшийся после демонстрации, выразил единодушное пожелание, чтобы власть перешла к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

28 сентября на многолюдном митинге рабочих и солдат Камышина, организованном по инициативе Камышинского Совета, с докладом о текущем моменте выступил депутат-максималист Л. С. Мейеров, стоявший на позициях, близких к большевистским. Он говорил о том, что коалиционная власть губительна для революции, что буржуазия уже давно доказала свою контрреволюционность, а мелкая буржуазия разоблачила себя как неустойчивая, колеблющаяся масса. Докладчик сделал вывод о необходимости передать власть Советам. Он призвал рабочих и солдат готовиться к вооруженной борьбе. «Наша революция,— говорил Л. С. Мейеров, подходит к грани, за которой или победа, или смерть»⁴⁴. Спустя несколько дней, 8 октября, в Камышине состоялся 3-тысячный митинг рабочих и солдат, которые заслушали выступления большевика Григорьева и левого эсера Лебедева и постановили: «Добиваться всеми средствами передачи власти в руки рабочих, солдат и беднейшего крестьянства»⁴⁵.

В первой половине октября революционные силы Совета организовали митинг в Кузнецке. На нем выступали солдаты 155-го пехотного полка, переведенного в Кузнецк из Царицына. Попытка эсеров вступить в прения с большевистскими ораторами успеха не имела: их не слушали и гнали с трибун. В итоге была принята резолюция, которая требовала окончания войны и передачи власти Советам. В письме, направленном ЦИКу Советов, солдаты заявляли, что эсеры и меньшевики предали интересы народных масс, сдали власть буржуазии, которая, ловко используя политику соглашательских партий, бесконечно затягивает войну, безмерно обогащается и «всеми мерами старается не допустить народ до земли и воли». Солдаты клеймили позором соглашателей, которые, по их мнению, отстали от народа и сдерживают мощный напор революции. Они заявили, что теперь даже слепой понимает, что «единственный выход из тягчайшего положения Родины это передача власти в руки рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁴⁶.

Аналогичные требования высказывали рабочие, солдаты и крестьяне Астраханской губернии. Так, пленарное собрание

Совета Николаевской слободы, состоявшееся во второй половине октября, обсудило вопрос об отношении к Временному правительству и постановило: «Принимая во внимание, что по ходу событий единственным спасителем революции, завоеванных свобод, лучших надежд и чаяний трудящихся, а главным образом для спасения Великой России, признать необходимым всю власть передать в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, так как все эти организации являются единственным оплотом нашего спасения»⁴⁷.

Центральным звеном подготовки борьбы за свержение Временного правительства являлось создание вооруженных и обученных рабочих дружин, опираясь на которые, Советы в состоянии были бы победить буржуазную власть, закрепить и упрочить власть рабочих и беднейших крестьян.

В Поволжье отряды Красной гвардии стали возникать в ходе корниловского мятежа. 25 августа дружина в количестве 100 человек была создана на оружейном заводе Царицына, спустя несколько дней отряд в количестве 200 красногвардейцев возник на французском заводе. Одновременно рабочие дружины были организованы в депо железной дороги, на предприятиях товарищества «Паровой мельницы», на лесозаводах и т. д.

Энергично создавались отряды Красной гвардии на предприятиях Саратова. Постановление о создании рабочих дружин было принято Саратовским Советом 3 сентября 1917 года. Рабочие с воодушевлением поддерживали его. Они охотно записывались в отряды и в свободное от работы время изучали военное дело. В сентябре в Саратове уже действовали дружины в железнодорожных мастерских, на заводах «Жесть», Беринга, на фабрике Левковича. О быстром росте рабочих отрядов сообщала саратовская газета «Социал-демократ». Она, в частности, отметила 28 сентября 1917 года, что в один из отрядов «входит в настоящее время до 600 членов. Организовали штаб. Многие отряды ведут строевые занятия».

28 сентября Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов заслушал доклад большевика П. А. Лебедева об организации рабочих дружин. Он сообщил депутатам, что в Саратове уже создано несколько отрядов Красной гвардии. Однако, отметил он, все еще ощущается недостаток оружия. Совет рекомендовал военной секции провести обыск у всех владельцев оружейных магазинов, конфисковать оружие и передать его в штаб Красной гвардии. Одновременно он обратился с письмом в Московский Совет рабочих и солдатских депутатов, в

котором говорилось, что по примеру Москвы при Саратовском Совете создается Красная гвардия, что рабочие охотно записываются в ее ряды, но «чувствуется громадный недостаток оружия. Пока у нас имеется не больше сотни ружей и револьверов, достать (их) здесь негде». Саратовцы просили москвичей оказать помощь в вооружении красногвардейцев. Ответ Московского Совета оказался неутешительным. Очевидно, кто-то из соглашателей написал в Саратов, что в Москве никакой «Красной гвардии» нет и, вероятно, не будет; что же касается вооружения, то такового не хватает даже для войск.

Саратовские большевики посылали своего представителя в Петроград с заданием достать оружие. Секретарь Саратовского городского комитета РСДРП(б) С. Раппопорт писал в сопроводительном письме: «Прошу подателю сего, товарищу Ананьеву, оказать всяческое содействие в получении оружия для Саратовской Красной гвардии»⁴⁸. Но и эта попытка не увенчалась успехом. Совет вынужден был изыскать оружие на месте. И он с честью разрешил эту исключительно трудную задачу. С помощью солдат и революционно настроенных офицеров ему удалось изъять из военного склада еще 1000 винтовок и большое количество патронов. В распоряжение рабочей дружины были также переданы две трехдюймовые пушки с необходимым боекомплектom.

29 сентября Самарский Совет рабочих депутатов утвердил основные положения устава Красной гвардии, написанного В. В. Куйбышевым. В нем указывалось, что Красная гвардия ставит перед собой следующие задачи: 1) защита завоеваний революции; 2) борьба с контрреволюционными выступлениями; 3) охрана жизни, безопасности и имущества всех граждан без различия национальностей; 4) усиление охраны заводов. В уставе специально оговаривалось непосредственное подчинение Красной гвардии исполкому рабочей секции Самарского Совета.

Одним из первых в Самаре к созданию Красной гвардии приступил фабрично-заводской комитет трубочного завода. 10 октября в народном доме трубочного завода состоялось организационное собрание Красной гвардии, на котором присутствовало 300 человек. Единогласно был принят устав, предложенный Советом рабочих депутатов. Красногвардейцы разделились на десятки, избрали начальников, затем закрытой баллотировкой были избраны временный начальник штаба Красной гвардии А. В. Гавриленко и два помощника А. А. Булышкин и Е. Галкин⁴⁹.

Самарский Совет рабочих депутатов и фабрично-заводские комитеты проявили широкую инициативу в вооружении рабочих. Они откомандировали своих представителей в Москву, Петроград, Тулу и Казань для изыскания оружия.

Одновременно отряды Красной гвардии возникали в других городах Поволжья. 23 сентября Камышинский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился в исполнительный комитет Саратовского Совета с просьбой — выслать инструкцию по организации Красной гвардии. На отношении Камышинского Совета было написано: «Отправлено»⁵⁰. 29 августа 1917 года Иващенковский Совет постановил: «Все оружие, находящееся на руках у частных лиц, а также в распоряжении начальника артиллерийского склада, передать в распоряжение исполкома; немедленно создать боевую дружину из партийных сознательных рабочих». В Мелекесе 31 августа представители общественных и политических организаций решили организовать добровольную дружину из сознательных рабочих для активной борьбы с контрреволюцией.

Отряды Красной гвардии формировались всюду, где определяющее влияние на политическую жизнь оказывали большевистские группы и фракции. Там, где это влияние в силу каких-либо причин было слабее, рабочие дружины возникали или с большим трудом, или их совсем не было.

Весьма слабую работу по созданию отрядов Красной гвардии и вооружению рабочих проводил Астраханский Совет. Программа нового руководства Астраханского Совета не имела четко выраженного курса на вооруженную борьбу против буржуазной власти. Относительно деятельности Совета его председатель левый эсер Перфильев весьма туманно заявил, что он будет проводить строго деловое начало и в первую очередь постарается очистить Совет от попавших в него чисто случайных элементов. В условиях непосредственной подготовки к вооруженному восстанию эта программа была далеко недостаточной, и рабочие стали терять интерес к деятельности Совета. 15 октября 1917 года, незадолго до вооруженного восстания в Петрограде, газета «Астраханский рабочий» отметила, что «рабочая секция Совета страдает хроническим недугом абсентеизма. Вот уже целый ряд собраний не может состояться за отсутствием кворума». Как подчеркивал В. И. Ленин, Советы в тот период могли жить полнокровной жизнью лишь как органы восстания и революционной власти. «Вне этой задачи,— указывал В. И. Ленин,— Советы пустая игрушка, неминуемо приводящая к апатии, равнодушию, разочарованию масс, коим

вполне законно опротивели повторения без конца резолюций и протестов»⁵¹.

Иной характер носила деятельность тех Советов, революционная часть которых последовательно проводила курс на социалистическую революцию. Быстрый рост отрядов Красной гвардии остро ставил вопрос об их оснащении оружием и боеприпасами. Буржуазные органы власти и мелкобуржуазные партии оказывали упорное сопротивление вооружению рабочих. Однако большевистские фракции Советов решали эту проблему вопреки всяким запрещениям и трудностям. Они принимали энергичные меры к изысканию винтовок, патронов, пушек и другого вооружения.

Вопрос о вооружении рабочих дружин 12 сентября обсудило исполнительное бюро Царицынского Совета. Оно признало необходимым немедленно изъять 750 винтовок в 93-м полку и оставить в руках рабочих 250 винтовок, переданных им в период борьбы с корниловщиной. Царицынский Совет сообщил о своем решении Саратовскому Совету, командующему Казанским военным округом и ЦИКу с просьбой санкционировать его постановление. Саратовский Совет поддержал решение Царицынского Совета и выразил готовность оказать практическую помощь в его осуществлении. Командующий Казанским военным округом полковник Коровиченко наотрез отказался утвердить постановление Царицынского Совета, считая его «неосновательным и противозаконным», и донес о нем военному министру⁵².

15 сентября исполнительное бюро Царицынского Совета вновь обсудило этот вопрос. Против вооружения рабочих выступили эсеры и меньшевики. Они доказывали, что, вооружая рабочих, Совет тем самым выражает недоверие к армии. По их мнению, армия сама, без помощи рабочих, в состоянии дать отпор врагам революции. Соглашатели предлагали не только отказаться от дальнейшего укрепления дружин, но обезоружить и распустить те отряды Красной гвардии, которые уже были вооружены и обучены. Большевики выражали готовность во что бы то ни стало добиваться осуществления прежнего постановления Совета⁵³. В результате умелой агитационно-пропагандистской работы большевиков среди солдат они сами передали оружие красногвардейцам. 25 сентября командир 93-го полка сообщил председателю военной секции Совета, что по списку в полку числится 3362 винтовки, а налицо, по точно проверенным сведениям, имелось 2611. Таким образом, оружие (751 винтовка) в том количестве, на необходимости которого

настаивала революционная часть Совета, перешло к рабочим:

18 октября 1917 года Царицынский Совет вновь обсуждал вопрос о целесообразности существования Красной гвардии. Настаивавшие на дискуссии по этой проблеме меньшевики и эсеры доказывали депутатам, что в ее организации нет необходимости. Большевики вскрыли предательскую линию мелкобуржуазных партий и доказали, что соглашатели выступают против Красной гвардии потому, что не хотят, чтобы власть перешла к Советам. Большевики рассматривали Красную гвардию как оплот социалистической революции и призывали рабочих не жалеть сил и времени на создание мощных, обученных и хорошо вооруженных рабочих отрядов. Они разъясняли депутатам, что даже члены меньшевистской партии не верят своим лидерам и поддерживают идею о рабочей дружине. Например, Казаков говорил, что он знает меньшевиков-рабочих, которые самым решительным образом высказываются за необходимость организовать Красную гвардию. На голосование была поставлена резолюция большевиков, в которой обосновывался курс на социалистическую революцию. В ней отмечалось, что борьба за переход власти к Советам вступила в решающую фазу, поэтому большевики предлагали немедленно организовать в городе Царицыне рабочую Красную гвардию. За эту резолюцию голосовал 121 депутат. В эсерово-меньшевистской резолюции отрицалась необходимость вооружения рабочих. По мнению соглашателей, Красная гвардия, как армия классовая, затея опасная для революции. За их резолюцию голосовало лишь 67 человек. После голосования эсеры заявили, что они покидают собрание Совета и отзывают из президиума исполнительного комитета всех своих представителей. Эсеры последовали примеру меньшевиков, которые еще 15 октября отказались участвовать в выборах руководящих органов Совета.

С некоторым опозданием взялись за работу по созданию Красной гвардии казанские большевики. К тому же Казанский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, большевизировавшийся несколько позже, чем Саратовский и Самарский, не оказал рабочим должной помощи в организации красногвардейских отрядов.

Тем не менее энергия, с которой взялись члены РСДРП(б) за создание рабочих дружин в октябре 1917 года, дала быстро свои плоды. Судя по воспоминаниям участников борьбы за власть Советов в Казани, к 23 октября в красногвардейских отрядах и группах охраны на крупнейших предприятиях этого

города насчитывалось около 3000 человек. В Самаре, Саратове, Царицыне, Сызрани число красногвардейцев колебалось от 1000 до 3000 членов. Это были внушительные цифры, наводящие страх на врагов. Требовался лишь толчок из столицы России, чтобы эта грозная сила пришла в движение и вступила в решающую битву за власть Советов.

Никакие силы не могли остановить РСДРП(б) в борьбе за свержение Временного правительства. Скрепя сердце этот факт должны были признать представители буржуазии. Видный кадетский публицист П. Арзубьев писал 18 октября 1917 года в газете «Речь» с отчаянием и бессильной яростью: «Наш главный политический грех — своеобразная обломовщина, отсутствие воли к действию, вялость и дряблость... На кого нам пенять, кроме самих себя. Большевики готовятся к кровавому бенефису лихорадочно, упорно, настойчиво. Добывают оружие, разрабатывают план действий, занимают опорные пункты. Что противопоставило до сих пор правительство всем этим приготовлениям: несколько воззваний, несколько приказов, несколько ночных заседаний в Зимнем дворце. Об обществе и говорить не приходится. Оно показало себя совершенно неспособным к защите: оно ждет решения судьбы с тупою покорностью, как животное, которое ведут на бойню. Ждет и дождется». Наступило благоприятное время для решительной борьбы за власть Советов.

Массы требовали наступательных действий. Об этом впоследствии писал член большевистской фракции Саратовского Совета Л. Лебедев. «Положение наше чем дальше, тем становилось все затруднительнее. Мы были правящей партией, но мы ничего не могли делать, ибо власти у нас не было. А между тем масса рабочих и солдат становилась все нетерпеливее, она смотрела на нас как на власть и предъявляла к нам свои требования... Чувствовалось, что должен быть какой-то перелом, иначе массы, изверившись в нас, либо предпримут самостоятельное выступление, либо остынут. Скорее можно было ожидать первого»⁵⁴. Подобное положение сложилось и в других Советах ведущих промышленных центров Поволжья.

Таким образом, в условиях стремительного нарастания революционной волны изменение сил в Советах в пользу большевистской партии позволило самым массовым органам трудящихся масс радикально изменить социально-экономическую политику и придать ей антибуржуазный характер. Большевистские Советы в самый канун Октября решительно боролись против контрреволюционной деятельности буржуазии и поме-

щиков, срывали локауты; предупреждали саботаж предпринимателей. Они последовательно защищали интересы трудящихся масс, боролись за увеличение заработной платы и улучшение труда рабочих, за повышение роли и значения фабрично-заводских комитетов, профсоюзов и других пролетарских организаций. Разностороннюю и эффективную помощь оказывали Советы забастовочному движению. Это обстоятельство придавало силы и упорство забастовщикам в достижении своих целей и способствовало перерастанию экономических требований в политические.

Вместе с тем большевизация масс осенью 1917 года не только вернула Советы на антибуржуазные позиции, которые они занимали в марте — апреле 1917 года. В этот период, как никогда ранее, упрочились связи Советов с массами. Рабочие и солдаты впервые за всю историю революции получили возможность влиять на политику Советов не через соглашательские партии, придававшие их деятельности искаженный оппортунистический характер, а непосредственно через большевистские фракции. Если в марте-апреле размах деятельности Советов имел место в основном в социально-экономической сфере (организация рабочих, улучшение их положения), то в сентябре — октябре большевистские Советы занимались решением преимущественно социально-политических проблем: вооружение рабочих, создание отрядов Красной гвардии, привлечение на свою сторону солдатских масс. Большевистские Советы превратились в центры сплочения революционных сил, в центры по подготовке рабочих и солдатских масс к вооруженному восстанию. Деятельность Советов стала осуществляться на основе указаний В. И. Ленина о том, чтобы «...на очередь дня поставить *вооруженное восстание*... завоевание власти, свержение правительства»⁵⁵. Данное смещение центра тяжести в деятельности Советов в социально-политическую область свидетельствовало о том, что Советы в сентябре — октябре поднялись на более высокую ступень, нежели они занимали в марте — апреле 1917 года. По политическому характеру они максимально приблизились к диктатуре пролетариата.

Окончательное превращение революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в диктатуру пролетариата могло произойти тем легче, чем больше мест в Советах принадлежало большевикам и чем значительнее был перевес революционных сил над соглашательским крылом. Таким Советам оставалось сделать один шаг к осуществлению функций государственной власти. И этот шаг в тех условиях они мог-

ли осуществить только в виде вооруженного восстания. Накануне Октябрьской революции Советы имели достаточно сил для проведения решительных и эффективных мер во многих областях жизни страны, однако в условиях, когда существовал разветвленный аппарат буржуазной власти во главе с Временным правительством, они не могли осуществлять политическую власть. Чтобы стать органами государственной власти, Советы должны были вооруженным путем свергнуть Временное правительство, ликвидировать местные органы буржуазии и взять всю полноту власти в свои руки.

К осени изменилась также тактика мелкобуржуазных партий. Банкротство соглашательской политики эсеров и меньшевиков, развал их партийных организаций, решительный поворот рабочих и солдат в сторону большевистской партии — все это со всей остротой ставило перед ними вопрос о формах и методах дальнейшей борьбы за массы. Обычные приемы политической борьбы не давали им положительных результатов. Мелкобуржуазные партии неуклонно скатывались к решению вопроса о власти путем вооруженной борьбы против рабочих и солдат, руководимых большевиками. Логика классовой борьбы вплотную подводила политический вопрос к военному вопросу. Организационным центром этой борьбы меньшевики и эсеры избрали городские думы, а социальной опорой — юнкеров, реакционную часть казачества и прочие контрреволюционные слои населения.

Во второй половине октября страна стояла накануне огромных исторических событий. Все развитие революции 1917 года подготовило классы, партии и общественное мнение России к мысли о том, что в центре этих событий будут стоять Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. За власть Советов готовы были сражаться и умирать рабочие, солдаты и беднейшие крестьяне, в Советах сосредоточила лучшие силы большевистская партия. Мелкобуржуазные партии, стремясь любой ценой сохранить буржуазную власть, наносили удары прежде всего по Советам, против Советов ополчились силы внутренней и внешней реакции.

Наиболее значительные Советы Поволжья были в основном готовы к решительной и беззаветной борьбе против буржуазной власти за диктатуру пролетариата. К этому времени большевистские фракции изолировали соглашателей и нанесли им сокрушительное поражение. Рабочие, солдаты и беднейшее крестьянство по важнейшему вопросу революции — о власти — пошли за большевистской партией. Преодолевая огром-

ные трудности в условиях, когда Советы еще не располагали всей полнотой власти, в обстановке ожесточенной борьбы против мелкобуржуазных партий, Советы крупнейших экономических центров Поволжья создали ударную силу в лице отрядов Красной гвардии, вооружили их, подготовили рабочие и солдатские массы к политической и материальной поддержке Советов в их борьбе за власть. Настроения масс в аграрном Поволжье отражали общую расстановку политических сил в целом в России.

А. А. Минин, один из руководителей ПСР, писал о политической обстановке в стране в октябре 1917 года: «Временное правительство, правительственные партии с.-р. и меньшевиков с оставшимися под их влиянием Советами изнемогают в негосильной борьбе... — в этот момент большевизм встает во весь рост, собирает вокруг своих лозунгов действительное большинство солдатско-рабочей массы и полностью развертывает свою программу «Вся власть Советам»⁵⁶.

СОВЕТЫ ПОВОЛЖЬЯ В БОРЬБЕ ЗА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ

ДНИ РЕШАЮЩИХ СОБЫТИЙ В САМАРЕ, САРАТОВЕ, КАЗАНИ, НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ, КОСТРОМЕ И ЯРОСЛАВЛЕ

В ночь с 25 на 26 октября 1917 года в Петрограде победило вооруженное восстание. Отряды красногвардейцев и солдат штурмом овладели Зимним дворцом и арестовали Временное правительство. II Всероссийский съезд Советов провозгласил переход власти к Советам, принял декреты о мире и земле и сформировал первое Советское правительство во главе с В. И. Лениным. Победив в столице, Октябрьская революция в короткий срок распространилась по всей России.

25 октября в Самару пришло телеграфное сообщение о начале вооруженного восстания в Петрограде. На созванном в этот же день заседании Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов представитель большевистской фракции В. В. Куйбышев предложил передать всю власть в губернии Советам. К требованию большевиков Самары присоединились максималисты. Поняв, что голосование большевистской резолюции не сулит ничего хорошего, фракции меньшевиков и эсеров Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов начали маневрировать, пытаясь уйти от поражения. Они предложили пригласить на заседание Совета представителей Совета крестьянских депутатов, президиум городской думы, членов исполкома железнодорожного союза и руководителей всех политических партий (от кадетов до большевиков). Большевистская фракция согласилась с предложением соглашателей. Это было ошибочное решение, потому что в Совете крестьянских депутатов еще господствовали социалисты-революционеры, ду-

му контролировали эсеры в союзе с кадетами, а в исполкоме железнодорожного союза преобладали эсеры и меньшевики. Прибытие представителей этих организаций явно ослабило позиции большевистской фракции.

В 8 часов вечера 25 октября открылось расширенное заседание Самарских Советов с представителями городской думы, железнодорожного союза и всех политических партий. Представитель солдатской секции объединенного Совета большевик Герасимов вновь поставил вопрос о передаче власти Советам. Лидер самарских максималистов Гецольд поддержал требование фракции РСДРП(б). Правые эсеры и меньшевики защищали политику Временного правительства. Социалист-революционер С. И. Цодиков пытался спорить с ораторами, критиковавшими действия правительственного аппарата. Однако он в опровержение не мог найти ничего лучшего, как сказать, что Временным правительством «вырабатывается великолепный закон о страховании рабочих». «Только Учредительное собрание, — развивал свою мысль С. И. Цодиков, — решит целиком вопрос о земле, войне, мире. Передача власти Советам не кончит войны, так как это не вызовет революции в воюющих с нами государствах».

Единым фронтом с социалистами-революционерами выступали на собрании Самарских Советов и меньшевики. «Для чего перед созывом Учредительного собрания захватывать власть? — восклицал представитель меньшевистской фракции В. Л. Преображенский. — Учредительного собрания у нас не будет. Крестьяне пойдут сметать Советы». Соглашатели заявили о своей поддержке правительства А. Ф. Керенского и потребовали созыва всесословного съезда для разрешения вопроса о власти в губернии.

Аргументы правых меньшевиков и эсеров не нашли отклика у большинства депутатов. Тогда фракция ПСР решила прибегнуть к угрозам. Один из социалистов-революционеров с трибуны зала заседания Советов недвусмысленно говорил: если ленинцы в Самаре попытаются установить Советскую власть, то «он, как старый террорист, найдет средства, чтобы уничтожить всех большевиков».

Уклончивую позицию занял представитель бундовцев Левин. Он говорил на собрании депутатов Самарских Советов 25 октября: «Ни в вопросе о войне и мире, ни в области аграрных вопросов, так же как и в деле продовольствия Временное правительство почти ничего не сделало и не дало, а раз так, то вполне естественно, что власть должна перейти Советам, но

только в настоящее время момент для этого едва ли подходящий». Колебались и члены фракции социал-демократов интернационалистов. Соглашаясь с большевиками в том, что Временное правительство «восстало против воли народа», председатель комитета социал-демократов интернационалистов Сперанский выражал опасения, не отодвинет ли передача власти Советам созыв Учредительного собрания.

В конце собрания большевик М. П. Герасимов обратился к лидерам соглашательских партий: «С кем вы, с Советами или с правительством, с революционными солдатами, рабочими и крестьянами или с контрреволюционной буржуазией и казаками?»¹. Эсеры и меньшевики молчали, не желая дать ответ. Затянувшееся собрание Советов было решено продолжать вечером 26 октября, ибо голосование по вопросу о власти не дало перевеса ни одной из сторон.

26 октября 1917 года телеграммы из Петрограда возвестили о победе вооруженного восстания. В этот же день на расширенном собрании депутатов Самарских Советов большевики вновь поставили на обсуждение вопрос о власти. Сообщение о свержении Временного правительства заставило бундовцев и социал-демократов интернационалистов более четко определить свои позиции по отношению к лозунгу «Вся власть Советам!»: после некоторых колебаний они присоединились к большевистскому требованию передачи власти Советам. Таким образом, большевиков Самары поддерживали максималисты, бундовцы, социал-демократы интернационалисты, а также часть левонастроенных депутатов-эсеров. Образовался довольно широкий блок большевистской и мелкобуржуазных фракций, ставших на платформу Советской власти. За большевистскую резолюцию о провозглашении власти Советов в Самаре голосовал 441 депутат, против — 140. Она гласила: «Собрание заявляет, что демократия находится на положении борьбы с правительством и будет стремиться к его низвержению. Все распоряжения правительства и его агентов признаются недействительными. Единственной властью в стране демократия Самары признает власть Советов.

Признавая единственной властью... Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, собрание избирает из своей среды революционный комитет, который... обладает неограниченными полномочиями в деле сохранения революционного порядка и организации сил самарской демократии в борьбе с (Временным) правительством и контрреволюцией». Эта резолюция была принята 27 октября 1917 года в 6 часов утра.

В ревком вошли большевики В. В. Куйбышев, М. П. Герасимов, С. Я. Тиунов, с.-д. интернационалисты П. П. Митрофанов, С. Н. Васильев и максималист В. А. Кузьмин².

Применить оружие в момент установления единовластия Советов самарским большевикам не пришлось. Разъедаемые внутренними противоречиями немногочисленные соглашательские организации в этом губернском центре оказались неспособными к каким-либо активным (вооруженным) формам борьбы с революционными массами, возглавлявшимися членами РСДРП(б). Хотя, разумеется, соглашатели не прочь были повернуть ход событий вспять...

31 октября на совместном заседании исполкома Самарского Совета крестьянских депутатов и губкома партии эсеров обсуждался вопрос о формах борьбы с Советской властью. Большевик Игаев и эсер Яковлев предложили «выступить активно», опираясь на самарский гарнизон. Игаев убеждал всех участников совещания в том, что у большевиков нет «серьезной силы, кроме Красной гвардии», что за Временное правительство якобы готовы положить свои жизни многомиллионные массы крестьян. Однако воинственный пыл сторонников открытого антисоветского мятежа остыл после выступлений офицеров самарского гарнизона, которые вынуждены были признать, что «солдаты в данный момент находятся под гипнозом Совета рабочих и солдатских депутатов»³. Представители эсеровской военной организации Самары заявили Игаеву и Яковлеву, что, к сожалению, из всей массы солдат самарского гарнизона можно рассчитывать на поддержку лишь некоторых батарей.

Тогда члены Самарского губкома ПСР и исполкома Совета крестьянских депутатов решили осуществить переворот в губернском центре с помощью местных анархистов. Лидеры самарских социалистов-революционеров планировали неожиданным арестом членов городского революционного комитета внести замешательство в ряды большевистской организации и захватить власть в городе. Но заговорщики потерпели неудачу. Во-первых, большевики раскрыли контрреволюционный замысел правэсеровской верхушки⁴. Во-вторых, подобные методы борьбы с Советской властью возмутили даже часть членов эсеровской организации Самары. По этой причине, писала 2 ноября 1917 года «Солдатская газета», «в среде социал-революционеров произошел раскол: меньшинство организации заявило о своем присоединении к революционной демократии, объединяющейся вокруг Советов».

Первые сообщения о начале решающих битв в столице

пришли в Саратов 24 октября. В этот день в городе стало известно содержание телеграммы с кратким изложением речи Керенского, произнесенной во Временном Совете республики. Керенский обвинял большевиков в антиправительственном заговоре и для подавления выступлений рабочих и солдат требовал предоставить Временному правительству чрезвычайные полномочия.

Глубокой ночью 25 октября в 0 часов 35 минут на саратовском телеграфе была получена телеграмма, подписанная за министра почт и телеграфа Малянтовичем. В ней сообщалось, что большевики Петрограда пытаются захватить власть, и предписывалось почтово-телеграфным служащим установить контроль за прохождением корреспонденции, конфисковывать все материалы, призывающие к восстанию и неисполнению велений Временного правительства, и направлять их в Петроградскую телеграфную контору дежурному члену Центрального комитета Всероссийского союза почтово-телеграфных служащих. Спустя некоторое время в Саратов пришла новая телеграмма: «Телеграф Петрограда занят большевиками... Просим все телеграммы, призывающие к ниспровержению Временного правительства и неисполнению боевых приказов, задерживать».

Ранним утром начальник почты и телеграфа сообщил содержание телеграмм губернскому комиссару Временного правительства меньшевику Д. Топуридзе, тот немедленно отдал распоряжение гарнизонному командованию усилить охрану города, установить на телеграфной и телефонной станциях караул из верных буржуазной власти частей. Для охраны почты, телеграфа и телефона начальник гарнизона направил отряд юнкеров местной школы прапорщиков. Одновременно были приняты меры к предупреждению революционных выступлений на территории Нижнего Поволжья.

В 9 часов 15 минут открылось заседание окружного комитета почтово-телеграфного союза. Чиновники обсудили телеграммы из Петрограда, выработали текст собственной телеграммы и разослали ее по всем учреждениям Саратовского округа⁵. Комитет призывал служащих связи не выполнять распоряжений большевиков, установить контроль за корреспонденцией, все материалы, призывающие к восстанию, конфисковывать и направлять в Саратов в адрес окружного комитета, а в случае захвата рабочими и солдатами учреждений связи прекратить работу и объявить забастовку⁶.

Итак, местный аппарат буржуазной власти раньше револю-

ционного народа был информирован о событиях в столице и принял все зависящие меры к недопущению подобных выступлений на местах. Наряду с этим в борьбе с нарастающей революцией буржуазия пыталась использовать соглашательские партии и вместе с их руководителями выработать стратегию и тактику этой борьбы. В 12 часов 37 минут 25 октября Топуридзе созвал экстренное совещание руководителей местной администрации, военного командования, представителей организаций и учреждений, поддерживавших Временное правительство. Все участники совещания принадлежали к партиям кадетов, народных социалистов, эсеров, бундовцев и меньшевиков.

В течение 4 часов 30 минут контрреволюционеры обсуждали меры помощи Временному правительству и вырабатывали тактику борьбы против революции. Все они единодушно признали, что руководящим центром революционных сил в Саратове является Совет, что он имеет огромный авторитет и влияние среди рабочих и солдат, что большевистская фракция Совета, как только узнает о событиях в столице, без колебаний поддержит петроградских рабочих и солдат и возьмет власть в свои руки. Вместе с тем было признано, что немедленно арестовать большевиков они не имеют возможности, что для этого нужно накопить необходимые силы, а пока следует окончательно выяснить позицию Совета. Когда вопрос о власти «встанет в Совете, — рассуждал бундовец Чертков, — и Совет выскажется за захват власти, тогда Совет расколется, из него выйдут меньшевики и эсеры и тогда мы пойдем с этой частью Совета» против его революционной части. В конце работы совещания было решено создать из представителей городского и земского самоуправления, политических партий и местных органов буржуазного правительства комитет для мобилизации контрреволюционных сил и борьбы против Совета⁷.

Одновременно к активным действиям приступили руководители Саратовского Совета. Они не имели точных данных о том, что происходит в столице, но в целом знали о подготовке к вооруженному восстанию и в любое время были готовы оказать ему всемерную поддержку. Первые шаги местной реакции дали им основания полагать, что революция вступила в решающую фазу. Уже в ходе совещания контрреволюционеров начальник гарнизона генерал Заец получил предписание военной секции Совета снять караул юнкеров, выставленных на почте, телеграфе и телефоне. После обмена мнениями реакционеры пришли к выводу, что они не готовы к решительной схватке с

Советом и вынуждены были подчиниться его приказу. Юнкеров вернули в казармы.

Буржуазия приступила к выяснению реальной силы, на которую она могла опереться в борьбе против Совета. Значительное место в стане контрреволюции отводилось мелкобуржуазным партиям. Руководители буржуазно-помещичьего лагеря не отказались от попытки использовать представителей мелкобуржуазных партий в качестве такой силы, которая бы сумела проникнуть в рабочую и солдатскую среду, вырвать ее из-под влияния большевиков. Меньшевики и эсеры предложили членам городского комитета РСДРП(б) собраться на объединенное межпартийное совещание. Перед ними был поставлен вопрос, поддерживают ли они восстание петроградских рабочих и солдат. «Поддерживаем и... до конца!» — ответил М. И. Васильев-Южин⁸.

Саратовские большевики остались верными ленинской партии, делу революции. Они немедленно организовали дежурство ответственных членов партии в исполнительном комитете и решили вечером 26 октября созвать экстренное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов. В этот же вечер председатель исполкома Совета В. П. Антонов-Саратовский провел два совещания: одно с членами военной секции, которое решило учесть надежные части гарнизона и установить связь с полками, второе — с красногвардейцами-железнодорожниками⁹.

Политическое банкротство мелкобуржуазных партий и резкое сужение социальной базы буржуазных органов власти и органов местного самоуправления вынуждали контрреволюционеров создавать новые руководящие центры, которые хотя бы частично расширили опору реакции в борьбе против социалистической революции и были бы в состоянии объединить враждебные Советам силы. Как правило, ими становились так называемые «Комитеты спасения революции». Они создавались буржуазией при активном участии лидеров соглашательских партий и объединяли юнкеров, реакционную военщину, казачество и прочих врагов рабочих и крестьян. Их возглавляли верхи кадетов, меньшевиков и эсеров. В Саратове такой комитет организованно оформился в ночь с 25 на 26 октября на заседании городской думы. В его состав вошли В. А. Алмазов, М. И. Белавинский, М. И. Максимович, В. П. Прозоров, В. М. Телегин и М. Г. Диденко — все эсеры, меньшевики и народные социалисты. От имени организации РСДРП(б) С. И. Мицкевич заявил, что гласные думы — большевики не войдут в ко-

митет, который должен быть назван комитетом защиты от революции¹⁰.

26 октября продолжалось размежевание классовых сил в Саратове. Огромное большинство рабочих и солдатских собраний принимало резолюции в поддержку Совета и против доверия Временному правительству. Грандиозный митинг солдат артиллерийских подразделений и частей местного гарнизона потребовал немедленно передать власть Советам, землю — крестьянам, освободить всех политических заключенных, объявить перемирие на всех фронтах, заключить мир и созвать Учредительное собрание в установленный срок. Солдаты заявили, что в случае, если эти требования не будут выполнены, они будут добиваться их осуществления с оружием в руках.

Вместе с тем часть служащих правительственных и частных учреждений, почты, телеграфа и телефона, управления Рязано-Уральской железной дороги, рабочие ряда мелких фабрик и заводов осуждали восстание в Петрограде и продолжали поддерживать Временное правительство.

В течение дня стал совершенно очевидным подавляющий перевес сил, шедших за Советом, над силами контрреволюции. Совет поддерживала самая революционная и активная часть рабочего класса и солдаты многотысячного гарнизона. Это обстоятельство вынуждало эсеров-меньшевистских лидеров идти на хитрости и подвохи с тем, чтобы оттянуть решительные действия Совета и выиграть время. В условиях острой классовой борьбы, когда политический вопрос вплотную подошел к военному, эсеры и меньшевики повели тактическую борьбу против Совета прежде всего по вопросу о создании военного комитета. Им удалось убедить некоторых членов президиума военной секции Совета организовать военный комитет исключительно из офицеров и подчинить ему войска местного гарнизона. По мнению авторов этого проекта, военный комитет должен быть нейтральным органом, независимым ни от Совета, ни от городской думы. Таким путем эсеров-меньшевистские лидеры пытались ликвидировать военную секцию Совета и оторвать солдат от рабочих. Исполнительный комитет Совета отклонил этот проект. Тогда эсеры заявили, что они согласны поставить комитет в подчинение Совету, однако включили в его состав офицеров, ненавистных солдатской массе. Руководители исполкома не стали возражать против персонального состава военного комитета, но потребовали, чтобы он был обсужден депутатами Совета.

В ночь с 26 на 27 октября состоялись собрания руководя-

щих центров революционных и контрреволюционных сил Саратова: в здании консерватории работало пленарное собрание Совета, заседание думы проходило в помещении городской управы. И здесь, и там обсуждались события в Петрограде и решалась судьба местной власти.

На собрании Совета присутствовали депутаты, члены фабрично-заводских комитетов, профсоюзов; сотни рабочих и солдат буквально осаждали здание консерватории, желая принять участие в его работе. За столом президиума место председателя занял В. П. Антонов-Саратовский, рядом с ним М. И. Васильев-Южин и П. А. Лебедев — заместители председателя. В. П. Антонов-Саратовский объявил собрание открытым и предоставил слово для доклада М. И. Васильеву-Южину. Докладчик сообщил присутствующим о вооруженном восстании в Петрограде, о создании правительства во главе с В. И. Лениным. Эта весть вызвала бурные аплодисменты. М. И. Васильев-Южин призвал рабочих и солдат поддержать пролетарскую революцию и предложил немедленно создать военный комитет. Было решено включить в него не только большевиков, но и представителей эсеровской партии. Кандидатуры явно контрреволюционных офицеров, предложенные эсерами, рабочие и солдаты отклонили. Тогда эсеры заявили, что такой состав комитета их не удовлетворяет и они отводят всех своих кандидатов. Вместе с тем они предупредили депутатов, что в случае нападения казаков на Саратов офицеры не возьмут на себя военное командование. После таких откровенно враждебных шагов эсеровских руководителей В. П. Антонов-Саратовский заявил, что охрану города берет на себя исполнительный комитет Совета, в состав которого здесь же избрали 12 новых членов¹¹.

Одновременно с пленарным собранием Совета работала городская дума. Гласные объявили заседание думы непрерывным и слушали приветствия организаций и учреждений, верных Временному правительству, и заверения представителей меньшевиков и эсеров о том, что их фракции «не позволят безответственно распоряжаться судьбами России и будут всемерно поддерживать Временное правительство»¹². Затем журналист Диез огласил телеграмму о том, что из Пскова под командованием Керенского выступили войска для подавления Петроградского восстания. Это сообщение гласные встретили бурными аплодисментами. Председатель думы Д. Чертков провозгласил здравицу в честь министра-председателя и гласного Саратовской думы А. Ф. Керенского. Подавляющее большинство гласных встало с мест и устроило бурную овацию. В дополне-

ние к телеграмме собрание заслушало приказ Керенского комиссарам Временного правительства на местах и городским думам продолжать нести свои обязанности, подчиняясь только Временному правительству. После этих сообщений был объявлен полуторачасовой перерыв, во время которого группа меньшевиков во главе с Чертковым направилась в консерваторию, на пленарное собрание Совета, и попытались внести замешательство в его работу.

Чертков зачитал провокационную телеграмму Керенского, потребовал осудить большевистскую партию и поддержать Временное правительство. Это предложение вызвало в зале бурю негодования. Выражая мнение рабочих и солдат, В. П. Антонов-Саратовский заклеил позором соглашателей. «В час величайших исторических событий для рабочих России, быть может всего мира... в час, когда наши братья, наши товарищи — рабочие Петрограда... с оружием в руках восстают против векового врага-угнетателя, против буржуазии, эти господа не нашли ничего лучшего, как пугать нас Керенским, пугать кровавой баней».

В зале нарастал шум и в адрес эсеров и меньшевиков раздавались негодующие крики. «Они, — продолжал В. П. Антонов-Саратовский, — не нашли ничего лучшего, как требовать от нас, послов рабочих и крестьян, гнусного и позорного спокойствия, гнусного и позорного отказа от поддержки восставших товарищей». Усиливались крики: «Позор! Негодяи!». Зал бурно протестовал против соглашателей. «Мало того, — говорил В. П. Антонов-Саратовский, — они с наглой циничностью потребовали от нас поддержки солдатского палача Керенского».

В зале непрерывно раздавались крики: «Никогда! Предатели! Убийцы!». «Как осмеливаетесь вы, — обратился Антонов-Саратовский к меньшевикам и эсерам, — оскорблять это высокое собрание представителей рабочего класса? Как смели вы подумать только о том, что саратовские рабочие — предатели, что страха ради они откажут в помощи восставшим бойцам Петрограда?» В зале выкрикивали: «По себе судят!», «Долой их!». В заключение В. П. Антонов-Саратовский спросил: «Рабочие и солдаты! Кто из вас против лозунга восстания «Вся власть Советам!» Кто?» При общем шуме всего зала поднялось не более десятка рук. «Кто за Совет? Кто за восстание?». Взметнулся лес рук. Результаты голосования были встречены криками «ура!» и бурей аплодисментов.

Меньшевики стали запугивать депутатов тем, что рабочие и солдаты не организованы, что без офицеров их раздавят.

«Откажитесь от большевистского Совета, — требовал Чертков. В ответ неслись крики: «Сам откажись от буржуев!». «Объединитесь с нами вокруг правомочий думы», — взывал соглашатель. В зале нарастал шум, свист, крики «Долой!». Стучали тысячи ног. «Хорошо, мы не принимаем участия и покидаем Совет», — заявил от имени меньшевиков Чертков. Под выкрики: «К черту!», «Предатели!», «Скатертью дорога!», — провокаторы очистили зал заседания. Вместе с ними покинули Советы эсеры и бундовцы. Совет окончательно раскололся. Позиция большинства Совета по отношению к власти, Временному правительству и Петроградскому восстанию стала совершенно очевидной: депутаты и приглашенные на собрание рабочие и солдаты без колебаний, с небывалым воодушевлением поддерживали петроградских рабочих и солдат и проголосовали за власть Совета.

Меньшевики и эсеры вернулись в думу, создали боевой штаб и обсудили меры по борьбе против большевистского Совета. На закрытом заседании они объявили городскую думу «единственным органом власти в городе и губернии». Затем представитель «комитета защиты революции» зачитал гласным текст воззвания, в котором предлагалось гражданам, способным носить оружие, явиться «с оружием и без такового в здание городской думы», солдатам и офицерам — исполнять приказы боевого штаба, а населению — признавать лишь власть Временного правительства и «комитета защиты революции». Городская дума одобрила воззвание и предложила «комитету защиты революции» немедленно его отпечатать и распространить.

О лихорадочных приготовлениях думы к борьбе против Совета сообщил на пленарном собрании Совета С. И. Мицкевич. Быстро был избран новый состав исполнительного комитета и в 3 часа 30 минут ночи заседание закрылось. Рабочие и солдаты ушли на фабрики, заводы и в казармы поднимать массы на защиту Совета, а члены исполкома отправились в бывший дом губернатора¹³.

Около 4 часов утра М. И. Васильев-Южин направил группу членов исполкома в солдатские казармы для проведения митингов и собраний в защиту Совета и приведения частей в боевую готовность: в 92-й запасной пехотный полк — Ф. Г. Муравлева, в 3-й пулеметный и 90-й запасной пехотный полк — А. Л. Банквизера и В. Н. Соколова¹⁴.

Наступило утро 27 октября. К 4 часам утра члены исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов собрались в зеркальном зале бывшего губернаторского дома, избрали руково-

дящий центр в составе В. П. Антонова-Саратовского, М. И. Васильева-Южина, П. А. Лебедева, В. Ф. Бабушкина, М. С. Венгерова, В. А. Радус-Зеньковича, М. К. Савельева, Баранова и приняли ряд неотложных политических и военно-технических мер, необходимых для окончательной победы рабочих и солдат над силами контрреволюции.

Обстановка обязывала прежде всего занять телефонную и телеграфную станции. Выполнение этого задания исполком поручил Я. Ф. Стипнеку, назначенному здесь же комиссаром телеграфа и телефона. Затем был отстранен от власти губернский комиссар Временного правительства меньшевик Топуридзе, а большевик П. А. Лебедев назначен советским губернным комиссаром. Уездные комиссары Временного правительства также лишились власти. В некоторые города и крупные поселки исполком назначил своих представителей, которые в тот же день выехали к месту назначения. Исполнительный комитет запретил редакции газет и типографиям печатать какие бы то ни было материалы, направленные против власти рабочих и крестьян, объявил о переходе власти к Совету, призвал войска местного гарнизона быть в боевой готовности и выполнять лишь те распоряжения, которые издавались военной секцией Совета, и обнародовал постановление о земле, согласно которому все помещикам, монастырские, церковные и удельные земли Саратовской губернии немедленно переходили в распоряжение земельных комитетов.

Во время заседания исполкома дежурный военной секции Совета сообщил, что из школы прапорщиков вышли вооруженные винтовками и пулеметами юнкера и офицеры и направились в город. Нужно было немедленно организовать охрану исполкома. Вскоре к зданию исполкома А. Л. Банквизер привел сводный отряд пулеметчиков, который взял исполком под защиту. Спустя некоторое время стало известно, что юнкера и офицеры прошли к городской думе¹⁵.

В 8 часов утра исполнительный комитет назначил штабс-капитана П. К. Щербакова, беспартийного офицера, сочувствовавшего большевикам, командующим советскими вооруженными силами Саратова. Вместе с В. П. Антоновым-Саратовским и М. И. Васильевым-Южиным П. К. Щербаков был введен в состав военного Совета.

К исполкому прибывали солдаты, красногвардейцы, вооруженные рабочие. Руководители Совета провели собрание с красногвардейцами, стянутыми к зданию исполкома. Был обсужден вопрос о борьбе с контрреволюцией и избран штаб

Красной гвардии. Начальником штаба стал А. А. Федоров, его заместителем А. А. Пищик. Некоторые части местного гарнизона и отряды Красной гвардии получили приказ занять почту, телеграф, телефон, вокзал, банки и другие важные в военном и экономическом отношении пункты Саратова.

В то же время на фабриках, заводах и казармах проходили бурные собрания и митинги в поддержку пролетарской революции. По призыву члена исполкома Ф. Г. Муравлева собрание солдат 92-го пехотного полка приняло резолюцию, в которой выражалась готовность солдат «идти на защиту Советской власти и Совета рабочих и солдатских депутатов»¹⁶.

На митинге рабочих завода «Жесть» выступили члены исполкома К. И. Плаксин и М. К. Савельев. Рабочие и служащие единогласно высказались против поддержки Временного правительства, за переход власти в руки Советов. Они заверили членов исполкома, что в борьбе против контрреволюционной городской думы коллектив завода окажет Совету рабочих и солдатских депутатов всемерную поддержку.

Утром 27 октября эсеров-меньшевистскому «комитету защиты революции» удалось отпечатать антисоветские воззвания и распространить их по городу. В думу потянулись чиновники, лавочники, гимназисты, семинаристы, учащиеся высших учебных заведений и другие антисоветски настроенные элементы. Вместе с юнкерами и офицерами в подчинение «Комитета защиты революции» поступило до 3000 человек — от подростков до стариков и женщин.

Руководители местной контрреволюции попытались использовать в борьбе против Совета казачьи полки, размещенные на территории Саратовской губернии. В 11 часов дня Топуридзе направил в Балашов, Ртищево, Баланду, Елань и другие центры размещения 2-й Оренбургской казачьей дивизии срочные телеграммы, в которых указывалось, что во все эти пункты будут поданы вагоны для погрузки казаков. Карателей следовало направлять под Саратов на станцию Разбойщина¹⁷. Спустя некоторое время Топуридзе выехал навстречу казакам, чтобы ускорить их прибытие в Саратов¹⁸.

Напряжение в городе продолжало нарастать. Днем 27 октября юнкера сделали попытку захватить батареи, расположенные на Ильинской площади, однако солдаты-артиллеристы во главе с большевиками А. Яковлевым, А. Л. Банквицером, Фойницким прогнали их¹⁹. Используя прежние служебные связи с солдатами, руководители контрреволюционного штаба (офицеры Неймиченко, Друшляков и другие) проводили усиленную

антисоветскую агитацию в солдатских казармах, стремясь убедить артиллеристов выступить на стороне думы. Руководителями Совета сюда был направлен один из лучших большевистских ораторов, человек, пользовавшийся в гарнизоне большой популярностью и влиянием, М. И. Васильев-Южин. Его выступление окончательно склонило солдат-артиллеристов на сторону Совета.

Вечером 27 октября отряд юнкеров во главе с офицером Диденко захватил военный склад и вывез несколько сотен винтовок и большое количество патронов. Юнкера стали арестовывать сторонников Совета, задерживать автомобили, проезжавшие по Московской улице, разоружать рабочих и солдат, оказавшихся в районе думы. Поздно вечером 27 октября исполком поручил Ф. Г. Муравлеву, В. Романенко, Ежову и Букиной установить связь с Москвой, используя телеграф Рязано-Уральской железной дороги. На обратном пути их машина была задержана контрреволюционерами, а представители исполкома арестованы. «Больше мешкать было нельзя, — писал М. И. Васильев-Южин, — мы решили на следующий же день подавить сопротивление думских контрреволюционеров»²⁰.

Утром 28 октября руководители Совета приказали войскам и отрядам Красной гвардии окружить гнездо контрреволюции. Для осуществления этой операции было привлечено до 3000 верных Совету солдат и отряды Красной гвардии. «Прежде чем занять позиции, — писал Антонов-Саратовский, — части подходили к зданию исполкома. Их сопровождали свои полки с музыкой и знаменами. Получилась внушительная вооруженная демонстрация всего гарнизона, который явился засвидетельствовать свою преданность Советской власти... Каждый полк клялся в верности Совету и с развернутыми знаменами уходил на позиции... Под начальством А. Федорова явилась и рабочая Красная гвардия»²¹.

Все эти передвижения и яркая манифестация рабочих и солдат перед зданием исполкома Совета лишили думских лидеров надежды на успешный исход их затей. Они в спешном порядке стали возводить баррикады, за которыми предполагали отсидеться до прихода казаков в Саратов. Во всех ближайших к управе магазинах и на Пешем базаре контрреволюционеры изыали мешки с фруктами и овощами, возы с сеном, очистили дровяные склады, сорвали двери с домов, натаскали бревен и досок и соорудили шесть баррикад: три — на перекрестке Московской (ныне проспект имени Ленина) и Приютской (Комсомольской) и три на перекрестке Московской и Полицейской

(Октябрьской) улиц. На некоторых баррикадах навесили колючую проволоку. На колокольне церкви Михаила Архангела и в некоторых других местах юнкера оборудовали пулеметные огневые точки. По мере окружения думы ряды сторонников буржуазной власти слабели. Из 113 гласных осталось 30, около 300 юнкеров, не более сотни офицеров и 500—600 добровольцев из мещанских кругов Саратова²².

К 4 часам дня 28 октября дума была полностью окружена. Воинские части и отряды Красной гвардии заняли позиции на пересечении Московской и Никольской (Раднцевской) улиц, по Армянской (Волжской), Сергиевской (Чернышевской) и Полицейской. К 5 часам дня артиллерийские батареи расположились на Соколовой горе, на Большой Горной улице, у торговой биржи и Старого Собора.

Положение сторонников думы стало безнадежным. Их руководители решили послать в исполнительный комитет своих делегатов для переговоров. Исполком Совета предъявил им условия капитуляции. Он потребовал полного разоружения сторонников думы, роспуска боевого штаба и «Комитета защиты революции», отмены всех постановлений «Комитета защиты революции» и бывшего губернского комиссара Временного правительства и осуществления нормальной деятельности коммунального хозяйства. Думская делегация подписала этот документ.

Для приема капитуляции в думу направилась советская делегация во главе с В. П. Антоновым-Саратовским. В шестом часу вечера она прибыла в думу. Гласные обсудили условия сдачи и после повторного голосования их приняли. Однако это согласие контрреволюционеров с требованиями Совета не было искренним. Как только советские парламентарии оставили здание думы, юнкера открыли огонь по рабочим и солдатам. «Залп, данный юнкерами... послужил к началу ответной стрельбы со стороны частей Совета», — отмечал в воззвании комитет. Спустя некоторое время заговорила артиллерия. Через каждые 5—6 минут гремели пушки. Всю ночь продолжалась, то затихая, то вновь усиливаясь, ружейно-пулеметная и артиллерийская стрельба.

В 6 часов утра 29 октября думская делегация окончательно подписала условия сдачи. Капитуляцию думы принимал М. И. Васильев-Южин. Он приказал ее сторонникам выйти на улицу и построиться в колонну. Женщины и дети были немедленно отпущены. Остальных арестованных привели в исполнительный комитет, переписали и часть из них освободили под

честное слово²³. Юнкера и офицеры были заключены в тюрьму.

Итак, в Саратове власть к Совету рабочих и солдатских депутатов перешла сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде. Преобладание революционных сил над силами старых буржуазных порядков здесь оказалось подавляющим. Единодушие рабочих и солдат этого города по вопросу о власти, мощная поддержка, оказанная ими Советам в их борьбе против местных органов буржуазной власти,— все это обеспечило быстрый и сравнительно нетрудный переход всей власти к Советам.

Вооруженной борьбой сопровождалось становление Советской власти в Казани. Причем особенностью борьбы за претворение лозунга «Вся власть Советам!» в этом городе явилось тесное сотрудничество большевиков и левых эсеров. Блок этих двух организаций имел значительное влияние в городе накануне решающей классовой битвы: 8 октября на выборах в местную думу большевики получили 22 места, левые эсеры — 17, а объединенный правосоциалистический блок — 16²⁴. Активный участник Октябрьской революции в Казани большевик Жаков вспоминал: «Общая программа менее соединяла обе фракции эсеров, чем общая тактика большевиков и левых социалистов-революционеров, отсюда частые совместные собрания комитетов, а на местах обоюдное почти действие организаций. Это обстоятельство усиливало нашу позицию в Казани и по губернии»²⁵.

В октябре 1917 года здесь произошло фактическое объединение военных организаций большевиков и левых эсеров. Руководитель левозеро-вской военной организации прапорщик Н. Ершов на октябрьской губернской конференции большевиков перешел в их ряды и стал руководителем объединенной военной организации. В отличие от большинства губернских крестьянских Советов Казанский губернский Совет крестьянских депутатов, руководимый левыми эсерами, направил на II Всероссийский съезд Советов свою делегацию.

26 октября в Казани большевиками был создан Временный революционный комитет, в который вошли и представители левозеро-вской организации. Это способствовало успешному ходу вооруженного восстания. В этот же день красногвардейцы заняли почту, телеграф, телефонную станцию, вокзал и госбанк. Юнкера и другие немногочисленные вооруженные противники Советской власти капитулировали.

В остальных губернских центрах Поволжья, развитых в

промышленном отношении, процесс утверждения Советской власти протекал так же, как в Самаре — мирным путем.

В Нижегородском Совете большинство депутатов к концу октября шло за эсерами и меньшевиками, всячески оттягивавшими переѳыборы Совета. В его составе были 48 большеѳиков, 55 меньшеѳиков и 60 эсеров²⁶. Основная борьба развернулась между созданным соглашателями «комитетом спасения родины и революции» и Военно-революционным большеѳистским комитетом. Красная гвардия вечером 27 октября заняла телеграф, типографию и Арсенал. Однако до вооруженного кровопролитного сражения дело не дошло. Внутри «Комитета спасения Родины и революции» начались трения. 28 октября из состава вооруженных сил этого комитета вышла бундовская боевая дружина. Члены ее заявили, что они не могут вместе с черносотенцами, кадетами и прочими реакционными элементами выступать против войск, стоящих за Советы. Заколебались и руководители сормовской эсеровской дружины, входившей в военные силы контрреволюционного комитета. Сормовские эсеры, среди которых была немалая доля рабочих, заявили следующее: они не допустят кровопролития между «Комитетом спасения» и большеѳиками и, в случае каких-либо агрессивных действий против Военно-революционного комитета, выступают на стороне последнего, предоставив ему в полное распоряжение свою боевую дружину²⁷.

Не имея поддержки масс, лишенный достаточно крепкой вооруженной опоры и разѳедаемый внутренними противоречиями, кадетско-соглашательский блок в Нижнем Новгороде не отважился выступить открыто против ВРК. Переѳыборы Нижегородского Совета, прошедшие в конце октября — начале ноября 1917 года, закрепили победу большеѳиков. 2 ноября состоялось первое собрание Совета. На нем 136 голосами против 83 и 4 воздержавшихся была принята резолюция, в которой говорилось, что власть в городе должна принадлежать Военно-революционному комитету, ответственному перед исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов.

Особенностью расстановки сил политических партий в Верхнем Поволжье, более развитом промышленном районе по сравнению со Средним и Нижним Поволжьем, явилась слабость позиций эсеровской партии. Например, в Иваново-Вознесенске в конце октября — начале ноября 1917 года большеѳистская организация насчитывала 5781 человека, а эсеровская — лишь 250 членов. В Костромской губернии даже во многих селах большеѳистские организации численно превосходили эсеров-

ские. В ноябре 1917 года в селе Вичуга Кинешемского уезда имелось 1200 членов РСДРП(б), а членов ПСР — всего 20, в Родниках Юрьевецкого уезда — 200 большевиков при полном отсутствии эсеров²⁸. Столь явное преимущество ленинской партии в Верхнем Поволжье над одной из ведущих партий соглашательского блока не могло не повлиять на формы и темпы установления Советской власти.

29 октября 1917 года в Костроме состоялось расширенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором было заслушано сообщение делегата II Всероссийского съезда Советов большевика М. В. Коптева. После обсуждения доклада М. В. Коптева Костромской Совет большинством голосов принял следующую резолюцию: «Образовать новый орган власти в составе исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Те организации, которые не пожелают войти в состав власти, отпадают»²⁹.

В Ярославле накануне решающих битв большевики имели в Совете рабочих и солдатских депутатов 111 мест из 250 (эсерам и меньшевикам принадлежало 82 депутатских мандата, беспартийным — 57). Особенно прочные позиции имели ярославские большевики в солдатской секции Совета, где за ними из 90 депутатов шли 75. На 15 октября 1917 года городская Ярославская организация РСДРП(б) насчитывала в своих рядах 450 человек³⁰. Большевики пользовались здесь прочной поддержкой гарнизона и наиболее крупных промышленных предприятий. 27 октября 1917 года состоялось историческое заседание Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями полковых и фабрично-заводских комитетов. Всего в работе этого собрания приняло участие около 200 человек. Истерическим выкрикам соглашателей большевики Будкин, Докукин, Охапкин противопоставили убедительные факты, разоблачающие деятельность Временного правительства и мелкобуржуазных партий. Поздно ночью была поставлена на голосование резолюция большевистской фракции, требовавшая передачи власти Советам. Ее поддержали 88 человек, против проголосовало 46, остальные воздержались³¹. В ведущих крупнейших губернских центрах Поволжья Советская власть установилась сразу же после победы Петроградского вооруженного восстания. В городах с большей прослойкой мещанского населения власть Советов утвердилась несколько позднее.

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СИМБИРСКЕ, ПЕНЗЕ И АСТРАХАНИ

В Симбирске, Пензе и Астрахани превосходство революционных сил над силами контрреволюции не было таким очевидным, как в развитых промышленных центрах Поволжья. Слабее оказались позиции революционных сил и в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большевистские организации в Симбирске, Пензе и Астрахани не могли идти в сравнение с организациями РСДРП(б) в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Костроме ни по численности, ни по влиянию на широкие массы, ни по опыту революционной борьбы. Это не могло не сказаться на сроках завоевания власти пролетариатом.

В Пензе и Симбирске Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов контролировались эсерами и меньшевиками. 25 октября 1917 года Пензенский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил: «Не подчиняться большевистским распоряжениям из центра».

В Пензе и Симбирске соглашатели развернули в октябре 1917 года активную кампанию против перехода власти в руки Советов. Симбирские меньшевики убеждали массы в том, что Советы ни в коем случае не должны брать власть «в свои руки, потому что еще не пришло время для чисто рабочей революции с целью устройства социалистического строя, потому что Россия и русский народ еще не подготовлены к социализму»³². Социалисты-революционеры Симбирска доказывали рабочим, солдатам и крестьянам, что только враг революции может призывать к установлению власти Советов³³. 30 октября на собрании рабочих и служащих станции Пенза меньшевик Н. Степанов патетически спрашивал: «Значит, вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, т. е. беднейшей части населения? Можно ли это сделать? Где опыт, знание, умение управлять страной! И, положим, что вся власть управления страной перейдет к Советам, будет ли все население доверять этой власти?»³⁴.

Дискредитируя Советы как органы власти, соглашатели в Пензе решили одновременно попытаться нейтрализовать популярный большевистский лозунг «Вся власть Советам!» и другим путем. Они предложили, чтобы местный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов разделил бы власть в губернии с революционными организациями, думой и земством.

Небольшой по численности организации пензенских боль-

шевиков пришлось нелегко, им предстояло в борьбе за власть Советов решить несколько трудных задач. Сложность положения пензенских большевиков усугублялась тем, что председатель горкома РСДРП(б) С. Савицкий в вопросе о власти занял уклончивую полуменьшевистскую позицию.

Помощь большевикам Пензы пришла из Петрограда: в первых числах ноября из столицы в этот губернский центр по указанию В. И. Ленина прибыл талантливый организатор и пропагандист В. В. Кураев с группой матросов-большевиков. Члены РСДРП(б) Пензы провели агитационную кампанию, настаивая на перевыборах рабочей секции объединенного Совета. Однако прошедшие 10 ноября выборы не дали пензенским большевикам желаемых результатов: в рабочую секцию Совета вошло 24 члена РСДРП(б), 42 меньшевика и 14 социалстов-революционеров³⁵. Пензенской большевистской организации предстояло проделать большую работу, чтобы завоевать массы на свою сторону. Несколько лучше обстояли дела у симбирских большевиков, которые в начале ноября уже располагали большинством в рабочей секции Совета. Но у большевиков Симбирска оставались очень слабыми позиции в местном гарнизоне, а следовательно, и в солдатской секции объединенного Совета.

В первой половине ноября большевики Пензы и Симбирска получили в свое распоряжение самое мощное оружие, которым они беспощадно разили меньшевиков и эсеров: декреты Советской власти о земле и о мире. Они имели громадное значение в деле завоевания рабочих и крестьян на сторону большевистской партии. Борьба между большевиками и соглашателями достигла своей кульминации в Симбирске и Пензе в конце ноября — начале декабря 1917 года. В. В. Кураев рассказывает об этих напряженных днях: «Страстные дискуссии с меньшевиками на рабочих собраниях затягивались на долгие часы. Нужна была огромная энергия и самодеятельность нашего партийного актива, чтобы выполоть сорную траву меньшевистской идеологии в рабочих рядах... Каждый большевик ежедневно, без усталости в многочисленных беседах, переходя от станка к станку разъяснял своим товарищам беспартийным рабочим всю губительность меньшевистской тактики и агитировал за коммунистическое восстание.

Массовая индивидуальная агитация и частые митинги на предприятиях в короткий срок вырвали почву у меньшевиков»³⁶. Следует отметить, что большую помощь Пензенской организации РСДРП(б) оказали питерские рабочие-большеви-

ки, прибывшие в Пензу накануне Октября на строительство трубочного завода³⁷. Они же помогли местным большевикам окончательно изжить заблуждения оппортунистического характера. Все колеблющиеся вынуждены были оставить Пензенскую организацию большевиков. 3 декабря 1917 года отказавшись от своего поста председателя Пензенского горкома РСДРП(б) Савицкий, который неоднократно призывал к объединению с меньшевиками и проявлял колебания оппортунистического характера в отношении к лозунгу «Вся власть Советам!». Очищение от колеблющихся способствовало укреплению рядов пензенских большевиков, которые с утроенной энергией развернули борьбу за передачу власти Советам.

Нельзя сказать, что соглашатели в Пензенской и Симбирской губерниях равнодушно взирали на агитационно-пропагандистскую деятельность большевиков. В меру своих сил и возможностей мелкобуржуазные организации вели борьбу за массы. Более того, пензенские правые социалисты-революционеры начали угрожать большевикам применением против них оружия. 21 ноября фракция эсеров Пензенского Совета заявила: в случае попытки большевиков установить Советскую власть в городе она обратится к такому «старому испытанному методу борьбы партии... как террор»³⁸.

Однако ни самая тонкая демагогия, ни прямой обман, ни угрозы не могли сломить большевиков, как и не могли помочь уже меньшевикам и эсерам. Соглашательские организации Пензы и Симбирска пришли в упадок. Об этом красноречиво говорили, например, цифры посещаемости общих собраний членами Пензенской меньшевистской организации: 16 июня 1917 года присутствовало 120 человек, 7 июля — 100, 15 сентября — 78, 24 ноября — 30. Орган пензенских меньшевиков отмечал 30 октября, что в период «большевистского переворота» обнаружилось «значительное усиление интернационалистической части в среде самого меньшевизма» и «недовольство тактикой своих лидеров внутри самих меньшевистских фракций Советов»³⁹.

Все меньший сбыт находили среди масс соглашательские печатные издания. 1 декабря прекратил свое существование орган пензенских социалистов-революционеров, а двумя-тремя неделями раньше — эсеровская «Симбирская народная газета». После ознакомления с декретами Советской власти о земле и мире солдаты пензенского гарнизона заявили, что они совершили ошибку, голосуя на выборах в Учредительное собрание за социалистов-революционеров.

Ускорившийся и углубившийся отход масс от эсеровской партии неизбежно вызывал в последней очередные и все более мощные кризисы. Расколоть единый фронт антисоветских мелкобуржуазных организаций, перетянуть на свою сторону колеблющихся их членов — эти задачи предстали во всей своей сложности и трудности перед большевиками Пензы и Симбирска. Они решали их в соответствии с общей политической линией партии по отношению к мелкобуржуазным партиям.

С первых дней Октябрьской революции РСДРП(б) во главе с В. И. Лениным стремилась привлечь прогрессивные демократические элементы из соглашательских организаций на сторону Советской власти. Партия большевиков проводила политику, направленную на приобщение мелкобуржуазной демократии к созидательной работе по построению социализма в стране. Более того, руководство большевистской партии во главе с В. И. Лениным неоднократно приглашало левых эсеров к вхождению в правительство. (Безусловно, вхождение в правительственные органы обуславливалось для лидеров соглашательских партий признанием советской власти и ее первых декретов). Большевики отнюдь не навязывали однопартийной системы, они не отказывались сотрудничать с мелкобуржуазными партиями, вставшими на платформу власти Советов. Подобная политическая стратегия и тактика, в основе которой лежало стремление партии большевиков к укреплению связей с левыми элементами в рядах членов мелкобуржуазных партий, сложилась задолго до Октябрьской революции. В. И. Ленин в 1915 году прямо указывал, что было бы просто «неумно» отказываться от возможных союзов с мелкой буржуазией⁴⁰.

От партии большевиков требовалась исключительно гибкая, осторожная и принципиальная политика по отношению к партиям меньшевиков и социалистов-революционеров, в особенности к их левым интернационалистическим группам, которые еще отражали интересы и настроения значительной части населения страны. В. И. Ленин подчеркивал: «В такой стране, как Россия, где мелкобуржуазные элементы ведут все сельское хозяйство, в такой стране без поддержки мелкобуржуазного слоя мы долго продержаться не можем»⁴¹.

Немалое значение для победы Советской власти в Пензе, Симбирске и Астрахани приобрел переход левых социалистов-революционеров в лагерь сторонников власти Советов. Основа для соглашения с левыми эсерами появилась в период июля — октября 1917 года, когда последние начали отстаивать требования передачи власти земли крестьянам до созыва Учреди-

тельного собрания, а также прекращения империалистической войны и создания правительства из представителей социалистических партий. Левые эсеры в октябре — ноябре приняли известное практическое участие в борьбе за установление власти Советов.

Победа Октябрьского вооруженного восстания ускорила процесс организационного отделения левых сил в партии социал-революционеров. Сотрудничество большевиков и левых эсеров в местных Советах стало более тесным и прочным со второй половины ноября 1917 года. Как известно, первый съезд левых социалистов-революционеров, состоявшийся 19—28 ноября 1917 года, рекомендовал всем своим членам партии «принять органическое участие во всех органах центральной и местной народной власти»⁴². М. Спиридонова в своем выступлении на первом съезде левых эсеров заявила, что Советы являются самым «полным выражением народной воли».

Естественно, что после первого съезда левых эсеров обострились еще более внутренние противоречия в местных организациях ПСР. В конце ноября раскололась эсеровская организация в Симбирске, несколькими днями раньше — в Астрахани. Причем из 350 эсеров в Астрахани 200 заняли, как сообщил их делегат на I Всероссийском съезде левых эсеров, левоинтернационалистические позиции⁴³. В первых числах декабря лидеры левоэсеровской фракции в Пензенском Совете Костин и Тутенков начали зондировать почву относительно возможности соглашения с местными большевиками.

19 декабря в Пензе состоялось собрание группы левых социалистов-революционеров. Участники этого совещания обсуждали вопрос о целесообразности официального разрыва с пензенским губкомом ПСР, которым руководили правые социалисты-революционеры. После выступления нескольких ораторов выяснилось, что разногласия между правыми и левыми эсерами столь велики, что без формального размежевания не обойтись.

Противоположность взглядов у левых и правых эсеров Пензенской организации обнаружилась при обсуждении вопросов о характере Октябрьской революции, роли Учредительного собрания и Советов, об отношении к большевикам. Во-первых, левые эсеры называли Октябрьскую революцию народно-социальной, правые же переход власти Советам квалифицировали как захват государственного аппарата кучкой заговорщиков, во-вторых, левые эсеры отстаивали лозунг «Вся власть Советам», тогда как сторонники В. Чернова требовали передачи

всей власти Учредительному собранию; в-третьих, если левые социалисты-революционеры выступали за создание единого революционного фронта с большевиками, то правые считали своей задачей доведение борьбы с членами РСДРП(б) до победного конца. В конце концов после долгих споров между собой левые эсеры пришли к выводу, что нужно официально порвать всякие связи с «черновцами», ибо в противном случае можно потерять доверие народных масс. В этот же день был создан временный комитет пензенских левых эсеров.

Вскоре лидеры левых социалистов-революционеров Пензы установили деловые контакты с большевиками. Вот что рассказывает председатель Пензенского губкома РСДРП(б) В. В. Кураев в своих воспоминаниях о начальном этапе совместной работы большевиков и левых эсеров в губернском Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: «Крестьяне левые эсеры очень быстро сошлись в Совете с рабочими, солдатами и крестьянами большевиками... Во время переговоров с нашей фракцией левые эсеры никаких особых условий и требований не выставили. Мы привлекли их в состав президиума и дали нагрузку в работе. Партийное руководство Советом через нашу фракцию мы осуществляли без особых затруднений»⁴⁴. Блокирование большевиков с левыми эсерами, подчеркнул В. В. Кураев, значительно ускорило процесс установления и упрочения Советской власти в Пензенской губернии.

Правые эсеры и меньшевики, потеряв контроль над гарнизонами Симбирска и Пензы, старались оттянуть сроки перевыборов солдатских секций Советов. В Пензе меньшевики и эсеры протасили в местном Совете резолюцию о роспуске гарнизона, чтобы сорвать перевыборы солдатской секции Советов. Согласно эсерово-меньшевистскому постановлению, демобилизация солдат Пензенского гарнизона должна была начаться 12 декабря 1917 года.

Большевики Пензы во главе с В. В. Кураевым расстроили планы соглашателей. На гарнизонном собрании члены РСДРП(б) убедили солдат провести выборы в Совет 7 декабря. В ответ эсеры и меньшевики призвали гарнизон бойкотировать перевыборы в солдатскую секцию. Однако этот тактический прием принес лидерам мелкобуржуазных организаций результаты, обратные желаемым. Эсерово-меньшевистские «Известия» Пензенского Совета 9 декабря подвели грустные итоги своей кампании бойкота: «В Совет попали только большевики. Ни социалисты-революционеры, ни социал-демократы в неправильных выборах участвовать не хотели и их в Совете нет. Со-

бытие уже совершилось, и теперь уже поздно сожалеть о совершенных ошибках»⁴⁵.

Успехи большевиков была вынуждена признать местная буржуазная газета «Пензенская речь». «Завоевание Пензы, — писал этот кадетский орган 8 декабря, — ведется по всем правилам большевистской стратегии, освещенной долгим опытом... На победоносную стратегию большевиков местная власть отвечает актами, до смешного напоминающими действия погибшего министерства Керенского». Пензенские кадеты открыто советовали правым эсерам и меньшевикам употребить против «преступных пропагандистов» солдатские штыки.

Но солдатские массы в Пензенской губернии встали прочно на позиции Советской власти. Председателем солдатской секции Пензенского Совета был избран большевик В. В. Кураев⁴⁶. 9 декабря на выборах в исполком объединенного Пензенского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов победу одержали большевики. В состав исполкома, кроме 13 членов РСДРП(б), вошли 11 левых социалистов-революционеров. Орган Пензенского Совета газета «Известия» двумя днями позднее перешел в руки большевиков и левых эсеров. Окончательное провозглашение власти Советов в Пензе состоялось 21 декабря 1917 года.

Перевыборы Совета рабочих и солдатских депутатов Симбирска прошли в начале декабря 1917 года. Руководящие позиции в Совете заняли большевики. Здесь большевиков в борьбе за передачу власти Советам поддерживали левые эсеры и максималисты. Переход власти Советам в Симбирске осуществился 10 декабря 1917 года. 11 декабря в этом городе был создан ревком из пяти человек: большевиков М. А. Гимова, М. С. Першина и А. В. Швера, левого эсера С. П. Петрова⁴⁷ и максималиста К. М. Яматина.

В Астрахани борьба рабочего класса за власть Советов затянулась до января 1918 года. Наличие сравнительно большой прослойки казачества в городе и пригородах наложило своеобразный отпечаток на развитие революционных событий.

Известие о начале Октябрьской революции в Астрахани было получено 25 октября 1917 года. Вечером того же дня состоялось пленарное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов. Тон собранию задали левозэсеровская фракция. Председатель Совета А. С. Перфильев призвал рабочих и солдат к «спокойствию, выдержке, воздержанию от эксцессов и послушанию Совету»⁴⁸. Собрание приняло резолюцию, которая отнюдь не свидетельствовала о готовности руководящего состава Совета

к борьбе за власть. Она не давала классового анализа происходящим событиям, не указывала рабочим и солдатам на главного врага и не определяла стоящих перед ним задач. Резолюция призывала рабочих и солдат держаться выжидательной тактики. Такая же классовая неопределенность была присуща телеграмме, направленной Советом в адрес II Всероссийского съезда Советов. Приветствуя съезд, Совет выражал уверенность, что «демократия направит революцию по верному пути»⁴⁹. Оба эти документа позволяют сделать вывод о том, что под давлением мелкобуржуазных слоев населения, буржуазии и казачества в первые дни Октябрьской революции в Астраханском Совете взяли верх соглашательские элементы и временно навязали ему политику отказа от поддержки вооруженного восстания в Петрограде, отказа от курса на социалистическую революцию.

Контрреволюция умело воспользовалась соглашательской тактикой Совета рабочих и солдатских депутатов. На заседании городской думы 25 октября была принята резолюция, в которой буржуазия и представители правых эсеров и меньшевиков проклинали вооруженное выступление петроградских рабочих, солдат и матросов, «направленное к захвату власти». Они категорически заявляли, что вся полнота власти должна принадлежать только Учредительному собранию. Астраханские контрреволюционеры призвали Временное правительство вооруженной силой расправиться с большевиками и революционным народом.

Для оказания помощи буржуазному правительству городская дума признала необходимым создать специальный орган из представителей организаций и учреждений, поддерживающих Временное правительство. 26 октября при губернском комиссаре состоялось совещание руководящих деятелей астраханской контрреволюции. Его участники пришли к выводу о необходимости до конца и самым решительным образом поддерживать Временное правительство. Пользуясь попустительством Совета, контрреволюционеры обратились ко всему населению Астрахани с воззванием, в котором осуждали петроградское восстание, клеветали на большевиков и требовали созыва Учредительного собрания.

В ответ на активную деятельность буржуазии руководители Астраханского Совета во главе с левым эсером Перфильевым попытались добиться соглашения с правыми эсерами и меньшевиками. 30 октября они пригласили на заседание исполкома представителей мелкобуржуазных партий и обратили

внимание правых эсеров и меньшевиков на их контрреволюционную деятельность. Руководители Совета убеждали соглашателей, что все их так называемые меры предосторожности не вызываются необходимостью ввиду лояльной позиции Совета. Они просили меньшевиков и эсеров тщательно обсудить данный вопрос в своих партийных организациях и как можно быстрее дать ответ Совету рабочих и солдатских депутатов. Это заседание выяснило намерение руководства Совета пойти на соглашение с правыми эсерами и меньшевиками на компромиссных условиях. Астраханский Совет продолжал проводить линию отказа от борьбы за власть.

3 ноября 1917 года в Астрахань возвратился делегат II Всероссийского съезда Советов большевиков И. Е. Лемисов. Он привез декреты съезда о переходе государственной власти к Советам, о земле и мире и воззвания Рабоче-крестьянского правительства. 4 ноября эти документы большим тиражом были отпечатаны и распространены по городу. В этот же день состоялось бурное собрание Совета. С докладом об Октябрьской революции и итогах работы съезда выступил И. Е. Лемисов. Он разоблачил клевету буржуазной печати о петроградском восстании, подчеркнул его высокоорганизованный характер и призвал рабочих и солдат к решительной борьбе за власть Советов.

На собрании выступил представитель Саратовского Совета большевик С. Раппопорт. Он рассказал о самоотверженной и дружной борьбе рабочих и солдат Саратова за власть Советов и выразил сожаление, что «Астрахань держалась выжидательно и не последовала примеру столицы и Саратова»⁵⁰. Эсеры и меньшевики разразились бранью в адрес И. Е. Лемисова. Они готовы были превратить собрание Совета в антисоветский митинг, а его трибуну использовать для распространения своих контрреволюционных идей. Однако председатель собрания предупредил их, что он не позволит никаких выпадов в адрес докладчика.

Подавляющее большинство депутатов горячо приветствовало выступление И. Е. Лемисова и С. Раппопорта. Как писала одна из астраханских буржуазных газет, «в аудитории царило настроение большевистское»⁵¹. Но и это не поколебало прежней нерешительности политики руководящего состава Совета. Председатель Совета левый эсер А. Перфильев заявил, что Совет остается на прежней позиции — не допускать в Астрахани неорганизованных выступлений, не стремиться к захвату власти, так как это поведет к совершенно напрасному пролитию

крови и не делает политики для всей страны. Выжидательный курс Астраханского Совета, навязанный левозсеровским руководством, сдержал революционную активность масс и отодвигал окончательное решение вопроса о власти на неопределенное время. За эту политику Совета его руководителей недвусмысленно похвалил один из лидеров астраханских меньшевиков Ф. Кругликов. «Городское самоуправление, земство, казачество, губернский исполнительный комитет, губернский комиссар и другие, говорил он,— высказались за поддержку Временного правительства. За отдачу власти Советам встали местный Совет и большевики. Обе стороны, понимая, что Астрахань не в состоянии делать политику, приняли мудрое решение держаться выжидательной политики»⁵².

Совершенно очевидно, что позиция, занятая Советом, не могла привести к ликвидации напряженности в городе. В Астрахани бурно росло забастовочное движение. Оно приобретало преимущественно политический характер. Рабочие демонстративно отказывались признавать местные органы свергнутого Временного правительства. Все шло к тому, что они в любой момент могли выйти на улицу и с оружием в руках бороться против буржуазии. Накапливала силы и астраханская контрреволюция. Она в спешном порядке укрепляла боеспособность казачества и предельно озлобленное реакционное офицерство, сбегавшееся в Астрахань из центральных областей Советской России. Буржуазия вела переговоры с донским и уральским казачеством, стремясь заручиться их поддержкой в борьбе против Совета рабочих и солдатских депутатов. Все это создавало в Астрахани крайне напряженную обстановку.

Руководители Совета начали понимать, что сложившаяся ситуация рано или поздно завершится переходом власти в одни руки. Они сделали попытку разрешить вопрос о власти, однако не вооруженным путем (для этого Совет не имел достаточной силы), а посредством коалиционных действий.

7 ноября Астраханский Совет внес на обсуждение общественных и политических организаций проект создания местной власти. Он предлагал передать власть исполнительному комитету, в состав которого должны были войти пять представителей Совета, по одному из политических партий, по одному от полкового комитета и профессиональных союзов, по три представителя — от городской думы и от казачества. В ответ на это предложение правые эсеры и меньшевики заявили, что они не могут согласиться с переходом власти к органу, ответственному перед Советом. Лишь городская дума, по их мнению, мог-

ла быть единственным полновластным органом. Мнение городской думы по данному вопросу было высказано кадетом Дайхесом, заявившего, что принятие думой предложения Совета будет знаменовать полную победу большевиков. Городская дума отвергла предложение Совета и решила вернуться к обсуждению вопроса о власти после выборов в Учредительное собрание.

Неудавшаяся попытка руководителей Совета решить вопрос о власти дала реакционным кругам повод к распространению всевозможных клеветнических измышлений и слухов о том, что в Астрахани якобы готовится «кровавая баня» и т. п. Еще более накалили обстановку эсеров-меньшевистские служащие правительственных и частных учреждений. На делегатском собрании 11 ноября они приняли резолюцию, в которой заявили, что если в Астрахани произойдет захват власти Советом, служащие не будут исполнять его распоряжений и объявят забастовку. Опубликованная на видных местах всех буржуазных и соглашательских газет, эта резолюция еще больше обострила обстановку в городе.

15 ноября 1917 года Совет вынужден был обратиться к населению с воззванием. «По городу ходят вздорные слухи, — говорилось в нем, — о якобы готовящемся восстании большевиков, не верьте всем этим басням контрреволюционных дельцов. Ничего не ожидается и никто не приедет». В тот же день в передовой статье газеты «Астраханский рабочий» большевики убеждали читателей, что в революционной России имеет право на существование лишь власть Советов, «все же остальные организации в корне расходятся с властью народа, нетерпимы и недопустимы»⁵³.

Отбиваясь от провокационных наскоков реакции, революционная часть Астраханского Совета стала готовить массы к решительной борьбе за диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Однако время, упущенное накануне Октябрьской революции и в ходе нее, не позволило немедленно призвать массы к восстанию. Отсутствие вооруженной силы — отрядов Красной гвардии и революционных войск (единственный полк, размещенный в Астрахани, продолжал находиться под командованием контрреволюционного подполковника Алексева) — вынуждало искать другие решения. 17 ноября Совет вновь предпринял попытку решить вопрос о власти мирным путем. На заседании городской думы большевик А. Е. Трусов огласил проект создания органа власти, зависящего от Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако этот шаг, не подкреп-

ленный соответствующей силой, успеха не имел. Его даже не поставили на обсуждение.

Городская дума выдвинула свой проект организации коалиционной власти. Представитель меньшевиков, инициаторов плана, Стариков следующим образом объяснил его необходимость: «Я сторонник старого Временного правительства, но я вижу, что страсти кипят, что их искусственно нагревают и поэтому взываю взглянуть на данный проект органа власти как на компромисс и проект принять». Характерно, что и большевики, и кадеты возражали против коалиционного принципа организации власти. Только власть Советов, опирающаяся на рабочих, революционных солдат и полупролетарские слои населения, могла соответствовать интересам большевиков. Кадеты также не согласились с половинчатым предложением меньшевиков. «Партия народной свободы, — заявил кадет Дайхес, — уполномочила меня выразить категорический протест против органа власти, подобным образом конструируемого»⁵⁴. Их могла удовлетворить лишь диктатура буржуазии, опирающаяся на казачье войско, офицерство и прочие контрреволюционные силы астраханской буржуазии.

Однако ни большевики, ни кадеты не были еще готовы к решительной борьбе за власть. Ни те, ни другие не располагали необходимой для этого вооруженной силой. Несколько позднее секретарь коллегии НКВД Духовский так характеризовал обстановку, сложившуюся в то время в Астрахани: «Недостаток подходящих сил заставил Совет пойти на компромисс... Но стремление окончательно закрепить власть за Советом уже имеется налицо»⁵⁵.

30 ноября состоялось организационное заседание коалиционного органа, в который согласились войти и представители большевистской организации. В его состав вошло по 5 представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов и Совета профессиональных союзов, три — от городской думы и по одному представителю от 156-го пехотного полка и политических партий Астрахани. Председателем «Комитета народной власти» (так соглашатели называли коалиционный орган) был избран левый эсер А. С. Перфильев — председатель Совета рабочих и солдатских депутатов, товарищами председателя эсеры А. Семенов и Якиманский, секретарем — эсер Сигалов. Наряду с эсерами в «Комитет народной власти» вошли меньшевики — Р. Аствацатуров, продолжавший исполнять обязанности губернского комиссара Временного правительства, Абдушели, Коханов и др. Таким

образом, партийный состав «Комитета народной власти» носил преимущественно эсеро-меньшевистский характер. Вместе с тем в работе «Комитета народной власти» некоторое время принимали участие большевики Н. Л. Веймарн, С. Х. Гольдберг, А. Е. Трусов и некоторые другие⁵⁶.

Путем создания коалиционного органа соглашатели рассчитывали подорвать доверие масс к Совету и удержать рабочих от революционной борьбы. Эта цель призрачно вырисовывалась из следующего рассуждения меньшевика Кругликова: «Обыватель, голосовавший против большевиков, на улицу не выйдет, а те, кто за большевиков, именно на улицу пойдут. И вот, чтобы они не вышли, и нужен компромисс»⁵⁷. Следует отметить, что в какой-то степени временно соглашателям удалось достичь своих целей. Этим путем они выдвинули в центр общественного мнения города и губернии «Комитет народной власти», а совмещением должностей председателя Совета и председателя Комитета Совет был поставлен в подчиненное положение. Переклещиванием руководящего состава Совета на работу в «Комитете народной власти» соглашателям удалось лишить Совет инициативы в постановке и решении актуальных политических и экономических проблем — временно это стало прерогативой «Комитета народной власти».

Вместе с тем революционная часть Совета во главе с большевиками не только не прекратила подготовки к вооруженной борьбе за власть, но еще более активизировала ее. Именно она была той силой, которая вела за собой большинство депутатов, а вместе с ними широкие массы рабочих солдат и крестьян и в конечном итоге добилась победы над астраханской контрреволюцией. Большое внимание она стала уделять организации отрядов Красной гвардии. В ноябре 1917 года численный состав Красной гвардии был доведен до 300 человек.

Под руководством большевистской фракции Совета в ноябре 1917 года состоялась общегородская конференция красногвардейцев, которая приняла устав, избрала штаб Красной гвардии. Начальником штаба стал большевик И. Е. Лемисов. Большевистская фракция принимала меры к вооружению красногвардейцев. В начале декабря она направила группу своих представителей во главе с депутатом Совета Долгановым в Саратов и Казань с заданием достать оружие. В сопроводительном письме отмечалось, что в Красную гвардию записывается большое количество рабочих, а обучать их нечем. «В гарнизоне чувствуется большой недостаток оружия. Пулеметов же совсем не имеется»⁵⁸. Группе делегатов удалось изыскать и доставить

в Астрахань 300 тысяч патронов, несколько пулеметов, револьверы и т. д. Это значительно улучшило боевое обеспечение красногвардейцев.

Усилия большевистской фракции по созданию и вооружению Красной гвардии активно поддерживали рабочие фабрик и заводов. В первой половине декабря они провели сбор средств, необходимых на содержание красногвардейцев. В короткий срок была собрана значительная сумма денег, которая позволила увеличить численность Красной гвардии до 500 человек.

Решающего успеха добились большевики в борьбе за солдатские массы. В декабре солдаты изгнали с должности командира 156-го пехотного полка казачьего подполковника Алексева и вместо него избрали большевика М. Л. Аристова.

В рассматриваемое время на новую ступень поднялось пролетарское движение. 14 ноября рабочие предъявили фабрикантам и заводчикам требования об улучшении условий труда и повышении заработной платы. Для обсуждения этих требований предприниматели попросили трехдневный срок, но не пришли к позитивному решению. После истечения установленного срока забастовочное движение вспыхнуло с новой силой. Предприниматели вновь заявили об их согласии пойти навстречу рабочим. Между капиталистами и рабочими было достигнуто соглашение об удовлетворении требований рабочих и прекращения забастовки. Однако и на этот раз предприниматели не спешили с выполнением условий соглашения. В ответ на вероломную политику буржуазии 30 ноября рабочие объявили в с о б щ у ю забастовку. Активность и упорство рабочих в борьбе за свои права приобрели невиданный ранее характер. Прекратили работу металлисты, деревообделочники, рабочие трамвая, чернорабочие, извозчики, грузчики и рабочие многих других профессий. Жизнь в городе замерла.

Фабриканты и заводчики отказывались повысить заработную плату рабочих под тем предлогом, что банк не располагает денежными знаками. Тогда Совет рабочих и солдатских депутатов обратился в Совет Народных Комиссаров с просьбой перевести в Астраханский банк несколько миллионов рублей. Советское правительство соглашалось выделить в распоряжение Астраханского отделения государственного банка 5 миллионов рублей, но с условием, что деятельность банка будет осуществляться под контролем Астраханского Совета. Совет немедленно назначил своего комиссара, но правление банка отказалось его принять.

С этого момента центр борьбы астраханских рабочих смещается в политическую плоскость: основным их требованием становится признание советского контроля над банками Астрахани. Забастовочное движение в сложившихся условиях неуклонно перерастало в политическую борьбу за власть Советов. Все требования приобретают четко выраженный политический характер: «Мы категорически требуем допустить нашего комиссара в государственный банк, — писали рабочие в воззвании по поводу объявления всеобщей забастовки, — и заявляем: в случае отказа мы сможем настоять на этом решении»⁵⁹.

Всеобщая забастовка закончилась 7 декабря 1917 года победой рабочих. Они не только добились повышения заработной платы, но и сломали сопротивление астраханских банкиров. Во все частные банки и отделения государственного банка Астрахани были приняты представители Совета. Большевистская фракция получила в свои руки могучее средство борьбы против местных контрреволюционных сил. Фабриканты и заводчики, рыбопромышленники и даже казачество, имевшие текущие счета в банках, попали в финансовую зависимость от Совета рабочих и солдатских депутатов. Вместе с тем рабочие отлично понимали, что их победа является частичным успехом в борьбе против контрреволюции, что только с переходом всей власти в руки Совета можно окончательно преодолеть политический и экономический кризис. Они все чаще и настойчивее требовали признать Совет Народных Комиссаров.

13 декабря рабочие лесопильного завода Макарова записали в резолюции: «Мы, рабочие, предупреждаем вас, господа, пока еще не поздно оставить политику саботажа и признать власть народных комиссаров»⁶⁰. Они решительно требовали, чтобы вся полнота власти в Астрахани перешла к Совету рабочих и солдатских депутатов. Астраханский Совет получил со стороны рабочих не только политическую, но и финансовую поддержку. 21 декабря собрание рабочих и служащих акционерного общества «Океан» постановило признать высшей властью в России Совет Народных Комиссаров и отчислить на содержание Астраханского Совета 2 процента своей заработной платы. 22 декабря рабочие земляного каравана решили признать Советское правительство и потребовали, чтобы финансовые операции осуществляли только те организации, которые имели представителей Совета. Таким образом, трудящиеся массы на деле признавали высшей властью в Астрахани Совет рабочих и солдатских депутатов.

Мощная революционная волна, поднявшаяся в Астрахани, захватила также рыбные промыслы. Обострение политического и экономического кризиса и бессилие «Комитета народной власти» в проведении позитивной социально-экономической деятельности вели к тому, что рабочие рыбных промыслов обращались за помощью к Астраханскому Совету рабочих и солдатских депутатов. 9 декабря забастовали рабочие и служащие Владимирской пристани в Царевском уезде. Избранной для поездки в Астрахань делегации, которая должна была добиться удовлетворения их требований, рабочие рекомендовали прежде всего войти с просьбой в Совет солдатских и рабочих депутатов. Со временем увеличивались авторитет Астраханского Совета и его влияние на широкие трудящиеся массы города и деревни и это повышало его шансы на победу в борьбе против контрреволюции.

Одновременно с нарастанием революционной волны консолидировались контрреволюционные силы. В 20-х числах ноября эсеры созвали губернский съезд ловцов-предпринимателей. Съезд явился своеобразным смотром иногородних сил контрреволюции, на которые реакция рассчитывала опереться в борьбе против Совета. Главной же ударной силой контрреволюционеров являлось астраханское казачье войско.

Правление Астраханского казачества вошло в «Юго-восточный союз казачьих войск», созданный реакционными кругами Донского казачества для борьбы с Советской властью. Войсковой круг преследовал рядовых казаков, которые состояли в большевистской партии или сочувствовали ей. 13 декабря был лишен земли и водных угодий казак Замьяновской станицы большевик Багаев.

Вместе с тем войсковое правление разрешило принимать в казачье сословие калмыков с тем, чтобы в первую очередь бросить их против Совета рабочих и солдатских депутатов. 6 декабря 1917 года в Астрахани состоялось многолюдное собрание мещан, пожелавших перейти в казачество. Войсковое правление отозвало с фронта два казачьих полка и под видом нового призыва на службу дополнительно сосредоточило в Астрахани несколько сотен молодых казаков. Для оперативной связи с контрреволюционными силами в пределах Астраханской губернии и всего Юго-Востока России войсковое правление разработало проект особой так называемой летучей почты. Цель всех этих приготовлений очень четко выразил один из деятелей войскового правления А. Догадин. Он заявил, что казачест-

во организуется для того, чтобы в любое время быть готовым дать бой большевикам ⁶¹.

Злобную клеветническую кампанию против Советской власти вела Астраханская городская дума. Она фабриковала фальшивки на Советскую власть и в большом количестве распространяла их среди населения. Дума организовывала митинги и собрания всевозможного контрреволюционного охвоста в защиту буржуазной власти и Учредительного собрания. Объединяли свои силы фабриканты, заводчики, торговцы. 10 декабря они собрались на общегородской митинг, дружно прокричали «Ура!» в честь Учредительного собрания, проштамповали несколько антисоветских резолюций и постановили объединить все предпринимательские союзы в один орган.

Таким образом, к январю 1918 года мобилизация революционных и контрреволюционных сил в Астрахани подходила к концу. Со дня на день мог произойти вооруженный взрыв, который должен был окончательно решить судьбу местной власти.

К этому времени выяснилось также реальное соотношение сил между Астраханским Советом и «Комитетом народной власти». Благодаря деятельности большевистской фракции, авторитет Совета, его влияние на политическую и экономическую жизнь города и губернии несравненно возросли. «Все отделения, которые существуют при Совете, — писал в этот момент секретарь НКВД Духовский, — так или иначе связаны с губернскими учреждениями и влияют на деятельность последних» ⁶².

Роль Астраханского Совета в общественной жизни стала настолько значительной, что «Комитет народной власти» без его участия не мог решить ни одного более или менее важного вопроса. Во всех случаях, когда требовалась военная сила, комитет обращался к Совету рабочих и солдатских депутатов. Он предлагал Совету обеспечить охрану важных городских объектов ⁶³. Совет направлял вооруженные отряды рабочих и солдат в уезды для конфискации хлеба у крупных землевладельцев и хлеботорговцев. Сообщая в «Комитет народной власти» о критическом продовольственном положении в Астрахани, городской продовольственный комитет заявлял, что лишь помощь Совета позволяла ему выходить из чрезвычайно трудного положения более или менее удовлетворительно.

В конце 1917 года Астрахань переживала глубокий финансовый кризис. В банках города осталось очень мало денег и это обстоятельство грозило расстроить всю хозяйственную

жизнь города и губернии. «Комитет народной власти» не мог обратиться за помощью к Совету Народных Комиссаров — он не признавал Советское правительство. Из создавшегося положения «Комитет» нашел довольно оригинальный выход: 21 декабря он предложил Астраханскому Совету попросить Совет Народных Комиссаров выслать в Астрахань необходимую сумму денег. Одновременно «Комитет народной власти» предложил городской думе обратиться с аналогичной просьбой к несуществующему Временному правительству⁶⁴.

Положение «Комитета народной власти» стало крайне двусмысленным. В течение короткого времени он окончательно доказал свою никчемность, полностью дискредитировал себя в глазах рабочих и солдат и потерял всякую опору в массах. В конце декабря он уже не мог существовать самостоятельно. Не признавали комитет местные Советы. Так, 22 декабря Совет Николаевской слободы Царевского уезда записал в своем решении: «Если под «Комитетом народной власти» имеется в виду Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, то весьма понятно, эту власть Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Николаевской слободы признает, но если в Астрахани образован какой-нибудь комитет, не имеющий ничего общего с Советской властью, то таковой, конечно, исполком не признает»⁶⁵.

Наличие вооруженных отрядов Красной гвардии, переход на сторону большевиков 156-го пехотного полка, мощная поддержка, оказанная Совету трудящимися массами — все это позволило большевистской фракции перейти к решительным действиям в борьбе за власть. Совет принял решение объявить себя единственным органом власти. Руководство вооруженной борьбой Совет возложил на созданный им Военно-революционный комитет⁶⁶. Для провозглашения Советской власти Совет постановил 15 января 1918 года созвать губернский съезд Советов.

23 декабря большевистская фракция потребовала, чтобы «Комитет народной власти» назначил во все губернские органы управления советских комиссаров. Однако последний встал на путь саботажа требований большевиков. Заслушав резолюцию Совета от 23 декабря, он предложил фракции РСДРП(б) представить мотивировку в письменном виде, дать списки комиссаров, а также положение об их основных функциях.

30 декабря большевистская фракция повторила свое требование в ультимативной форме. И на этот раз комитет отделался ничего не значащей отговоркой. Он заявил, что до рассмотре-

ния вопроса программного характера о конечных целях комитета и методах их достижения рассматривать ультиматум Совета не имеет смысла. Усилия большевистской фракции Совет подкрепил решением отозвать своих представителей из «Комитета народной власти». «Настоящим имею честь заявить, — писал в «Комитет народной власти» большевик А. А. Демидов, — что в силу убеждений и невозможности работать так, как было бы желательно, я складываю свои полномочия как комиссара (по судоходству), так и члена «Комитета народной власти»⁶⁷.

Несколько позже поступило заявление от левого эсера А. Перфильева о том, что он согласно постановлению Совета слагает с себя обязанности председателя «Комитета народной власти». Одновременно военная секция Совета отдала распоряжение штабу Красной гвардии и солдатам 156-го полка приступить к ликвидации контрреволюционных групп и организаций. «Комитет народной власти» взял под защиту реакционеров. Он в категорической форме потребовал, чтобы Совет принял меры к прекращению обысков и арестов в городе без ведома и разрешения на то «Комитета народной власти» и губернского комиссара и освободил всех арестованных контрреволюционеров.

Вызывающе стало вести себя войсковое казачье правление. Оно непрерывно предъявляло Совету требования, запрещая вести агитацию среди казаков, настаивая на разоружении красногвардейцев. На улицах города появились казачьи разъезды, искусственно создававшие обстановку для всевозможных провокаций и инцидентов. Учитывая военное превосходство своих сил над вооруженными силами Совета, верхи астраханского казачества решили нанести по ним внезапный удар. Под завесой широко разрекламированного обещания войскового круга не прибегать к оружию в ночь на 12 января 1918 года они развязали вооруженную борьбу. Против отрядов Красной гвардии и 156-го полка было брошено три казачьих полка и несколько отрядов из офицеров и калмыков.

Четырнадцать дней астраханские рабочие и солдаты вели кровопролитные бои с контрреволюцией⁶⁸. В период боев на I губернский съезд в Астрахань съехались представители уездных и волостных Советов. К 15 января прибыло 40 делегатов. Обстановка гражданской войны не позволила открыть съезд в назначенное время. По предложению большевиков с делегатами провели совещание, которое призвало трудовое крестьянство оказать всемерную помощь астраханским рабочим и солдатам.

После совещания большинство делегатов возвратилось в уезды и волости для организации продовольственной и военной помощи революционным силам Астрахани. Неоценимую помощь астраханским рабочим и солдатам оказали Советы Астраханского, Царевского и Енотаевского уездов. Они прервали связь астраханских контрреволюционеров с их уездными базами. Уездные Советы пополняли революционные силы Астрахани отрядами крестьянской Красной гвардии, палладили снабжение продовольствием и боеприпасами, разоружили казаков своего уезда.

Даже Советы Черноярского уезда, на территории которого были многочисленные казачьи станицы, активно включились в борьбу против контрреволюции. По указанию Черноярского Совета в волостях были созданы специальные вооруженные отряды, которые заняли пункты вероятного передвижения казачьих войск. Один отряд Ново-Николаевской волости получил задание занять станцию Баскунчак, другой — направлен на помощь бедноте села Балхуны. Черноярский Совет передал волостным Советам значительное количество оружия и боеприпасов. Заслушав доклад представителя Солено-Займищенского волостного Совета об организации Красной гвардии, уездный Совет одобрил его деятельность и приказал начальнику гарнизона сию же ночь выдать представителю Солено-Займищенского Совета порох и патроны. К исходу вооруженной борьбы в губернском центре Черноярский Совет распространил по селам обращение с призывом преследовать бежавших из Астрахани белоказачков и разоружать их. Совет рекомендовал крестьянам разоружать всех присезжих, «так как казаки переодеты в штатское и мужицкое платье».

Значительную помощь астраханцам оказал Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов. По просьбе Астраханского Совета в начале 1918 года саратовцы сформировали 2-тысячный отряд, названный «Восточной армией», вооружили его орудиями и пулеметами и направили в Астрахань. Отряд под командованием саратовского большевика Сергея Загуменного очистил от белоказачков железнодорожную линию Саратов — Астрахань, разбил несколько неприятельских подразделений и оказал сильное военное и моральное давление на антисоветские силы Астрахани.

Героизм и самоотверженность астраханских рабочих и солдат, активная всесторонняя помощь трудящихся уездов и волостей, военная помощь Саратовского Совета обеспечили разгром контрреволюционных сил в Астрахани. «25 января

бой закончен полным разгромом врага», — доложил Рабоче-крестьянскому правительству председатель Астраханского Совета⁶⁹. 26 января 1918 года открылся I губернский съезд Советов, который провозгласил власть Советов в Астраханской губернии и создал единый полновластный губернский орган в лице Совета рабочих, солдатских, крестьянских и ловецких депутатов.

УТВЕРЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В УЕЗДНЫХ ЦЕНТРАХ

Советская власть установилась быстрее в тех уездных городах, где действовали сильные большевистские организации, где имелась сравнительно многочисленная прослойка рабочих. 28 октября 1917 года мирным путем утвердилась Советская власть в Сызрани; в этот день состоялось общее собрание Сызранского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором за большевистскую резолюцию, предложенную И. И. Берлинским, голосовали 92 депутата при 10 против и 10 воздержавшихся. Меньшевики-интернационалисты заняли колеблющуюся позицию. Их лидер Р. Э. Зирин⁶⁹ сначала предложил резолюцию, которая призывала к «борьбе против попытки захвата власти», а затем после голосования, показавшего пагубным образом подавляющее преимущество большевиков, согласился войти в состав военно-революционного комитета. Согласился войти в этот орган и представитель левозерсовской фракции. Не встречая сопротивления, красногвардейцы Сызрани заняли вокзалы, телеграф, телефонную станцию, банки и казначейство.

В обстановке острой классовой борьбы в конце октября — начале ноября 1917 года установилась Советская власть в Царицыне. Здесь все более или менее значительные революционные события в этот период были связаны с деятельностью Совета рабочих и солдатских депутатов. На первом же собрании Совета, состоявшемся в связи с петроградским восстанием, меньшевики настойчиво убеждали рабочих и солдат, что в сложившихся условиях их выступление в поддержку социалистической революции было бы ошибкой. Это мнение лидер меньшевистской фракции Д. Полуян подкрепил двумя важнейшими, с его точки зрения, доводами: во-первых, он утверждал, что восставших не поддержит армия, во-вторых, восстание отдалит путь к Учредительному собранию.

Большевики и беспартийные члены Совета решительным образом отменили прочь доводы соглашателей. «Я лично верю, — заявил Казаков, что большевики, как один человек, поддержат то самое знамя, которое на улицах Петрограда, быть может, теперь развевается». С большой силой на собрании прозвучала речь одного из фронтовиков. «Все мы, окопники, — убежденно и страстно говорил он, — поняли теперь и большевиков и меньшевиков. Большевики во время корниловского восстания пошли как один человек в первых рядах... Сначала в армии боялись большевиков, а теперь в армии все большевики... Мы объединились вокруг Советов и призываем здешние части сделать то же». В ответ на этот призыв С. Голубев зачитал резолюцию общего собрания рабочих и служащих трех заводов Серебрякова, единогласно принятую 25 октября 1917 года: «Считая Временное правительство не отвечающим настроениям народных масс и контрреволюционным, — писали рабочие, — требуем немедленного перехода власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Свое требование будем отстаивать вплоть до вооруженного выступления»⁷⁰. В заключение депутаты Совета поручили исполнительному комитету действовать в соответствии с той обстановкой, которая будет складываться в Царицыне.

До получения достоверных сведений о положении в столице члены большевистской фракции вели агитацию среди рабочих и солдат за переход власти к Совету, но решающего шага к захвату власти не делали. Утром 26 октября в Царицыне было получено официальное сообщение о восстании в Петрограде. В тот же день большевики приступили к созданию революционного штаба — руководящего центра в борьбе за власть. Одновременно с организацией революционного штаба и в противоположность ему царицынская контрреволюция создала свой «Комитет спасения революции», развернувший активную антисоветскую деятельность. Он пытался вооружить реакционную часть мещанства, выпускал воззвания со злобными нападениями на революционную часть Совета, члены комитета вели контрреволюционную агитацию в войсках, среди рабочих и служащих.

29 октября исполнительный комитет Цырицынского Совета обратился к населению города с воззванием, в котором заявлял, что вся полнота местной власти переходит к революционному штабу. В ответ на обращение исполкома 30 октября выпустил воззвание «Комитет спасения революции». Меньшевики и эсеры клеветали на восстание в Петрограде, проте-

стоvalи против захвата власти большевиками и низложения Временного правительства и ратовали за скорейший созыв Учредительного собрания. Комитет демагогически заявлял, что он «берет на себя охрану спокойствия и революционного порядка в городе и уезде», и призвал население выступать против передачи власти Советам⁷¹.

В городе сложилась обстановка, по своей сущности близкая к двоевластию. Вопрос о существовании двух органов власти 30 октября был обсужден на совещании членов Совета. Председатель революционного штаба И. Ф. Павлюков отметил всю серьезность переживаемого момента, который, по его мнению, мог дать победу Совету и буржуазии. Трудность в Царицыне усугублялась близостью враждебных Советской власти казачьих войск Каледина. В связи с этим обстоятельством И. Ф. Павлюков требовал не предпринимать каких бы то ни было активных выступлений и призывал везде и всюду выносить резолюции, организоваться и спланиваться вокруг Совета и революционного штаба.

Некоторое представление об обстановке, сложившейся в Царицыне в конце октября, дают выступления С. И. Чеботарева, Д. И. Павина и представителя 241-го пехотного полка. «Мне странно кажется двоевластие в Царицыне, одно из которых поливает Совет, называя его провокационным и контрреволюционным», — заявил Чеботарев. Его явно не устраивал курс Павлюкова на вынесение резолюций, он призывал рабочих и солдат защищать революцию «не бумагой, а делом». Д. И. Пavin прямо заявил, что в Царицыне «создалось две власти». Он убеждал членов Совета не присоединяться к «Комитету спасения», так как это повело бы к разгрому Совета. Представитель 241-го пехотного полка растерянно говорил: «У нас две власти, и как с этим быть?»

В заключительном слове председатель совещания А. П. Григорьев рекомендовал лучший, по его мнению, способ борьбы с «Комитетом спасения революции», а именно: «Не исполнять его распоряжений и не посылать туда своих представителей. Вот способы борьбы, — говорил он, — и других мы не выдвигаем»⁷².

Иное отношение к центру царицынской контрреволюции было у революционных рабочих и солдат. Преступная деятельность комитета вызывала у них негодование и энергичные протесты. Они требовали окончательно решить вопрос о власти и ликвидировать гнездо местной реакции. Вместе с тем недостаточно ясная обстановка в городе ввела некоторую

часть рабочих и солдат в заблуждение. 31 октября собрание железнодорожных служащих приняло резолюцию, в которой выражалось пожелание, чтобы «Комитет спасения революции» и революционный штаб соединились воедино для борьбы с контрреволюцией. В подобное заблуждение был введен даже Совет профессиональных союзов. 2 ноября он решил «воздержаться от посылки своих представителей как в революционный штаб при Совете, так и в «Комитет спасения революции» впредь до объединения таковых. Создания единого органа власти требовали солдаты 172-го пехотного запасного полка. Они настаивали на экстренном созыве собрания Совета, которое должно сконструировать «единый орган защиты революции»⁷³.

В такой обстановке возвратился из Петрограда делегат II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей Царицынской организации РСДРП(б) Я. Ерман. По его указанию Совет осуществил ряд мер, обеспечивающих безопасность революционных сил в Царицыне. Наконец, 4 ноября состоялось пленарное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов. В его работе приняло участие 130 человек, в том числе 6 эсеров, 5 меньшевиков и 1 беспартийный. Я. Ерман доложил депутатам о совершившейся социалистической революции в столице, о работах II Всероссийского съезда Советов и его декретах. Огромным большинством голосов была принята резолюция, в которой декларировалось, что единственной властью в Царицыне отныне объявляется Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Собрание со всей ответственностью заявило, что всякое противодействие власти Советов будет подавляться вооруженной силой. В Царицыне окончательно восторжествовала власть рабочих и солдатских депутатов.

Победа советской власти в губернских центрах и в ряде промышленно развитых городов пресекла антисоветскую пропаганду буржуазной и эсеров-меньшевистской печати, ослабила экономическую мощь буржуазии и ликвидировала откровенно враждебные народным массам организации типа всяческих комитетов спасения революции. Это способствовало укреплению духа революционных масс соседних уездных центров, не имевших достаточно большой прослойки рабочих. Также надо отметить, что революционные преобразования Советов промышленно развитых губернских городов явились фактором первостепенной важности для завоевания власти рабочими и крестьянами на всей территории поволжских губерний.

Победа рабочих и крестьян над буржуазией и помещиками была обеспечена и тем, что во всех уездах действовали Советы — массовые политические организации трудового народа. В течение всего периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую Советы являлись важнейшим средством политического воспитания масс, главной ареной борьбы классов и партий, могучим инструментом воздействия на рабочих, солдат и крестьян. Как и в губернских городах, уездные Советы были руководящими центрами революционного народа, органами сплочения рабочих, солдат и крестьян в борьбе за диктатуру пролетариата.

Буржуазия и мелкобуржуазные партии оказывали отчаянное сопротивление переходу власти к Советам в уездах. В борьбе против рабочих и беднейших крестьян они использовали самые разнообразные методы и приемы от обычных политических дискуссий до организации винных погромов и мятежей. Так, 8 ноября 1917 года эсеровское земское собрание Симбирской губернии приняло решение о запрещении большевистской агитации в уездных городах и селах. Кадеты и соглашатели наводнили Симбирскую губернию различного рода антибольшевистскими воззваниями и листовками⁷⁴. Меньшевистско-эсеровский Алатырский уездный Совет одобрил постановление, которое обязывало каждого депутата вести самую решительную борьбу с большевистской пропагандой. Вопрос о том, мирным путем или в результате вооруженного разгрома контрреволюционных сил рабочие и крестьяне брали власть в свои руки, находился в прямой зависимости от соотношения классовых сил на местах и поведения буржуазии.

Вывод из Балашова казачьих полков, брошенных атаманом Дутовым на Саратов, коренным образом изменил соотношение сил в пользу революции и позволил большевистской фракции поставить вопрос о передаче власти Совету в плоскость практического решения. 18 ноября по предложению большевиков Балашовский Совет рабочих депутатов обсудил вопрос о власти. Меньшевики и эсеры отказались признать Советское правительство. Используя шантаж, клевету и демагогию, они протащили резолюцию о необходимости «образования однородного социалистического министерства от народных социалистов до большевиков включительно»⁷⁵. Большевики решили привлечь к решению вопроса о власти революционно настроенных солдат местного гарнизона. 19 ноября на объединенном собрании Совета рабочих и Совета солдат-

ских депутатов они пригласили представителей полковых и ротных комитетов. В итоге острой партийной борьбы собрание поддержало Рабоче-крестьянское правительство и признало необходимым передать местную власть Совету рабочих депутатов. Для практического осуществления данного решения был избран Военно-революционный комитет в составе двух большевиков — солдата Тупальского и рабочего Неудачина, двух левых эсеров — рабочего Баскакова и прапорщика Богданова и одного беспартийного — солдата Осташкина. Комитет возглавил большевик К. С. Тупальский.

Мирным путем установилась Советская власть в Сенгилее Симбирской губернии. Это произошло после того, как местные большевики разнообразными методами устной и письменной агитации среди рабочих и солдат вырвали почву из под ног соглашателей. Участник революционных событий в Сенгилее А. М. Уральцев очень ярко описал картину митингов и событий, происходивших в атмосфере острых дискуссий между большевиками и правыми социалистами. «На одном из таких митингов, — рассказывает А. М. Уральцев в своих воспоминаниях, — довелось быть и мне. Зал заседаний уездной земской управы до отказа был набит народом. Тут и рабочие, и домовладельцы, и служащие, а главным образом солдаты запасного полка. Зал гудит, как растревоженный улей. Лиц не видно — они растворились в густом табачном дыму. Идут страстные и жаркие прения. На трибуне секретарь уездной земской управы эсеровский краснобай Андреев. Он выступает с «разъяснением» программы партии эсеров и призывает голосовать за список этой партии.

— Не слушайте большевиков, — кричит он в зал, — это узурпаторы, они заведут вас в дебри анархии, вы потеряете драгоценную свободу, потеряете республику...

— Долой! — кричат с мест. — Ты лучше скажи, когда мы получим землю?! Признаете ли вы Декрет о земле?! Когда кончим воевать?! Признаете ли вы Декрет о мире?!

— Насчет земли вы не беспокойтесь! Мы, партия трудового крестьянства, нашим избранныкам в Учредительное собрание дадим наказ поступить с землей по справедливости! — отвечает оратор.

— Давно слышим от вас: «земля крестьянам», а зачем посылаете в деревню карательные отряды?! — кричат из зала.

— Мы против самоуправства и самовольства в распределении земли, — раздраженно кричит Андреев.

— Уходи, с трибуны, балалайка! — раздается твердый голос из зала. — А мир когда обещаете?!

— Когда Россия выполнит свой долг перед союзниками и обезопасит революцию от германцев, — уже с визгом отвечает оратор.

— Значит, когда рак свистнет! После морковкина заговенья! — несутся из зала реплики.

— Что вы, в конце концов, хотите от нас? — смутившись спрашивает оратор.

— Мы хотим мира, земли, и чтобы ты ушел с трибуны! — возмущенно кричат со всех концов зала.

Тут оратор, теряя остатки выдержки, кричит в зал истощенным и надтреснутым голосом:

— А каши с маслом не хотите?

В зале начало твориться что-то невероятное. Шквал негодования, топот ног и крики со всех сторон:

— Долой! Долой!

— Дайте договорить оратору!..

— Долой! Вон с трибуны!..

В это время к трибуне подбирается группа солдат, с ними двое рабочих. Оратор, убедившись, что скоро ему будет плохо, трусливо покидает трибуну и через заднюю дверь бежит на нижний этаж, прячется в одной из комнат земской управы... Митинг продолжается. Закончился он принятием резолюции с призывом к населению голосовать за список № 10 партии большевиков»⁷⁶. Такое развитие событий позволило установить власть Советов в Сенгилее 12 декабря 1917 года без вооруженной борьбы. В этот же день исполком Сенгилеевского Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение о ликвидации всех местных органов власти.

Однако влияние рабочих и солдатских секций в большинстве уездных объединенных Советов, за исключением Сызранского, Царицынского, Сенгилеевского, Балашовского и немногих других, было слабым: в них, как правило, играли ведущую роль представители более многочисленных крестьянских секций, члены которых в значительной степени еще следовали за эсерами. Поэтому сроки установления власти Советов в большинстве уездных центров Поволжья во многом зависели от того, как быстро большевики завоюют на свою сторону крестьянство.

Декреты Рабоче-Крестьянского правительства, его организаторская, политическая и военная деятельность оказали неоценимую помощь трудящимся в их борьбе за власть Советов. Целым рядом важнейших постановлений Советское правительство убедило рабочих и крестьян в необходимости взять местную власть в свои руки. В воззвании к рабочим, солдатам и крестьянам II Всероссийский съезд Советов заявил: «Вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»⁷⁷. В обращении Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина «К населению» от 5 ноября 1917 года указывалось: «Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы»⁷⁸.

Многочисленные делегации рабочих, солдат и крестьян принимал Председатель СНК В. И. Ленин, он в личной беседе разъяснял сущность революционных преобразований, ставил перед ними задачи по борьбе с силами старого буржуазно-помещичьего строя, вдохновляя их на творческие действия по строительству нового социалистического общества. 5 ноября Смольный посетила делегация Сердобского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в составе солдата 161-го пехотного полка Федора Сидякина, подпоручика Антона Климова и представителя союза почт и телеграфа Алексея Шишкина. В. И. Ленин принял ходочков в своем кабинете и беседовал с ними в течение 15 минут. По словам Сидякина, они пришли к В. И. Ленину для получения точнейших сведений о Народной революции, о вновь сформированном Рабочем и Крестьянском правительстве, о земле и мире. Вождь пролетарской революции тепло поблагодарил ходочков за их стремление лично своими глазами убедиться во всем. В непринужденной беседе он разъяснил делегатам сущность революции, просил их строжайше следить за провокацией, саботажем и другими преступными действиями контрреволюционеров, соблюдать порядок и не допускать анархических выступлений и погромов. В. И. Ленин выразил уверенность, что Сердобский Совет всеми силами поддержит социалисти-

ческую революцию и окажет всемерное содействие и помощь Совету Народных Комиссаров.

В качестве ответа на вопросы, поставленные членами делегации, В. И. Ленин написал инструкцию для Советов и земельных комитетов, названную «Ответ на запросы крестьян». В инструкции с особой силой была подчеркнута мысль о том, что власть в государстве перешла к Советам, что Советы крестьянских депутатов, прежде всего уездные, а затем губернские являются полномочными, верховными органами государственной власти на местах, что пролетарская революция побеждает повсеместно. В инструкции был дан ответ на один из главных вопросов, который волновал крестьян, вопрос о земле. В. И. Ленин разъяснял крестьянам, что помещичья собственность на землю отменена II Всероссийским съездом Советов и на этот счет уже имеется указ, изданный рабочим и крестьянским правительством. Вся земля полностью поступила в руки Советов. Волостным земельным комитетам предписывалось брать помещичьи земли в свое распоряжение, строжайшим образом учесть имущество имений, ставшее общенародным состоянием, и сохранять его от погромов и хищений. В. И. Ленин объяснял ходаком, что правительство, избранное съездом Советов, названо Советом Народных Комиссаров, что оно выражает союз рабочих и беднейших крестьян, направленный против помещиков и капиталистов. Ленин призвал крестьян самим брать власть на местах в свои руки и заверил их, что сделать это им поможет рабочий класс.

Делегация Сердобского Совета получила на руки инструкцию, собственноручно подписанную В. И. Лениным, и протокол беседы; по личному распоряжению Ленина их снабдили литературой, газетами и прочим агитационно-пропагандистским материалом, разъясняющим политику Советского правительства и положение в Петрограде и стране⁷⁹.

Все эти меры развязывали революционную инициативу масс, вдохновляли их на борьбу против буржуазии и помещиков, вселяли уверенность в их творческие силы, в способности рабочих, солдат и крестьян к самостоятельному строительству государства. Однако было бы неверным предполагать, что сельское трудовое население мгновенно перешло целиком на позиции Советской власти.

Крестьянство Поволжья на выборах в Учредительное собрание голосовало в своей массе за эсеров. В Поволжско-Черноземном районе за них отдали голоса около 70% сельских жителей⁸⁰. Как же случилось, что разлагающаяся пар-

тия, теряющая влияние в массах, партия эсеров, одержала «победу»?

Дело в том, что ПСР подала единые списки своих кандидатов в Учредительное собрание. Это было в первой половине октября 1917 года, а раскол ее произошел в ноябре, после выборов. Таким образом, Учредительное собрание, «выбранное, — как отмечал В. И. Ленин, — по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты. Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбора между правыми эсерами, сторонниками буржуазии, и левыми, сторонниками социализма»⁸¹. «Народ, — подчеркивал В. И. Ленин, — не знал, как отличить правых эсеров от левых»⁸². Деревня фактически голосовала «за партию, которая уже не существовала... Крестьянство оказалось обмануто не личностями, а партийным расколом»⁸³. Об этом же заявил И. И. Скворцов-Степанов в своем выступлении в Учредительном собрании. Обращаясь к правым эсерам, он сказал: «Вы пользуетесь тем, что оно не различило в вас двух групп... Пользуясь тем, что у них (у левых эсеров, — авт.) не было времени, чтобы составить свои списки, вы за ними вошли сюда контрабандой, обманом»⁸⁴.

Кроме того, ко времени проведения выборов в Учредительное собрание крестьянство еще не успело узнать о декретах, принятых II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября. Эволюция политических настроений крестьянства развивалась таким образом, что именно ко времени созыва Учредительного собрания труженики земли в основной своей массе отвернулись от правых эсеров. Ход партийно-политической борьбы за массы в таком крупнейшем аграрном районе, как Поволжье, со всей очевидностью подтверждает этот факт.

В ноябре 1917 года случаи принятия крестьянскими сходами в Поволжье антибольшевистских резолюций были достаточно частым явлением. Членам ленинской партии предстояло провести большую работу, чтобы завоевать на свою сторону крестьянство.

Огромную роль в переходе солдат и крестьян на сторону Советской власти сыграл Декрет о земле. Миллионы крестьян окончательно убеждались в умении большевиков не на словах, а на деле решать сложнейшие экономические и политические вопросы в интересах народа и поэтому меняли политическую ориентацию в пользу большевиков.

Сотни агитаторов направляли поволжские губкомы РСДРП(б) в села и деревни. В ноябре 1917 года только из Саратова выехало в сельскую местность около 300 пропагандистов и агитаторов из числа солдат-большевиков и им сочувствующих. Они разъясняли сущность важнейших декретов Советской власти, разоблачали мнимых «друзей народа» из лагеря соглашательских партий. Самарская «Земля и воля» признала 2 ноября 1917 года, что местные большевики с момента Октябрьской революции «направили все силы на борьбу с социалистами-революционерами». Результаты этой работы членов РСДРП(б) стали сказываться в ноябре — декабре.

17 ноября 1917 года представитель Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов докладывал на заседании Петроградского военно-революционного комитета, что декрет о земле принят крестьянами губернии с «большим удовлетворением»⁸⁵.

В условиях Нижнего Поволжья к декрету о земле самым тесным образом примыкало постановление Саратовского Совета о земле, принятое 27 октября 1917 года. Отпечатанное массовым тиражом и распространенное среди крестьян, оно ускорило переход основной массы ниже-волжского крестьянства на сторону Советской власти. Спустя некоторое время после издания постановления В. И. Антонов-Саратовский рассказал о нем В. И. Ленину. «В. И. Ленин от души рассмеялся, — писал в воспоминаниях Антонов-Саратовский, — радостно потер руки и, откинувшись на спинку стула, лукаво прищурив глаза, сказал: — Это хорошо! Этим вы, несомненно, подорвали влияние эсеров»⁸⁶.

Прекрасной иллюстрацией процесса неуклонного падения авторитета правых эсеров среди крестьян Поволжья является их собственная пресса. Особый интерес представляют отчеты эсеров-депутатов крестьянских Советов о поездках по селам и деревням Поволжья. Отрывки из этих сообщений эсеров-депутатов публиковали иногда соглашательские газеты. Эти отчеты дают возможность судить о динамике изменения отношения крестьян к партии социалистов-революционеров, о росте недоверия к ней со стороны сельского населения в период ноября — декабря 1917 года.

1 ноября 1917 года член Самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсер П. Капралов телеграфировал в редакцию «Волжского слова»: «Объехал две волости — Преполовенскую и Александровскую. Список «Земля и воля»⁸⁷ пользуется самой широкой популярностью среди трудового

крестьянства, хотя замечаются слабые признаки молодого увлечения большевизмом».

В первой половине ноября 1917 года один из членов Самарского Совета крестьянских депутатов информировал губком ПСР, что его в селе Екатериновка слушали «без особого восторга», а на митинге в селе Мыльном уже во время доклада «поступило несколько специфически большевистских вопросов о войне, о коалиции, о мире, о социализации земли. После речи загорелся страстный спор о войне... с солдатами-большевиками»⁸⁸.

Социалист-революционер С. А. Волков, член исполкома Самарского губернского Совета крестьянских депутатов, в черных тонах обрисовал картину приема, который ему оказали крестьяне села Большая Малышевка Бугурусланского уезда в момент проведения выборов в Учредительное собрание: «Экстренно прибыл... Все шло хорошо, крестьяне все решили голосовать за список № 3. Но появились местные солдаты, приехавшие из Петрограда, подбили всех к списку № 2⁸⁹. Со вздорными и ругательскими речами выступили Павел Мимотин, Ксенофонт Нечаев, Николай Щелоков. Последний дошел даже до того, что призывал своих меня арестовать... Слышались возгласы, чтобы я убрался, пока цел... Я поспешил распрощаться».

19 ноября 1917 года на конференции самарских социалистов-революционеров член губернского Совета крестьянских депутатов П. Климушкин рассказывал о поездке по селам и деревням Николаевского уезда. Он с раздражением говорил, что в то время, когда члены Николаевской организации ПСР сидели сложа руки, большевики деятельно работали, устраивая организации, кружки, образовывая женские группы. П. Климушкин признал, что в Николаевском уезде большинство крестьян поддержали большевиков.

Правоэсеровская газета «Волжское слово» констатировала в декабре 1917 года, что «увлечение большевизмом» из пролетарских центров «начинает перебрасываться в деревни»⁹⁰. В доказательство этого тезиса газета привела сообщение одного из своих корреспондентов о том, что на заседании Натальинского волостного Совета большевистски настроенные делегаты-крестьяне отказались 17 декабря выслушать доклад представителя самарского губкома ПСР Н. П. Васильева.

Огромное возмущение крестьян вызывали попытки правых эсеров скрыть от них декреты Советской власти. Например,

жители села Шеевщины Алатырского уезда Симбирской губернии 28 декабря 1917 года обратились в органы Советской власти с жалобой на местных социалистов-революционеров, уничтожавших газеты и листовки, в которых излагались декреты о земле, мире и власти. Крестьяне писали, обращаясь к большевикам: «Товарищи, мы ждем и желаем получить от вас все вышедшие декреты».

Широкие массы крестьянства Поволжья (бедняки и середняки) в начале января 1918 года выражали уже открыто свое недовольство антинародной контрреволюционной деятельностью правых эсеров. Так, резолюция общего собрания крестьян села Пыркино Мокшанского уезда Пензенской губернии гласила: «Мы по необразованию своему доверили бывшему Временному правительству свои судьбы, давали сыновей, хлеба, денег, просили, чтобы скорее был заключен мир. Но правительство во главе с Керенским наше доверие превратило в кровавую измену. Проклятие же изменникам»⁹¹.

С открытым письмом к члену исполкома Самарского губернского Совета крестьянских депутатов эсеру П. Климушкину обратился крестьянин Архип Прокопов из села Березовый Гай Николаевского уезда: «Вы становитесь в ряды контрреволюционеров... Ваша «Земля и воля» стала похожа на «Русское слово» дубровинской складки... Вы плюете в нашу душу, поддерживая своими выступлениями врагов трудового народа»⁹².

В соответствии с динамикой изменения политических настроений крестьянства Поволжья устанавливалась Советская власть в непромышленных уездных центрах, селах и деревнях.

Видную роль в развитии революционного движения в сельской местности Нижнего Поволжья сыграл III крестьянский съезд Саратовской губернии. Он открылся 30 ноября 1917 года. Съезд признал власть Совета Народных Комиссаров, высказался за повсеместное создание Советов, одобрил декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов, избрал исполнительный комитет губернского Совета крестьянских депутатов и принял решение объединить его с Советом рабочих и солдатских депутатов. Саратовский Совет стал называться Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в губернии перешла в его руки. Резолюции съезда исполком Саратовского Совета отпечатал типографским способом и массовым тиражом распространил их по уездам, волостям и селам Нижнего Поволжья. Победе большевиков над

правыми эсерами на III съезде крестьян Саратовской губернии способствовал внутренний кризис в рядах местной организации ПСР. На Саратовской общегородской конференции эсеров, состоявшейся незадолго до III съезда крестьян Саратовской губернии, образовалось левое крыло, которое решило поддерживать Советскую власть и изданные ею декреты⁹³. Разложение правоэсеровских организаций предопределило мирный ход борьбы за власть Советов в большинстве уездных центров, селах и деревнях Поволжья.

В результате затяжной и острой борьбы одержала победу большевистская фракция Вольского Совета. Еще до Октябрьской революции, 12 октября 1917 года, большевики поставили вопрос о передаче власти Советам. Член РСДРП(б) Симкина-Рубашкина горячо убеждала делегатов, избранных на II Всероссийский съезд Советов, голосовать за власть Советов. Однако соглашатели навязали Совету контрреволюционную резолюцию, согласно которой делегаты должны были высказаться против передачи власти Советам.

После победы вооруженного восстания в Петрограде в обстановке триумфального шествия Советской власти антинародная деятельность эсеров-меньшевистского руководства Совета не могла долго продолжаться. За счет прибывших с фронта революционных солдат и матросов быстро росла Вольская организация РСДРП(б). Появились большевистские группы на ряде предприятий, в том числе на цементных заводах и железнодорожных мастерских. Усилилось влияние большевиков среди солдат местного гарнизона. Решительную борьбу против соглашателей вел союз моряков, созданный балтийским матросом С. Н. Коржевиным. Все это позволило большевистской фракции создать перелом в настроении рабочих и солдат в пользу Советской власти.

Однако среди крестьянских масс большевистская организация Вольска не имела возможности проводить такую же энергичную агитационно-пропагандистскую деятельность, как в городе. Засилье меньшевиков и эсеров в уездном Совете и кулачества в волостных земских управах привело к тому, что I крестьянский съезд Вольского уезда, созданный 27 декабря 1917 года, не принял предложения большевистской фракции об установлении Советской власти. В обращении к населению революционная часть съезда отметила, что Совет не отражает мнений массы трудового народа. Делегаты призвали крестьян послать на II уездный съезд таких представителей, которые поддержали бы власть Советов. Ко II уездному съез-

ду вольские большевики готовились очень активно, выделив для этого свои лучшие силы. Серьезные события к моменту работы II крестьянского съезда Вольского уезда, состоявшегося 8—10 января 1918 года, произошли в среде местной эсеровской организации. Лидер ее, Декатов, позднее говорил, что печатный орган уездного комитета эсеров выпустил свой последний номер вскоре после выборов в Учредительное собрание, «что прекращение газеты отразилось на деятельности организации — она замерла»⁹⁴.

Закономерно, что II съезд крестьян Вольского уезда 109 голосами против 24 признал единственным выразителем воли трудового народа Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Делегаты съезда полагали, что Учредительному собранию можно выразить доверие и поддержку лишь в том случае, если оно будет работать в согласии с Советами. Поскольку Учредительное собрание выступило против Советов, они отказывались его поддерживать и выражали доверие и поддерживали Рабоче-Крестьянское правительство. II крестьянский съезд избрал уездный орган власти — Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и передал ему местную власть.

Бурные события в октябре — декабре 1917 года развернулись в Аткарске. Местные большевики создали свою партийную организацию в октябре, которая сразу направила свои усилия на установление тесной связи с волостями и селами уезда. Она осуществлялась через демобилизованных солдат и отдельных членов партии, проводивших партийно-политическую работу непосредственно среди крестьян. Под руководством большевиков крестьяне упраздняли волостные земства, создавали Советы и передавали им власть. В конце октября по инициативе большевика С. И. Загуменного была провозглашена власть Советов в Сластушинской волости. Одновременно крестьяне совместно с демобилизованными и отпускными солдатами организовали Коленовский, а несколько позже — Широкоуступский и Баландинский волостные Советы. Некоторые Советы с переходом власти в их руки немедленно создавали отряды крестьянской Красной гвардии. 17 декабря возник Голицынский волостной Совет, и сразу же Совет создал отряд Красной гвардии в количестве 60 человек и возложил на него охрану порядка в волости⁹⁵.

Однако несмотря на мощное революционное движение в уезде, в самом Аткарском Совете продолжали хозяйничать меньшевики и эсеры. Опираясь на революционную часть кре-

«стьянства и развернувшуюся борьбу за Советскую власть, большевистская фракция потребовала, чтобы Совет взял власть в свои руки. 16 декабря в присутствии представителей сел и волостей Аткарский Совет обсудил вопрос о власти. На голосование было поставлено две резолюции: большевистская — постановление III губернского крестьянского съезда «Об организации власти» и эсеровская, возлагавшая все надежды на Учредительное собрание. Подавляющим большинством голосов была принята резолюция большевистской фракции. Собрание лишило полномочий эсерово-меньшевистский исполнительный комитет и избрало в его состав представителей большевистской партии⁹⁶.

Установление Советской власти в Кузнецком и Сердобском уездах в основных своих чертах осуществлялось так же, как и в приведенных выше случаях: в Сердобском уезде Советы победили 10 января, а в Кузнецком — 18 января 1918 года.

По-иному сложились условия для взятия власти рабочими и крестьянами в Камышине и Петровске. Здесь так же, как в Балашове, Аткарске, Вольске, Кузнецке и Сердобске, у контрреволюции недостаточно было сил для вооруженной борьбы против Совета, однако она сумела вызвать в этих городах винные погромы. Весьма примечательно, что и в Камышине и в Петровске погромы вспыхивали в периоды высшего обострения классовой борьбы, в моменты, когда перелом в мировоззрении трудящихся масс в пользу большевистской партии становился очевидным и неизбежность перехода власти к Советам не вызвала ни малейших сомнений. Именно в это ответственное для службы революции время «буржуазия, — по словам В. И. Ленина, — идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов»⁹⁷.

Камышинские большевики поставили вопрос о передаче власти Совету 8 ноября 1917 года. Однако обсудить их предложение депутатам не удалось. В этот же день в городе вспыхнул винный погром. Началась дикая пьяная оргия, стрельба из ружей и грабежи. Появились раненые и убитые. Для ликвидации погрома немедленно был создан военно-революционный комитет, сосредоточивший в своих руках местную власть. На помощь камышинским большевикам пришел Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов. Он направил в Камышин военный отряд во главе с членом исполкома М. Венгеровым. Совместными усилиями Военно-революционного комитета и отряда Венгерова при деятельной под-

держке камышинских рабочих и солдат в течение нескольких дней погром был ликвидирован. Военно-революционный комитет передал власть Совету рабочих и солдатских депутатов.

Положение же Камышинского Совета некоторое время продолжало оставаться неустойчивым. М. Венгеров сообщил в Саратов: «Совет беспомощен в осуществлении власти». Отчаянное сопротивление Совету оказала земская управа. В ходе подготовки уездного крестьянского съезда она разослала по волостным управлениям телефонограммы, призывая крестьян не признавать власть Камышинского Совета. В противоположность крестьянскому съезду, открывшемуся 18 ноября 1917 года, управа созвала уездное собрание⁹⁸. Руководители земства пытались превратить крестьянский съезд в антисоветский митинг, а его трибуну использовать для распространения своих контрреволюционных идей. Они клеветали на большевиков, стремясь противопоставить РСДРП(б) крестьянским массам, призывали высказаться за передачу власти Учредительному собранию. Однако контрреволюционерам не удалось повести крестьян за собой. Съезд признал Рабоче-Крестьянское правительство и распространил власть Камышинского Совета на весь уезд.

В борьбе за власть Советов огромные трудности пришлось преодолеть большевикам Петровского уезда. Мелкобуржуазный состав населения его служил благодатной почвой для деятельности соглашательских партий и затруднял агитацию и пропаганду местных большевиков. Из 19 462 человек, составлявших население уездного центра, рабочих насчитывалось не более 800, остальные занимались ремеслом, торговлей, скотоводством, земледелием и т. д.

Еще весной 1917 года в Петровск прибыл большевик В. Костерин. Он стал вести активную разъяснительную работу среди солдат местного гарнизона. В октябре в Совете была создана большевистская фракция. Несмотря на ее малочисленность, большевики сумели вырвать солдат петровского гарнизона из-под влияния эсеров. На выборах в Учредительное собрание гарнизон голосовал за большевиков. На их сторону перешел также профсоюз грузчиков.

Опираясь на поддержку рабочих и солдат, большевистская фракция вскоре стала ведущей политической силой в уезде. Не объявляя официально о переходе власти к Совету, она стала выполнять функции полномочного органа власти. Большевистская фракция ввела контроль над деятельностью банка, конфисковала типографию, в целях ликвидации безработицы ор-

ганизовала мастерские. Через демобилизованных солдат Совет оказывал существенное влияние на революционную борьбу крестьянства. Дальнейшее развитие революционных событий в Петровске натолкнулось на упорное сопротивление буржуазии.

Во второй половине декабря, когда власть фактически была уже в руках Совета, черносотенцы разгромили винные склады, вызвав эпидемию повального пьянства и связанные с нею последствия. Мутная погромная волна выплеснула на поверхность городской жизни злейших врагов Советской власти. Буржуазия создала обстановку свирепого террора, направленного против большевиков и революционных рабочих и солдат. Совет был разгромлен. По решению Петровской организации РСДРП(б) часть большевиков покинула город, другая — перешла на нелегальное положение. Власть захватила городская дума.

Взять власть петровским рабочим и солдатам помог Саратовский Совет. 24 декабря он объявил Петровск и его окрестности на военном положении. Лицам, прибывшим в Петровск за спиртом, предлагалось немедленно покинуть город. Для ликвидации погрома и восстановления революционного порядка Совет направил в Петровск военный отряд во главе с большевиком В. И. Ермошенко. Помощником начальника отряда был утвержден председатель крестьянской секции Саратовского Совета С. И. Загуменный. Для борьбы с контрреволюцией командование отряда получило самые широкие полномочия. Благодаря решительным мерам к концу декабря мятеж в Петровске был ликвидирован. 7 января 1918 года открылся I крестьянский съезд Петровского уезда. Большинство его делегатов высказалось за Советскую власть. Съезд избрал новый состав уездного исполнительного комитета и распространил Советскую власть по всему уезду⁹⁹.

В сложной обстановке развернулась борьба за власть Советов в Хвалынском уезде. В отличие от других уездных центров Саратовской губернии, здесь рабочие и крестьяне взяли власть в результате разгрома вооруженного мятежа контрреволюции. Хвалынск был одним из самых глубинных уездных центров. Антинародная деятельность соглашательских партий вконец ослабила влияние Хвалынского Совета на политическую жизнь уезда. Рабочие сообщали Советскому правительству, что их Совет «влачит жалкое существование. Не имеет помещения, средств»¹⁰⁰.

В ноябре 1917 года по направлению ВЦИК в Хвалынск

прибыл петроградский рабочий большевик Д. В. Степин. Он и возглавил борьбу хвалынских трудящихся за Советскую власть. За короткое время большевики создали Красную гвардию, отвоевали солдат и привлекли на свою сторону крестьянство.

Острое безземелье, отсутствие пастбищ и угодий у крестьян при наличии крупных помещичьих латифундий служило причиной аграрных конфликтов в уезде. Даже чиновники временного правительства признавали «отчаянное положение крестьян в Хвалынском уезде»¹⁰¹. Крестьяне вели ожесточенную борьбу против помещиков, кулаков и земельных управ. Они захватывали помещичьи земли, упраздняли волостные земства, вместо них создавали Советы крестьянских депутатов и вручали им местную власть. Нередко в Хвалынск являлись делегации от крестьянских сходов, которые требовали, чтобы уездный Совет взял власть в свои руки.

Под давлением революционного движения в уезде 3 декабря пленарное собрание Совета изгнало меньшевиков и эсеров из исполнительного комитета и приняло решение признать Рабоче-Крестьянское правительство. Этот революционный акт привел в бешенство местных контрреволюционеров. Они развернули кампанию гнусной клеветы вокруг активных деятелей Совета и приступили к подготовке винного погрома. Городская дума разрешила обывателям растащить спирт местного склада. На улицах Хвалынска появились толпы пьяных мещан.

Для предотвращения погрома исполком создал Военно-революционный комитет. Одновременно большевики приняли срочные меры к усилению отрядов Красной гвардии. Для их вооружения Совет постановил изъять оружие в топографическом училище. Однако юнкера отказались выполнить это распоряжение. Они отозвали своих представителей из Совета и стали готовиться к разгрому большевистской организации. 12 декабря руководители исполкома с тревогой сообщали Саратовскому Совету о том, что буржуазный «Комитет спасения революции» готовит юнкерское училище к антисоветскому мятежу»¹⁰².

Получив указания из Саратова, большевики приступили к подготовке крестьянского съезда. В села и волости они направили рабочих и солдат с заданием созвать крестьянские сходы и избрать представителей на уездный съезд. В те же дни волостные земства получили распоряжение земской управы не посылать делегатов на крестьянский съезд. Несмотря

на противодействия земских деятелей, 30 декабря I крестьянский съезд Хвалынского уезда начал свою работу. Съезд избрал исполнительный комитет, ввел в его состав исполком Совета рабочих и солдатских депутатов и признал высшим органом власти в уезде.

Хвалынская буржуазия решила вооруженной силой расправиться с революционными массами и в первую очередь с его руководящим органом — Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В ночь на 2 января 1918 года переодетые юнкера и черносотенцы совершили нападение на здание исполкома Совета. Небольшая группа красногвардейцев встретила их ружейным огнем. Повторные атаки белогвардейцев были отбиты. Утром на защиту Совета поднялись сотни рабочих и солдат Хвалынска. Они разоружили топографическое училище и пресекли его антисоветскую деятельность.

В первых числах января Хвалынский Совет доложил Рабоче-крестьянскому правительству: «Сообщаем Вам, — говорилось в телеграмме, — что в ночь с 1 на 2 января решилась участь как города Хвалынска, так его уезда. Одержана полная победа над всеми поработителями трудящихся масс. Все органы местного самоуправления в руках Совета. Ненужное, старое беспощадно выметается вон»¹⁰³. Итог этой борьбы подвел II крестьянский съезд Хвалынского уезда, открывшийся 10 января 1918 года. Он утвердил все постановления I уездного съезда и принял решение предать военно-революционному суду всех контрреволюционеров, активно боровшихся против Советской власти. Съезд избрал исполнительный комитет Совета в составе 16 большевиков, четырех сочувствующих большевикам и 6 левых эсеров. Политика большевистской партии восторжествовала в Хвалынском уезде.

Свои неповторимые оттенки имела борьба большевиков за крестьянские массы, за изгнание правых эсеров из Советов крестьянских депутатов в Самарской губернии.

25 января 1918 года большинство делегатов V съезда крестьян Самарской губернии одобрили все декреты и постановления Советской власти, в том числе и решение ВЦИК о роспуске Учредительного собрания¹⁰⁴. Участники съезда избрали новый состав губернского Совета крестьянских депутатов. В него, в основном, вошли большевики, левые эсеры и максималисты¹⁰⁵. Потерпев поражение на выборах, правые эсеры и меньшевики пошли на новый контрреволюционный маневр: они отказались распустить старый губернский Совет, избранный на IV съезде крестьян в декабре 1917 года. Таким обра-

зом, некоторое время в Самарской губернии действовали два Совета крестьянских депутатов, один — большевистский (созданный на V съезде крестьян в январе 1918 года), другой — соглашательский (образованный на IV съезде крестьян в декабре 1917 года).

Правые эсеры и меньшевики заявили, что ведомый ими Совет крестьянских депутатов Самарской губернии прекратит свою деятельность только после передачи всей власти Учредительному собранию. Контрреволюционеры-соглашатели решили показать, что именно их Совет крестьянских депутатов пользуется поддержкой сельского населения Самарской губернии. Для этого они 4 февраля 1918 года созвали свой съезд крестьян губернии, который должен был формально юридически узаконить существование соглашательского Совета и призвать сельское население к борьбе за передачу власти Учредительному собранию.

Каких же крестьянских делегатов привезли 4 февраля в Самару правые социалисты-революционеры? Это были в основном представители распущенных комитетов народной власти, земств и городских дум уездных центров. Случайно попавшие сюда несколько десятков крестьян вскоре покинули зал заседания съезда, разобравшись в антисоветских замыслах его организаторов. Эти действительно крестьянские делегаты, отправившись в Самарский городской Совет рабочих и солдатских депутатов и предложили распустить лжекрестьянский съезд.

Контрреволюционное сборище, именуемое лидерами соглашательских организаций крестьянским съездом, было разогнано отрядом красноармейцев под руководством левого эсера Лукьянова. Рабочие, солдаты и крестьяне Самарской губернии приветствовали действия красноармейцев.

Поражение правозэсеровских лидеров в борьбе за губернский Совет крестьянских депутатов было закономерным: к этому времени они утратили в уездах свое влияние.

27 октября 1917 года по предложению большевистской фракции Бугурусланского Совета рабочих и солдатских депутатов был создан ревком, который сразу же взял власть в свои руки. 10 ноября 1917 года III уездный крестьянский съезд закрепил эту победу. Поначалу ход этого съезда вполне удовлетворял лидеров соглашательских фракций. Приехавшие 9 ноября из Самары в Бугуруслан члены губернского Совета крестьянских депутатов меньшевик А. И. Кабцан и эсер Б. К. Фортунатов сумели было обработать делегатов уездно-

го съезда в антибольшевистском духе. И когда слова попросил представитель фракции РСДРП(б) Самсонов, в зале заседаний поднялся невероятный шум и послышались выкрики: «Долой большевиков!». Но как только Самсонов начал излагать содержание декрета о земле, восстановилась полная тишина. С неподдельным интересом и вниманием слушали делегаты — крестьяне и других большевистских ораторов: Кудряшова и Сокольского.

В тесном контакте, установившемся еще до октября 1917 года, вместе с большевиками действовали бугурусланские левые эсеры. На IV съезде ПСР делегат Бугурусланской организации Казаков присоединился к заявлению лидеров левоэсеровской фракции Штейнберга и Трутовского, в котором ЦК во главе с В. М. Черновым обвинялся в проведении преступной политики соглашательства с контрреволюционной буржуазией. Казаков и другие руководители бугурусланских левых эсеров весьма энергично пропагандировали среди крестьян лозунг «Вся власть Советам!». Разлагавшаяся организация правых эсеров в этом уезде все больше отрывалась от масс и окончательно распалась в феврале 1918 года¹⁰⁶. Вполне закономерно, что блок большевиков и левых эсеров одержал уверенную победу на III крестьянском съезде Бугурусланского уезда: 10 ноября большинство участников этого съезда высказалось за передачу власти Советам.

Окончательное становление Советской власти в Бузулукском уезде произошло 20—21 декабря на уездном крестьянском съезде. Весьма примечательным является репортаж сотрудника эсеровской газеты «Свободное слово» о работе этого съезда. Корреспондент-эсер подчеркнул, что на одном из его заседаний после выступлений большевистских ораторов в адрес правых эсеров раздались возгласы крестьян: «Негодяи, мерзавцы, предатели! Продают трудовой народ капиталистам оптом и в розницу. Долой их, вон!»¹⁰⁷

Красноречивые цифры, отражающие голосование на крестьянских съездах Николаевского уезда, точно говорят об эволюции политических настроений труженников земли. 28 ноября 1917 года на II уездном съезде за резолюцию большевиков о переходе власти Советам подняли руки 57 человек, против — 60, на III уездном съезде 16—18 декабря 1917 года за предложение об установлении власти Советов голосовало 167, против 67, на четвертом съезде в феврале 1918 года — соответственно — 240 и 20¹⁰⁸.

Попытки соглашателей сколотить антисоветскую оппози-

цию среди крестьян под флагом защиты Учредительного собрания провалились. Вот как, например, реагировали участники Самарского уездного съезда крестьянских депутатов (он открылся 13 февраля 1918 года) на призыв члена губкома ПСР П. Д. Климушкина бороться за передачу власти Учредительному собранию. Перед нами репортерская запись журналиста-эсера: «Был заслушан доклад Климушкина — члена Учредительного собрания. Когда докладчик сказал, что он не признает власти большевиков и стоит за Учредительное собрание, с места раздался взрыв протеста. Раздались голоса об удалении докладчика. Далее речь Климушкина прерывалась резкими замечаниями делегатов. Предлагалось ограничить время оратора, сыпались упреки во лжи и т. п.»¹⁰⁹

На Самарском уездном съезде крестьянских депутатов абсолютным большинством голосов была одобрена резолюция, внесенная фракциями РСДРП(б) и левых эсеров. Постановление это гласило: одобрить декреты Советского правительства о социализации земли, о рабочем контроле, национализации банков, роспуске Учредительного собрания.

Установление Советской власти в уездах Астраханской, Пензенской и Симбирской губерний, в отличие от большинства других поволжских губерний, началось до победы рабочих и солдат в губернских центрах.

В силу целого ряда факторов — окраинного положения, наличия контрреволюционного казачества, малочисленности промышленных рабочих и, как следствие, относительной слабости организации РСДРП(б) и большевистской фракции Астраханского Совета, рабочие и солдаты Астрахани завоевали власть лишь 25 января 1918 года. Отсутствие всей полноты власти у Астраханского Совета не позволило ему влиять на революционное движение в уездах так же эффективно, как это делали полновластные Советы Самары, Саратова, Казани и Нижнего Новгорода. Тем не менее Астраханская организация РСДРП(б) принимала все возможные меры для завоевания рабочих, солдат и крестьян на свою сторону.

В декабре 1917 года, в период подготовки к губернскому съезду в уезды выехала значительная группа астраханских большевиков, на которых была возложена задача подготовить и провести уездные съезды, провозгласить Советскую власть и избрать представителей на губернский съезд Советов. Советы Царицына и Саратова также неоднократно посылали в уезды Астраханской губернии агитаторов и пропагандистов. Нередко к ним обращались трудящиеся с просьбой прислать

оружие и красногвардейцев. 25 декабря 1917 года крестьяне села Петропавловки Царевского уезда писали в Саратов о том, что Красная гвардия трех сел разбита и обезоружена, знамя изорвано. Они просили Саратовский Совет оказать им военную помощь.

В села и волости все в большем количестве возвращались демобилизованные и отпускные солдаты, прошедшие школу классовой борьбы в центральных районах России. Многие из них перед отправкой на родину получали декреты Советского правительства, постановления местных Советов и самый разнообразный агитационно-пропагандистский материал. «Идея захвата власти, — писала 31 декабря 1917 года астраханская эсеровская газета «Голос революции», — исходила от отпущенных солдат, которым, по их словам, в местах их службы и наиболее крупных центрах даны были большевистскими комитетами инструкции организовать в селах военно-революционные комитеты для проведения в жизнь большевистских декретов».

Вскоре после III крестьянского съезда Саратовской губернии Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов направил в уезды Нижнего Поволжья рабочих и наиболее подготовленных в политическом отношении солдат, которые получили на руки решения съезда и по прибытии на места претворяли их в жизнь. Одно из важнейших постановлений съезда «Об организации власти» принималось на уездных съездах не только Саратовской, но и Астраханской губернии.

Все эти факторы привели к тому, что рабочие, солдаты и крестьяне уездов Астраханской губернии поднялись на борьбу за власть Советов почти одновременно с трудящимися центральных губерний России. Они восторженно встретили весть о победе Октябрьской революции и декретах, принятых II Всероссийским съездом Советов, и повсеместно создавали волостные и сельские Советы, революционные комитеты, местные комиссариаты, комитеты народных депутатов и другие органы народной власти. Победа социалистической революции в центре России и в соседних с Астраханью городах ускорила революционное движение в Астраханской губернии.

1 декабря 1917 года состоялось совместное заседание комитета большевиков, исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Ханской ставки и представителей аулов Букеевской орды. Было решено устранить контрреволюционный ордынский исполнительный комитет — местный орган Временного правительства и установить Советскую власть. 2 декаб-

ря это решение единодушно поддержало многолюдное собрание трудовых казахов. «Для сохранения завоеваний Октябрьской революции и свободы, — говорилось в его постановлении, — образовать Революционный комитет и распустить Центральный исполнительный комитет»¹¹⁰. Осуществить волю трудящихся помогли солдаты местного гарнизона. Они арестовали чиновников, назначенных Временным правительством, отстранили их от власти и передали власть Революционному комитету.

Спустя некоторое время из Ханской ставки сообщили в Астрахань, что там избран «Комитет народной власти» в количестве 17 человек. Исполнительная власть перешла к Совету из пяти человек, в состав которого вошел большевик Генералов. В Букеевской орде победила власть трудового народа.

В конце декабря 1917 года усилилось революционное движение в Енотаевском уезде. По инициативе большевистской группы — Н. Ф. Цепляева, П. М. Кириллова, А. Д. Надзянова и других — 23 декабря было созвано общее собрание енотаевских рабочих и солдат, которое постановило создать уездный съезд трудового народа. Для организации Советов и выборов представителей на уездный съезд в села и волости выехала значительная агитационно-пропагандистская группа, в состав которой вошли большевики Енотаевска и агитаторы Астраханского Совета.

В уезде начался бурный процесс ликвидации буржуазных волостных и сельских органов и создания Советов крестьянских депутатов. Крестьяне приветствовали власть Совета Народных Комиссаров, обещали ему всемерную поддержку и требовали «скорейшего установления Советской власти как в городе, так и в деревне»¹¹¹.

9 января в Енотаевске открылся I уездный съезд рабочих, крестьянских и солдатских представителей. Его председателем был избран большевик Н. Ф. Цепляев. Съезд обсудил и принял решения по двум важнейшим вопросам: об организации местной власти и о земле. Делегаты съезда в большинстве своем выразили готовность довести до конца победоносно начатую городской и деревенской беднотой вторую революцию. Они считали, что в обстановке острейшей классовой борьбы, когда господствующие классы всеми силами пытались помешать развитию событий по революционному пути, повсеместно должны быть организованы Советы как органы власти беднейших, наиболее угнетенных классов населения. В соответствии

с принятой резолюцией съезд избрал уездный Совет крестьянских депутатов и объединил его с исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов.

По второму вопросу съезд принял наказ о земле, разработанный в соответствии с декретами Советского правительства.

Бурным половодьем разлилось революционное движение по селам и волостям Царевского уезда. Здесь уже в начале января 1918 года были подготовлены условия для созыва съезда народных представителей. Первый крестьянский съезд Царевского уезда открылся 7 января 1918 года. Подавляющее большинство делегатов проголосовало за резолюцию «Об организации власти», принятую III крестьянским съездом Саратовской губернии¹¹².

Съезд признал Рабоче-Крестьянское правительство, призывал трудящихся повсеместно создавать Советы, избрал уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и передал ему местную власть.

В Черноморском уезде подготовку к уездному съезду большевики начали с совещания представителей от волостей. Оно состоялось 3 января 1918 года в селе Каменный Яр. Участники совещания высказались за то, чтобы в уездном центре был создан Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который заменил бы все ранее существовавшие земские, земельные и продовольственные комитеты и сосредоточил бы власть в своих руках. Совещание предложило представителям сел и волостей по прибытии на места немедленно организовать волостные Советы, если таковые еще не организованы, и наметило 10 января 1918 года созвать уездный съезд.

В назначенное время I Черноморский уездный съезд начал свою работу. Руководство съездом осуществлялось местными большевиками: его председателем был избран большевик А. Я. Шварц, товарищем председателя — большевик Борисов.

Земские деятели попытались сорвать съезд. В противовес ему они созвали расширенное заседание земельной управы и ввели в заблуждение некоторых делегатов съезда: не разобравшись с делом, группа крестьянских представителей сочла заседание земельной управы за съезд и приняла участие в его работе. Съезд решил послать к ним делегацию, которая разъяснила бы крестьянам истинное положение дел и убедила бы их покинуть земельную управу.

Меньшевики и эсеры враждебно встретили посланцев съезда, однако крестьяне после некоторых колебаний все же оставили заседание управы и включились в работу съезда.

Вопрос об организации уездного органа власти для крестьянских представителей был в принципе ясен. Они нисколько не сомневались в том, что таким органом должен быть Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. После непродолжительных прений процедурного характера был избран уездный Совет. Затем съезд обсудил вопрос о подчинении всех правительственных и общественных учреждений в уезде Совету и решил, что Совет имеет право контролировать их деятельность. Так своеобразно была провозглашена Советская власть в Черноморском уезде. Спустя некоторое время Совет упразднил должность уездного комиссара, ставленника свергнутого Временного правительства, и ликвидировал буржуазный орган власти.

До провозглашения Советской власти в Астрахани была установлена власть рабочих и крестьян в ряде волостей Красноярского уезда и в некоторых улусах Калмыкии¹¹³. В центре же Калмыкии — Калмбазаре власть перешла к Совету 25 января, а в Красном Яре — 20 февраля 1918 года.

Таким образом, в трех уездах Астраханской губернии из пяти и в одном национальном районе из двух Советская власть была провозглашена раньше, чем в губернском центре.

В ноябре 1917 — феврале 1918 года Советская власть установилась в большинстве уездов Поволжья. Отчаянные попытки соглашателей противопоставить Советам Учредительное собрание не удалось. Не нашел отклика лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» и среди трудового крестьянства Пензенской и Симбирской губерний. Пензенская эсеро-меньшевистская газета «Наш путь» поведала о том, что среди делегатов крестьянского съезда Мокшанского уезда, работавшего 8—10 января 1918 года, «образовалось два течения: за Учредительное собрание и против. Противников оказалось больше»¹¹⁴.

14 января 1918 года Пензенский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большинством голосов одобрил резолюцию, в которой приветствовался декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания. Аналогичное решение принял V Симбирский губернский крестьянский съезд, открывшийся 20 января 1918 года. На этом съезде за большевиками и левыми эсерами шли 204 человека, за правыми социалистами-революционерами и меньшевиками — 50¹¹⁵.

Роспуск Учредительного собрания одобрили подавляющее большинство местных Советов России. Другого исхода борьбы между большевиками, сторонниками республики Советов, и

соглашателями, защитниками буржуазно-демократической парламентарной системы, и не могло быть. На закономерность провала меньшевиков и эсеров в этом отношении указывал В. И. Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: «Сказать Советам: боритесь, но не берите сами в руки всей государственной власти, не становитесь государственными организациями — значит проповедовать сотрудничество классов и «социальный мир» пролетариата с буржуазией. Смешно и думать о том, чтобы такая позиция в ожесточенной борьбе могла привести к чему-либо, кроме позорного краха»¹¹⁶.

Крестьянство отвернулось от правых эсеров и становилось на сторону ленинской партии, потому что оно видело: большевики «...осуществляли в виде законов то, что было напечатано в эсеровских газетах, — то, что трусливая мелкая буржуазия обещала, но чего сделать не могла»¹¹⁷. Процесс утверждения Советской власти в уездах Поволжья вылился в ее триумфальное шествие¹¹⁸. Точно такая же картина победного шествия Советской власти наблюдалась в большинстве уездов России. «Крестьянство, настроенное против нас в ноябре 1917 года... и пославшее большинство социалистов-революционеров в Учредительное собрание, — говорил В. И. Ленин на III Конгрессе Коминтерна, — было нами завоевано если не в течение нескольких дней..., то во всяком случае, в течение нескольких недель»¹¹⁹.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов становились государственной формой диктатуры. Неустанная деятельность большевиков за укрепление Советов, за повышение их авторитета среди масс принесла замечательные плоды, поскольку без Советов «пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»¹²⁰.

ВОЛОСТНЫЕ И СЕЛЬСКИЕ СОВЕТЫ

Окончательная победа Великой Октябрьской социалистической революции была достигнута благодаря тому, что большевистской партии удалось объединить усилия рабочих в их борьбе против буржуазной власти с революционным движением многомиллионных крестьянских масс. Ленинская идея союза пролетариата и крестьянства воплотилась в жизнь в форме Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Крестьяне приступили к созданию своих политических органов уже в марте 1917 года. В губернских и уездных центрах Советы крестьянских депутатов были созданы до Октябрьской революции, а в волостях период массового создания Советов начался лишь в декабре 1917 года: в первые месяцы после Февральской революции процесс создания волостных и сельских Советов осуществлялся медленно и неравномерно. За период с марта по октябрь 1917 года на территории Саратовской и Астраханской губерний возникло около 20 волостных и еще меньше сельских Советов крестьянских депутатов. Следует также отметить, что созданные в этот период волостные и сельские Советы были слабыми в организационном отношении, имели незначительную опору в крестьянской среде и вскоре после возникновения, как правило, прекращали свою деятельность. Эту особенность низовых крестьянских Советов отмечали и их организаторы.

В июле 1917 года инструктор Астраханского земельного комитета сообщал в газету «Голос революции» о том, что ему удалось создать в некоторых селах Советы и наладить их работу, однако после его отъезда через неделю Советы развалились¹²¹. Распался созданный в мае 1917 года Кременецкий волостной Совет в Сызранском уезде Симбирской губернии. Известно также, что Галаховский волостной Совет Аткарского уезда, образованный в марте 1917 года, просуществовал непродолжительное время и был заново организован лишь 15 декабря 1917 года. Такая же участь постигла Никольский волостной Совет Сердобского уезда, Алексеевский Совет Саратовского уезда и некоторые другие низовые Советы.

Классовая борьба в деревне не достигла в марте — октябре 1917 года еще такого уровня, при котором Советы для крестьян стали бы жизненно необходимыми политическими учреждениями. На основе опыта революций 1905, 1917 годов В. И. Ленин пришел к выводу, что Советы могут быть эффективным политическим фактором лишь в качестве органов восстания, органов революционной власти. «Вне этой задачи,— писал В. И. Ленин,— Советы пустая игрушка...»¹²².

Канун Октябрьской социалистической революции ознаменовался мощным размахом аграрного движения. Оно охватило все уезды Поволжья и в ряде мест переросло, как мы уже подчеркивали, в крестьянское восстание. В обстановке стремительного нарастания революционной волны усилился процесс создания Советов крестьянских депутатов. Только в начале октября 1917 года в 11 волостях Саратовской губернии крестья-

яне разогнали земские управы и передали власть Советам.

После победы Октябрьской революции в крупнейших политических и экономических центрах России усилилось напряжение классовой борьбы в деревне. В ноябре 1917 года в Саратовской губернии было создано 7 волостных Советов, в декабре крестьяне этой губернии ликвидировали земские управы в 34 волостях и передали власть Советам ¹²³.

Дальнейшее распространение Советской власти по волостям в значительной мере зависело от победы рабочих и солдат в уездных центрах. В большинстве уездов Поволжья до перехода власти в руки уездных Советов волостные Советы возникали в единичных случаях. Обычно вопрос о власти крестьяне решали на уездных съездах представителей от сел и волостей. В период подготовки к съездам в деревни направлялись большие группы рабочих, солдат и матросов.

Рабочий класс оказал трудовому крестьянству огромную политическую и организационную помощь и в проведении декрета о земле, и в создании новых органов власти. Так, в верхневолжской Ярославской губернии при помощи рабочих Советская власть установилась в 119 волостях из 166 ¹²⁴. Посланцы городов созывали сходы, разъясняли крестьянам постановления Советского правительства. В активную политическую жизнь постепенно втягивалось население всех волостей. Революционная волна докатывалась до самых глубинных сел и деревень.

Хорошей политической школой для крестьян являлась работа уездных съездов. Крестьяне на практике убеждались в силе Советской власти, принимали непосредственное участие в выработке и принятии резолюций и постановлений, развозили их по селам и деревням и при создании местных органов власти опирались на решения уездных съездов.

Характерно, что волостные и сельские Советы крестьянских депутатов, как правило, возникали быстрее там, где уездные Советы крестьянских депутатов объединились с Советами рабочих и солдатских депутатов и в конечном счете оказались под руководством большевиков. Там идея союза рабочего класса и крестьянства находила свое выражение в бурном процессе создания Советов крестьянских депутатов под непосредственным благотворным пролетарским влиянием. Х. Я. Ерицын приводит убедительное доказательство на этот счет на материалах Нижегородской губернии. В Арзамасском уезде образование волостных Советов закончилось в феврале 1918 года, тогда как в Балахнинском, Ардатовском, Сергачевском и других уез-

дах той же губернии многие волостные Советы были созданы позднее. Это объясняется в основном тем, что в Арзамасском уезде объединенный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был создан раньше, чем в других уездах (в ноябре 1917 года). Руководившие Арзамасским объединенным Советом большевики сравнительно быстро добились ликвидации земств и образования повсеместно волостных Советов ¹²⁵.

Максимальный подъем крестьянского движения за власть Советов приходится на январь — февраль 1918 года, то есть на период, когда в губернских и уездных центрах победила диктатура пролетариата, когда стала очевидной контрреволюционная сущность Учредительного собрания. Громадное значение имело объединение в январе 1918 года III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и III Всероссийского крестьянского съезда. Таким образом произошло государственное оформление союза рабочего класса и крестьянства. Никогда ранее крестьяне не жили такой бурной политической жизнью, никогда еще в активное государственное творчество не вовлекалась такая огромная масса крестьянства. «Мир не видел ничего подобного тому,— говорил в январе 1918 года В. И. Ленин,— что происходит сейчас у нас в России, в этой огромной стране, разбитой на ряд отдельных государств, состоящей из огромного количества разнородных национальностей и народов: колоссальная организационная работа во всех уездах и областях, организация низов, непосредственная работа масс, творческая, созидательная деятельность, которая встречает препятствия со стороны различных буржуазных представителей империализма. Они, эти рабочие и крестьяне, начали небывалую по своим титаническим заданиям работу и вместе с Советами сломят до конца эксплуатацию капитализма...» ¹²⁶.

В январе 1918 года крестьяне взяли власть в свои руки в 95, в феврале — в 62 волостях Саратовской губернии. Аналогичные темпы установления Советской власти по волостям наблюдались и в Верхнем Поволжье. На основании архивных источников П. Козлову и Н. Резвому удалось установить даты установления Советской власти в 78 волостях Ярославской губернии (из общего количества 166). Эти данные позволяют представить картину перехода власти в руки Советов по месяцам. Советская власть была установлена в октябре 1917 года в одной волости, ноябре — в 4, декабре — 8, январе 1918 года — 39, феврале — 21, марте — 3, апреле — 1 ¹²⁷. В средне-волжской Пензенской губернии проявились те же закономерности

сти становления Советской власти в деревне, что и в Саратовской и Ярославской. Наибольшая часть волостных Советов крестьянских депутатов (63,3%) в Пензенской губернии возникла во второй половине февраля и начале марта 1918 года¹²⁸.

Установление Советской власти в селах и волостях Астраханской губернии началось сразу же после победы вооруженного восстания в столице России. Уже 19 ноября взял власть в свои руки Совет Николаевской слободы. В резолюции, принятой им в этот день, было записано: что только новая власть может привести к миру и обеспечить трудящимся массам равенство, братство, землю и волю и вообще лучшую жизнь. В январе 1918 года в большей части уездов Астраханской губернии прошли съезды представителей от волостей. В ходе подготовки к уездным съездам в волостях и селах состоялись крестьянские сходы, на которых обсуждались вопросы о власти, организовывались Советы крестьянских депутатов и избирались представители на съезды. В период подготовки съездов и вскоре после завершения их работы власть в волостях переходила к Советам крестьянских депутатов. В январе Советская власть была установлена в 19 волостях, в феврале — в 11.

Обычно в волостные Советы избирались крестьяне всех социальных групп. Однако в значительной части Советов с самого начала их существования руководящее положение заняли батраки и наемные рабочие. По инициативе бедноты Советы были организованы в Гусельской, Больше-Косторьевской, Грязнухинской, Чижовской волостях Камышинского уезда, Посельской, Широко-Буеракской волостях Хвалынского уезда, Сергеевской волости Балашовского уезда Саратовской губернии.

Кроме волостных Советов крестьянских депутатов, батрацкий состав которых указывается в источниках, существовала группа низовых Советов, пролетарский состав которых мы определяем по их деятельности. Эти Советы создавали отряды Красной гвардии, организовывали коммуны, устанавливали контроль над производством, передавали бедноте конфискованные у помещиков земли и сельскохозяйственный инвентарь, изымали излишки хлеба у кулаков и распределяли их между голодающими крестьянами, вели беспощадную борьбу против спекулянтов. По нашим подсчетам, в Саратовской губернии в момент создания Советов крестьянских депутатов в 72 волостных Советах из 239 (что составляет 30% от общего количества Советов) господствующие позиции занимали пред-

ставители пролетарских и полупролетарских слоев населения.

Вместе с тем известны случаи, когда в первый состав волостных Советов проникали одни кулаки. Такие Советы были созданы в Красноярской волости Камышинского уезда, Еланско-Малороссийской волости Аткарского уезда, Алмазовской волости Балашовского уезда. В общей сложности в Саратовской губернии кулацких Советов в момент их создания было несколько более одного процента. В период массового создания Советов крестьянских депутатов кулаки игнорировали эти политические органы и стояли горой за земские учреждения. Типичным в этом отношении является сообщение из Чернозатонской волости Хвалынского уезда. Когда крестьяне этой волости приступили к организации Совета, кулаки отказались участвовать в выборах под тем предлогом, что у них есть волостное земство¹²⁹.

В отдельных случаях в волостные Советы проходили батраки и кулаки в равном количестве. На паритетных началах были созданы Советы в Лопуховской, Старорусско-Таловской и Саламатинской волостях Камышинского уезда. Такой состав Советов отражал временное равновесие борющихся сил. Понятно, что подобная коалиция не могла быть работоспособной. Саламатинский Совет возник вскоре после Октябрьской революции, однако, как писали крестьяне в вопросном листе волостного Совета, «работы от него не было никакой».

Советская власть в деревне возникала, как правило, в борьбе крестьянских масс против волостных земств и сельских управлений. Яркую и точную картину классовых схваток в эти дни дает в своих воспоминаниях С. П. Блохинцев, активный участник революционных событий 1917—1918 гг. в Ждамировской волости Алатырского уезда Симбирской губернии. «Первый волостной съезд крестьянских делегатов,— рассказывает С. П. Блохинцев,— состоялся в феврале. На него прибыли представители от Ждамирова, Зимниц, Елховки и Шеевщины. Среди них было много фронтовиков, сочувствующих партии большевиков. Собрались на бывшем постоялом дворе Лакевых и избрали волисполком.

Первые дни волисполкома прошли в борьбе с земцами, которые отказывались добровольно сдать власть. Тогда мы силой оружия отобрали у председателя земской управы и казначея ключи от кассы и печать, а затем разогнали и всю управу.

После этого стали проводить в жизнь Декрет Советской власти о земле. В марте мы объявили населению волости, что теперь земля принадлежит народу, и предложили владельцам

хуторов, расположившихся на бывшей барской земле Дурасова, покинуть хутора. Помещичья земля была распределена среди крестьян, причем наделялись ей в первую очередь бедняцкие хозяйства.

Борьба с кулачеством продолжалась долго. Кулаки не раз самовольно собирали сходы. Организаторы этих сходов всячески оскорбляли членов волисполкома, называли их самозванцами, они пытались по-своему провести выборы волисполкома, но каждый раз эту затею кулаков мы срывали.

Однако были случаи, когда отдельные члены волисполкома, испугавшись угроз кулаков, бросали работу в Совете. Большинство же членов волисполкома было стойким и продолжало твердой рукой руководить волостью, организовывать сельские Советы»¹³⁰.

В авангарде борьбы с волостными земствами шли солдаты — фронтовики и красногвардейцы, руководимые большевиками. В январе 1918 года в Садомскую волость Саратовской губернии возвратился с фронта солдат А. И. Диков. Ознакомившись с деятельностью волостного земства, он с помощью бедноты разогнал его и организовал сельские и волостной Совет крестьянских депутатов.

На одном из заседаний Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов представитель села Лох рассказал о том, что у них власть находилась в руках волостного земства, а Совет — в руках кулаков, которые делали все возможное, чтобы дискредитировать его в глазах крестьянства. Для борьбы против кулаков был создан отряд Красной гвардии. Собрав вокруг себя бедноту, красногвардейцы силой разогнали волостное земство. Одновременно они распустили кулацкий состав Совета. Батраки организовали свой Совет и вручили ему местную власть.

В селе Тростянке Самарского уезда упорное сопротивление местным большевикам оказал буржуазный комитет народной власти, возглавляемый кулаками и попом. Тогда немногочисленная организация РСДРП(б) приступила самым энергичным образом к организации Красной гвардии из демобилизованных солдат, бедняков-крестьян и середняков-активистов. Красногвардейцы распустили комитет народной власти и избрали волостной Совет крестьянских депутатов.

Многие волостные съезды Советов в Самарской губернии, например, Зубовской, Богдановской, Александртальской, Кандабулакской, Спасской, Кременской и других, одновременно с выборами волостных исполнительных комитетов выносили ре-

шения о создании отрядов Красной гвардии, так как хорошо понимали реальную угрозу кулацких выступлений.

Сельская Красная гвардия сыграла в процессе борьбы за власть Советов в деревне огромную роль, поскольку нередкими были случаи вооруженных провокаций кулачества. Так, в Рыжиковской волости Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии при установлении власти между сторонниками Совета крестьянских депутатов и защитниками земства возникла вооруженная борьба. В Бузулукском уезде Самарской губернии (в Павловской, Утевской, Виловатовской волостях) в момент утверждения Советской власти вспыхнули кулацкие мятежи. Отрядам сельской Красной гвардии пришлось прибегнуть к аресту наиболее активных контрреволюционеров¹³¹.

Кулаки всячески старались сорвать процесс образования крестьянских красногвардейских отрядов. Например, в Даниловской волости Камышинского уезда не удалось создать отряд красногвардейцев из-за того, что в Совете захватили власть кулаки; всеми средствами тормозили дело создания Красной гвардии кулаки в Больше-Карайской волости Балашовского уезда.

Идейными вдохновителями, организаторами борьбы зажиточного крестьянства против Советской власти в волостях Поволжья выступали, как правило, представители партии правых эсеров. Анализируя отчеты с мест, Саратовский губернский комиссар по земельным делам Ф. Т. Иванов писал: «Волостное земство старых выборов, находящееся всецело в руках правого крыла социалистов-революционеров, почти повсюду являлось главным тормозом»¹³².

В обстановке острых схваток с кулачеством, которыми руководили эсеры, проходило установление Советской власти в Екатериновской волости Самарского уезда. Екатериновка представляла собой большое торговое село. Кулаки здесь располагали большими запасами хлеба. Они крепко держали в руках бедноту, в значительной степени совершенно неорганизованную. Кулаки являлись прочной опорой эсеровской организации. В нее, кроме зажиточных крестьян, входили учителя начальной школы, двухклассного училища и высшего начального училища, врачи, фельдшера, библиотекари и работники сельского кооператива. Возглавляли эсеровский комитет братья Роот, учителя двухклассного училища, которые завоевали в период марта — октября 1917 года известную популярность. Организации ПСР противостояли большевички Л. Шейна и С. Троицкая.

В своих воспоминаниях Л. Шеина рассказывает, что организация бедноты, закабаленной кулаками, оказалась делом нелегким и сложным, требующим больших усилий. В ноябре 1917 года состоялся крестьянский сход. Причем пришли на него крестьяне и из других ближайших сел. Здесь большевики и беднота дали решающий бой эсерам. «Эсер Роот,— пишет в своих мемуарах Л. Шеина,— доложил о роспуске земской управы, призывая крестьян к защите ее, громил большевиков, власть Совнаркома. Затем получила слово я. На таком бурном собрании мне еще не приходилось выступать, но я довольно скоро овладела вниманием собравшихся. Крики прекратились, угроза кулаков стащить меня со сцены не имела успеха. Наоборот, я заметила, как к сцене потихоньку цепочкой пробрались фронтовики и встали впереди меня, образуя охрану.

В своем выступлении я рассказала о большевистской партии, об основах Советской власти, ее декретах о земле и мире, призвала к организации Советской власти в нашей волости.

Слушали меня внимательно, и в результате было принято решение не только не поддерживать призыв эсеров восстановить земскую управу, а приступить к организации Советской власти в нашей волости»¹³³. Вскоре в Екатериновке была создана большевистская ячейка в количестве 11 человек, а эсеры братья Роот, потерпев поражение в борьбе за крестьянство, пришли к выводу, что им больше в селе нечего делать и уехали из него.

В сложной и захватывающей борьбе с эсерами протекал процесс утверждения Советской власти в Обшаровке, одном из крупнейших сел Самарской губернии. К моменту Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в этом селе не было ни одного члена РСДРП(б). Единственной политической организацией был кружок эсеров, пользовавшийся большим влиянием среди крестьян. Им руководили врач Гончаров, кулак Михеев, сын богатого купца Подулыбин, фельдшер местной больницы Смирнов и сын крупного кулака И. Будылев.

О победе Великого Октября жители Обшаровки узнали 8 ноября 1917 года от приехавшего сюда по направлению ВЦИК И. Лычева, большевика, бывшего матроса броненосца «Потемкин». Ему пришлось вести борьбу с хорошо организованным противником, захватившим основные позиции в селе. В волостной земской управе хозяйничали эсеры, сельские органы власти также находились под контролем представителей этой партии. Опорой И. Лычева стала беднота, состоявшая в основном из женщин-солдаток, потерявших своих мужей на войне или

ожидавших их возвращения, и солдат-фронтовиков. В короткое время И. Лычев сумел создать ячейку РСДРП(б). Кроме того, составил и крепкий актив из числа сочувствующих Советской власти. Некоторые из них, соглашаясь во всем с программой большевистской партии, пока еще боялись вступать в ее члены, так как были материально зависимы от кулаков.

Разъяснение декретов Советской власти привлекло на сторону большевистской ячейки Обшаровки крестьян-середняков. В конце декабря 1917 года был нанесен решающий удар по эсеровской организации. Выборы в сельский Совет, которые проходили на крестьянском сходе, показали шаткость позиций членов ПСР в Обшаровке. На него, как пишет в своей книге И. Лычев, пришли даже старики, которые давным-давно считали, что их время ходить на сходы миновало. Много на сходе было женщин, которые до последних дней относились к борьбе политических партий индифферентно. «На трибуну поднялся сельский староста и предложил избрать председателя и секретаря. Кто-то из присутствующих предложил избрать эсера Михеева, но тут же поднялся один из стариков и заявил: «Михеев против Советской власти и стоит за земство. Нечего его избирать председателем. Выберем Лычева, который объяснил вчера, что такое Советская власть и что она хочет сделать»¹³⁴.

На собрании, проходившем в горячей атмосфере борьбы большевиков и эсеров, началось выдвижение кандидатов в первый сельский Совет. Эсеры выдвигали или кулаков, или близких к ним некоторых зажиточных середняков. Но беднота под руководством большевиков дружно проваливала кандидатуры крепких мужичков», пытавшихся рядиться в одежды защитников интересов народа. Первым председателем Обшаровского Совета стал большевик И. Лычев.

Таким образом, установление Советской власти на местах представляет собой сложный и многогранный исторический процесс. Разнообразием экономических, политических, национальных и исторических условий в различных районах Поволжья объясняется тот факт, что здесь мы наблюдаем сочетание всех форм и методов борьбы рабочих и беднейших крестьян за власть — от мирного перехода власти к Советам до вооруженного разгрома контрреволюционных сил.

Главный фактор, определяющий методы завоевания власти пролетариатом и сроки установления Советской власти, мы усматриваем в том, какое соотношение сил складывалось на ме-

стах в момент решающего столкновения классов и партий в борьбе за власть.

Октябрьская революция победила прежде всего в наиболее развитых в промышленном отношении городах Поволжья, где действовали сильные большевистские организации, нашедшие крепкую опору среди рабочих и солдатских масс и имевшие в основном уже к середине октября 1917 года большинство в местных Советах.

В губернских и уездных центрах с относительно большой прослойкой мещанского населения процесс установления Советской власти был более длительным и сложным. Гигантскую роль в утверждении диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в Симбирске, Астрахани, Пензе, в большинстве уездных городов и волостях сыграли декреты о земле и мире, постановления о переходе власти к Советам, агитационно-пропагандистская, военная, финансовая помощь СНК и большевистских Советов промышленно развитых губернских центров. Все это вместе взятое в сочетании с мощным революционным движением на местах позволило Советам в течение сравнительно короткого времени, за три-четыре месяца, повсеместно взять власть в свои руки.

Характерно, что в ряде губернских и уездных центров Поволжья большевики сумели привлечь на свою сторону представителей мелкобуржуазных партий. В Самаре, Сызрани, Казани большевистские фракции своими решительными действиями превратили левых эсеров, максималистов, с.-д.— интернационалистов в своих (пусть и неустойчивых) союзников. В Самаре к большевикам присоединились также бундовцы и поалейционисты. Эта поддержка левых элементов мелкобуржуазной демократии имела определенное значение в сложной борьбе с правыми эсерами, меньшевиками и буржуазными группировками. То есть, если в центре союзниками большевиков в борьбе за власть Советов выступали в основном левые эсеры, то в низах блок советских партий был более широким.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Советы сыграли гигантскую роль в пролетарской революции. Они явились эффективным средством политического воспитания масс, важной ареной борьбы классов и партий, мощным инструментом воздействия большевистской партии на рабочих, солдат и крестьян. Отношение к Советам в ходе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую выполняло роль своеобразного оселка, на котором выявлялась действительная революционность политических партий, зрелость их теоретического мышления и верность марксистскому учению о диктатуре пролетариата. Лишь большевистская партия проводила по отношению к Советам ясную и последовательную политику. Она видела в них революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, государство типа Парижской Коммуны, зародыш революционного правительства и с первых же дней Февральской революции стремилась расширить сеть Советов, упрочить их позиции в политической жизни страны и привлечь к деятельности Советов все слои революционного народа.

Меньшевики и эсеры имели извращенное представление о диктатуре пролетариата. Порочная мелкобуржуазная концепция о пролетарской революции, связывавшая ее исход лишь с количественной частью пролетариата в обществе, вывод о том, что Россия не достигла необходимого уровня развития, при котором возможна победа социализма,— все это привело меньшевиков и эсеров к отрицанию Советов как органов власти. Они считали Советы временным явлением, по своему характеру родственным профсоюзным и культурно-просветительным органам, в лучшем случае способным контролировать буржуазную власть, но ни в коей мере не осуществлять ее самостоятельно. Негативное отношение к Советам и упорное стремле-

ние насадить в России парламентскую систему правления, привело меньшевиков и эсеров к утрате связей с массами и политическому банкротству.

Октябрьская революция явилась триумфом марксистско-ленинской идеологии. Она практически подтвердила глубокое соответствие учения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о диктатуре пролетариата объективному развитию общества, обнажила искусственность философских построений меньшевиков и эсеров и доказала полную несостоятельность их теоретических воззрений на Советы. Отношение большевиков к Советам как к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, как к органам власти позволило успешно перевести буржуазно-демократическую революцию в социалистическую и создать первое в мире государство рабочих и крестьян.

Против молодой республики Советов выступили крупная буржуазия, помещики и часть мелкобуржуазных слоев населения, возглавляемая правыми эсерами и меньшевиками. Соглашатели не захотели использовать возможности легальной борьбы за массы мирными агитационно-пропагандистскими методами, как это делали большевики, борясь за влияние в Советах в предоктябрьский период. Клевета, саботаж, контрреволюционные мятежи прочно вошли в их арсенал средств борьбы с рабоче-крестьянской властью.

Подобная позиция соглашателей по отношению к Советам, конечно, затрудняла решение и без того сложных задач социалистического строительства. И тем не менее, преодолевая серьезные преграды и барьеры, Советская власть крепла с каждым днем. Народные массы приветствовали власть Советов, авторитет ее непрерывно возрастал. Этого не отрицали даже некоторые деятели антисоветских мелкобуржуазных партий. 23 февраля 1918 года самарский меньшевик С. Лепский писал в местной газете «Наша жизнь»: «Факт остается фактом, который мы ничуть не склонны оспаривать — Советская власть укрепилась». Казалось бы, что руководители мелкобуржуазных организаций должны извлечь из следующих один за другим поражений необходимые уроки. Однако в уходе от них широких масс эсеры и меньшевики видели кого угодно, но не самих себя. Корни неудач руководители соглашательских организаций видели в «затяжной войне», в «зверных наклонностях русского мужика», в «зоологических инстинктах народа», в «разнузданности солдатчины» и т. п.

Лидеры мелкобуржуазных партий России решили избавиться

народные массы от Советской власти — «спасти» тем самым рабочих, солдат и крестьян, которые несмотря на все пропагандистские усилия соглашателей, никак не могли понять, что социализм еще «строить рано», что лучше всего создать буржуазную парламентскую республику. Злоба и ненависть вождей ПСР и РСДРП (меньшевиков) к Советской власти росла «прямо пропорционально тяжести понесенных ими поражений»¹.

Потеряв надежды развалить или разгромить Советы собственными силами, соглашатели решили искать поддержки у иностранных интервентов. Этот путь также не мог принести успеха мелкобуржуазным партиям.

VIII съезд ПСР, проходивший с 8 по 14 мая 1918 года в Москве, взял курс на подготовку вооруженного восстания против Советской власти. Одновременно видные деятели этой партии обратились с просьбой о поддержке готовящегося мятежа к странам Антанты. Центром вооруженных действий на начальном этапе правые эсеры наметили Поволжье. В губернии этого района были направлены четыре члена ЦК ПСР. Они возглавили здесь подрывную работу против Советов и большевистских организаций.

В июне 1918 года Поволжский комитет ПСР заключил с уральским белоказачьим войском формальный договор о совместных действиях с целью «ликвидации большевистской диктатуры и провозглашения власти Учредительного собрания в Поволжье и Приуралье». ЦК ПСР, как пишет в своих воспоминаниях лидер этой партии В. М. Чернов, «принимая во внимание, что искони вольнолюбивое Уральское казачество, исторически оппозиционное, сохранившее традиции пугачевского движения, не представляет опасности в смысле монархической реставрации,— этот договор утвердил»².

Действуя в союзе с казачьим атаманом, опираясь на чешско-белогвардейские войска, эсерам и меньшевикам удалось свергнуть Советскую власть в Самарской губернии и сформировать правительство, составленное из членов разогнанного в январе 1918 года Учредительного собрания.

Союз правых социалистов-революционеров с уральским казачеством обернулся для крестьянской бедноты Поволжья тяжким бедствием. Первыми ощутили на себе силу казацкой десницы крестьяне Николаевского уезда, куда уже с апреля — мая вторгались белогвардейские банды, а по терминологии эсеров «славные продолжатели традиций Пугачева». Во многих селах уезда местные кулаки и помещики с помощью

казаков разогнали волостные Советы, а депутатов расстреляли. «Бедное население,— писала 14 мая 1918 года о событиях в Николаевском уезде правозэсеровская газета «Волжское слово»,— в панике разбегается». Это вынужденное признание вскрывает все лицемерные разговоры правых эсеров о пугачевских традициях уральской казацкой зажиточной вер-хушки.

Тяжелые времена наступили и для середняков Поволжья. Они постепенно наглядно убедились, что вместе с введением вольной торговли хлебом правые эсеры и меньшевики принесли им и то, чего им не хотелось: восстановление помещичьего землевладения, полицейскую власть, расстрелы, шомпола и нагайки. 19 сентября 1918 года на съезде крестьян Самарской губернии, созванном членами Комуча, делегаты сел и деревень с ужасом говорили, что казаки от имени Учредительного собрания арестовывают, расстреливают их односельчан и возвращают земли помещикам. Белогвардейско-эсеровская газета «Наша правда» была вынуждена 13 августа 1918 года признать, что крестьяне недоверчиво относятся к Комучу, отказываются служить в Народной Армии и проникаются все большими симпатиями «к большевизму».

После сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов и помещиков крестьяне-середняки приходили к выводу, что первая лучше последней³. Здесь уместно сказать о признании, которое сделал 6 сентября 1918 года эсер П. Климушкин, управляющий ведомством внутренних дел: «Крестьяне в прошлом году почитали нас за своих кумиров, а теперь они нам шлют письма, в которых обзывают нас продажными душами»⁴. Рабочие массы в Самаре, как свидетельствовал член ЦК ПСР К. Буревой, и вовсе отшатнулись от правительства Комуча и требовали передачи власти Советам⁵.

В огне гражданской войны сгорели «все мелкобуржуазные иллюзии и предрассудки»⁶. Партии правых эсеров и меньшевиков потеряли всякую опору в массах, они катастрофически поределли. «Принцип Советской власти для рабочих стал общепризнанным,— писал в конце 1918 года один из членов Соромовской организации с.-д. интернационалистов.— Меньшевики и правые эсеры окончательно потеряли свое влияние на рабочих, да и на обывателя также. Не говоря о рядовых членах этих партий, даже видные работники переживают мучительный процесс исканий»⁷.

Один из руководителей эсеровской фракции в Нижегородском Совете С. Глумин, заявил в декабре 1918 года: «С 1913

года я состоял членом партии соц.-революц. Сормовской организации. 8 августа с. г. я решил выйти из данной партии и поступить членом партии коммунистов-большевиков, ибо завоевания Октябрьской революции открывали дороги пролетариату»⁸.

Самарские рабочие М. Долбин, Я. Мунин, Беляев, Н. Крутиков, Нейнявин. А. Дзель, Н. Лятер в январе 1919 года прислали в редакцию местной газеты следующее письмо: «Мы, нижеподписавшиеся, бывшие члены партии социалистов-революционеров, вступая в ряды истинных борцов за права трудящихся, чувствуем необходимость заявить во всеуслышание, что мы были жестоко обмануты этой партией, в настоящее время показавшей свое контрреволюционное лицо. С этой партией нам не по пути и шлем проклятие введшим нас в заблуждение»⁹.

От некогда крупных соглашательских организаций Поволжья к концу гражданской войны остались ничтожные группы. Так, Пензенская организация эсеров сократилась с 10 000 членов в июле 1917 года до 10—15 человек в 1919 году. В начале 1919 года прекратила свое существование Астраханская меньшевистская организация, приняв решение на своем последнем собрании «разбрестись разном»¹⁰.

Попытки играть роль «третьей силы» привели членов мелкобуржуазных партий к закономерному результату — политическому банкротству. Мелкобуржуазные демократы, выступившие против Советов, оказались изолированными от масс. Лучшие представители ПСР, РСДРП (меньшевиков), партии левых эсеров, РСДРП (интернационалистов) констатировали тот факт, что антисоветизм завел их в тупик, что соглашательская буржуазно-реформистская линия в революции отвергнута рабочими, солдатами и крестьянами. Наиболее прогрессивно и революционно настроенные члены мелкобуржуазных партий приходили к выводу, что только в рядах РКП(б) они смогут успешно работать на благо народов России.

Советы, созданные в огне революционных битв широчайшими трудовыми массами, оказались неодолимым барьером, который не могли разрушить все классовые враги пролетариата. Советы явились теми органами, которые творили волю рабочих и крестьян, а потому борьба с ними приводила любую партию к неизбежному поражению.

Процесс распада мелкобуржуазных партийных организаций Поволжья, где имелись особенно благоприятные социально-экономические условия для деятельности социалистов-революционеров и меньшевиков, показал, что нет той силы, ко-

торая способна сломить Советы, руководимые большевистской партией.

Партии мелкой буржуазии своей контрреволюционной политикой сами поставили себя вне рамок Советской демократии. Таким образом, в процессе исторического развития революции в стране сложилась однопартийная система. Руководящее положение в Советах заняла партия большевиков.

ССЫЛКИ

Введение (с. 3)

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 209.

³ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1967; т. 2. М., 1968; Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967; Моисеева О. Н. Советы крестьянских депутатов в 1917 г. М., 1967; Гусев К. В., Ерицян Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968; Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973 и др.

⁴ Медведев Е. И. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1964; Разгон А. И. Советы рабочих и солдатских депутатов Нижнего и Среднего Поволжья в период мирного развития революции. — Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук. М., 1965; Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967; Захаров Н. С., Емельянова И. А. Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции (По материалам Казанской губернии). Казань, 1967; Очерки истории Костромской организации КПСС. Волгоград, 1970; Артемьев С. А. Великий Октябрь в Чувашии. Чебоксары, 1972 и др.

Глава I. Политические партии и процесс образования Советов в Поволжье (с. 6)

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 66.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 372.

³ Чернов В. Рождение революционной России. (Февральская революция). Париж — Прага — Нью-Йорк, 1934, с. 221.

⁴ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. М., 1958, с. 123.

⁵ См.: «Дело народа», Петроград, 1917, 13 августа.

⁶ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Книга первая. Париж, 1963, с. 7—8.

⁷ См.: Коммунистическая партия в период упрочения Советской власти. Документы и материалы. М., 1960, с. 415.

⁸ «Приволжская правда», Самара, 1917, 13 апреля.

⁹ См.: «Наш голос», Самара, 1917, 21 октября.

¹⁰ См.: Разгон А. И. О составе Советов Нижнего Поволжья в мар-

те — апреле 1917 г. — В кн.: Советы и союз рабочего класса и крестьянства в Октябрьской революции. М., 1964, с. 116.

¹¹ «Земля и воля», Саратов, 1917, 16 апреля.

¹² См.: Б. Н. Чистов, В. Я. Табенецкий. Сызранские большевики в Октябрьской революции. Куйбышев, 1959, с. 21.

¹³ Газета явно преувеличивает: к объединению в основном стремились меньшевики, а не большевики.

¹⁴ См.: Балашовский филиал Госархива Саратовской области, ф. 39, оп. 5, д. 5, л. 1 и 2.

¹⁵ Комитет народной власти — губернский орган Временного правительства.

¹⁶ «Народная речь», Самара, 1917, 28 марта.

¹⁷ См.: Хрунин Г. Первые дни революции в Самарском гарнизоне. — В кн.: «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии», т. 1. Самара, 1918, с. 15.

¹⁸ Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, с. 21.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 210—211.

²⁰ «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии», т. 1, с. 149—150.

²¹ В числе 30 ведущих деятелей Самарской организации ПСР состояли: 5 адвокатов, 4 учителя, 1 инженер, 2 студента, 3 конторских служащих, 2 журналиста, 3 агронома, 1 приказчик, 1 землевладелец, 1 мелкий торговец, 1 офицер, 2 солдата, 1 артист.

²² См.: Госархив Куйбышевской области, ф. 813, оп. 1, д. 21, л. 11.

²³ Журнал заседания I губернского съезда крестьянских делегатов. Самара, 1917, с. 19—20.

²⁴ См.: «Симбирская народная газета», 1917, 7 июня.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 271.

²⁶ См.: «Земля и воля», Сызрань, 1917, 5 мая.

²⁷ Симбирский губернский крестьянский союз эсеры распустили 9 октября 1917 года «ввиду наличия Совета крестьянских депутатов» (См. «Симбирское слово», 1917, 13 октября).

²⁸ А. Л. Коллегаев вступил в РКП(б) в ноябре 1918 года.

²⁹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1957, с. 3.

³⁰ Герасимов М. — поэт Советской России. Стал членом РСДРП(б) в конце июня 1917 года.

³¹ Вскоре, 1 мая 1917 года, И. Васянин вступил в члены РСДРП(б) (См.: Партахов Куйбышевского обкома КПСС, ф. 1/5, от 8, д. 1, л. 1).

³² «Известия Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, 20 апреля.

³³ См.: Петровский И. А. В Совете солдатских депутатов. — В кн.: «Октябрь в Самаре». Куйбышев, 1957, с. 194.

³⁴ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы, с. 133.

Глава 2. Межпартийная борьба в Советах Поволжья по основным вопросам революции, март — июнь 1917 г., (с. 29).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 159.

² Цит. по кн.: Соболева П. И. Борьба большевиков против меньшевиков и эсеров за ленинскую политику мира. М., 1965, с. 22.

³ См.: Госархив Куйбышевской области, ф. 136, оп. 1, д. 2, л. 3.

⁴ «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов», Пенза, 1917, 21 апреля.

- ⁵ См.: Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918). М.—Л., 1931, с. 30.
- ⁶ См.: «Известия Саратовского Совета», 1917, 2 мая.
- ⁷ См.: «Борьба», Царицын, 1917, 22 мая.
- ⁸ «Известия Совета рабочих депутатов», Самара, 1917, 23 апреля.
- ⁹ Журнал «Вестник партии народной свободы», Петроград, 1917, № 8—10, с. 20.
- ¹⁰ Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 13, д. 4, л. 184.
- ¹¹ «Голос труда», Казань, 5 июня.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 366.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 210.
- ¹⁵ «Известия Совета рабочих депутатов», Самара, 1917, 11 марта.
- ¹⁶ Центральный Государственный архив Октябрьской революции СССР, (ЦГАОР СССР), ф. 515, оп. 1, д. 1, л. 5; Гладышев П. Х. Рабочие и крестьяне. Симбирск, 1917, с. 4—5.
- ¹⁷ Госархив Саратовской области, ф. 468, оп. 1, д. 19, л. 1.
- ¹⁸ Госархив Куйбышевской области, ф. 4020, оп. 1, д. 3, л. 212.
- ¹⁹ См.: «Солдатская газета», Самара, 1917, 4 ноября.
- ²⁰ См.: 1917 год в Сталинградской губернии. Хроника событий. Сталинград, 1927, с. 174.
- ²¹ «Луч», Астрахань, 1917, 21 мая.
- ²² Балашовский филиал Госархива Саратовской области, ф. 39, оп. 5, д. 11, лл. 2, 8, 11.
- ²³ ЦГАОР СССР, ф. 3, оп. 1, д. 154, л. 36.
- ²⁴ Минин А. Л. Дух разрушения в русской революции. — В кн.: «Год русской революции». М., 1918, с. 28.
- ²⁵ «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии», т. 1, с. 8, 17.
- ²⁶ Там же, с. 13.
- ²⁷ Там же, с. 14.
- ²⁸ Журнал «Голос земли», Самара, 1917, 2 августа, № 1, с. 16.
- ²⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 167.
- ³⁰ Петровский И. А. Указ. соч., с. 195—196.
- ³¹ См.: «Волжский день», Самара, 1917, 20 мая.
- ³² Наякшин К. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962, с. 305.
- ³³ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда. Самара, 1917, с. 37.
- ³⁴ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Документы и материалы. Т. 1, ч. 1. М., 1929, с. 104.
- ³⁵ Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда, с. 43.
- ³⁶ Там же, с. 45—51.
- ³⁷ «Наш голос», Самара, 1917, 2 июня.
- ³⁸ «Земля и воля», Самара, 1917, 28 июля.
- ³⁹ «Волжское слово», Самара, 1917, 27 июля.
- ⁴⁰ Краеведческие записки. Документы и материалы. Куйбышев, 1963, с. 10.
- ⁴¹ «Волжский день», Самара, 1917, 3 июня.
- ⁴² «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии», т. 1, с. 21.
- ⁴³ «Волжский день», Самара, 1917, 3 июня.
- ⁴⁴ См.: Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября. М., 1971, с. 136—137.
- ⁴⁵ «Известия Саратовского Совета», 1917, 24 мая.
- ⁴⁶ «Рабочий», Казань, 1917, 13 апреля.

- ⁴⁷ «Приволжская правда», Самара, 1917, 8 июня.
- ⁴⁸ Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 г. М., 1929, с. 109.
- ⁴⁹ «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», Петроград, 1917, 26 мая.
- ⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 323.
- ⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 172.
- ⁵² Цит. по кн.: История КПСС, т. 3, кн. 1. М., 1967, с. 38.
- ⁵³ «Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов». Стенографический отчет. М.—Л., 1927, с. 177—178.
- ⁵⁴ «Известия Кузнецкого исполнительного комитета», 1917, 26 апреля.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 114.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.
- ⁵⁷ Чернов В. Конструктивный социализм, т. 1. Прага, 1925, с. 51.
- ⁵⁸ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), ф. 275, оп. 1, д. 7, л. 105.
- ⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.
- ⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 356.
- ⁶¹ Гендельман М. Советы как форма рабочего движения. Журнал «Русский рабочий». М.—Пг., 1918, № 4, с. 6.
- ⁶² См.: Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967, с. 189.
- ⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 310.
- ⁶⁴ «Казанская рабочая газета и Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, 11 мая.
- ⁶⁵ См.: «Наш голос», Самара, 1917, 10 мая.
- ⁶⁶ «Народ», Нижний Новгород, 1917, 25 и 28 мая.
- ⁶⁷ «Социалист-революционер», Казань, 1917, 14 мая.
- ⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 29.
- ⁶⁹ «Речь», Петроград, 1917, 9 июня (передовая статья).
- ⁷⁰ «Волжский день», Самара, 1917, 3 июня.
- ⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 3, оп. 1, д. 99, л. 155.
- ⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 162.
- ⁷³ Быховский Н. Я. Для чего нам нужны Советы крестьянских депутатов. Петроград, 1917, с. 12.
- ⁷⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 53, д. 10, л. 46.
- ⁷⁵ «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов», Пенза, 1917, 19 мая.
- ⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 136.
- ⁷⁷ «Саратовский Совет рабочих депутатов», с. 110.
- ⁷⁸ Госархив Саратовской области, ф. 468, оп. 1, д. 1, л. 40.
- ⁷⁹ Центральный Государственный Военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР), ф. 366, оп. 1, д. 22, л. 66.
- ⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 320.
- ⁸¹ См.: «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов», Пенза, 1917, 24 мая.
- ⁸² «Известия Совета рабочих депутатов», Самара, 1917, 24 мая.
- ⁸³ Троцкий В. Октябрьская революция в Среднем Поволжье. М., Самара, 1932, с. 14.
- ⁸⁴ «Волжское слово», Самара, 1917, 24 мая.
- ⁸⁵ «Социал-демократ», Саратов, 1917, 17 мая.
- ⁸⁶ Установление Советской власти в Ярославской губернии. Сборник документов и материалов. Ярославль, 1957, с. 85.
- ⁸⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 270.

⁸⁸ Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., 1965, с. 47.

⁸⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 123, л. 63.

⁹⁰ «Речь», Петроград, 1917, 11 мая.

⁹¹ Розенблюм Д. Противоречия русской революции. В кн.: «Год русской революции». М., 1918, с. 17.

⁹² Протоколы III съезда партии социалистов-революционеров (25 мая — 4 июня 1917 г.). Стенографический отчет. Петроград, 1917, с. 4.

⁹³ См.: «Симбирянин», 1917, 11 мая.

⁹⁴ См.: Первый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М.—Л., 1930, с. 241.

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 24.

⁹⁶ См.: Чернов В. Пролетариат, трудовое крестьянство и революция. Петроград, 1917, с. 15.

⁹⁷ См.: Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, с. 29.

⁹⁸ «Земля и воля», Петроград. 1917, 3 июня.

⁹⁹ См.: Точеный Д. С. Образование Советов в Среднем Поволжье.— «Вестник МГУ», 1969, № 4, с. 40.

¹⁰⁰ См.: «История гражданской войны», т. 2. М., 1942, с. 49.

¹⁰¹ См.: Разгон А. И. Советы рабочих и солдатских депутатов Нижнего и Среднего Поволжья в период мирного развития революции. Автореф. канд. дис. на соиск. учен. степени канд. истор. наук, М., 1965, с. 159.

¹⁰² Госархив Саратовской области, ф. 468, оп. 1, д. 10, лл. 21, 25, 32.

¹⁰³ См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. 1. М., 1957, с. 499; «Солдат, рабочий и крестьянин», Сызрань, 1917, 17 июня.

¹⁰⁴ См.: «Известия Саратовского Совета», 1917, 1 июля.

¹⁰⁵ См.: «Борьба», Царицын, 1917, 28 мая.

¹⁰⁶ Партийный состав делегации Саратовского Совета на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов пока точно не установлен.

¹⁰⁷ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов. М., 1957, с. 287, 311, 341.

¹⁰⁸ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 4, л. 2.

¹⁰⁹ См.: «Известия Бугульминского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», 1917, 4 июня.

¹¹⁰ См.: «Правда», Петроград, 1917, 10 мая.

¹¹¹ «Известия Саратовского Совета», 1917, 6 июня.

¹¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 355.

¹¹³ «Революционный народ», Петроград, 1917, 3 июля.

¹¹⁴ См.: «Речь», Петроград, 1917, 22 апреля; И. И. Блюменталь. Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии, т. 1. Самара, 1927, с. 39.

¹¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 385.

¹¹⁶ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1. Париж, 1963, с. 446.

¹¹⁷ См.: «Русские ведомости», Москва, 1917, 27 мая.

¹¹⁸ Краткий отчет о работах IV съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917 г.). Петроград, 1917, с. 50.

¹¹⁹ «Саратовский Совет рабочих депутатов», с. 137.

¹²⁰ Госархив Саратовской области, ф. 468, оп. 1, д. 4, л. 59.

¹²¹ «Астраханский листок», 1917, 17 июня.

¹²² «Самарские ведомости», 1917, 28 июня.

¹²³ Моисеева О. И. Советы крестьянских депутатов в 1917 г. М., 1967, с. 75.

¹²⁴ См.: «Симбирская народная газета», 1917, 7 июня.

¹²⁵ См.: Партархив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 8121, оп. 1, д. 117, л. 3, 5; «Приволжская правда», Самара, 1917, 2 июля.

¹²⁶ См.: Томарев В. И. Пролетариат Царицына в борьбе за власть Советов. Сталинград, 1957, с. 56.

¹²⁷ «Астраханский вестник», 1917, 13 августа.

¹²⁸ См.: Очерки истории Костромской организации КПСС. Ярославль, 1967, с. 110.

¹²⁹ См.: Захаров И., Емельянова И. Указ. соч., с. 54.

¹³⁰ См.: «Социалист-революционер», Казань.

¹³¹ «Борьба», Царицын, 1917, 28 мая.

¹³² «Волжское слово», Самара, 1917, 15 июня.

¹³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 255.

¹³⁴ «Власть народа», Москва, 1917, 3 июня.

¹³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 18, л. 28.

¹³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 357—358.

¹³⁷ Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 1, д. 2, л. 65.

¹³⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 351—352.

¹³⁹ «Приволжская правда», Самара, 1917, 14 июня.

¹⁴⁰ «Социалист-революционер», Казань, 1917, 5 июня.

¹⁴¹ Съезд был созван для обсуждения вопроса о структуре губернских органов власти и выборов в Комитет народной власти во второй половине мая 1917 года. В работе съезда принимали участие делегаты II съезда крестьян Самарской губернии и представители Самарского Совета рабочих и солдатских депутатов.

¹⁴² «Волжский день», Самара, 1917, 9 мая.

¹⁴³ ЦГВИА СССР, ф. 1720, оп. 1, д. 37, л. 191.

¹⁴⁴ См.: «Правда», Петроград, 1917, 4 июня.

¹⁴⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 363.

¹⁴⁶ «Речь», Петроград, 1917, 6 июля.

Глава 3. Июльские события и их последствия (с. 111).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 29.

² Чернов В. М. «Советы» в нашей революции.— В кн.: «Год русской революции». М., 1918, с. 59.

³ См.: Медведев Е. И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958, с. 224.

⁴ «Казанская рабочая газета и Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, 14 июля.

⁵ «Знамя труда», Алатырь, 1917, 2 августа.

⁶ См.: «Известия Саратовского Совета», 1917, 11 июля.

⁷ См.: «Известия Астраханского Совета», 1917, 27 июля.

⁸ См.: Камышинский филиал Госархива Волгоградской области, ф. Р-9, д. 1, л. 1.

⁹ «Известия Кузнецкого исполнительного комитета», 1917, 20 июля.

¹⁰ См.: ЦВИА СССР, ф. 1720, оп. 1, д. 36, л. 18.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 44.

¹² Имеется в виду I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

¹³ ЦГАОР СССР, т. 3875, оп. 1, д. 2, л. 1.

¹⁴ «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов», Пенза, 1917, 4 августа.

- 15 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 2.
- 16 «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов», Пенза, 1917, 11 июля.
- 17 Опportunистические объединенческие настроения возобладали среди членов РСДРП(б) Пензенской организации отчасти и потому, что из Пензы к этому времени выехали по различным причинам последовательные большевики-ленинцы В. В. Кураев и др.
- 18 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1-А, д. 313, л. 2.
- 19 Банквизер А. Л. Воспоминания.— В кн.: «От февраля к Октябрю». М., 1957, с. 30.
- 20 См.: Партархив Куйбышевского обкома КПСС, ф. 8121, оп. 1, д. 110. л. 29; «Приволжская правда», Самара, 1917, 4 августа.
- 21 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 12—13.
- 22 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 18.
- 23 См.: «Борьба», Царицын, 1917, 12 июля.
- 24 Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 1, д. 2, л. 102.
- 25 См.: Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917—1918 гг. Саратов, 1968, с. 76.
- 26 Госархив Саратовской области, ф. 468, оп. 1, д. 3, л. 32.
- 27 1917 год в Сталинградской губернии, с. 241.
- 28 Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 1, д. 2-а, л. 179.
- 29 См.: «Листок борьбы», Царицын, 1917, 9 августа.
- 30 1917 год в Сталинградской губернии, с. 76.
- 31 См.: Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 1, д. 2-а, л. 288.
- 32 «Рабочая мысль», Царицын, 1917, 22 августа.
- 33 См.: ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 11, л. 29—30.
- 34 1917 год в Царицыне. Сборник документов и материалов. Сталинград, 1957, с. 79.
- 35 См.: Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968, с. 214—215.
- 36 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 63, л. 5.
- 37 См.: «Наш путь», Кострома, 1917, 6 августа.
- 38 «Социал-демократ», Саратов, 1917, 7 июля.
- 39 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 320, л. 4.
- 40 Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958, с. 90—91.
- 41 Зензинов В. Из жизни революционера. Париж, 1919, с. 89—90.
- 42 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 338.
- 43 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 51—52.
- 44 См.: «Солдат, рабочий и крестьянин», Сызрань, 1917, 29 августа.
- 45 См.: «Известия ЦИК и Петроградского Совета», 1917, 12 августа.
- 46 «Борьба», Пенза, 1917, 25 августа.
- 47 «Наш голос», Самара, 26 июля.
- 48 Там же, 22 июля.
- 49 «Пролетарий Поволжья», Саратов, 1917, 1 августа.
- 50 ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 27, л. 3.
- 51 Журнал «Симбирский рабочий», 1917, 12 октября, № 1, с. 8.
- 52 Журнал «Голос бунда», Петроград, 1917, 8 августа, № 1, с. 2.
- 53 ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 42, л. 19.
- 54 «Рабочая газета», Петроград, 1917, 8 августа.
- 55 «Земля и воля», Самара, 1917, 20 августа.
- 56 См.: Смирнов А. С. Крестьянские съезды Пензенской губернии в 1917 году. «История СССР», 1967, № 3, с. 29.
- 57 «Рабочая мысль», Царицын, 1917, 23 июля.
- 58 «Социалист-революционер», Казань, 1917, 31 июля.

- ⁵⁹ «Солдатская газета», Самара, 1917, 30 июля.
- ⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 123, л. 64.
- ⁶¹ «Симбирская народная газета», 1917, 11 августа.
- ⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 432.
- ⁶³ См.: Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, с. 368.
- ⁶⁴ См.: «Саратовский Совет рабочих депутатов», с. 179.
- ⁶⁵ См.: «Волжское слово», Самара, 1917, 23 августа.
- ⁶⁶ См.: «Борьба за власть Советов в Астраханском крае». Сборник документов, ч. 1. Астрахань, 1958, с. 101.
- ⁶⁷ ЦГАОР СССР, ф. 406, оп. 2, д. 25, л. 91.
- ⁶⁸ См.: «Социал-демократ», Саратов, 1917, 11 июля.
- ⁶⁹ См.: Балашовский филиал Госархива Саратовской области, ф. 39, оп. 5, д. 9, л. 46.
- ⁷⁰ См.: «Известия Саратовского Совета», 1917, 5 августа.
- ⁷¹ «Саратовский листок», 1917, 19 июля.
- ⁷² «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов», Пенза, 1917, 19 августа.
- ⁷³ «Солдатская газета», Самара, 1917, 19 августа.
- ⁷⁴ «Наш голос», Самара, 1917, 15 августа.
- ⁷⁵ См.: Государственное совещание (12—15 августа 1917 г.). Стенографический отчет. М.—Л., 1930, с. 292.
- ⁷⁶ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы, с. 90.
- ⁷⁷ ЦГВИА СССР, ф. 366, оп. 2, д. 157, л. 125.
- ⁷⁸ Там же, д. 108, л. 140, 236; «Речь», Петроград, 1917, 7 сентября.
- ⁷⁹ Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 1, д. 2а, л. 331.

Глава 4. Корниловский заговор и большевизация Советов (с. 147).

- ¹ «Речь», Петроград, 1917, 17 августа.
- ² См.: «Волжский день», Самара, 1917, 22 августа.
- ³ «Дело народа», Петроград, 1917, 17 августа.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Госархив Куйбышевской области, ф. 136, оп. 1, д. 3, л. 2.
- ⁶ См.: «Приволжская правда», Самара, 1917, 6, 7 и 17 августа.
- ⁷ «Народ», Нижний Новгород, 1917, 23 августа.
- ⁸ «Жизнь», Нижний Новгород, 1917, 15 августа.
- ⁹ «Социалист-революционер», Казань, 1917, 13 и 21 августа.
- ¹⁰ Госархив Саратовской области, ф. 468, оп. 1, д. 69, л. 17.
- ¹¹ См.: «Известия Саратовского Совета», 1917, 2 сентября.
- ¹² ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 264, л. 15.
- ¹³ См.: «Астраханский листок», 1917, 5 сентября.
- ¹⁴ Балашовский филиал Госархива Саратовской области, ф. 39, оп. 5, д. 5, л. 81.
- ¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 265, л. 176.
- ¹⁶ См.: Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902—1917. Куйбышев, 1969, с. 513—514.
- ¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 264, л. 17.
- ¹⁸ Попов Ф. Г. Указ. соч., с. 515—516.
- ¹⁹ Государственный архив организации советского строительства Московской области. (ГАОРСС МО), ф. 176, д. 52, л. 8.
- ²⁰ См.: Спирин Л. М. Указ. соч., с. 43.
- ²¹ «Приволжская правда», Самара, 1917, 5 сентября.
- ²² Свердлов Я. М. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, с. 38.

²³ Победа Октябрьской революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. Горький, 1957, с. 249.

²⁴ Соболева Л. И. Октябрьская революция и крах социал-соглашателей. М., 1968, с. 137.

²⁵ За власть Советов. Сборник документов и воспоминаний. Ярославль, 1967, с. 137.

²⁶ В начале сентября 1917 года М. Д. Крымов приехал в Симбирск из Петрограда по направлению ЦК РСДРП(б).

²⁷ «Рабочий путь», Петроград, 1917, 26 сентября.

²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 63, л. 4.

²⁹ Там же, оп. 1-А, д. 316, л. 1.

³⁰ Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии, с. 279.

³¹ «Дело народа», Петроград, 1917, 12 сентября.

³² «Пролетарий Поволжья», Саратов, 1917, 3 октября.

³³ «Самарские ведомости», 1917, 22 сентября.

³⁴ Краткий отчет о работах IV съезда партии социалистов-революционеров, с. 19.

³⁵ См.: ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 53, д. 10, л. 176.

³⁶ «Народ», Нижний Новгород, 1917, 8 сентября.

³⁷ «Интернационал», Нижний Новгород, 1917, 24 сентября.

³⁸ См.: А. Колосов в 1918 году вступил в партию большевиков; в дальнейшем работал корреспондентом «Правды».

³⁹ «Солдатская газета», Самара, 1917, 8 сентября.

⁴⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 101, л. 5 (хроника событий).

⁴¹ Морозов В. Ф. Пензенская организация большевиков в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Пенза, 1959, с. 37.

⁴² «Пролетарий Поволжья», Саратов, 1917, 10 сентября.

⁴³ «Жизнь», Нижний Новгород, 1917, 26 и 29 сентября.

⁴⁴ Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. Докт. дисс. М., 1966, с. 404.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 149—150.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 282.

⁴⁷ «Интернационал», Нижний Новгород, 1917, 20 сентября.

⁴⁸ Там же, 1917, 17 сентября.

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 229.

⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 204.

⁵¹ «Рабочая мысль», Царицын, 1917, 13 сентября.

⁵² См.: «Жизнь», Нижний Новгород, 1917, 8 и 13 сентября.

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 262.

⁵⁴ См.: «Социалист-революционер», Казань, 1917, 14 сентября.

⁵⁵ «Речь», Петроград, 1917, 15 сентября.

⁵⁶ «Рабочая газета», Петроград, 1917, 23 сентября.

⁵⁷ «Дело народа», Петроград, 1917, 20 сентября.

⁵⁸ См.: «Солдатская газета», Самара, 1917, 17 сентября.

⁵⁹ «Пролетарий Поволжья», Саратов, 1917, 30 сентября.

⁶⁰ «Земля и воля», Самара, 1917, 29 сентября.

⁶¹ Там же, 1917, 24 сентября.

⁶² «Солдатская газета», Самара, 1917, 28 сентября.

⁶³ «Рабочая мысль», Царицын, 1917, 28 сентября.

⁶⁴ «За землю и волю», Казань, 1917, 29 сентября.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 278.

⁶⁶ Советы за 50 лет. М., 1967, с. 42.

- ⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 204.
- ⁶⁸ «Приволжская правда», Самара, 1917, 13 сентября.
- ⁶⁹ «Земля и воля», Самара, 1917, 26 сентября.
- ⁷⁰ «Социал-демократ», Москва, 1917, 29 сентября.
- ⁷¹ Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 1, д. 2-а, л. 488.
- ⁷² «Голос революции», Астрахань, 1917, 21 сентября.
- ⁷³ См.: там же, 1917, 24 сентября.
- ⁷⁴ Борьба за власть Советов в Астраханском крае, ч. 1, с. 119—120.
- ⁷⁵ Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967, с. 161.
- ⁷⁶ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий, т. 4. М., 1961, с. 251.
- ⁷⁷ «Бугурусланская жизнь», 1917, 22 октября.
- ⁷⁸ «Заволжский край», Покровск, 1917, 24 сентября.
- ⁷⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты, т. 2. Париж, 1922, с. 105.
- ⁸⁰ «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата», 1917, 19 сентября.
- ⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 423, л. 14, 35, 55.
- ⁸² «Волжское слово», Самара, 1917, 7 сентября.
- ⁸³ См.: «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов», Петроград, 1917, 13 июля.
- ⁸⁴ Соловейчик А. С. Борьба за возрождение России на Востоке. Ростов-на-Дону, 1919, с. 12—13.
- ⁸⁵ См.: Журнал «Вестник партии народной власти», Петроград, 1917, 10 августа, №№ 11—13, с. 19.
- ⁸⁶ «День», Петроград, 1917, 16 июля.
- ⁸⁷ «Земля и воля», Самара, 1917, 9 июля.
- ⁸⁸ «Волжский день», Самара, 1917, 26 августа.
- ⁸⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 40.
- ⁹⁰ Эсеровская газета «Волжское слово» отметила 23 августа 1917 года: «Губернский съезд крестьян для большевиков слишком заманчивое поле деятельности, чтобы они не попытались на нем нанести удар и Временному правительству, и Совету крестьянских депутатов».
- ⁹¹ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 423, л. 16.
- ⁹² «Волжский день», Самара, 1917, 6 сентября.
- ⁹³ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 423, л. 27.
- ⁹⁴ См.: «Известия Николаевского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 1917, 17 и 22 октября.
- ⁹⁵ ЦГВИА СССР, ф. 1720, оп. 1, д. 37, л. 189.
- ⁹⁶ Воробьев К. Аграрный вопрос в Симбирской губернии. Симбирск, 1917, с. 19.
- ⁹⁷ «Социалист-революционер», Казань, 1917, 25 августа.
- ⁹⁸ «Дело народа», Петроград, 1917, 1 августа.
- ⁹⁹ «Знамя труда», Петроград, 1917, 30 сентября.
- ¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 205.
- ¹⁰¹ «Дело народа», Петроград, 1917, 30 сентября.
- ¹⁰² См.: «Рассвет», Чембар, 1917, 19 ноября.
- ¹⁰³ «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата», 1917, 17 и 26 октября.
- ¹⁰⁴ «Народ», Нижний Новгород, 1917, 18 октября.
- ¹⁰⁵ «Пролетарий Поволжья», Саратов, 1917, 4 октября.
- ¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 23.
- ¹⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 400.

- ¹ Госархив Ульяновской области, ф. 677, оп. 2, д. 33, л. 103.
- ² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 63, л. 6; Город Тольятти. Куйбышев, 1967, с. 246.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 250.
- ⁴ Леонтьев-Нечаев И. Очерк возникновения партии левых социалистов-революционеров. — В кн.: «Резолюции и постановления I и II Всероссийских съездов партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов)». М., 1918, с. 6.
- ⁵ «Русские ведомости», Москва, 1918, 3 января.
- ⁶ См.: «Новая жизнь», Петроград, 1917, 12 октября.
- ⁷ См.: Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Петроград, 1918, с. 7.
- ⁸ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 2, д. 48, л. 44.
- ⁹ «Наш голос», Самара, 1917, 21 октября.
- ¹⁰ «Рабочая мысль», Царицын, 1917, 25 октября.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 386.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 229—230.
- ¹³ См.: «За землю и волю». Казань, 6, 8 и 11 октября.
- ¹⁴ «Солдатская газета», Самара, 1917, 4 октября.
- ¹⁵ См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов. М., 1957, с. 353.
- ¹⁶ См.: «Рабочий путь», Петроград, 1917, 21 октября.
- ¹⁷ См.: «Известия Николаевского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», 1917, 26 октября.
- ¹⁸ «Самарские ведомости», 1917, 13 октября.
- ¹⁹ Неверов А. Темный лес. — В кн.: «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губернии». Самара, 1918, с. 76.
- ²⁰ Чернов В. «Советы» в нашей революции. — В кн.: «Год русской революции», с. 61.
- ²¹ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, д. 261, л. 6, 39.
- ²² См.: «Известия Кузнецкого исполнительного комитета», 1917, 10 сентября.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 504—505.
- ²⁴ «Речь», Петроград, 1917, 14 октября.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 328.
- ²⁶ «Наш голос», Самара, 1917, 21 октября.
- ²⁷ Чернов В. М. «Советы» в нашей революции, с. 64.
- ²⁸ «Известия Саратовского Совета», 1917, 26 сентября.
- ²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 80, д. 27, л. 22.
- ³⁰ Балашовский филиал Госархива Саратовской области, ф. 39, оп. 5, д. 5, л. 90.
- ³¹ Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 13, д. 14, л. 92.
- ³² «Рабочая мысль», Царицын, 1917, 14 сентября.
- ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 391.
- ³⁴ См.: Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и укрепление Советской власти в Саратовской губернии. Саратов, 1947, с. 60.
- ³⁵ См.: «Пролетарий Поволжья», Саратов, 1917, 17, 18 и 19 октября.
- ³⁶ Октябрь в Поволжье, с. 212.
- ³⁷ Госархив Куйбышевской области, ф. 136, оп. 1, д. 3, л. 12.
- ³⁸ См.: Второй Всероссийский съезд Советов, с. 243, 310, 340, 341, 362.
- ³⁹ Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 г., с. 265.

- ⁴⁰ Госархив Волгоградской области, ф. 2194, оп. 1, д. 3, л. 286.
- ⁴¹ «Приволжская правда», Самара, 1917, 17 октября.
- ⁴² См.: Журнал «Известия Самарского губернского продовольственного комитета», 1917, № 15—16, с. 132.
- ⁴³ «Труд», Москва, 1917, 17 ноября.
- ⁴⁴ «К новой жизни», Камышин, 1917, 1 октября.
- ⁴⁵ «Социал-демократ», Саратов, 1917, 19 октября.
- ⁴⁶ «Известия Кузнецкого исполнительного комитета», 1917, 4 октября.
- ⁴⁷ Госархив Волгоградской области, ф. 497, оп. 4, д. 30, л. 5.
- ⁴⁸ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, т. 1, с. 350.
- ⁴⁹ См.: Басин С. Г. Профсоюзы Среднего Поволжья в Октябрьской революции. Куйбышев, 1967, с. 104.
- ⁵⁰ Госархив Саратовской области, ф. 521, оп. 1, д. 30, л. 2.
- ⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 343.
- ⁵² Госархив Волгоградской области, ф. 71, оп. 1, д. 2-а, л. 460.
- ⁵³ См.: «Рабочая мысль», Царицын, 1917, 17 сентября.
- ⁵⁴ Цит. по кн.: Морозов Б. М. Партия и Советы в Октябрьской революции. М., 1966, с. 71.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 240.
- ⁵⁶ Минин А. А. Дух разрушения в русской революции, с. 37.

Глава 6. Советы Поволжья в борьбе за государственную власть (с. 225).

- ¹ См.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Сборник документов. Куйбышев, 1957, с. 162—165.
- ² «Солдатская газета», Самара, 1917, 28 октября.
- ³ См.: «Волжское слово», Самара, 1917, 2 ноября.
- ⁴ См.: «Приволжская правда», Самара, 1917, 1 ноября.
- ⁵ Саратовский почтово-телеграфный округ обслуживал все Нижнее Поволжье.
- ⁶ См.: Госархив Саратовской области, ф. 374, оп. 1, д. 2785, л. 506.
- ⁷ См.: Там же, ф. 462, оп. 1, д. 35, л. 51—54.
- ⁸ Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы. М.—Л., 1925, с. 147.
- ⁹ См.: Годовщина социальной революции в Саратове, ч. 1, Саратов, 1918, с. 3—4.
- ¹⁰ См.: Госархив Саратовской области, ф. 3, д. 556, л. 113—114.
- ¹¹ См.: «Саратовский вестник», 1917, 28 октября.
- ¹² Госархив Саратовской области, ф. 3, д. 572, л. 68—71.
- ¹³ Ныне улица Братиславская, дом № 22.
- ¹⁴ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье, с. 142.
- ¹⁵ См.: Пять лет пролетарской борьбы. Сборник статей. Саратов, 1922, с. 25—26.
- ¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 211, л. 17.
- ¹⁷ См.: Саратовский областной музей краеведения, фонд 1917 года.
- ¹⁸ Казачьи полки подошли к Саратову 30 октября, когда дума уже капитулировала. Совет рабочих и солдатских депутатов агитационной работой среди рядовых казаков в сочетании с укреплением оборонительных рубежей вокруг Саратова сумел избежать вооруженного столкновения с казаками. В ноябре — декабре 1917 года часть из них отошла к местам стоянок, а часть была отправлена в Оренбург.
- ¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 112, л. 141.
- ²⁰ За власть Советов. Сборник воспоминаний. Саратов, 1957, с. 34.

- ²¹ Антонов-Саратовский В. П. Под стягом пролетарской борьбы, с. 167.
- ²² ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 15, д. 211, л. 24.
- ²³ Музей революции (г. Москва), № 31725/105 КД 11220ДВ.
- ²⁴ См.: Татария в борьбе за победу пролетарской революции (февраль — октябрь 1917 года). Сборник документов и материалов. Казань, 1957, с. 395—397.
- ²⁵ Смирнов А. С. Большевики и крестьянские съезды в июле — октябре 1917 г. — «Вопросы истории КПСС», 1973, № 10, с. 72.
- ²⁶ См.: Серебрякова З. Л. Перевыборы как один из путей большевизации Советов рабочих и солдатских депутатов в период подготовки Октября. — В кн.: «Борьба за победу и укрепление Советской власти», М., 1966, с. 25.
- ²⁷ См.: Писарев А. Октябрьская революция в Н. Новгороде. — В кн.: «Октябрь в Н. Новгороде и губернии». Горький, 1957, с. 147.
- ²⁸ За власть Советов. Ярославль, 1967, с. 378—379.
- ²⁹ Очерки истории Костромской организации КПСС, с. 133.
- ³⁰ См.: Установление Советской власти в Ярославской губернии. Сборник документов и материалов. Ярославль, 1957, с. 233.
- ³¹ См.: Козлов П., Резвый Н. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии. Ярославль, 1957, с. 141—142.
- ³² Журнал «Симбирский рабочий», 1917, 22 октября, № 2, с. 3.
- ³³ См.: «Земля и воля», Симбирск, 1917, 18 октября.
- ³⁴ «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов», Пенза, 1917, 4 ноября.
- ³⁵ См.: Морозов В. Ф. Пензенская большевистская организация в борьбе за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти в губернии. Пенза, 1959, с. 9.
- ³⁶ Кураев В. В. Октябрь в Пензе. Пенза, 1957, с. 36.
- ³⁷ См.: Селунская В. М. Рабочий класс и Октябрь в деревне. М., 1968, с. 48.
- ³⁸ «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов». Пенза, 1917, 3 декабря.
- ³⁹ «Борьба», Пенза, 1917, 30 октября.
- ⁴⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 115.
- ⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 252.
- ⁴² Резолюции и постановления I и II Всероссийских съездов партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918, с. 17.
- ⁴³ См.: Протоколы первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Петроград, 1917, с. 7, 35.
- ⁴⁴ Кураев В. В. Указ. соч., с. 51.
- ⁴⁵ «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов», Пенза, 1917, 9 и 10 декабря.
- ⁴⁶ См.: Морозов В. Ф. Большевик Василий Кураев. Пенза, 1961, с. 47.
- ⁴⁷ С. Петров вступил в РКП(б) в октябре 1918 года (См.: Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов, 1964, с. 495).
- ⁴⁸ «Астраханский вестник», 1917, 27 октября.
- ⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 1, д. 20, л. 12.
- ⁵⁰ «Астраханский листок», 1917, 7 ноября.
- ⁵¹ «Астраханский вестник», 1917, 7 ноября.
- ⁵² «Астраханские ведомости», 1917, 1 ноября.
- ⁵³ См.: «Астраханский рабочий», 1917, 15 ноября.
- ⁵⁴ См.: «Астраханский листок», 1917, 21 ноября.

- ⁵⁵ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 125, л. 2.
- ⁵⁶ Госархив Астраханской области, ф. 2060, оп. 1, д. 11, лл. 2, 3, 5; 11; 13, 14, 16.
- ⁵⁷ «Астраханский вестник», 1917, 21 ноября.
- ⁵⁸ Борьба за власть Советов в Астраханском крае, ч. 1, с. 140.
- ⁵⁹ Борьба за власть Советов в Астраханском крае, ч. 1, с. 139.
- ⁶⁰ Госархив Астраханской области, ф. 2060, оп. 1, д. 5, л. 18.
- ⁶¹ «Астраханский вестник», 1917, 19 декабря.
- ⁶² ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 125, лл. 2, 3.
- ⁶³ См.: Госархив Астраханской области, ф. 2060, оп. 1, д. 11, л. 2.
- ⁶⁴ См.: «Астраханский листок», 1917, 30 декабря.
- ⁶⁵ Госархив Волгоградской области, ф. 497, оп. 4, д. 3, л. 61.
- ⁶⁶ Сысоев П. С. Из истории борьбы за установление Советской власти в Астрахани. Астрахань, 1956, с. 34.
- ⁶⁷ Госархив Астраханской области, ф. 2060, оп. 1, д. 11, л. 26.
- ⁶⁸ Ход борьбы в течение этих дней обстоятельно раскрыт в брошюре П. С. Сысоева «14 суток вооруженной борьбы за установление Советской власти в Астрахани». Астрахань, 1957.
- ⁶⁹ Р. Э. Зирин в годы гражданской войны вступил в РКП(б) и занимал в 1919 году пост председателя Сызранского уездисполкома (См.: Самарская губерния в годы гражданской войны. Документы и материалы. Куйбышев, 1958, с. 258, 262).
- ⁷⁰ Госархив Волгоградской области, оп. 1, д. 2, лл. 256, 257, 258.
- ⁷¹ Госархив Волгоградской области, ф. 2194, оп. 1, д. 16, л. 9.
- ⁷² Там же, ф. 71, оп. 1, д. 2-а, л. 498—499.
- ⁷³ 1917 год в Сталинградской губернии, с. 108—110.
- ⁷⁴ Госархив Ульяновской области, ф. 677, оп. 2, д. 33, л. 102.
- ⁷⁵ Балашовский филиал Госархива Саратовской области, ф. 39, оп. 5, д. 5, л. 108.
- ⁷⁶ Уралъцев А. М. Провозглашение власти Советов в Сенгилее. В кн.: «За власть Советов», Саратов, 1967, с. 256—257.
- ⁷⁷ Второй Всероссийский съезд Советов, с. 401.
- ⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 66.
- ⁷⁹ Протокол беседы В. И. Ленина с делегацией Сердобского Совета был составлен секретарем СНК Н. Горбуновым со слов Ф. Сидякина сразу же, как только ходяки оставили кабинет В. И. Ленина. Текст протокола хранится в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции (ф. 130, оп. 1, д. 30, п. 42).
- ⁸⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 3.
- ⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 235.
- ⁸² Там же, с. 296.
- ⁸³ Там же, с. 111.
- ⁸⁴ Цит. по кн.: Гусев К., Ерицян Х. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968, с. 200.
- ⁸⁵ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы, т. 3. М., 1967, с. 108.
- ⁸⁶ За власть Советов. Саратов, 1957, с. 71.
- ⁸⁷ Речь идет о списке кандидатов в Учредительное собрание от самарских эсеров.
- ⁸⁸ «Земля и воля», Самара, 1917, 19 ноября.
- ⁸⁹ Список № 3 — эсеровский, № 2 — большевистский.
- ⁹⁰ «Волжское слово», Самара, 1917, 23 декабря.
- ⁹¹ Советы в Октябре. Сборник документов. М., 1928, с. 179.
- ⁹² «Солдат, рабочий и крестьянин», Самара, 1918, 27 февраля.

- ⁹³ Герасименко Г., Рашитов Ф. Советы Нижнего Поволжья в Октябрьской революции. Саратов, 1972, с. 161.
- ⁹⁴ «Земля и воля», Самара, 1917, 11 сентября.
- ⁹⁵ Госархив Саратовской области, ф. 506, оп. 2, д. 3, л. 43.
- ⁹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 2, д. 34, л. 9—10.
- ⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 156.
- ⁹⁸ Камышинский филиал Госархива Волгоградской области, ф. 56, д. 11, л. 100.
- ⁹⁹ «Известия Саратовского Совета», 1927, 7 ноября.
- ¹⁰⁰ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 80, л. 291.
- ¹⁰¹ ГАОРС ЛО, ф. 8309, оп. 1, д. 4, л. 2.
- ¹⁰² Госархив Саратовской области, ф. 521, оп. 1, д. 16, л. 10.
- ¹⁰³ ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 2, д. 80, л. 302.
- ¹⁰⁴ Всероссийское Учредительное собрание. Документы и материалы. М.—Л., 1930, с. 182—183.
- ¹⁰⁵ Вновь избранный Совет крестьянских депутатов сразу же принял решение об объединении с Советом рабочих и солдатских депутатов.
- ¹⁰⁶ «Народное дело», Бугуруслан, 1918, 12 июля.
- ¹⁰⁷ «Свободное слово», Бузулук, 1917, 21 и 22 декабря.
- ¹⁰⁸ Октябрь в Поволжье, с. 246—247; «Солдат, рабочий и крестьянин», Самара, 1918, 23 февраля.
- ¹⁰⁹ «Волжское слово», Самара, 1918, 14 февраля.
- ¹¹⁰ Варламов А. И. За Советы в Букеевской орде. — В кн.: «В огне революции». Сборник воспоминаний. Алма-Ата, 1957, с. 83.
- ¹¹¹ Госархив Астраханской области, ф. 477, оп. 3, д. 3, л. 10.
- ¹¹² Госархив Волгоградской области, ф. 55, оп. 5, д. 14, л. 5.
- ¹¹³ Калмыкия в 1917 году входила в состав Астраханской губернии.
- ¹¹⁴ «Наш путь», Пенза, 1918, 19 января.
- ¹¹⁵ См.: Советы в первый год пролетарской диктатуры. М., 1967, с. 139.
- ¹¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 273—274.
- ¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 143.
- ¹¹⁸ Отрица факт перехода крестьян на сторону Советской власти в ноябре 1917 года — феврале 1918 года, правые эсеры и меньшевики в своих мемуарах высказывают просто нелепые вещи. Так, И. Г. Церетели утверждает, что крестьянство в Пензенской и Казанской губерниях «отказывалось принять землю из рук большевистской власти, помимо Учредительного собрания», а потому «большевикам пришлось прибегнуть к принудительным мерам, чтобы заставить изголодавших по земле крестьян взять эту землю по указаниям большевистской власти» (Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции». Кн. первая. Париж, 1963, с. 454). Сам себе противоречит и правый эсер, бывший член Самарского Совета крестьянских депутатов, Е. Е. Лазарев. Он пишет: «Первое послеоктябрьское время крестьяне сознавали, что большевики злоупотребляют своей властью, но активно бороться против них, когда они отбирают землю у помещиков и провозглашают рабоче-крестьянское советское правительство, конечно, не могли». (Лазарев Е. Е. Из переписки с друзьями. Ужгород. 1935, с. 67).
- ¹¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 29.
- ¹²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.
- ¹²¹ См.: «Голос революции», Астрахань, 1917, 16 июля.
- ¹²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 343.
- ¹²³ См.: Госархив Саратовской области, ф. 521, оп. 1, д. 240—248.
- ¹²⁴ См.: Андрианов В. И., Альтшуллер Б. Д., Волков П. М. Союз рабочих и крестьян в первые годы Советской власти. Ярославль, 1958, с. 12.

- ¹²⁵ Ерицяи Х. А. Советы крестьянских депутатов в Октябрьской революции. М., 1960, с. 155.
- ¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 284.
- ¹²⁷ См.: Козлов П., Резвый Н. Борьба за власть Советов в Ярославской губернии, с. 166.
- ¹²⁸ См.: Морозов В. Пензенская большевистская организация в борьбе за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти в губернии. Пенза, 1959, с. 29.
- ¹²⁹ См.: Госархив Саратовской области, ф. 521, оп. 1, д. 202, л. 3.
- ¹³⁰ Блохинцев С. П. Установление Советской власти в Ждамирской волости. В кн.: «За власть Советов», Саратов, 1967, с. 288.
- ¹³¹ См.: Борьба за Советскую власть в Самарской губернии. Куйбышев, 1957, с. 104—105.
- ¹³² Госархив Саратовской области, ф. 521, оп. 1, д. 18, л. 27.
- ¹³³ Шейна Л. Ф. Первый волостной Совет в Самарском уезде.— В кн.: «Октябрь в Самаре», с. 147—248.
- ¹³⁴ Лычев И. Годы борьбы. Куйбышев, 1957, с. 173.

Послесловие (с. 301).

- ¹ «Известия ВЦИК», Москва, 1918, 25 апреля (статья Ю. Стеклова «Сила контрреволюции»).
- ² Чернов В. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953, с. 373.
- ³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 17.
- ⁴ «Наш день», Самара, 1918, 10 сентября.
- ⁵ См.: Буревой К. Распад, 1918—1920. М., 1923, с. 45.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 7.
- ⁷ Журнал «Пролетарий», Москва, 1917, 7 декабря, № 3—4, с. 20.
- ⁸ «Известия Симбирского Совета», 1918, 24 декабря.
- ⁹ «Коммуна», Самара, 1919, 15 января.
- ¹⁰ «Коммунист», Астрахань, 1919, 7 января.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Политические партии и процесс образования Советов в Поволжье	
Организаторы первых Советов	6
Дискуссии о структуре Советов	23
Глава 2. Межпартийная борьба в Советах Поволжья по основным вопросам революции (март — июнь 1917 года)	29
Война или мир?	29
Да здравствует 8-часовой рабочий день!	38
В борьбе за землю	45
«Вся власть Советам!»	63
Соотношение политических сил в Советах в марте — мае 1917 года	81
Переход эсеро-меньшевистских фракций на контрреволюционные позиции	90
Глава 3. Июльские события и их последствия	111
Реакция наступает	111
«Пиррова» победа соглашателей	119
Кризис эсеро-меньшевистских Советов	139
Глава 4. Корниловский заговор и большевизация Советов	147
Массы осуждают мятежников	147
Разброд в стане соглашателей	158
Массы против коалиции	167
Перевыборы Советов рабочих и солдатских депутатов	174
Ослабление эсеровских фракций в Советах крестьянских депутатов	182
Глава 5. Накануне решающих битв за власть Советов	195
Большевики во главе масс	195
Советы Поволжья в предоктябрьские дни	202

Глава 6. Советы Поволжья в борьбе за государственную власть . 225

Дни решающих событий в Самаре, Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Костроме и Ярославле	225
Установление Советской власти в Симбирске, Пензе и Астрахани	243
Утверждение Советской власти в уездных центрах	263
Борьба большевиков за крестьянство	270
Волостные и сельские Советы	290
Послесловие	301
Ссылки	307
О г л а в л е н и е	323

*Григорий Алексеевич Герасименко,
Дмитрий Степанович Точеный*

СОВЕТЫ ПОВОЛЖЬЯ В 1917 ГОДУ

Редактор И. М. Овчарова
Технический редактор Н. И. Добровольская
Корректор Л. Н. Семенова

ИГ72312. Сдано в набор 16.V.1977 г. Подписано к печати
30.XII.1977 г. Формат 60×84^{1/16}. Бум. тип. № 1. Усл.-печ.
л. 18,83(20,5). Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 5000 экз. Заказ 1162.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство Саратовского университета,
Университетская, 42.
Производственное объединение «Полиграфист» Управле-
ния издательств и книжной торговли Саратовского обл-
исполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

*В издательстве
Саратовского университета
в 1978 году выйдут
следующие книги:*

Деятельность КПСС по повышению культурно-технического уровня тружеников села. Под ред. В. Б. Островского. Объем 20 п. л. Тираж 5000. Цена 2 р.

В. С. Горохов. По законам колхозной жизни (из истории развития производительных сил нижеволжской деревни). Объем 9 п. л. Тираж 2500. Цена 90 коп.

История партийных организаций Поволжья. Вып. 8. Под ред. В. Б. Островского. Объем 10 п. л. Тираж 1000. Цена 1 р. 20 коп.

Историографический сборник. Вып. 4(7). Объем 12 п. л. Тираж 1000. Цена 1 р. 20 коп.

В. В. Ратьковский. Диалектика социальной организации развитого социализма. Объем 9 п. л. Тираж 2000. Цена 90 коп.

1 р. 50 к.

СОВЕТЫ ПОВОДЖЬЯ В 1917 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1977